

ОКСАНА ЧЕКМЕНЕВА

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
МОЕЙ ДУШИ

Annotation

В тексте есть: бытовое фэнтези, магия, дети

Десять лет назад моя жизнь круто изменилась. Из леди - в простолюдинки, из любимой дочери - в круглую сироту, из дворца - в хижину на другом конце мира, из подростка - в маму для кучи младших родственников, разом осиротевших, как и я. Зато мы выжили и смогли скрыться от тех, кто уничтожил всю нашу огромную семью.

Прошли годы. Враги давно считают нас погибшими, почти все малыши выросли и учатся в академии магии, а я решила перебраться в столицу, поближе к ним, и открыть здесь целительскую практику в тайной надежде, что судьба подарит мне встречу с добрым вдовцом средних лет, и я получу, наконец, шанс на личное счастье.

Если бы я только знала, кого именно приготовила для меня судьба...

ОДНОТОМНИК. Книга вне серий

-
- [Целительница моей души](#)
 - [ПРОЛОГ. ПОБЕГ](#)
 - [ГЛАВА 1. ПЕРЕЕЗД](#)
 - [ГЛАВА 2. ПАЦИЕНТ](#)
 - [ГЛАВА 3. БУДНИ](#)
 - [ГЛАВА 4. СТУДЕНТЫ](#)
 - [ГЛАВА 5. ОГОРОДНИКИ](#)
 - [ГЛАВА 6. СТИПЕНДИАТЫ](#)
 - [ГЛАВА 7. САД](#)
 - [ГЛАВА 8. ВИЗИТЁР](#)
 - [ГЛАВА 9. ПРЕДЛОЖЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА 10. ПОЦЕЛУЙ](#)
 - [ГЛАВА 11. ЛЕГЕНДА](#)
 - [ГЛАВА 12. ПОРТРЕТ](#)
 - [ГЛАВА 13. МЕНТАЛИСТ](#)
 - [ГЛАВА 14. СЕМЕЙНЫЙ УЖИН](#)

- [ГЛАВА 15. ЗАЛОЖНИЦА](#)
 - [ГЛАВА 16. ПЛАНЫ](#)
 - [ГЛАВА 17. ЗНАКОМСТВО](#)
 - [ГЛАВА 18. В ГОСТЯХ](#)
 - [ГЛАВА 19. СВАДЬБА](#)
 - [ГЛАВА 20. ГОСТИ](#)
 - [ГЛАВА 21. СЕМЬЯ](#)
 - [ГЛАВА 22. БУДУЩЕЕ](#)
 - [ЭПИЛОГ. ВСТРЕЧА](#)
-

Целительница моей души

ПРОЛОГ. ПОБЕГ

Десять лет назад

Я бежала по тускло освещённому коридору на пределе сил. Сердце колотилось как сумасшедшее, дыхание с хрипом вырывалось из груди, босые ноги болезненно бились о каменный пол. Горло сдавливали ручонки Ронтида, висящего на моей спине, словно обезьянка, руки оттягивала годовалая Авалина — и это при том, что прежде мне не приходилось поднимать ничего, тяжелее книги.

Рядом бежали другие дети, а за спиной слышались грохот, крики и взрывы — там гибли наши родные, отдавая свои жизни, чтобы у нас был шанс спастись. Поэтому я продолжала бежать, хотя хотелось упасть и умереть, и будь я одна — так бы и сделала. Но сейчас лишь от меня зависели жизни малышей. Несколько минут назад, вешая мне на шею амулет-активатор портала, его светлость, герцог Аравиуленский, мой прадед, так и сказал:

— С детьми должен пойти кто-то взрослый. Тот, кто сможет их сберечь. Я доверяю их тебе, Меллиндилана, оправдай моё доверие.

И я его оправдаю, хотя знаю, что выбрали именно меня вовсе не потому, что я такая ответственная и взрослая. Я вовсе не взрослая, мне всего пятнадцать, но там, где последним заслоном между нами и убийцами встали старики, женщины и подростки, где на счету каждый боец, я бесполезна. Я — целительница, и в бою от меня толка нет, поэтому я сейчас бегу по подземному переходу к portalу, пытаюсь спастись вместе с малышами, хотя даже моя одиннадцатилетняя сестра Эйтина, огневик, осталась среди последних защитников нашей семьи.

Мне казалось, этот тоннель никогда не кончится. Я не бывала здесь прежде, лаборатория герцога была запретной территорией, он проводил в ней порой опасные эксперименты, поэтому специально устроил под землёй на приличном расстоянии от замка. И именно по этому тоннелю мы сейчас бежали, я и девять самых младших членов нашей семьи. Потому что, изобретённый герцогом межконтинентальный портал мог перенести лишь десять душ, не более.

Раньше он и этого не мог, но последние недели прадедушка пропадал в лаборатории днями и ночами, вливая в портал силы и пытаясь увеличить его мощность, чтобы спасти как можно больше тех, кто оказался в осаждённом поместье. Портал мог сработать лишь раз, второго шанса не было. Мы так надеялись, что у герцога получится, что мы спасёмся все. Но этой ночью меня разбудил прадедушка, вытащив из постели в одной ночной рубашке, надел на шею активатор и поручил спасти детей, потому что нашим врагам всё же удалось пробить защитный купол, удерживающий их последние две недели, и времени у нас не осталось вообще.

Впереди уже виднелась дверь в лабораторию, сейчас широко распахнутая, готовая принять нас в любой момент. Последний рывок — и мы в безопасности. И в этот миг я осознала, что взрывов и грохота за спиной больше нет, лишь топот множества тяжёлых сапог. А это значит, что наших защитников больше нет в живых. Мама, брат и сестрёнка, тёти и двоюродные сёстры, дедушки и бабушки — не осталось никого, они ушли вслед за отцом, старшими братьями, дядями и двоюродными братьями. И от нашей огромной семьи остались лишь мы, десятеро.

Кажется, у меня открылось второе дыхание. Следом за тройняшками — им бежать было легче, без груза, — я буквально ввалилась в лабораторию и застыла посередине пустого — без мебели, — пространства в центре комнаты, пол которой был расписан какими-то кругами, звёздами и прочими знаками, рядом с тройняшками и тележкой с каким-то вещами. В меня практически врезался Аринтул, самый младший из моих братьев, держащий на спине двухлетнюю малышку, и мы застыли, в тревоге глядя на дверной проём.

Перехватив Авалину одной рукой, я вцепилась в болтающийся у меня на шее активатор. Герцог заранее проинструктировал меня как с ним обращаться, на всякий случай, как он сказал. Портал заряжен и готов к эксплуатации, но чтобы произошёл перенос, в него должен попасть активатор, включая его своим появлением, а потом — ровно то количество душ, на которое он настроен, и не важно — взрослые это, младенцы или котята. Как только все окажутся в круге — перенос произойдёт автоматически, без каких-либо дополнительных действий.

Но чтобы перенестись до того, как портал заполнится, нужно нажать на центральный камень. Вот почему я стояла, застыв, с отчаянием глядя в темноту тоннеля — из ярко освещённой лаборатории в нём ничего не было видно, — готовая нажать на камень, если появится кто-то чужой. Я должна спасти доверенных мне малышей любой ценой, даже если эта цена — ещё две жизни. Но ждать я буду до последней секунды.

Двадцать семь ударов бешено колотящегося сердца — и из тоннеля показалась Веллита, прижимая к груди младшего брата, шатаясь, пробежала последние метры и буквально упала в круг у моих ног. В тот же миг вокруг нас поднялась радужная завеса, но я ещё успела увидеть мужчин в коричневом, врывающихся в лабораторию. Несколько секунд головокружения, когда из последних сил держишься на ногах, потому что падать просто некуда, и радужная стена опала. И я всё же опустилась на траву, которая теперь была у нас под ногами вместо каменных плит пола.

Ронтид разжал ручонки, сползая с моей спины, и дышать сразу стало легче. Я тоже разжала онемевшую руку, опуская на траву Авалину, и осмотрелась. Мы находились на опушке леса, стоящего стеной вдоль дороги, с другой стороны от неё было поле с какими-то зелёными растениями, и это не трава, что-то было посажено специально, но я в этом не разбиралась. Солнце стояло высоко, а ведь у нас дома была глубокая ночь. Мы и правда на другой стороне мира, нас здесь никогда не найдут, у герцога получилось!

Было тепло, и это радовало — мы все оказались здесь, в чем спали, даже ноги сунуть в туфли было некогда. И небо ясное, с лёгкими облачками, страшно представить, что было бы, лей здесь дождь.

Возле меня лежала Велитта, все ещё пытаюсь отдышаться, но при этом продолжая крепко прижимать к себе братишку, который недовольно хныкал и пытался выползти из её объятий. Бедняжка, каково же ей пришлось. Это крестьянские дети с малолетства таскают младших братьев и сестёр на руках, им привычно, а Велитта ещё и сама по себе была хрупкая и изящная, как феечка, и в свои восемь выглядела не старше крепеньких шестилетних тройняшек, для неё десятимесячный упитанный младенец — непосильная ноша. Но

донесла, спасла, не бросила. Несмотря на хрупкое тело, воля у сестрёнки была железная.

— Тут одежда! — послышался радостный голос одного из близнецов, и, обернувшись, я обнаружила, что вся троица увлечённо роется в узлах, наваленных на двухколёсную тележку, которая находилась в порталном круге и перенеслась вместе с нами.

Тогда я едва обратила на неё внимание, мало ли, что могло захламлять лабораторию, но теперь поняла — не могло в порталном круге находиться что-то случайное.

— И еда есть! — подхватил второй близнец, со спины я их не различала.

Вообще-то, тройняшки не были настоящими тройняшками, просто близнецы родились всего на восемь дней раньше своей двоюродной племянницы Льюэллы, и с самого рождения у них всё было общее — детская, кормилицы, игрушки, учителя, игры и проказы. Даже магия проснулась похожая! Да ещё и внешне все трое были как на подбор — крепенькие, темноволосые, кареглазые, — и в шутку сказанное кем-то «тройняшки», прилипло к ним навечно.

— Дай! — оказывается, трёхлетний Ронтид тоже к ним присоединился, только дотянуться до содержимого тележки не мог, вот и стоял теперь рядом, протягивая ручки.

— Держи, — Льюэлла протянула Ронтиду яблоко, потом обернулась ко мне, — Тут есть ещё письмо тебе.

Я с трудом поднялась и подошла, чтобы взять большой запечатанный конверт с моим именем, написанным твёрдой рукой герцога, но сразу вскрывать не стала, заинтересовалась содержимым узлов, корзины и сундучка, лежащих в тележке.

В узлах и правда оказалась одежда. И даже вроде как наша, но... Дорогая кружевная отделка была срезана, серебряные пуговицы заменены на простые, медные. Сами вещи выглядели потрёпанными, кое-где даже подштопанными, все метки тоже были удалены. Обувь со снятыми пряжками была поцарапана, словно её специально об кирпичную стену тёрли. А может, и правда тёрли?

— Это чтобы казалось, что одежда за богатыми донашивается, — Аринтул тоже подошёл и стоял рядом, разглядывая то, что я перебирала. — А этот плащ я у поварёнка видел.

— Дедушка говорил, что мы должны будем скрываться, чтобы нас убийцы не нашли, — серьёзно сказал Невард, натягивая на себя потёртый сюртучок — теперь, видя лицо, я могла опознать старшего из близнецов,

— Мы будем притворяться крестьянами, да? — уточнил Севард, его брат.

— Да, — вздохнула я. — Так безопаснее.

Мы оделись и одели малышей — впервые в жизни я меняла описанные пелёнки и, наверное, сделала всё неправильно, но что поделать, хорошо, что они вообще у нас были. В корзине нашёлся хлеб, сыр, кусок окорока, варёные яйца и яблоки, а в сундучке — кувшин с молоком и две бутылочки с сосками — с ним же. А так же кое-какая глиняная посуда, железные столовые приборы, простое мыло и пара полотенец.

Я раздала всем, кроме малышей, по куску хлеба, сыра и по половинке яблока, малышам отдала бутылочки, решив приберечь для них остальное молоко — на кувшине и корзине с продуктами чувствовалось заклинивание стазиса, — сама ограничилась водой из родничка, который вызвал для нас Аринтул. Я решила экономить продукты, не представляя, надолго ли их хватит, и когда я смогу раздобыть для нас ещё еды, потому что, насколько хватало глаз, человеческого жилья видно не было.

После перекуса трое младших уснули, почти не капризничая — несмотря на то, что здесь был день, у нас-то сейчас ночь, — и были уложены на узлы в тележке с тайной надеждой, что если и обмочат их, то не насквозь. Велитта задремала прямо на траве, положив голову мне на колени, неугомонные тройняшки отправились исследовать окрестности, пообещав находиться в поле моего зрения, а Ронтид утопал вслед за ними. Мы же с Аринтулом уселись возле тележки, чтобы решить, что делать дальше.

— Может, сначала дедушкино письмо прочтёшь? — предложил брат, глядя на меня серьёзными, какими-то очень взрослыми глазами, которых просто не должно быть у девятилетнего ребёнка.

Нас у родителей было шестеро, теперь осталось только двое, и Аринтул, самый младший, обожаемый и слегка балованный всеми, считался малышом. А тут вдруг, в одночасье, стал старшим мужчиной в том, что осталось от когда-то огромной семьи. Четыре поколения

потомков герцога жило в поместье, шестьдесят четыре человека, а осталось лишь десять. Мы. А ведь погибли не только те, кто жил в поместье, их было намного, намного больше!

Я стала вскрывать конверт и услышала:

— Ронтид теперь король, да?

— Нет, — сглотнув комок в горле, покачала я головой. — Но если бы не отречение — именно он был бы первым претендентом на престол. Только об этом никто не должен знать, даже он сам.

Это и было причиной того, почему мы теперь должны скрываться от тех, кто будет землю рыть, чтобы найти и уничтожить нас — тех, кто своим существованием угрожает узурпатору в его притязаниях на трон.

Всё началось около двух месяцев назад. В нашу страну неожиданно, без объявления войны, вторглись войска Тропорлайвистава, короля Кравении, которая была в несколько раз крупнее нашей Марендонии и легко сломала оборону наших войск — наша армия была просто не готова к подобному, не ожидая предательства от того, кто считался верным союзником. Под угрозой уничтожения своих подданных — а Тропорлайвистав грозил в случае отказа вырезать не только армию, но и всю аристократию под корень, простолюдинам же готов был оставить жизнь, чтобы превратить в рабов, — наш король подписал капитуляцию и отречение от престола в пользу узурпатора.

Казалось, что всё закончилось «малой кровью» — да, теперь у нас был другой король, но как бы тоже не совсем со стороны, его прабабка была нашей принцессой, причём старшей дочерью в семье, на это и напирал Тропорлайвистав, заявляя о праве на трон, хотя право у него было по сути, одно — право сильнейшего. Королевская семья, а так же те аристократы, кто вступил в армию, в том числе и мужчины нашей семьи, находились во дворце под «домашним арестом», но их обещали вскоре отпустить по домам, как уже отпустили рядовых воинов и представителей низшей аристократии.

Да, в смене власти ничего хорошего не было, но мы считали, что конкретно для нашей семьи ничего не изменится, и ждали возвращения своих мужчин домой, чтобы забыть случившееся, как страшный сон. Мы и подумать не могли, какую страшную подлость готовил узурпатор. Усыпив бдительность жителей нашей страны тем,

что власть сменилась практически бескровно — конечно, сколько-то человек погибло в самых первых боях, но по сравнению с тем, что могло бы случиться, стань война полномасштабной, и защищайся наши войска до последнего, всё и правда прошло почти мирно, — однажды ночью солдаты Кравении просто вырезали всех тех, в ком текла хотя бы капля королевской крови. Кроме нас.

Весь месяц после воцарения на престоле, Тропорлайвистав, видимо — я могу лишь предполагать, но какие ещё могут быть варианты? — тщательным образом изучил фамильное древо королевской семьи, учтя даже самых дальних родственников, а потом ударил по всем одновременно, приказав уничтожать даже младенцев и старух, которые уж точно не смогли бы родить потенциального претендента на престол.

Нас спасли две случайности, которые просчитать и предвидеть он не мог. Первое — сильнейший ливень, размывший дороги, помешал войскам, направленным в наше отдалённое поместье, успеть вовремя и ударить одновременно с теми, кто был послан к другим ветвям королевского рода. И второе — той ночью брат моего деда, мучимый бессонницей, разговаривал по переговорному амулету с одним из наших родственников в тот самый момент, когда поместье этого родственника подверглось нападению.

Поэтому мы были предупреждены, а опоздавших на час убийц встретил активированный охранный купол, который выгадал для нас почти две недели и дал возможность герцогу максимально усилить свой экспериментальный межконтинентальный портал. Делать более близкие порталы, требующие гораздо меньше магических вливаний, чтобы попытаться спастись всем, не имело смысла — такие порталы легко отследить, нас всех просто выловили бы и убили, и даже если бы не узнали по внешности и не вычислили по силе магии — а у членов королевской семьи она всегда была выше, чем у остальных магов, — то артефактов, определяющих королевскую кровь, ещё никто не отменял.

И пусть она сильно разбавлена — герцог был младшим братом деда нынешнего, то есть, уже бывшего короля, сорок седьмым претендентом на престол, но даже в нашей семье узурпатор увидел для себя угрозу. Впрочем, уничтожил он и ещё более дальнюю родню отрёкшегося короля. Вот поэтому мы должны скрываться максимально

далеко — а где мы, кстати? — и выдавать себя за простолюдинов. Если нас найдут люди Тропорлайвистава — уничтожат всех.

— Меллина, что он пишет? — Аринтул попытался заглянуть во вскрытый конверт, который я так и держала, задумавшись. Вынув исписанный лист, я развернула его так, чтобы братишка тоже мог читать — от него, теперь моего главного помощника и союзника, тайн у меня не было.

«Дорогая Меллиндилана.

Если ты читаешь именно это письмо, значит, мне удалось настроить портал только на вас десятерых. Мне тяжело осознавать, что не получилось спасти остальных, и что приходится взваливать эту непосильную ношу именно на тебя, но ты сама понимаешь — другого выхода просто не было.

Сейчас вы находитесь в юго-восточной части Лурендии, практически на границе с Вертавией. В трёх километрах на восток, если идти по дороге, находится довольно большое село Пригорное, дальше него только горы и граница. Поэтому здесь не бывает случайных путников, только местные жители — идеальное место, чтобы вам укрыться.

Меллиндилана, ты целитель, и в этом ваше спасение. В этой части страны маги-целители очень редки и живут лишь в городах, поэтому твоё появление станет даром для местных жителей, потому и относиться к тебе будут с уважением, уверен, они не захотят тебя терять, потому сделают всё, чтобы ты у них прижилась.

Ваша легенда: ты — вдова, четверо младших — твои дети, старшие — племянники, дети брата. Вы из Вертавии, это объяснит ваш акцент и то, что младшие дети не знают местного языка».

— Какой акцент? — даже обиделась я. — Учитель всегда меня хвалил именно за произношение!

— И у нас с Веллитой по лурендийскому всегда был высший балл, — брат тоже оскорбился.

Лурендия — самое большое королевство нашего мира, лурендийский язык, вместе с ещё тремя, в том числе и кравенийским, будь он неладен, входил в обязательный образовательный минимум юных аристократов. И первым изучался именно лурендийский, даже

тройняшки на нём худо-бедно, но объясниться могли. Это большой плюс, попади мы в любую из оставшихся двенадцати стран — изъяснялись бы с местными жителями с помощью жестов. И слова герцога про акцент — это было обидно.

— Ладно, дедушка зря ничего не напишет, значит, так надо, — вздохнула я и продолжила читать:

«Несколько месяцев назад, в Вертави, неподалёку от этого места, с гор сошёл сель, было много погибших. По легенде — твой муж, брат, его жена и другие родственники были в их числе, поэтому ты взяла к себе осиротевших племянников. Чуть позже местный лорд положил на тебя глаз и планировал сделать своей любовницей, но его жена велела тебе убираться подобру-поздорову, пригрозив извести и тебя, и детей. От греха подальше, ты собрала, что успела, и перебралась через границу — у того лорда уже три любовницы «случайно» умерли, и ты не захотела быть четвёртой.

Магию, как свою, так и детей, объяснишь тем, что твоя бабка в молодости работала в городе горничной у тамошней знатной леди, а вернулась с животом. Никто имя той леди не знает, но видимо, очень знатная была, раз и у твоей матери, и у вас с братом, и у племянников сильная магия проснулась».

— А что значит «вернулась с животом»? — нахмурился Аринтул.

— Ну-у... — я потёрла переносицу, думая, как это объяснить братишке. Будучи целительницей, о размножении я знала гораздо больше, чем положено незамужней леди, но в подобной ситуации прежде не оказывалась. — Это значит, что у неё был роман или с мужем этой леди, или с её сыном, и потом родился незаконный ребёнок.

— Это бастард, да? Как поварихин сын? Я слышал, как лакеи говорили, что она спала с мельником, а он на другой женился.

— Да, — кивнула я, начиная понимать, что не такой уж мой братишка наивный малыш, как мне казалось, и вновь взялась за письмо.

«Оставайтесь в этой деревне не меньше десяти лет. После этого можете перебраться в какой-нибудь город, где ты откроешь свою практику, а дети смогут учиться. Нужные документы находятся в потайном отделении сундука, которое не сможет

открыть никто, кроме тебя. Капни своей кровью на металлическую пластину выше замка — и всё увидишь.

Тройняшки вас прокормят. Пусть их магия только проснулась, но её уже достаточно, чтобы обеспечить всех вас овощами и зерновыми, только раздобудь им семена. Твой дар даст вам крышу над головой и одежду. Уверен, магия Аринтулиманда и Веллутриксуны тоже найдёт себе применение. Поэтому, пока живёшь в деревне — трать только мелкие деньги, и то — очень аккуратно, только на самое необходимое, а золото и банковские билеты оставь для города, в Лурендии они действительно.

Я верю в тебя, Меллиндилана. Знаю, ты сбережёшь детей, и горжусь тобой. Прощай. Моя любовь всегда будет со всеми вами.

Твой дедушка, герцог Аравиуленский».

Осторожно переложив голову Веллиты с колен на траву — она даже не проснулась, так умаялась, — я аккуратно достала сундучок из тележки. Он выглядел совсем старым, металлические части проржавели, и я поранила палец об острый угол. Крохотной капельки крови хватило, чтобы сбоку выдвинулось потайное отделение — сундук имел двойное дно. Я увидела несколько полотняных мешочков разного размера и большую папку.

Открыв её, обнаружила другую папку, точнее — просто согнутую пополам картонку, под ней — несколько писем с нашими именами, небольшую стопку банковских билетов на предъявителя, а ещё ниже — документы. Наши настоящие свидетельства о рождении — подписанные герцогом, заверенные королевским нотариусом, с каплями крови новорожденного и его родителей в уголке. По этим каплям всегда можно определить настоящего владельца документа, то есть, при желании, мы всегда смогли бы доказать наши личности.

Возможно, когда-нибудь, это нам пригодится. Мало ли, вдруг мор нападёт на Тропорлайвистава, всю его семью и армию. Тогда мы смогли бы посадить Ронтида на трон. Но пока узурпатор жив и силен — эти документы будут надёжно спрятаны.

А вот в картонной папке оказались другие документы, на вертавийском языке — свидетельство о рождении двадцать лет назад некоей Дины Гонт, выписка из храмовой книги о её свадьбе с Фером Троп четыре года назад, свидетельства о смерти Фера Троп, Сила Гонт

и Неды Гонт три месяца назад. Дальше лежали свидетельства о рождении Рина Гонт, Велы Гонт, тройняшек Сева, Нева и Льюлы Гонт, рождённых у Сила и Неды Гонт, а также Ронта, Ланы, Авы и Бейла Троп, причём последние двое тоже были близнецами. Их родителями были Дина и Фер Троп.

— Это кто? — брат растерянно перебирал документы — написанные на простой бумаге, без вензелей и водяных знаков, каплей крови и нотариальных заверений. Подпись местного старосты на каждом, плюс священника на свидетельствах о браке и повитухи — о рождении.

— Это мы, — вздохнула я.

— С такими короткими именами? — на брата было жалко смотреть. Даже потрёпанная одежда не оказала на него такого впечатления, как эти усечённые имена, показывающие, на какой именно ступени социальной лестницы мы теперь находимся. На самой нижней!

И в нашей Марендонии, и в соседней Кравении к именам, а точнее — к их размеру, относились очень трепетно. Высшая знать носила имена, состоящие минимум из пяти слогов, остальные дворяне — из четырёх, средний класс — из трёх, низший — двусложные у женщин, односложные у мужчин. И за соблюдением этого правила следили очень строго, имя сразу говорило о социальном статусе владельца больше, чем внешность, одежда или драгоценности.

Конечно, внутри семьи мы пользовались именами, сокращёнными до трёх слогов. Но все окружающие — слуги, учителя, соседи, или даже мы сами в официальной обстановке, как герцог в письме ко мне, — использовали только полные имена.

Поэтому контраст между нашими настоящими именами и односложными из документов был очень заметен. И болезнен. словно с полководца сорвали знаки отличия.

— Зато запомнить будет проще, — попыталась я хоть как-то подбодрить братишку. — Ты заметил, дедушка взял первые слоги от наших настоящих имён. Только у меня почему-то наоборот — последние, и то не подряд. А ты знал, что в Лурендии вообще нет никого с длинными именами?

— Правда? — Аринтул, то есть, теперь уже Рин, нужно привыкать к новым именам, удивлённо поднял на меня глаза.

— Здесь даже у короля двусложное имя, — кивнула я. Вспомнила, как это меня удивило на уроке географии, для меня подобное было дикостью, но так оно и было — вся местная знать, от короля до мелкопоместных дворян, носила двух-трёхсложные имена, в зависимости от пола, все простолюдины — одно-двухсложные, и мы теперь относимся к последним.

— Я привыкну, — кивнул братишка. — Лучше жить с коротким именем, чем умереть с длинным.

И я снова подумала о том, как же быстро пришлось ему повзрослеть.

— Давай посмотрим, что в мешочках, — предложила я, чтобы немного отвлечь его.

В мешочках оказались драгоценности — кое-какие фамильные и личные, не все, для всех не то что потайного ящика, всего сундучка не хватило бы. В один из мешочков была вложена записка с планом тайника и инструкцией, как именно его открыть — снова каплей крови, моей или Ронтида. Сможем мы за ними прийти или нет — захватчикам они не достанутся в любом случае. Было ещё несколько мешочков с золотыми и серебряными монетами, и ещё один — потёртый, и не бархатный, а суконный — с медяками, среди которых затерялось несколько серебряшек.

Вынув этот, последний, а также картонную папку, я задвинула ящичек, решив оставить письма на потом. Если бы их нужно было прочесть сразу, герцог указал бы это в своём письме или оставил их на виду. Скорее всего, это были прощальные письма детям от матерей. Письмо герцога я, кстати, тоже спрятала в тайник.

— Смотрите! Смотрите, что мы нашли! — раздалось у нас за спиной, когда мы с Рином запикивали сундучок обратно в тележку, стараясь не потревожить при этом спящих малышей.

Оглянувшись, я увидела медленно приближающихся к нам тройняшек с малышом Ронтидом, то есть, Ронтом, семенящим рядом, держась за юбку Льюлы. Я почувствовала вину, что, занятая письмом и тайником, выпустила их из поля зрения, и порадовалась, что с ребятами ничего не случилось.

Сами же тройняшки волокли что-то круглое и зелёное в чём-то, напоминающем сетку. Им явно было тяжело, но они упорно волокли

это что-то к нам. Кинувшись на помощь, я обнаружила в сетке, словно сплетённой из стеблей, арбуз. Самый настоящий, огромный арбуз.

— Там поле с арбузами, — пыхтя, пояснил Сев — я решила даже думать о детях по-новому. — За полем с рожью.

Так вот как эти растения называется! Мне даже неловко стало — тройняшки знают, а я нет. Но они — маги растений, у них и занятия совсем другие были.

— Прямо на земле, не в теплице! — восхитился Нев. — Только они ещё ма-аленькие, с кулачок. А мы вырастили!

— А я сетку сделала, — похвалилась Льюла. — Крепкая получилась, не рвётся.

Да, вот так странно сочеталась их магия. Близнецы могли выращивать растения, за несколько минут превратить семя в цветок, дерево или спелый овощ, но ничего изменить в нём не могли. Зато Льюла могла, меняла и цвет, и форму, и качества — но сама ничего вырастить быстрее, чем заложено природой, не могла. Зато втроём они совершали настоящие чудеса.

Мы разбудили Велу и уселись есть редкое лакомство. В нашем климате арбузы на открытом воздухе не росли, точнее — не вызревали. Тут либо теплицы делать, либо магу постараться, либо привозить издалека. В любом случае — удовольствие дорогое, и даже в семье герцога — не частое и сезонное, а для простых людей вообще недоступное. А здесь они просто в поле растут, подумать только!

Я рассказала детям нашу легенду — кому я теперь мама, а кому тётя, — и назвала наши новые имена. Старшие отнеслись ко всему на удивление серьёзно, даже шестилетки понимали, что такое смерть, и что случилось этой ночью с нашими близкими. А малыш Ронт понял лишь, что мы прячемся от страшилищ, и теперь наши имена звучат короче, а я теперь понарошку буду его мамой. Этого было достаточно. Младшие вообще ещё говорить не умели, даже двухлетняя Лана лопотала что-то на своём, детском, малопонятном, не проболтаются.

Когда арбуз был съеден почти весь, я впряглась в специальные постромки и покатила тележку на восток, ребяташки старались помочь, подталкивая её сзади, но в целом мне было не тяжело. Неказистая с виду, тележка была тщательно смазана и имела очень лёгкий ход, и это было в сто раз лучше, чем тащить на себе и малышей, и вещи. Наши родственники продумали всё.

Пройдя около километра, точнее — примерно две тысячи шагов, которые Рин и Вела считали вслух, причём на Лурендийском, мы обнаружили пасущуюся возле леса лошадь под седлом, а подойдя ближе — мужчину средних лет, лежащего на дороге без сознания со странно вывернутой, окровавленной ногой и кровью в волосах. Оставив детей и повозку в сторонке, я осторожно приблизилась, взяла мужчину за руку и провела диагностику.

О-ёй! Вот не повезло бедняге! Открытый перелом бедра, да такой нехороший. Кожа на голове рассечена, сотрясение, но это не так страшно, на всякие ссадины-ушибы можно внимания не обращать, а вот нога — тут придётся попотеть.

Я начала вливать в мужчину силу, уже зная, что она сама побежит туда, куда нужно, срстит, залатает, обеззаразит, заодно и обезболит, а то если он очнётся, когда кости будут на место вставать — мало не покажется.

В процессе лечения уселась на землю — слишком много сил такие серьёзные травмы забирают. Но зато нога на глазах выправлялась, в нужное положение вставала — руками этого лучше не делать, а то сильнее навредить можно, а сила сама оптимальный вариант найдёт и применит. Ещё немного — и кости срослись, а за ними и рассечённые мышцы и кожа. Удовлетворённо выдохнув, я оглянулась, чтобы на голову посмотреть, как там всё заросло, и увидела широко раскрытые глаза, глядящие на меня не просто с удивлением, а с настоящим благоговением.

— Кто ты, девонька? — выдохнул он, поймав мой взгляд.

— Вдова я, Дина Троп, — ответила ему. — Приюта с детками ищем.

— Говор-то не наш, — чуть прищурился мужчина.

— Из Вертавии мы, — похоже, зря меня учитель так хвалил, прав был герцог, за местную не сошла бы. — Мужа селом завалило, слышали, может, да брата с женой — племянников тоже себе взяла, всё ж родная кровь.

И я выложила мужчине дедушкину версию. Он слушал внимательно, сочувственно кивая. Потом поднялся и подал руку мне. Встала, слегка покачиваясь — много сил отдала, очень много.

— Сама Богиня-Мать тебя к нам послала, девонька, почитай, жизнь мне спасла. Я в соседнее село ехал по делам, меня б домашние

до завтра не хватились, а по этой дороге мало кто ездит. А лошадь, чтоб этой заразе всю жизнь плуг таскать, птаху какую-то испугалась, меня сбросила. Уж сколько я за жизнь свою с лошади падал, всё удачно как-то обходилось, а тут — на тебе! Да видать решила Богиня-Мать, что рано мне уходить, тебя послала. Оставайся у нас, девонька, село у нас большое, да на отшибе стоит, тут тебя барынька твоя ни в жисть не найдёт. А то у нас весной знахарка померла, она и повитухой была, так что бедствуем теперь. Она так-то старая была, подслеповатая уже, да хоть скомандовать бабам могла, подсказать чего — знаний-то много за жизнь накопила. А теперь и нету. Мы тебя в её хатку поселим. Баб своих пригоню, приберут там, козу тебе дам — живи!

— Ой, козу-то зачем? — растерялась я, сумев вставить слово в монолог мужчины, много слов из которого я только по смыслу понимала. — А вы кто?

Мужчина, который как раз отловил свою лошадь — она, собственно, и не убегала, стояла рядом, щипала траву, — и начал прилаживать к седлу оглобли моей тележки, притормозил и попытался пригладить стоящие дыбом, слипшиеся от крови волосы.

— Я-то? Рул Бронк я, староста местный. Но ты зови дядько Рул, меня все так кличут. А коза? Детки у тебя малые, — он кивнул на тележку, в которой продолжали безмятежно спать двое младших, только Лана проснулась и с любопытством рассматривала лошадиный хвост, отмахивающийся от мух. — Молоко им нужно.

— Но коза — это же дорого, — растерялась я от неожиданного подарка. Как-то это было слишком хорошо,стораживающе.

— Не дороже жизни. Даже найди меня быстро — это ж в город к целителю везти, почитай, сотня километров с лишком. Довезли б живым — не знаю, да только маг тот за приём три серебрушки берёт, это ж корову купить можно! А как уж вылечил бы — не знаю. А ты чудо сотворила, я ж знаю, что со мной приключилось, не сразу сознание-то потерял. Уже и с жизнью распрощаться успел. А теперь вот — как новенький, — дядко Рул притопнул сломанной ногой, потом взял лошадь под уздцы и зашагал на восток. — Так что, коза — это ерунда, я тебе теперь по гроб жизни обязан. Пошли, девонька, посмотришь жильё своё новое. Дом-то хоть и маленький — много ли одинокой старухе надо? — да крепкий. Крышу в третьем году перекрыли, бабы каждый год обмазывали да белили, огород, опять же,

вскопанный. Берегли мы Лунду нашу, она ж, почитай, всех нас на руки свои из мамок-то приняла, да от старости-то разве сбережёшь? Мы и тебя доглядим, и деток твоих. Нам целительница страсть как нужна...

Под бодрую речь старосты я подхватила Ронта на руки и усадила в тележку, потом помогла забраться Веле — раз уж не мне теперь тележку тащить, пусть едут. Неугомонные тройняшки убежали вперёд — и откуда у них силы берутся? Ободряюще улыбнувшись братишке, я уцепилась за край тележки — сказывалась слабость после лечения, — и пошла вперёд, в нашу новую жизнь.

Я оправдаю твоё доверие, дедушка.

ГЛАВА 1. ПЕРЕЕЗД

Настоящее. День первый. Понедельник

— Это и есть наш новый дом? — Ава застыла на тротуаре, осматривая строение, возле которого остановилась наёмная карета. — Какой огромный!

— А у нас правда будет у каждого своя кровать? — Лана выглядела не менее зачарованной, глядя на дом, а у меня комок застрял в горле.

Небольшой двухэтажный домик с магазинчиком на первом этаже, зажатый между такими же на улице, где селился средний класс, казался настоящим дворцом тем, чья сознательная жизнь прошла в домишке с двумя комнатами, в которых приходилось ютиться вдесятером, не имея даже собственной кровати, деля её с кем-то. А ведь когда-то у этих малышей была детская, раза в полтора больше, чем весь этот дом. Но ту жизнь не помнит даже тринадцатилетний Ронд, старший из оставшихся со мной четверых ребятишек.

Мы прожили в Пригорном селе десять лет, как и велел мне герцог. Но больше не было смысла там оставаться — я только что отвезла в магическую академию тройняшек, а без их магии в деревне нам делать было нечего. И раз уж вышел срок, назначенный дедушкой для того, чтобы о нас забыли, посчитав погибшими, я решила перебраться с оставшимися при мне детьми в Винторп, столицу Лурендии, неподалёку от которой и располагалась магическая академия. Теперь старшие дети смогут навещать нас чаще, чем раз в год, на летних каникулах, потому что дорога от Винторпа до Пригорного села занимала больше недели.

И вот почему мы стоим сейчас перед домом, который я купила, когда приезжала с тройняшками, сдававшими вступительные экзамены, чтобы оплатить первый семестр. Золото из тайника я достала ещё три года назад, когда в академию поступал Рин, тогда же и открыла счёт в банке. Денег хватило бы, чтобы выучить всех детей, оплатив обучение полностью, но по итогам первого семестра оплату обучения лучших учеников брала на себя корона, и Рин с Велой уже были в числе стипендиатов. Я не сомневалась, что тройняшки тоже

окажутся среди лучших — все члены королевской семьи, даже дальние ветви, были очень сильными магами.

А раз уже половина нашей семьи теперь обосновалась в Винторпе — пусть даже и в академии, — то был смысл и нам перебраться именно сюда. У меня уже была выправлена лицензия на занятие целительством, всё официально, налоги я тоже платить буду, но учитывая, что здесь народ будет платить за лечение звонкой монетой, а не лукошком яиц или отрезом домотканого полотна, доход мой вырастет в разы, с такого и налог заплатить не жаль. Нет, всё равно жалко, конечно, но оставшегося вполне хватит на безбедную жизнь.

Дети со мной согласились. Им тоже хотелось жить в столице и быть поближе к старшим. Да и учителей я им здесь смогу найти, а то самоучки ведь, магию свою «на ощупь» осваивают. Тут даже была школа для таких вот, магически одарённых детей, чьи родители не могли позволить себе частных учителей. Я-то могла, но деньгами лучше лишний раз не светить, хватит того, что я дом оплатила наличными, без банковского кредита. Но банки хранили личные дела клиентов в секрете, а частные учителя, посещающий дом простой целительницы — это уже подозрительно.

А второй причиной переезда, которую я никому не озвучила, было то, что хотелось и для себя какой-то личной жизни. Мне уже двадцать пять, и не случись в нашем королевстве переворота, останься жива наша семья — я бы уже лет семь-восемь как была замужем, растила бы своих собственных детей и знала бы, что такое ласки мужа не только по романам, которые когда-то тайком таскала из запретной части библиотеки.

Нет, шанс узнать о мужских ласках на собственном опыте у меня был — ухажёров хватало и в деревне. Да только предлагали мне не честный брак, а тайные встречи на сеновале, какой же парень захочет вешать на себя кучу чужой ребятни? А любовницей я быть отказывалась. Да, сейчас я простолюдинка, давно с этим смирилась, но кто я такая — помнила. И всё равно считала, что не дело это — леди, троюродной племяннице короля, пусть и свергнутого, с мужиками на сеновале обжиматься. Честный брак — ещё можно было бы принять, если бы человек понравился и к малышам моим добрым был, а так — до свидания.

Несколько раз самым настырным пригрозить пришлось, что отсушу самое важное, да и сыновья дядьки Рула самых приставучих ухажёров кулаками вразумляли. Эта семья взяла нас под своё крыло и, по сути, спасла. Не представляю, что бы мы без них делали, как бы выживали.

— Мам, пошли уже! — Бейл топтался возле меня со стопкой книг в руках. Книги — одно из того небольшого, что мы забрали с собой из прежней жизни, которую уже второй раз круто меняли.

И пусть теперешняя наша «библиотека», состоявшая из приключенческих романов, купленных во время поездок в Бетелл — ближайший к нашему селу город, — и учебников по магии, которые я смогла отыскать там же, насчитывала всего восемнадцать томов, но дети этими книгами очень дорожили. Я вспомнила огромную, двухэтажную библиотеку в замке герцога, вздохнула и пообещала себе обязательно разыскать где-нибудь поблизости букинистическую лавку и регулярно пополнять нашу «библиотеку».

— Пошли, — кивнула я и, подхватив саквояж, подошла к передней двери и открыла её выданным мне ключом.

Прежде здесь был обувной магазин, где обувь и шили на заказ, и продавали уже готовую, что для меня было удачей — сам торговый зал был совсем небольшим, зато позади него располагались склад и мастерская, а значит, были достаточно укромные помещения для лечения больных, а торговый зал станет местом для ожидающих лечения, так называемой приёмной. Если бы здесь раньше был какой-нибудь хозяйственный магазин или кафе, вроде тех, что находились по соседству, на приёмную ушло бы слишком много полезной территории, пришлось бы строить перегородки — а это не только деньги, но и время.

Сейчас же достаточно было расставить мебель — на первое время для приёмной хватит нескольких стульев, вряд ли ко мне народ сразу толпой повалит, — на небольшое витринное окно повесить штору или частично загородить его от любопытных глаз ширмой, а в мастерской остался отличный стол, на который можно класть пациентов. Постепенно мы здесь всё обживём и приведём в должный вид, а пока хватит и того, что уже есть.

Ребятишки, подхватив кто что, гуськом просочились вслед за мной в будущую приёмную, следом влетели остальные наши вещи,

включая корзину с кроликами и клетку с пятью несушками, кошка зашла сама — очень удобно, когда одна из твоих девочек телекинетик, а другая управляет животными. Так же гуськом мы прошли по коридорчику мимо мастерской и кладовой, едва бросив на них взгляд — потом всё рассмотрим. Затем вошли в кухню, через заднюю дверь полюбовались на крохотный, заросший бурьяном дворик с одной старой яблоней — ничего, тройняшки, во время первого же увольнения, здесь быстро порядок наведут, — оставили животных, корзины с посудой и прочий хозяйственный инвентарь здесь же, а потом, друг за другом, пошли по узкой лестнице на второй этаж.

— Вот эта спальня — моя, она самая маленькая, — указала я на одну из дверей. — Вот эта — самая большая, мальчики, она ваша. Девочки, выбирайте себе каждая любую из тех двух. А вот здесь — то, что я вам обещала.

— Ванная? — восхищённо воскликнула Лана, слушавшая мои рассказы об этом чуде, словно сказку.

— А почему нам комната на двоих, а девочкам отдельные? — ревниво надулся Бейл.

— Потому что, во время увольнительных и каникул старшие девочки будут жить с ними, — пояснила я младшему сынишке.

— А парни? — нахмурился Ронт.

— Им придётся спать на чердаке. Надеюсь, к зиме получится его утеплить и раздобыть обогревающий артефакт. Если не успеем — поспят на раскладных кроватях внизу. Отнесите вещи в свои комнаты и идёйте, я покажу вам ванную.

Вселение не заняло много времени — вещей у нас действительно было мало. Из старого дома мы взяли постельное бельё, посуду, кое-какие инструменты, книги, любимые игрушки, кое-что из одежды и животных. Ну и, конечно же — наш «волшебный» сундучок, хранящий все наши тайны. Неказистый на вид, выглядящий, словно вот-вот развалится, он ни капельки не изменился с того дня, как я впервые его увидела. Не знаю, что за чары на нём стояли, но его старенький и неприглядный вид был иллюзией, поломать эту вещь не сумела даже четвёрка малышей, которая чуть сам дом по брёвнышку не разобрала. Много они вещей поломали, пока в разум более-менее не вошли, а сундучку — хоть бы что.

И сейчас он занял «почётное» место под моей кроватью. Пусть золота там осталось совсем мало — я предпочла положить деньги в банк под проценты, хотя, конечно, пару монет на всякий случай оставила под рукой, — драгоценности частично продала, так же вложив деньги, частично хранила в банковской ячейке, в основном памятные и фамильные вещицы, — но наши документы и прощальные письма от родных я не могла доверить никому.

Новую одежду и обувь мы купили в Бетелле, куда нас отвёз средний сын дядьки Рула, и теперь выглядели как представители среднего класса, которыми мы отныне являемся. Больше никакой самодельной одежды — ткани, из которых были теперь сшиты наши вещи, пусть и простые, недорогие, но изготовлены были на фабрике, там же и покрашены. Мы, словно змеи, меняющие шкуру каждое десятилетие — из шёлка и бархата в домотканую холстину, из холщёвой одежды — в ситец и сукно. Мы оставили себе лишь кое-что из белья да вязаные вещи — они крепкие, тёплые и вполне симпатичные. Пока одежды было немного, но на первое время хватит, постепенно всё нужное купим.

Всё остальное, включая почти весь домашний скарб, живность, ухоженный огород и одежду мы оставили следующим жильцам — в деревне всё сгодится, даже не новое. А нам ни к чему тащить в город козу или чугунок с ухватом — в новом доме была плита, работавшая на магическом амулете. Теперь в нашем старом домике будет жить старший внук дядьки Рула, который прошлым летом женился на дочке знахарки из соседнего села. Всё вернётся на круги своя — в этом доме снова будет жить знахарка, а мне будет не так тяжело оставлять жителей Пригорного, раз мне нашлась хоть какая-то замена.

В Бетелле мы наняли повозку до Винторпа, которая уже уехала, стоило нам выйти и забрать вещи — деньги за поездку я отдала заранее. И не потому, что такая наивная, просто я целительница и сразу предупредила, что если кучер нас кинет, удрав с деньгами во время одной из ночёвок, то с женщинами уже никогда не сможет иметь никакого дела, кроме как за ручку подержаться.

Вряд ли я смогла бы осуществить свою угрозу, ведь для того, чтобы что-то изменить в теле человека, мне нужен физический контакт тела к телу, даже через одежду не сработает. И я же не проклятийница, чтобы сделать что-то тому, кто будет уже далеко, но мужчины

настолько трепетно относились к своей мужской гордости и её бесперебойному функционированию, что малейшая угроза благополучию этой их части тела заставляла забыть о любых нехороших намерениях в отношении меня, если они возникали. Главное — чтобы человек в это поверил, а вылеченный мною за несколько секунд фурункул на шее, мучавший беднягу уже несколько дней, подтвердил мои слова. Так что, доехали мы без происшествий.

Устроив сундучок под кроватью, я разогнулась и оглядела свои хоромы. Прежде здесь была кладовка с крохотным — в две ладошки, — оконцем под потолком. Света оно почти не давало, но и заблудиться в комнате было бы сложно — здесь помещалась лишь узкая кровать, тумбочка, крючки для одежды на стене и... и всё. Свободного пространства оставалось на три шага в длину и один в ширину, ну да мне здесь только спать и переодеваться, остальное время я планировала делить между приёмом пациентов, кухней и занятием с детьми. Это им нужны комнаты побольше — с окнами и письменными столами, им нужно учиться, а мне и этого более чем достаточно. Когда десять лет делишь с кем-то кровать, отдельная комната, пусть и такая крохотная — это уже роскошь.

— Ма, мы уже всё! Пойдём ванную смотреть!

Ванная тоже была небольшой, но в ней было всё необходимое — сама ванна с кранами, унитаз и зеркало. Раковины не было, умываться предстояло над ванной, но разве это проблема для тех, кто десять лет умывался под деревенским рукомойником, в который нужно сначала нагретую воду налить, а потом снизу по пипочке ладонью поддать, чтобы вода потекла. С нагреванием и наливанием проблем не было, пока Рин и Вела с нами жили, маги воды и огня стали для нашей семьи спасением в нелёгкие первые годы. А после их отъезда в академию пришлось и воду самим из колодца таскать, и на печи её греть, но к тому времени тройняшки стали отличными помощниками, малыши подросли, да и я уже давно не боялась простой деревенской работы.

Вода, текущая из трубы при повороте крана, и смыв унитаза восхитили всех четверых ребятишек — лишь для меня подобное не было чем-то из области сказок. Я показала детям, где расположены бытовые амулеты, качающие и нагревающие воду, и научила их подзаряжать. Этот дом был оснащён почти всем необходимым для комфортной жизни, но поскольку подзарядка амулетов была

удовольствием не из дешёвых, то плиту и печь для отопления можно было топить так же и дровами, имелся как магический ледяной шкаф, так и обычный холодный погреб, кроме осветительных амулетов в наличие были керосиновые лампы, а также ручной насос для воды и уличный туалет в дальнем углу участка.

Так было практически во всех городских домах, в той или иной степени. Есть у хозяев деньги, чтобы заплатить за подзарядку амулетов — пользуются всеми удобствами, или частичными, на что финансов хватает, напряжно с деньгами — переходят на немагические удобства. Но в доме, где будут жить пять неслабых магов, о дровах и насосе можно забыть. И это было одной из причин, почему я остановила свой выбор именно на этом доме — он был оборудован магическими амулетами по максимуму, разве что чердак не отапливался, да охлаждающих амулетов для жаркого времени года, не было, но до лета ещё далеко, со временем установим и их.

Дружно, в десять рук и один телекинез, мы отдраили кухню и разложили привезённое по местам — работы мои ребяташки не боялись, выросли отличными помощниками. Впрочем, в деревне белоручек не бывает. Теперь, в городе, свободного времени у детей станет больше, но его придётся тратить на учёбу. А я, возможно — только возможно, — встречу какого-нибудь вдовца средних лет и среднего достатка и смогу всё же создать семью. Молодые холостяки вряд ли заинтересуются тридцатилетней — а именно столько мне по документам, — вдовой с четырьмя детьми, пусть они даже уже совсем большие, а вот вдовцу я стала бы неплохой партией, особенно учитывая мою магию, что среди простых людей редкость.

Но это всё долгосрочные планы, а сейчас нужно обустраивать дом и открывать практику. Проблем с этим быть не должно, приёмная ближайшего целителя была в восьми кварталах от нас. Соседи точно к нам потянутся, сначала со всякой ерундой, вроде порезанной руки или мигрени, а потом сарафанное радио разнесёт весть обо мне, и больные повалят валом. Я на самом деле очень сильный целитель, и пускай не училась в академии, но десять лет занималась дома с лучшими учителями, которых только смог найти для меня герцог, а мог он многое. Что-то подобное уже происходило в Пригорном и его окрестностях, произойдёт и здесь.

— Так, Лана, выпускай животных во дворик, берите с Ронтом корзины, пойдём на базар за продуктами. Ава, Бейл — вам прибраться в приёмной, вымыть пол и вытереть пыль.

— А почему они идут, а мы — убираться? — Бейл, как обычно, посчитал себя ущемлённым. Комплекс младшенького, когда другим вечно позволено больше. А так как с Авой они считались двойняшками и росли с осознанием себя, как единого целого, то Бейл всегда защищал их общие права, а не только одного себя.

— Потому что нам придётся тащить тяжёлые корзины, а Лана с Ронтом гораздо сильнее вас, — объяснила я. И это было правдой, двенадцатилетняя Лана недавно начала активно расти, превращаясь в девушку, и сейчас была заметно выше и сильнее одиннадцатилетнего Бейла, всё ещё остававшегося совсем ребёнком. — В идеале, лучше бы мне взять одну только Аву, но не хочется светить её способностями перед всем рынком. Поэтому я беру тех, кто физически сильнее, а вам доверяю более важную задачу — подготовить приёмную к приходу пациентов. Приёмная — это очень важно, это лицо целителя, но я знаю, что вы справитесь.

Двойняшки переглянулись, прониклись значимостью своего задания, подхватили вёдра, тряпки и направились вылизывать будущую приёмную, с помощью магии Авы они отлично справятся. А кабинет для лечения пациентов я отдраю вечером, когда ребяташки отправятся спать.

Лана выпустила кур и кроликов в бурьян заднего двора. Никуда они оттуда не денутся — Лана как-то с ними умудрялась договариваться об этом. На кухне осталась только кошка Приблуда — прибившаяся к нам лет пять назад чуть живым тощим котёнком, так и жила с тех пор с нами, хотя в деревенском быту была совершенно бесполезна — всех мышей, крыс и даже тараканов Лана изгнала из нашего дома, как только обрела свою магию.

Так что, в отличие от остальных деревенских кошек, наша не отрабатывала крышу над головой и блюдечко с молоком ловлей мышей, а жила у нас на правах друга и была любимицей младших детей, поэтому никому и в голову не пришло оставить её в деревне. Кур и кроликов мы взяли с собой из практических соображений, а вот пёстренькая, короткошёрстная, аккуратная и очень ласковая кошечка должна была внести уют в наш новый дом.

Ближайший рынок находился в четырёх кварталах от нас — не настолько близко, чтобы мешать шумом, но и не настолько далеко, чтобы надорваться, таская продукты. Мы шли, с любопытством разглядывая лавки, магазинчики, мастерские, небольшие склады, приёмные магов и тому подобное — ближайшие улицы, как и наша, именно из таких домов и состояли: торговое помещение на первом этаже, жилые комнаты на втором, иногда имелся и третий этаж, чаще мансардный.

Идти было легко и удобно — вдоль домов тянулись тротуары, так что, никакой грязи, и не нужно постоянно оглядываться и следить, чтобы не попасть под колёса какой-нибудь кареты или повозки, что приходилось делать в Бетелле, куда я довольно регулярно ездила. Тротуаров там не было в принципе, даже на главной площади, где располагались мэрия, храм, тюрьма и дома местного дворянства. Максимум — просто полоска земли, отделяющая мостовую от домов, да и замощён был только самый центр.

А здесь всё же столица. Уж не знаю, что творится на окраинах, но здесь, в кварталах крепкого среднего класса, всё было чистенько, аккуратненько, без особой роскоши, но было видно — за городом хорошо следят, вон, даже фонари, сейчас погашенные, стоят вдоль улиц, а один раз я увидела двух стражников в форме, патрулирующих улицы.

Ребятишки живо обсуждали всё увиденное, засыпая меня вопросами, я старательно отвечала на те, на которые могла, время от времени поправляя неправильное ударение или произношение. Моей главной задачей после нашего выживания было дать детям шанс на нормальную жизнь. Все мы — маги, и хотя для меня академия была тем, о чём можно забыть, у детей был шанс получить высшее магическое образование и хорошо устроиться, имея диплом и востребованную профессию. Поэтому я не только обучала детей азам управления магией, одинаковым для всех, независимо от самого дара, не только учила их читать, писать и считать, а также давала необходимый минимум по истории и географии, я много времени уделяла их речи и обучала самым элементарным правилам этикета, чтобы в академии они с первых же слов не стали париями.

Магами, в большинстве своём, становились аристократы, чем знатнее и древнее род, тем выше сила. Маги рождались и среди

простолюдинов — аристократы во все века заводили любовниц не своего круга, а от этого рождаются дети, наследуя дар от родителя. Поэтому студенты-простолюдины в академии не редкость, туда принимали за способности, а не за родословную, но от насмешек за неправильную речь и неумение себя вести не был застрахован никто.

Поэтому дома мы разговаривали только на правильном, литературном языке, благо, свои отличные оценки я получала не зря, и мой «акцент», упомянутый герцогом в напутственном письме, был на самом деле столичным, аристократическим выговором, и потому сильно отличался от местного говора приграничных крестьян.

Было сложно. Особенно учитывая, что для детей это был неродной язык, а окружение говорило не так, как я, но в итоге мы пришли к некоему компромиссу — по сути, дети знали два языка, на одном общались со своими друзьями на улице, на другом — со мной и между собой дома. В первую же поездку в Бетелл на ярмарку с семьёй дядьки Рула, я раздобыла толстую книгу сказок, которую мы все вместе читали и перечитывали зимними вечерами, потом стала покупать другие книги, интересные детям, чтобы правильные слова отпечатались у них в мозгах. С произношением было немного сложнее, даже я потихоньку сбилась на местный, но хоть и с лёгким «акцентом», а изъяснялась я правильно, и детей приучила.

Это очень помогло старшим в академии, хотя поначалу над их деревенским акцентом всё же посмеивались, но не более — сила их магии вызывала уважение даже у самых заносчивых аристократов, хотя и зависть тоже, не без этого. Тройняшкам будет проще, втроём они были силой, с которой приходилось считаться окружающим, по характеру — явными лидерами, причём Льюла могла дать насмешнику в глаз без колебаний, ничем не уступая братьям. Эти не позволят себя обидеть, в отличие от тихой Велы, которой поначалу пришлось сложно, при том, что Рин, уже успевший за год завоевать авторитет среди однокурсников, сестру в обиду не давал.

Младшим будет ещё проще — ко времени их поступления тройняшки ещё будут учиться, и я готова поставить фамильное кольцо против медной цепочки, что на младших братьев и сестёр этой банды никто не посмеет даже просто косо посмотреть. Да и за несколько лет в Винторпе речь младших окончательно выправится в новом окружении. Они уже не будут провинциалами, станут местными

жителями, что тоже немаловажно, и это стало ещё одной из причин нашего переезда в город.

Нам оставалось пройти полквартала, улица, по которой мы шли, в конце расширялась, превращаясь в рыночную площадь, откуда даже сюда доносился громкий гул голосов, из которого выделялись крики зазывал, расхваливающих свой товар. Улица тоже была гораздо более многолюдной, чем наша и те, по которым мы сюда шли, многие люди шли не только по тротуару, но и по мостовой, благо, транспорта здесь было немного, и двигался он черепашьям шагом.

Я велела детям держаться рядом — всё же прежде в подобной толпе оказываться им не приходилось. Адрес нового дома они знали наизусть, дорогу мы тоже запоминали вместе, отмечая особые приметы, да и не трёхлетки уже, я чуть старше была, когда главой семьи стала, но всё же трудно изжить в себе многолетнюю привычку волноваться за тех, кого мне поручили совсем малышами.

И тут, прямо у нас на глазах, едва не случилась трагедия. Я прекрасно видела, как небольшое ландо, запряжённое одной лошадью, подъехало к рынку, кучер спрыгнул с козел и помог выбраться из него немолодой женщине, вторая, то ли служанка, то ли компаньонка — ей он руки не подал, — только собралась последовать за своей хозяйкой, как лошадь, громко заржав и едва встав на дыбы — помешали оглобли, — рванула вперёд.

Хорошо, что прежде, чем высаживать пассажиров, кучер развернул ландо, и лошадь помчалась по мостовой, а не врезалась в толпу на тротуаре. Плохо, что и по мостовой тоже шли люди. Чудом разминувшись в едущей навстречу телегой, лошадь бежала, ничем не сдерживаемая, под громкий визг своей пассажирки, вцепившейся в борт, чтобы не вывалиться, и громкие крики перепуганных людей, которые едва успевали отпрыгнуть с её пути.

Всё произошло в считанные секунды, и не все успели отбежать. На пути лошади оказалась молодая женщина, с тяжёлой корзиной, держащая за руку маленького ребёнка, мальчик чуть постарше бежал рядом. Услышав крики, она успела обернуться и застыла столбом, в ужасе глядя на приближающуюся смерть, мальчик же кинулся бежать, но не в сторону, а прочь от лошади по той же дороге, что было совершенно бессмысленно. Ещё секунда — и все трое погибнут.

От тротуара на мостовую метнулось трое мужчин в чёрном, двое схватили женщину и младшего ребёнка и отдёрнули их с пути взбесившейся кобылы, третий кинулся за мальчиком. Добежал, опередив лошадь на доли секунды, прыгнул наперерез и на лету буквально выдернул ребёнка из-под копыт, упал с другой стороны дороги, по инерции прокатился по мостовой и замер. А лошадь пробежала ещё немного и замерла, услышав твёрдый приказ:

— Стоять!

Отведя глаза от места едва не разыгравшейся трагедии, я увидела, что посередине мостовой, с выставленной вперёд ладонью, стоит Лана, а перед ней — тяжело дышащая, взмыленная, но уже спокойная, точнее, покорная лошадь. Я даже испугаться за дочь не успела, впрочем, вряд ли стала бы — с тех пор, как в ней проснулся дар, самые бешеные племенные быки ластились к ней как котята и слушались, как новобранцы прославленного генерала, а дикие звери ели с руки. Что ей всего лишь какая-то перепуганная лошадь?

А вот мужчина с мальчиком волновали меня больше. Я снова посмотрела на них и увидела, как выпущенный из крепких объятий, спасших его не только от копыт, но и от столкновения с мостовой — мужчина перед падением буквально завернул ребёнка в своё тело, — мальчик бежит к рыдающей матери, и, судя по его движениям, отделался он лишь испугом, может, парой ссадин. Мужчина вставал медленно, придерживая правую руку, хотя от помощи подбежавших спутников отказался.

А вот и мой первый клиент. Упустить такой шанс я не могла — столько народа смотрит сейчас на героя, такая реклама для меня! Отдав корзину Ронту, отметив, что кучер уже догнал свою беглянку и крепко взял под узцы, а Лана что-то ему объясняет, указывая пальцем на круп кобылы, я жестом велела сыну приглядеть за сестрой, а сама решительно направилась к мужчине, который продолжал осторожно придерживать явно травмированную руку и качать головой в ответ на что-то, что жарко доказывали ему спутники.

Нужно брать быка за рога. Вперёд, Дина, ты справишься!

— Сэр, я целительница. Разрешите вам помочь.

ГЛАВА 2. ПАЦИЕНТ

День первый. Понедельник

На меня с высоты глянуло шесть удивлённых глаз. Да, ростом я не вышла, Ронт меня уже почти догнал, да и Лана скоро догонит, но это не повод смотреть на меня так, словно заговорила... кошка, например.

Наконец один из мужчин — не тот, что пострадал, а другой, с каштановыми волосами, убранными в хвост, снизошёл до ответа:

— Благодарю, мэм, но мы предпочитаем своего целителя, проверенного.

Скорее всего, так и есть. Вблизи было заметно, что хотя тёмная одежда мужчин не была украшена кружевом и вышивкой, как у аристократов, но сама ткань была настолько качественной и дорогой, что один сюртук того, кто мне ответил, стоил дороже роскошного бального платья. Похоже, это были аристократы, которые попытались слиться с толпой. Только я слишком хорошо помнила, что такое качественная ткань, и сколько она может стоить. И упускать такого состоятельного клиента было жалко.

— Сэр, это не вы сейчас испытываете боль, так что, и решать не вам, — предельно вежливо, но твёрдо парировала я и вновь обратилась к герою. — Не бойтесь, это не больно.

— Так не бывает, — хмыкнул третий, коротко стриженный блондин. Сам же герой продолжал молча, слегка прищурившись, смотреть на меня, словно не зная, как реагировать на заговорившую кошку.

И я решилась. Хотела взять мужчину за руку, но обнаружила на нём тонко выделанные лайковые перчатки, сидящие как вторая кожа — такие снимать дольше, чем всю остальную одежду, что была на нём. Тогда я подняла руку и прижала ладонь к щеке мужчины, запуская диагностику и обезболивание.

Глаза мужчины, сначала показавшиеся мне чёрными, как его волосы, широко распахнулись и оказались тёмно-серыми, как небо перед грозой. Шатен же ахнул от возмущения, больно схватил меня за руку и оттащил от раненого.

— Не смей прикасаться!

— Нет, Миллард, пусть продолжает, — подал, наконец, голос герой.

— Но, ва... — начал возражать шатен, но был оборван твёрдым:

— Пусть. Продолжает.

И я продолжила. Свежие травмы и раны лечить проще всего, а тут и пары минут с момента падения, наверное, не прошло. Так что, спустя минут пять, не более, я убрала ладонь.

— Вот и всё. И совсем не страшно, правда?

— Правда, — мужчина повертел рукой, сжал и разжал кулак, словно не веря, что и правда — уже всё. — Что вы хотите за услугу?

— Три серебрушки, — я уже знала, что это в приграничных сёлах за такие деньги корову купить можно, а в столице — разок в ресторан сходить. В хороший ресторан. А человек в такой дорогой одежде точно мог себе это позволить. — Две за закрытый перелом руки без смещения, третью — за синяки и ссадины.

— Сколько? — глаза брюнета снова широко распахнулись. Я что, перестаралась?

— Ладно, две серебрушки, — пошла я на попятный. — Синяки и ссадины — бесплатно, как первому клиенту.

Блондин хихикнул, шатен недовольно фыркнул, а мой пациент закатил глаза и покачал головой, словно я ляпнула глупость несусветную. Потом достал из кармана золотой и вложил мне в ладонь.

— За лечение.

— О, — растерялась я. — У меня с собой столько сдачи не будет. Может, разменять? — и я огляделась, прикидывая, нет ли где поблизости банка, но ничего похожего не обнаружила.

— Сдачи не надо, — мужчина улыбнулся уголком рта. — Это на самом деле было не больно. Я удивлён.

— Всё равно — это слишком много. А давайте, я вам на сдачу шрам уберу. Только нужно будет прийти ко мне в приёмную, это дело небыстрое, он у вас явно старый.

— Какой шрам? — насторожился шатен.

— Вот этот, — я провела пальцем по своей скуле от уха до шеи. Длинные, ниже плеч, густые и волнистые волосы брюнета были распущены и скрывали и скулы, и уши, но прикоснувшись к его щеке, я явственно ощутила пальцами грубый застарелый шрам от ожога, а

при сканировании поняла, что он намного больше и уходит с шеи на спину. Странно, что мужчина его раньше не свёл. Судя по немодной причёске — он этот шрам скрывает, значит, тёплых чувств к нему не питает, тогда почему не обратился к целителю? Да и почему он вообще у него остался, словно заживал сам, без магической помощи? Такое возможно у крестьян, но никак не у аристократов.

— Это шрам от магического напалма, — глухо уронил мой пациент, заметно напрягаясь.

— Тогда это будет стоить еще один золотой, — тут же подкорректировала я цену. И пояснила: — Придётся повозиться.

— Вы издеваетесь? — возмущённо воскликнул шатен. — Или просто не поняли, о чём речь? Шрамы от магического напалма не сводятся.

— Любые шрамы можно убрать, — пожала я плечами. Странные они какие-то. Тело — оно всегда тело, как бы ни было сильно травмировано — всегда можно исправить. Дело лишь в приложении сил. — Просто попробуйте, — снова обратилась к брюнету. — Оплата по достижению результата, так что, вы ничего не теряете.

— А как вас найти? — поинтересовался блондин.

— Моя приёмная только что открылась на Липовой аллее, точнее — откроется завтра, но вы можете прийти и сегодня. На вывеске написано «Целительница Троп», это я.

На аллею наша улица не тянула, да и лип я там не заметила, там вообще никаких деревьев и прочих растений не было, кроме цветов в ящиках под окнами вторых этажей в некоторых домах. Разве что на задних дворах что-то росло, но за домами этого было не видно. Улица сплошь состояла из магазинчиков и контор, на таких палисадников не делают. Но название улице придумывала не я, а звучало довольно мило.

— Хорошо, мисс Троп, я приду, — кивнул брюнет, вновь несколько раз сжав и разжав кулак. Да-да, руку я починила качественно и безболезненно, оцени и приходи ко мне вместе со своим золотом. Я полную диагностику не запускала, только по свежим травмам пробежалась, но даже этого хватило, чтобы понять — шрамов там, под одеждой, гораздо больше, а это денежки! Но вслух ничего говорить не стала, лишь поправила:

— Миссис.

— Хорошо, миссис Троп, — повторил мужчина, надел шляпу, которую подал ему блондин и, коротко поклонившись, быстро зашагал куда-то в сопровождении своих спутников. А я, проводив его взглядом, пожала плечами и вернулась туда, где меня терпеливо дожидались дети, надеясь, что зеваки, толпящиеся неподалёку, хорошо расслышали адрес.

— Они явно не те, за кого себя выдают, — негромко сказал Ронт, идя рядом.

— Да, я тоже догадалась. Аристократы, пытающиеся слиться с толпой простолюдинов. Кто бы им ещё подсказал, что мало заказать у дорогого портного одежду без отделки, нужно хотя бы материал попроще выбирать. А лучше в лавке готового платья купить. Да и лайковые перчатки — не то, что простые люди носят каждый день.

Мы переглянулись и ухмыльнулись. Рыбак рыбака...

— А еще они в чём-то ошибаются. Когда тебе тот, кто руку сломал, монету дал, потом тот, что с хвостом, что-то сказал — они сами в это верили, но это неправда.

Я мысленно пробежалась по нашему разговору и поняла, о чём речь.

— Они думают, что шрам от магического напалма нельзя убрать.

— Гнать им надо своего целителя, — фыркнула Лана.

— А ты молодец, — улыбнулась я девочке, — не растерялась. Хотя на пути лошади лучше всё же не вставать, скомандовала бы с тротуара.

— Да что она мне сделала бы? — искренне удивилась девочка. — В бедняжку кто-то то ли камень кинул, то ли из рогатки выстрелил, испугалась она, да и больно было, вот и побежала. Теперь сама переживает. Я кучеру сказала, чтобы не ругал её, он обещал.

Я оглянулась на виновницу всего этого переполоха, которая уже спокойно стояла в сторонке, а кучер что-то делал с её крупом, то ли чем-то мазал ранку, то ли еще что, но главное — и правда не ругался на скотинку. Всё же хорошо, что это происшествие трагедией не закончилось, да еще и пользу принесло — я заработала золотой за минуты, почти не потратив силы — чем «свежее» рана, тем проще лечить, а значит, и сил меньше требуется отдать, — и заполучила богатого клиента, который сможет порекомендовать меня своим

знакомым — а это уже совсем другой уровень заработка, чем среди моего нового окружения.

День определённо удался.

Рынок был намного больше того, на который мы иногда приезжали в Бетелле, при том, что тот был в городе единственным, а этот — одним из многих, и судя по карте — далеко не самым большим. Что тут скажешь — столица.

Мы довольно быстро набили корзины с верхом — нас было пятеро едоков, причём двое — прожорливые подростки, а как часто я смогу ходить на рынок — не знаю. Конечно, всегда есть утро до начала приёма, но я уже знала, что целитель — это вам не сапожник или булочник, а роды или несчастные случаи часов приёма обычно не дожидаются. Но когда я озвучила эту проблему детям — раньше-то на рынок ходить не приходилось, всё было под рукой, в огороде, подполе или хлеву, да и не было в нашем селе рынка, как такового, — Ронт предложил выход.

— Давай, я буду на рынок ходить. Я уже взрослый, тут недалеко, буду брать с собой Аву. Ты не волнуйся, мы будем держать корзины так, словно сами несём, никто и не узнает про телекинез. И ты же знаешь, ерунды я не наберу.

Он был прав. Такой уж у Ронта был необычный дар — определять фальшь. Причём, в чём угодно — он чувствовал произнесённую или написанную ложь, при этом различал, лжёт ли человек сознательно или сам введён в заблуждение. Он легко определял фальшивый документ или монету, гнилой изнутри, а внешне красивый плод или протухшее яйцо. С продуктами было даже забавно — например, если Ронт видел лежащие на прилавке яйца, то он ничего определить не мог, просто потому, что это были яйца, и ничем иным они не притворялись, а значит, не фальшивили.

Но стоило ему спросить торговку: «А яйца свежие?» как после её подтверждения — а какая торговка скажет про свой товар, что он несвежий?! — он мог не только определить, говорит ли она правду, лжёт или просто верит в свой товар, не зная правды, но теперь уже точно мог увидеть, какие из яиц свежие, какие старые, но ещё вполне съедобные, а какие есть просто опасно. Ведь после слов своей хозяйки, яйца уже начинали позиционировать себя как свежие, а значит, некоторые из них откровенно «лгали».

Тот же принцип действовал с чем угодно. Например, если нужно зарубить курочку для супа, мы с ним подходили к курятнику, и он спрашивал: «У нас все куры хорошо несутся?», а я отвечала: «Все», хотя попробуй за ними уследи. И Ронт тут же указывал пальцем на ту из куриц, которая хуже всего неслась, а значит, годилась лишь в суп или на жаркое.

В общем, цены ему на рынке не было, и я согласилась, что он и правда уже достаточно большой, чтобы ходить за продуктами, пусть учится самостоятельности, не всегда же ему у моей юбки сидеть.

Я так же договорилась о доставке некоторых крупных покупок — мешка муки, картошки, зерна для кур и кроликов, и досок, чтобы починить сарайчик, в котором планировала держать живность. У торговцев всегда находился кто-то, готовый за малую мзду дотащить что угодно и куда угодно.

Напоследок мы зашли на птичий двор — купить несколько тушек кур и уток, благо, холодильный шкаф в нашем новом доме тоже был. Птицу сюда привозили живой и рубили ей головы прямо при покупателе, чтобы тот был уверен в свежести товара. Выбрав трёх курочек и одну утку помоложе и пожирнее — за десять лет в деревне глаз у меня стал намётанным, — я недрогнувшей рукой укладывала тушки в корзину, когда Лана подёргала меня за рукав.

— Мам, купи ещё вон тех троих, — и показала на клетку с довольно неказистыми пеструшками.

— Это же бывшие несушки, у них мясо жёсткое, — слегка удивлённая просьбой девочки, возразила я. — На мясо лучше молодок брать, ты же знаешь.

— Мам, они не бывшие, они очень хорошие несушки! Этот глупый торговец хочет продать на мясо тех, кто отлично несётся. А вон та, рыжеватая, она же наседка, она очень хочет цыплят вывести, а её под нож! Мам, купи! Их нельзя на мясо!

— А эти курочки почему такие... не жирные? — Ронт ткнул пальцем в выбранных сестрой кур.

— Молоденькие совсем, — расплылся в улыбке торговец. — Не стал бы продавать, на моих глазах выросли, отборным зерном кормил, ключевой водой поил, да куда ж их девать, развелось много, кормить всех надо, а столько яиц мне без надобности. Вот и продаю.

— Врёт, — негромко буркнул Ронт. — Уж не знаю, откуда у него эти куры, купил у кого или украл, а сам он их точно не растил, да и про молодок набрехал.

— Мам, купи! — Лана сделала жалобные глаза. — Они нам яички нести будут, а та цыпляток выведет. Она хорошая наседки, заботливая.

— Куда ж цыплят-то под зиму? — вздохнула я, понимая, что всё равно куплю. Мы не собирались разводить здесь хозяйство, кур-то взяли скорее по привычке, лучших несушек выбрали, чтобы было свежее яйцо к завтраку. Но пополнять поголовье точно не планировали, да куда ж теперь деваться? Ладно, задний двор, конечно, с нашим, деревенским, не сравнится, это там земли — сколько обработаешь, то и своё, а в городе всё впритык, но для нескольких кур места хватит. И согласна я — нехорошо это, отличных несушек, да под нож.

Эти куры достались нам гораздо дешевле уже купленных — даже торговец понимал, что толку с них в супе маловато будет, — и мы отправились домой, пока Лана ещё кого-нибудь не пожалела. И если кур с кроликами наш задний двор ещё переживёт, то какого-нибудь бычка уже вряд ли.

Три спасённые несушки, пару секунд пообщавшись с Ланой, бодро топали за нами всю дорогу до дома, вызывая удивлённые взгляды прохожих, но для них у нас просто не осталось ни рук, ни лишней корзины. Тем более что пришлось купить еще два десятка яиц для наседки, а то у нас своего петуха не было, куры неслись и без него, но цыплята из таких яиц вывести уже не могли. Тут снова дар Ронта пригодился, все купленные яйца годились на развод, пустышек не было.

Дома, разложив продукты по местам, я пошла отдраивать лечебный кабинет — раз уж сама пригласила клиента раньше открытия, нужно быть ко всему готовой. Мальчики отправились обустроить в сарае гнёзда для несушек и загончик для кроликов, инструменты держать в руках они умели, но ремонтом самого сарая, у которого протекала крыша, займутся всё же старшие мальчики, благо в ближайшие дни дождя не предвиделось, девочки же взялись готовить обед.

Всё, мною закупленное, доставили довольно быстро, и вот тут обнаружилась проблема.

— Мам, а как эту картошку чистить? — раздался растерянный голос Авы из кухни.

— Как яблоко, маленьким ножом, — скрывая улыбку, ответила я. — И глазки кончиком выковыривайте.

— Да это же целый час провозиться придётся! — возмутилась Лана.

— Поменьше, — я всё же не выдержала и улыбнулась, всё равно меня не видно. — До выходных другой не будет, потом тройняшки нам нормальную вырастят.

— Надеюсь, они ничего не успеют натворить, за что их увольнительного лишат, — проворчала Ава.

— Это увольнительное для закупок всего необходимого для учёбы, его не лишат, — рассудительно возразила ей Лана. — Если и напрокажут, то потом отбудут наказание, не в этот раз.

— Надеюсь, — буркнула Ава, и девочки примолкли, сосредоточившись на новой для них работе.

А я вспомнила, как в первые месяцы мучилась с этой картошкой, девочки хотя бы нож в руках держать умеют, я же всему училась с нуля. Пока однажды Льюла, во время очередного эксперимента по выращиванию картошки — к тому времени мальчики наострились выращивать несколько кустов от посадки до богатого урожая минуты за три, а она заставляла созревшие клубни вылезать из земли, чтобы их не нужно было копать, — ей не пришла в голову светлая мысль делать картофелины в форме куба. Причём, все глазки находились на его гранях.

Шесть взмахов ножа — и картофелина очищена. Младшие девочки другой картошки и не помнят, потому-то для них стало открытием то, как на самом деле картошка выглядит, и как её приходится чистить. И выходных они теперь ждали с особым нетерпением.

Не успела я отмыть и половину комнаты, как раздался очередной стук в дверь. Посыльные уже закончились, всё купленное доставлено — неужели клиент так скоро пожаловал? Мысленно чертыхнувшись, я вытерла руки, сорвала с себя фартук, заправила за уши выбившиеся из пучка волосы и тоскливо оглядев старенькое ситцевое платье — для приёма я приготовила новое, строгое, чёрное и из плотного сукна,

делающее меня на несколько лет старше, но переодеваться времени не было, — и поспешила открыть дверь.

На пороге обнаружился клиент, да не тот. Полноватый высокий парень в присыпанном мукой фартуке поверх светлой рабочей одежды и с замотанной окровавленной тряпкой рукой.

— Вот... Отец сказал — вы целительница. На рынке слышал. Вот... — повторил он, протягивая мне раненную руку.

— Проходите, — я кивнула на пару стульев, уже стоящих в уголке отмытой младшими детьми приёмной.

Спустя несколько минут, став на четверть серебрушки богаче и договорившись об утренних поставках хлеба — была, оказывается, у местного пекаря такая услуга, — а также успев послушать кое-какие местные сплетни, я проводила за порог сына пекаря и встретила ждавшего под дверью стряпчего с раздутой щекой из нотариальной конторы на углу. Похоже, слух обо мне уже разошёлся по нашей улице, а на надпись о том, что приёмная открывается завтра, никто внимания не обратил.

В итоге за вторую половину дня я приняла ещё девять человек — благо, никого лежачего или с тяжёлой травмой не было, все пришли своими ногами и обошлись стульями в приёмной. Кабинет домывали дети, завершив свои дела, даже просить не пришлось, славные они у меня выросли. Последней, когда уже начало темнеть, и на улице зажглись магические фонари, робко заглянула жена владельца магазина скобяных товаров.

Крепенькая, румяная — про таких говорят «кровь с молоком», — и абсолютно здоровая девушка поставила меня в тупик. Жаловалась она на бесплодие — третий год замужем, а до сих пор не забеременела. Муж-то, по её словам, добрый, заботливый, не укорил ни разу, смотрит только печально, когда снова и снова женские дни у неё приходят, а вот свекруха того и гляди со свету сживёт. Уж в чём только ни обвиняет, и что проклята она, и что мать её, или бабка, нагрешила, видать, много, а им такое несчастье досталось за те грехи, и что зря только хлеб свой ест, толку от яловой телушки и то больше. В общем, вылилось на меня многое, бедняжке явно не с кем было поговорить по душам, а тут сама Богиня-Мать меня послала.

А я не понимала, в чём дело, видела же — здорова она. Но повернув разговор в нужную мне сторону, сумела узнать, что Мела —

так её звали, — была у мужа третьей женой, первая сбежала с залётным коммивояжёром, вторая умерла, подавившись рыбьей костью, обе прожили замужем несколько лет, но тоже детей её мужу не родили. В итоге я предложила Меле привести ко мне мужа или же искать другой вариант, поскольку проблема здесь не в ней. Обдумав мои слова, Мела помотала головой, нахмурилась и решительно сказала:

— Приведу. Матушка Нита на той неделе к сестре уезжает, тогда и приведу. При ней и заикаться не стоит. А уедет — приведу. Других вариантов мне не надо. Не по мне это. И не по совести.

Проводив Мелу, я подождала ещё какое-то время, а потом заперла дверь и ушла на задний двор, где собрались дети просто посидеть на крыльчке, любуясь закатом, точнее тем, что можно увидеть здесь, в городе. День был насыщен событиями, мы все много работали, но теперь хотелось просто молча посидеть и помолчать.

Я обводила взглядом заросший дворик, уже представляя, где будет загончик для курочек, где грядки, где можно посадить ягодник, а где выкроить местечко для цветов. Даже пару-тройку молодых плодовых деревьев можно посадить, убрав старушку яблоню. Но этим всем займёмся, когда в выходные приедут старшие дети, несколько дней можно прожить и с бурьяном. Ещё можно слегка расширить крыльцо, превратив в небольшую террасу, сделать над ним навес и поставить кресло-качалку.

И в ту минуту, когда я мысленно уже дошла до балкончика над крыльцом, который мог бы послужить этим самым навесом, послышался громкий стук в переднюю дверь. Наверное, стучали в неё не первый раз, просто прежде не было слышно. Нужно будет купить магический звонок, который слышно везде, где пожелаешь, но это завтра. А сейчас я отправилась посмотреть, кому так срочно понадобилась помощь целителя.

На крыльце топтались трое старых знакомых — если знакомыми можно назвать тех, чьи имена я не знала, разве что у Милларда, но имя это, фамилия или титул мне тоже было неизвестно. Двое пришедших смотрели на меня с хмурым недоверием, блондин скорее с любопытством.

— Проходите, — радушно улыбнувшись пришедшим денежкам, пусть и так поздно, я включила в приёмной свет и обратилась уже к

двум сопровождающим — а то, что это были сопровождающие брюнета, а не трое равных, у них на лбах было написано светящейся в темноте краской. — Надеюсь, вы сообразите, чем себя занять на время лечения. Я предупреждала, что дело это не быстрое, догадались хотя бы газету захватить?

— Догадались, — блондин, широко улыбаясь, вытащил из кармана небольшой томик под удивлёнными взглядами своих спутников. Заметив эти взгляды, он пожал плечами: — А что? Миссис Троп, действительно, предупреждала.

И, оглядевшись, устроился на одном из стульев и раскрыл томик, словно именно за тем сюда и явился — почитать в спокойной обстановке. Кидая недовольные взгляды теперь уже на него, шатен пристроился рядом. Может, предложить ему печень проверить, а то какой-то он слишком жёлчный? Беззвучно хихикнув над этой мыслью, я пригласила брюнета в кабинет.

— Что предпочтёте, кресло или кушетку? — я указала на бывший стол, у которого слегка укоротили ножки, на столешницу положили матрас и застелили сверху клеёнкой. Мало ли, может, мне кого-нибудь, истекающего кровью доставят. — Повторюсь — это займёт много времени.

— Кресло, — коротко ответил мужчина и уселся в то, на которое я указывала, предлагая выбор. Пожав плечами, я уселась во второе, бывшее гораздо меньше и мобильнее, чтобы его можно было легко передвигать. Окинув взглядом фронт работ, я поинтересовалась: — У вас есть, чем закрепить волосы?

— Зачем? — снова этот недоверчивый взгляд, в глубине которого таилось что-то ещё. Страх? Скорее опаска. Он словно ждал чего-то очень неприятного.

— Предпочитаю видеть всю картину будущей работы целиком, — пожала я плечами.

— Миллард, — негромко окликнул брюнет, и его спутник тут же появился, теперь его волосы были распущены, и он протягивал моему пациенту какую-то штучку, видимо, заколку для волос. Отдав, бросил на меня нечитаемый взгляд и удалился.

Когда брюнет — узнать бы его имя, — убрал волосы в хвост, я с интересом уставилась на открывшееся лицо. Ну, то, что оно довольно интересное, я заметила еще днём, впрочем, все трое мужчин были

симпатичные, хотя двое других, пожалуй, красивее. И дело не в шраме, он не мешал оценить скорее мужественные, чем красивые черты лица, прямой нос, волевой подбородок, поджатые, а от того тонкие губы — интересно, какие они, когда он не хмурится и не сжимает челюсти?

Скулы высокие, по левой, почти от виска, вьётся шрам, довольно удачно расположенный, если так можно сказать. Пара сантиметров вправо — и мужчина лишился бы глаза, немного влево — и это могло сказаться на слухе, а так — только мочка уха изуродована. К шее шрам расширялся и там, где уходил за ворот рубашки, был почти с мою ладонь шириной. Я содрогнулась, представив, какую боль мужчине пришлось пережить, а ведь этот шрам не единственный, далеко не единственный.

— Я знаю, что шрам выглядит отвратительно, но, может, достаточно меня рассматривать? — я поймала злой взгляд. — Я не балаганный уродец.

— Нет, вы не уродец, — покачала я головой. — Я бы даже сказала, что вы довольно интересный мужчина. А шрам? Видела я и пострашнее. — И на скептически поднятую бровь ответила пожатием плеч. — Вы когда-нибудь видели шрамы от бивней матёрого секача?

— Хорошо, убедили, — деревянным голосом, явно давая понять, что ни капельки я его не убедила, ответил мой пациент и уставился на потолок, словно больше не желал на меня смотреть.

А я что? Мне так даже лучше. Положив ладонь так, чтобы максимально закрыть видимую часть шрама, я закрыла глаза и начала лечение.

ГЛАВА 3. БУДНИ

День первый. Понедельник

Шрам поддавался с огромным трудом, но для меня это не стало сюрпризом. Чем свежее травма или болезнь, тем проще она поддаётся лечению, поэтому только что сломанную кость бедра со смещением вылечить быстрее и проще, чем искривлённый мизинец от неправильно сросшегося перелома тридцатилетней давности.

— Как давно у вас эти шрамы? — уточнила я, чтобы понимать, с чем придётся иметь дело.

— Два года, — глухо уронил пациент. — Два года и четыре месяца.

И у меня закралось подозрение, что его травма связана с какой-то трагедией помимо самого ранения, потому что возраст собственных шрамов, пусть и таких тяжёлых, редко кто считает с точностью до месяца. Возможно, он попал под этот напалм не один, а кто-то другой не выжил. Но спрашивать я не стала, время травмы мне нужно было для работы, а остальное — обычное любопытство, сейчас абсолютно неуместное.

Поэтому я продолжила работать молча, сосредоточившись на видимой части шрама, раз уж у человека уже комплексы появились. Я не пыталась воздействовать на весь шрам целиком, силу посылала точечно, работая буквально с каждой клеточкой, заставляя те, что поглубже, нарастать, формируя новую кожу и частично мышцу под ней, а повреждённые — просто отмирать.

Попади этот человек мне в руки сразу после ранения — всё было бы намного проще, я бы заставила повреждённые клетки возвратиться в исходное положение, но сформировавшийся застарелый рубец можно убрать лишь заменой. Как вариант, можно было бы просто срезать повреждённый кусок кожи со шрамом, а потом залечить образовавшуюся рану — это было бы в разы быстрее, потребовало бы гораздо меньше сил, но это слишком травматично для пациента, даже при обезболивании.

К тому же, меня никто не учил держать в руках скальпель, это входило в академическое образование целителя, которого у меня не

было, поэтому, пока не выпадет возможность получить диплом и нужные знания — а это возможно лишь после того, как выучу всех детей, — буду лечить исключительно силой, благо, у меня её много.

Время шло, лечение медленно, но верно двигалось, пациент молчал, я тоже, сосредоточившись на своей работе. В какой-то момент поняла, что моя сила стала истощаться, поэтому тут же остановилась — не было никакой необходимости доводить себя до упадка сил, и не только магических. Жизни брюнета ничего не угрожало, а мне завтра ещё других пациентов лечить.

Поэтому я открыла глаза, убрала руку, попутно стряхнув с воротника его сюртука пыль из отмершей кожи и полюбовалась на результат своего труда. От виска и почти до того места, где заканчивается скула и начинается шея, на месте шрама шла полоска молодой, незагорелой кожи, только отсутствием загара отличаясь от соседней, не повреждённой. Восстановившаяся мочка уха так же выглядела более светлой, и мне пришло в голову, что не всегда этот человек прячет шрам за распущенными волосами, раз уж даже ухо у него тоже слегка загоревшее.

Шрам на шее никуда не делся, и контраст был поразительным, переход очень чётким, выглядело всё это не особо красиво, но зато наглядно показывало, что мне удалось сделать. Ничего, убегу шрам целиком, молодая кожа загорит, сравнявшись цветом с той, что вокруг, или наоборот, загар сойдёт с лица — зима-то не за горами, — и никто уже не сможет определить, где прежде был шрам.

— На сегодня всё, — я подарила лёгкую удовлетворённую улыбку мужчине, тоже открывшему глаза и вопросительно на меня глядящему. — Продолжим в следующий раз. Принести вам зеркало?

И как я не додумалась сразу его припасти? Впрочем, денёк сегодня выдался сумбурным, не о каждой мелочи получилось вовремя вспомнить.

— Не надо, — мужчина пощупал свой шрам, точнее, то место, где он прежде был. Его глаза удивлённо расширились, пальцы забегали по скуле и шее, ища и не находя грубый рубец. — Не может быть!

Последние слова он практически выкрикнул, и на пороге тут же нарисовалась парочка из приёмной, во все глаза уставившись на лицо своего спутника.

— Это невозможно! — воскликнул Миллард. — Просто... невозможно...

— Это сложно, — поправила я. — Долго и требует больших затрат силы. Но ничего невозможного нет. Необратима только смерть.

После моих слов брюнет вздрогнул и впился в меня нечитаемым взглядом. Потом переглянулся со своими спутниками, шагнул ко мне, взял за руку, положил что-то на ладонь, сжал мои пальцы в кулак и быстро вышел из комнаты, уронив на прощание:

— Завтра в это же время.

И пока я стояла, пялясь на три золотых в своей ладони — мы договаривались на один за весь шрам, а я убрала треть, не более, — хлопнула входная дверь. Подхватившись, я кинулась следом, даже не зная — зачем, то ли вернуть лишние деньги, то ли просто попрощаться, но улица уже была пуста. Почти пуста, какая-то парочка вдалеке направлялась в мою сторону, а вот загадочной троицы видно не было. Ни их, ни уезжающей кареты, ничего.

— Интересно, кто из них порталщик? — мимолётно подумала я, потом пожала плечами, заперла дверь и, зевая, отправилась спать — уже перевалило за полночь, завтра нужно будет следить за временем и не засиживаться так долго, утром поспать подольше не получится.

Разбудил меня луч солнца, прицельно бивший из моего так называемого оконца прямо в лицо — подумала, что нужно ложиться головой в другую сторону, занавешивать эту кроху не хотелось, хоть какой-то свежий воздух, — и негромкий гомон на улице. Быстро оделась, поплескала ледяной водой в лицо, чтобы проснуться и, выглянув наружу, была встречена радостными приветствиями небольшой группы страждущих. Все твёрдо стояли на ногах, никого окровавленного я тоже не заметила — и чего им неймётся в такую рань?

Впрочем, если это мои соседи по улице, то смысл в этом был — после открытия магазинов им самим будет уже некогда. Но это вовсе не означает, что я должна буду каждый день вставать в пять и работать без завтрака, для меня же никто магазины в пять не откроет. Ладно, сегодня, в виде исключения, приму до открытия всех, а потом — только экстренных.

Запустив страждущих в приёмную, я оглядела их и первой пригласила мать с младенцем, которому убрала крапивницу, а молодой

кормящей матери — жене владельца кофейни, — посоветовала отказаться от кофе, а заодно и еще от кое-каких продуктов, из-за которых её малыш покрывался сыпью и очень плохо засыпал. Несколько раз переспросив: «Точно не сглаз?», женщина ушла, бормоча себе под нос, что зря, наверное, чуть соседке волосы не выдрала, раз не её это вина, надо бы извиниться.

Потом я быстренько разделалась с почти созревшим фурункулом, мигренью, ожогом, к счастью, от обычного утюга и всего двухдневной давности, и загнанной глубоко в ладонь занозой, ранка вокруг которой уже начала гноиться. Осталось двое — старушка с радикулитом и пожилой мужчина с камнями в жёлчном пузыре. Эти требовали долгого лечения, тут минутой не обойтись, поэтому, выяснив, что мужчину в кожаной мастерской вполне могут подменить сыновья, а старушка вообще уже не работала, живя с семьёй сына-портного, я обезболила обоих на первое время и велела идти домой, позавтракать, а потом приходить в часы приёма — приму без очереди.

Оставшись одна, быстро написала на листе бумаги расписание приёма, предусмотрев перерыв на обед и выходной в воскресенье, крупно приписав, что вне этих часов принимаю только рожениц и людей с травмами и болезнями, угрожающими жизни. Конечно, это не помешает кому-то посчитать угрозой для жизни ноющий зуб или порезанный палец, но надеюсь, их остановит предупреждение, что если угрозы для жизни не будет, плата за приём возрастёт в три раза. А за тройную цену я согласна встать среди ночи даже из-за насморка.

Переписав получившееся на отдельный листочек, чтобы отослать кого-нибудь из детей заказать табличку, когда мастерская резчика по дереву откроется, я прикрепила лист на дверь на уровне глаз. После чего спокойно отправилась готовить завтрак, предварительно заглянув в сарайчик, где курочки меня порадовали свежими яичками, а спасённая Ланой Рыжуха распушилась над кладкой в отдельно стоящем ящике, застеленном соломой, показывая, что девочка в ней не ошиблась.

Раздав за завтраком задание детям и предупредив, что, возможно, сегодня буду занята весь день и вечер. Но это даже хорошо, ведь когда вокруг не останется людей с застарелыми болячками, я стану посвободнее, но и доход уменьшится, так что, нужно пользоваться моментом. Дети поняли всё правильно, девочки вызвались взять на

себя готовку даже из неудобной картошки, последнее — с тяжёлым вздохом, мальчики пообещали заняться двором, начав уничтожать бурьян, освобождая тройняшкам место для работ, но главное — это уроки. Магия — это хорошо, но если не знать хотя бы азов той же математики, в академию соваться смысла нет.

На той неделе начну искать детям школу, пока же нужно немного обжиться и разобраться с потоком пациентов.

Слух о том, что я лечу без боли, быстро разошёлся по окрестностям, и поток пациентов не иссякал, приходилось захватывать часть перерыва на обед и задерживаться после окончания приёма. Но и количество денег в банке, стоящей в кухонном шкафу среди похожих банок с крупами, быстро росло, хватит и на продукты, за которыми дети сами ходили на рынок, и на всё, что понадобится моим студентам для учёбы. Золото, полученное от брюнета, я складывала в тайник в сундуке, целее будет. Стану посвободнее — отнесу в банк, под проценты.

Это напомнило мне первые дни в Пригорном — тогда ко мне тоже нескончаемым, как казалось, потоком шли жители села, а потом и окрестных деревень, потом волна сошла почти на нет, стало легче. Зато благодарные пациенты нанесли нам кучу еды, одежды для детей, кур и даже поросёнка, стало уже не так страшно за своё будущее, особенно когда тройняшки освоились на огороде и раздобыли семена.

Но было и существенное отличие — сейчас со мной осталось лишь четверо достаточно больших и самостоятельных детей, способных с лёгкостью вести наше хозяйство, пока я пропадаю на приёме больных. А тогда у меня на руках было четверо малышей, плюс дети постарше, которые тоже требовали заботы, а я сама была ещё таким ребёнком! Совершенно к самостоятельной жизни не приспособленной. И не представляю, что бы делала, как справлялась, если бы не семейка Бронк.

Когда дядько Рул высадил нас у домика покойной знахарки, а сам поехал дальше, я зашла внутрь и в ужасе огляделась, не представляя, как можно жить в таком крохотном помещении без единого магического артефакта. Проснувшаяся Ава рыдала у меня на руках, Лана, вцепившись в мою юбку, подвывала ей в унисон и звала няню, Ронт цеплялся за меня с другой стороны и просился на ручки. И только Бейл продолжал спать на руках у Рина, «благоухая» обкаканными

пелёнками на весь домик. Старшие дети тоже с ужасом осматривались, Вела начала всхлипывать, я уже готова была к ней присоединиться, и тут в домик ворвался ураган из женщин и девушек.

Сначала мне показалось, что их человек двадцать, не меньше, оказалось в итоге, что только пять — Дона, жена дядьки Рула, три её дочери и невестка.

Малышей вмиг расхватили по рукам, помыли, переодели и успокоили. Старших детей отправили осваивать двор, а то всем нам было в доме не протолкнуться. Я только глазами в растерянности хлопала, а печь уже была растоплена, в ней варилась каша, полы и маленькие подслеповатые окна сияли чистотой, а я была едва не раздавлена в объятиях, вымочена в слезах и почти утоплена в благодарностях за спасение жизни их мужа и папаньки.

И только я немного в себя пришла и хотя бы начала различать в этом вихре, кто где и чем занимается, как безумие увеличилось. В дом ввалилось трое парней с какими-то досками, молотками, чем-то еще и, главное — с огромной люлькой. Вся эта компания вместе со своей ношей нырнула в прикрытый занавеской дверной проём — а я даже не сразу сообразила, что там есть еще одна комната, — и оттуда раздались стук молотка, визг пилы и чертыхания. Один из парней, тот, что помладше, ещё пару раз промчался туда-обратно, волоча что-то, отдалённо напоминающее матрасы, туда же занырнула одна из дочерей матушки Доны с каким-то большим узлом в руках, и спустя недолгое время меня пригласили принимать работу, назвав хозяйшкой.

В крохотной комнатке помещались две кровати — одна настоящая, а вторая — только что сколоченный настил на ножках, над ними были надстроены широкие полки, а на всём этом лежали, как я потом узнала, соломенные тюфяки, прикрытые не новыми, но вполне крепкими и чистыми простынями и домоткаными шерстяными одеялами. В центре, привязанная к вбитому в балку кольцу, висела люлька.

— Муж мой внукам нашим делал, тоже двойня уродилась, да выросли уже, — пояснила матушка Дона, именно так она велела себя называть, похлопывая люльку по резному боку. — А твоим как раз сгодится, пока ножками не пойдут. Ничего, леди, не бойся, всё хорошо будет, мы тебя теперь не бросим, ты ж нам кровник теперь.

— Ой, вы что, какая же я леди? — перепугалась я.

— А кто ж ещё? — пожала плечами женщина. — Раз магичка, стало быть, леди, как иначе-то обращаться?

В общем, так я для всех и стала «леди». Какая-то логика в этом была — если магия у простолюдинов просыпалась, то значит, где-то в не самом далёком прошлом лорды отметились, при более дальнем родстве магия в каждом поколении теряла силу, пока совсем не сходила на нет. При моей силе лучше бы самой бастардом лорда представляться, но тогда одарённые племянники откуда? Пришлось сдвинуть знатного предка на поколение. И судя по нашей силе, был он минимум герцогом, если не самим королём Вертавии.

Вот только казалось мне, что неспроста меня семья дядьки Рула, а за ними и всё село, стали «леди» называть. Просто, наведя порядок в доме, старшие женщины ушли, а младшая, двенадцатилетняя Кифа, осталась. По словам матушки Доны — чтобы за детьми присматривать, пока я сельчан лечить буду. Так оно и было, только девчушка, которая была младше меня на три года, знала и умела то, что мне и не снилось.

Прибегая ни свет, ни заря, она доила козу, кормила кур и поросёнка, топила печь и готовила завтрак к тому моменту, как мы только глаза продирали. За детьми тоже очень ловко присматривала, нянча младших и командуя старшими, опыт был явно немалый. Успевала и в доме прибраться, и постирушку затеять, летала по дому шустрым веником, откуда только силы брались. А потом, когда основная волна больных схлынула, и у меня появилось свободное время и силы, стала ненавязчиво меня обучать житейским премудростям. И ни разу не выказала удивления, что я, вроде как вдова с кучей детей, не умею по дому абсолютно ничего, да и ребёнка на руки правильно взять — тоже. Будто так и надо, так и должно быть.

Наверное, догадались наши друзья, что я и правда леди, потому и к жизни не приспособлена, вот только причину, по которой я в их краях оказалась, конечно же, угадать не смогли. Меня не расспрашивали, сами себе что-то додумали, но когда раз в год в Пригорное управляющий местного лорда налоги собирать приезжал, меня всем селом прятали. Ребятишек моих по домам разбирали — кто там их пересчитывать будет, — а я вроде как одна из невесток дядьки Рула была. Ну а возле нашего дома один из его сыновей с женой и детьми топтался — домик-то жилой, этого не скроешь.

Объяснялось это тем, что вдруг моя барыня-убийца с лордом нашим знакома и всё же захочет меня извести, и у него узнать попытается, не появлялась ли я в Пригорном, даром что королевство другое, граница — она не железная. В общем, якобы поверили в мою легенду. А уж что они там себе надумали, я узнать не пыталась, меня всё устраивало.

Уезжая, я в последний раз осмотрела всю семью — всё более-менее серьёзное я давно им вылечила, начиная с больной спины матушки Доны и заканчивая лёгким косоглазием и подростковыми прыщами Кифы, — но всё равно было тяжело расставаться с теми, кто стал нам почти семьёй. Но дядько Рул сам мне сказал, мол, у тебя своя дорога, не дело это — в селе себя хоронить, да и детям учиться нужно.

Да, учиться было нужно. Особенно Бейлу, у него проснулась одна из самых сложных и редких видов магии — порталная. И если все остальные довольно удачно осваивали свою магию интуитивно, то с порталами так не получалось. Это очень опасная магия, потому что по незнанию или неумению можно наделать много бед. Тут нужен наставник.

Бейл, конечно, всё равно тренировался, создавая маленькие порталы на небольшие расстояния. Камни и поленья пересылать у него уже неплохо получалось, яблоки тоже, хотя временами и те, и другие оказывались разрубленными на части. Но в целом удачных проб было больше. А вот с чем-то живым возникала проблема — я разрешала ему тренироваться на курах или кроликах, которые всё равно должны были отправиться в суп. И ему так до сих пор и не удалось ни разу переправить порталом живое существо — из портала появлялись трупки, ну, хотя бы головы живности рубить не приходилось. А иногда, как и с предметами, мы получали перемещаемое по кусочкам.

И в чём проблема, что он делает неправильно, Бейл так и не понял. И я помочь ничем не могла, даже учебника нужного так и не нашла, хотя заходила в букинистический магазин при каждой поездке в Бетелл. Может, здесь получится найти ему если не наставника, то хотя бы учебник? Но это всё потом, а сейчас нужно справиться с наплывом посетителей, уложившись в часы приёма, чтобы осталось хоть немного времени привести себя в порядок и перекусить перед вечерним приходом брюнета, чьего имени я до сих пор так и не узнала.

У меня, кстати, мелькнула мысль узнать, кто из них троих порталщик, и не согласится ли он дать пару уроков моему сыну, но я быстро её отбросила — не те у нас были отношения. Если остальные больные во время лечения жаждали выговориться, и таким образом я узнала много полезного и бесполезного, вроде сплетен, а также умудрилась договориться о регулярных поставках нам молока и озадачила местного плотника утеплением чердака, не выходя из дома, то вечерний посетитель к разговору не располагал, от слова «совсем».

Мы перебрасывались максимум парой-тройкой фраз по делу, ну и «здравствуйте-спасибо-до свидания». Во второй вечер я обнаружила троицу в чёрном, внимательно читающую приписку к расписанию и сразу заявила, что это относится лишь к тем, кто приходит в не приёмные часы без приглашения, брюнета же я пригласила сама. В любом случае, ежедневная оплата от него намного перекрывала то, что я зарабатывала за целый день. Мой загадочный пациент так и платил по три золотых за каждый приём, хотя мы вроде как уговаривались на один золотой за шрам целиком, но когда я заикнулась об этом, он зло бросил, что сам решает, сколько стоит его здоровье. Ну и ладно, мне ещё чердак утеплять и младшим детям учителей искать, лишние деньги не повредят, и не придётся банковский счёт трогать.

За второй сеанс я убрала видимую часть шрама с шеи, поэтому следующим вечером попросила пациента раздеться до пояса, что он и сделал, быстро, хотя и стиснув зубы. Видимо, думал, что меня напугает то, что я увижу, или я даже испытаю отвращение. Наивный. Его травмы, возможно, отпугивали нежных леди, с которыми он имел дело — уж не знаю, жену ли, любовницу, или ту и другую одновременно, перчатка не позволяла увидеть кольцо на пальце или его отсутствие, — но напугать шрамами целительницу, это надо очень сильно постараться.

Мне, как раз наоборот, увиденное понравилось. Современная мода на сюртуки с широкими подплечниками превращала любого дрыща в атлета, но когда мужчина раздевался, под одеждой редко обнаруживалось что-то, достаточно впечатляющее. А вот брюнет впечатлял. Широкие плечи у него оказались свои собственные, и размах их, а так же выпуклые грудные мышцы и бицепсы, скрытые свободным сюртуком, вызывали восхищение.

Откуда-то появилось странное желание прикоснуться к груди, проверить, такая ли она твёрдая, какой выглядит, руки тоже потрогать хотелось, но это у меня впереди, на левой тоже были ожоги, как и на спине. А потом до меня дошло, что в итоге придётся просить его снять и брюки тоже, или хотя бы приспустить, поскольку один шрам уходил под их пояс, захватывая часть ягодицы. Да, я могла лечить, прикоснувшись к любой части тела, лишь бы был прямой контакт с кожей, но чем ближе под моей ладонью находится место лечения, тем оно эффективнее.

Ладно, снимать с посетителя штаны придётся еще не скоро, работы и выше пояса непечатый край. Поэтому я состроила невозмутимое лицо, показывая, что несколько меня его шрамы не напугали и отвращения тоже не вызвали, и, положив ладонь на шрам, продолжила лечение.

Итак, с первым шрамом, тем, что был виден, я расправилась за четыре вечера. Оставалось ещё пять — три на спине и два на левой руке. Все они выглядели примерно одинаково — узкая верхняя часть и широкая нижняя, словно на мужчину падали огромные капли этого самого магического напалма — знать бы ещё, что же это за гадость такая, — и текли вниз, расплываясь по коже. И лишь тот, что был на кисти, отличался от остальных — там было просто неровное пятно, захватывающее часть предплечья, половину тыльной стороны ладони и три пальца, причём последние, стянутые кожей, представляющей из себя один сплошной шрам, почти не двигались.

Всё это я обнаружила еще в первый день, просканировав брюнета на предмет повреждений, и поняла, что если шрам, выходящий на лицо, доставлял ему эстетическое неудобство, точнее, просто-напросто уродовал и этим возвращал комплексы, то шрам на руке мешал по — настоящему — мужчина не мог нормально ею пользоваться. Хорошо хоть, рука была левая. Поэтому на пятый день, оставив его неизменных спутников в приёмной в компании книги и стопки прессы — начиная со второго вечера, Миллард тоже запасался чем-нибудь почитать, — и пройдя в кабинет, я предложила:

— Давайте, я рукой займусь. Сможете пальцами нормально пользоваться, а тогда уже я за спину возьмусь — если, конечно, вы те шрамы тоже хотите убрать.

А то мало ли. Не видны, не мешают. Впрочем, жена-то их видит, или любовница, или обе... Интересно всё же, женат он или нет? Так, что-то я в последнее время не о том думаю, какая мне разница, он мне деньги за лечение платит, большие деньги, остальное меня не касается.

— Хочу, — мужчина смотрел на меня всё так же напряжённо-недоверчиво. Да сколько можно-то? — Вы хотите сказать, что я смогу нормально двигать пальцами?

— Конечно, — кивнула я. — Только...

— Придётся повозиться, — кивнул он. — Приступайте.

И снял перчатку. Впервые я увидела его руку, прежде он оставался в перчатке, даже сняв рубаху. Кстати, волосы он продолжал носить распущенными, не убирал в хвост и не стриг. Наверное, ждёт, когда кожа под бывшим шрамом сравняется по цвету с остальным лицом и перестанет выделяться. Его право.

Я взяла в руку изуродованные, скрюченные пальцы, закрыла глаза и услышала:

— Если у вас получится. Если мои пальцы вновь смогут двигаться как прежде...

— Получится, — перебила я его. Ну сколько можно сомневаться? — Смогут. Просто нужно время.

— Если у вас получится, — словно не услышав моей реплики, повторил мужчина, — то у меня будет для вас новый пациент. И если вы сможете помочь ему... если поставите его на ноги... Просите всё, что пожелаете, и я вам это дам.

ГЛАВА 4. СТУДЕНТЫ

День пятый. Пятница

— Вряд ли вам под силу то, чего я желаю, — пробормотала я.

— Мне подвластно многое, уж поверьте, — в голосе брюнета проскользнула гордость и даже надменность.

— Этого не сможет даже наш король, — усмехнулась я и получила очередной пристальный, но нечитаемый взгляд. Удивление? Недоверие? — Воскресить давно умерших не под силу даже Богине-Матери.

— Тут вы правы, — мой собеседник вновь помрачнел.

— Хотя... есть у меня одно желание. Попроще, — я смерила брюнета изучающим взглядом.

— Женится на вас я тоже не смогу, — покачал он головой, перехватив мой взгляд.

— Упаси Богиня! — непроизвольно воскликнула я, а потом спохватилась. — Простите, пожалуйста.

— Зато честно, — усмехнулся брюнет. Самым уголком рта, но усмехнулся же. — Учитывая мою внешность...

— А это здесь причём? Говорю же — всё уберу. Просто... вы простите, но если я и соберусь замуж, то уж точно не за такого мрачного типа, как вы. Только не обижайтесь, пожалуйста.

— На правду не обижаюсь. Так какое у вас желание?

— А кто из вас троих порталщик?

— Я.

Жаль. Лучше бы блондин. Хотя Миллард был бы еще хуже.

— Когда я вылечу вашего больного — не могли бы вы дать несколько уроков моему младшему сыну?

— У вас есть сын? — всё это время привычно глядящий в потолок пациент развернулся ко мне всем телом, внимательно разглядывая, словно впервые увидев. — То есть, у вас есть младший сын, достаточно взрослый, чтобы ему понадобились уроки порталной магии?! Да сколько же вам лет?

— Тридцать, — привычно соврала я. — Младшему сыну одиннадцать, старшему — тринадцать.

Вполне нормальная разница, девушки-простолюдинки выходят замуж в шестнадцать, а то и в пятнадцать лет. Вот если бы я себе еще и тройняшек приписывала, тут да, было бы подозрительно. А с младшими — нет.

— Вы не выглядите на тридцать, — мужчина всматривался в моё лицо, словно в поисках признаков старения.

— Я сильный маг, — пожала плечами, мол, и сам мог догадаться. Маги старели медленнее обычных людей, и чем маг сильнее — тем дольше он жил. Герцогу, моему прадедушке, было сто тридцать четыре, он прожил бы ещё лет тридцать-сорок, не меньше, и даже в этом возрасте у него хватило сил отправить нас, десятерых, на другой континент.

— Вы не выглядите на тридцать, даже как сильный маг.

Какой настырный! И ведь прав — я не выглядела на тридцать, поскольку мне всего лишь двадцать пять. Но этого говорить я никому не собираюсь, у меня припасено другое объяснение, возразить на которое ему будет нечем.

— Я целительница. Неужели вы думаете, что я позволю какой-нибудь морщинке или седому волосу появиться у меня раньше, чем мне стукнет лет сто?

— Да, пожалуй, вы правы, — мужчина вновь откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

Какое-то время мы сидели молча, я занималась мизинцем, он был обожжён настолько, что даже верхней фаланги не осталось, ниже — кость, обтянутая шрамированной кожей, в перчатке явно была плотная вставка, что бы это не бросалось в глаза. Сегодня я занималась кожей, меняла старую на новую, как прежде на щеке, заодно и с сосудами поработаю, что бы подпитывали её как следует, а вот завтра займусь мышцами, сухожилиями, костью и ногтём, всё это нужно восстанавливать почти из ничего. Скорее всего, с мизинцем я провожусь все три дня, остальные пальцы потребуют по два — там проще, кости целы и мышцы тоже сохранились почти целиком. Ещё два-три дня на ладонь и предплечье — итого, через десять дней рука будет как новая.

Ну, не считая, конечно, другого шрама, на плече, но там только кожа пострадала, работоспособности руки тот шрам не мешает.

Пока работала, время от времени бросала взгляд на своего пациента, потом не удержалась и спросила, раз уж у нас сегодня день откровений:

— А сколько лет вам?

— Тридцать девять, — не открывая глаз, уронил мужчина, возвращаясь к прежней манере общения.

— Вы тоже очень сильный маг, — не удержалась я от реплики, поскольку он и на тридцать не выглядел.

— Да, — и снова тишина. Ну и ладно. Хотела ещё имя спросить, а потом подумала — раз уж он сразу не назвался и явно хранит инкогнито, то либо не ответит, либо назовёт выдуманное. Для обращения мне хватает слова «Вы», мысленно могу и дальше величать своего гостя брюнетом. Пусть хранит свою тайну, я же свою храню.

Выложились я сегодня по полной. Понимала, что чем раньше разберусь с рукой, тем раньше займусь другим пациентом, а значит, и уроки Бейл получит быстрее. Поэтому к полуночи — именно во столько я заканчивала наши сеансы лечения, утром мне нужно было рано вставать, — я не только восстановила кожу на пальце, но и нарастила кость.

— На сегодня всё, — выпуская руку и отряхивая с подола насыпавшуюся отмершую кожу, сказала я. Брюнет вздрогнул и взглянул на меня заспанными глазами. Надо же, уснул! — Пока так. Постарайтесь этим пальцем ни к чему не прикасаться, не задевайте его, согнуть-разогнуть не пытайтесь. Кожа не закреплена толком, завтра наращу мышцы. А пока — вот так.

— Невероятно, — мужчина рассматривал свой пока ещё страшненький — тонкая кожа обтягивала косточку, ноготь отсутствовал, — палец, но он хотя бы уже был нужной длины. — И я ничего не почувствовал!

— Я обезболиваю, — объяснила очевидное.

— Другие целители снимают боль в редких случаях и за отдельную плату. Говорят, на обезболивание уходит слишком много силы, которую можно направить на что-то другое. И в большинстве случаев можно потерпеть.

— Меня учили так, — пожала я плечами. — Я снимаю боль при любой своей манипуляции, не разделяю одно от другого.

— И где же так учат? — прищурился мой пациент.

— Я из Вертавии, — выдала привычную версию. Надеюсь, он не станет проверять, так ли там действуют целители, кто знает, как там обстоят дела на самом деле?

— И что же привело вас в наше королевство? — в голосе моего собеседника послышались нотки подозрения. Действительно, с чего бы именно сюда из-за границы?

— Я перебралась в Лурендию еще десять лет назад, просто жила в приграничном селе, а теперь переехала в столицу.

— И что заставило вас покинуть родные места? — не отставал брюнет.

И что его именно сейчас на разговоры потянуло? Я, вообще-то, спать хочу, встаю в шесть утра, а он, наверное, спит до полудня, как большинство аристократов. Если так хотелось поговорить — мог бы и во время лечения вопросы задавать, а не сейчас. Но высказать всё это я, конечно, не могла, позволила себе лишь лёгкий вздох раздражения, который можно было отнести к событиям моего прошлого.

— У меня возникло недопонимание с местной леди. Она не хотела, чтобы я становилась любовницей её мужа, а я...

— А вы?

— А я тоже не хотела, только лордам обычно не отказывают. Впрочем, разделить судьбу трёх своих предшественниц, которых подстерегли внезапные несчастные случаи, не хотелось ещё больше. Поэтому, не дожидаясь, пока наш лорд перейдёт к более активным действиям, что спровоцирует его жену на исполнение угроз в мой адрес, я схватила детей в охапку и рванула через границу — в Лурендию наш лорд вряд ли бы за мной помчался, не такая уж я и ценность.

— А как на всё это отреагировал ваш муж? — мужчина поднял глаза от своей перчатки, из которой действительно что-то вытряс себе на ладонь и убрал в карман.

— Спокойно отреагировал. Лежал себе под тоннами земли, и в тот момент ему уже всё было безразлично. Дайте-ка, я сама вам перчатку надену, а то можете неловким движением свести на нет всю мою сегодняшнюю работу.

— Под тоннами земли? — протягивая мне перчатку и подставляя руку, переспросил мужчина.

— Возможно, вы слышали про сель, сошедший в Вертавии недалеко от границы с Лурендией десять лет назад?

— Да, конечно. Тогда много людей погибло. Так ваш муж?..

— Муж, родители, брат с женой, её родня... Почти все, кто работал на южных полях. А я дома, с детьми была, мы выжили. Не прошло и пары месяцев — новая беда в виде любвеобильного лорда и его ревнивой жены. Пришлось бежать.

— Как же вы выжили? Одна, в чужой стране, с маленькими детьми?

Да что его на разговор-то пробило так внезапно? Я спать хочу, я вымоталась больше, чем обычно, а он всё не уходит.

— Мне помогли жители села, до которого я добралась. Целитель в той местности — редкость, поэтому о нас заботились всем селом, им очень хотелось, что бы я осталась у них насовсем.

— Но вы не остались?

— Нет. Старшие дети поступили в академию, и мы переехали поближе к ним.

— Старшие... дети?.. — мужчина аж поперхнулся. — В академию? Да во сколько же вы там замуж выходите?

— Не пугайтесь так, этих детей рожала не я, — попыталась подавить смех при виде ошарашенного лица своего собеседника, но не получилось. — Это мои племянники, я взяла их к себе после смерти брата, больше некому было. Но я воспитывала их последние десять лет и давно уже считаю своими детьми, хотя по возрасту они мне скорее братья и сёстры.

— Братья и сёстры? — медленно повторил брюнет. — Да сколько же у вас всего детей?

— Девять, — расплылась я в улыбке, было так забавно наблюдать, как брови мужчины поднимаются всё выше, а лицо вытягивается в изумлении.

— Девять... И вы рискнули отправиться в неизвестность с девятью детьми на руках?

— У меня не было выбора, — веселиться резко расхотелось. — Смерть грозила нам всем.

И я сказала чистую правду. Брюнет взгляделся в моё лицо, что-то в неё разглядел и тоже посерьёзnel.

— Я понимаю. До завтрашнего вечера, — и в мою ладонь привычно легли золотые кругляшки.

— До сегодняшнего, — поправила я. — И постарайтесь не снимать перчатку до этого времени.

— Хорошо, — мужчина кивнул и скрылся за дверью в прихожую, а я обнаружила, что сегодня в моей ладони лежало пять золотых.

Я решила, что прибавка — законная плата не только за выращенную сверх плана косточку, но и за навязанный разговор и отнятые пятнадцать минут сна. Поэтому пожала плечами — ну, хочется человеку золотом разбрасываться, так кто я такая, что бы возражать? — и поплелась, придерживаясь за стену, в свою долгожданную постельку.

Субботнее утро мало чем отличалось от остальных, но мы все с самого утра были в приподнятом настроении — после занятий должны были приехать наши студенты и остаться до вечера воскресенья. Мы не виделись почти три недели — они выехали заранее, чтобы до начала занятий в этот понедельник успеть решить все организационные вопросы, заселиться в общежитие, получить учебники, форму, освоиться в академии и сделать всё остальное, что необходимо.

К тому же, пока тройняшки осваивались на новой для них территории, Рин и Вела проконтролировали, чтобы дом был готов к нашему приходу — мебель, купленная мной в предыдущий приезд, доставлена и расставлена, в том числе и двухэтажные кровати, которые делались на заказ по моим чертежам, все магические амулеты работали, вывеска была повешена, и так далее. Ну и неделя на дорогу, что тоже увеличило нашу разлуку.

Сегодня пациентов было особенно много, то ли подтянулись те, кто работал в будни в часы приёма, то ли потому, что в субботу я заканчивала работу на два часа раньше — не знаю. Но я едва выкроила пятнадцать минут на обед, быстренько съела то, что поставила на стол Лана, сочувственно глядящая на меня — как и все, она понимала, что потом станет легче, а пока мне приходится пахать на износ, — а потом несколько минут между двумя пациентами потратила на то, чтобы расцеловать своих студентов и вручить им деньги на закупки.

Всё остальное время я принимала пациентов, зато и заработала раза в полтора больше, чем обычно. И держалась лишь на мысли, что

сегодня мой рабочий день закончится раньше, а завтра вообще выходной. И если не будет ничего экстренного, то заниматься я буду лишь своим брюнетом поздним вечером, а весь день посвящу детям.

Кстати, как оказалось, проход через магазин — а теперь через приёмную, — был здесь не единственным. Почему мне его не показал продавец, не знаю, может потому, что покупала я дом не у хозяина, а риелтор таких мелочей не знал или посчитал, что я и сама в курсе. Хорошо, что это разузнал Рин — подсказал кто-то из приглашённых мастеров, — а то было не очень удобно, когда дети ходили на рынок через приёмную с сидящими в очереди пациентами. Хорошо хоть, не через комнату для лечения, а через коридор, соединяющий приёмную с кухней, в него же выходили остальные помещения первого этажа.

В дальнем углу двора, за бурьяном, неотличимая от забора, притаилась калиточка, которая выходила в узкий проход между дворами и вела на соседнюю улицу. Там дома были жилые, придомовые участки были более широкие, в отличие от нашей улицы, где все здания представляли собой единое строение с общими стенами. А вот задние участки разделялись узенькими проходами, которыми пользовались жители нашей «аллеи».

И этот проход, точнее — земля под ним, была общей для нас и соседей сбоку, я её, по сути, купила вместе с домом, надо бы предъявить претензию риелтору, который это даже на плане не указал, хотя проход был предусмотрен ещё при плановой застройке улиц. Не сказать, что бы этими проходами часто пользовались, но они были, и теперь дети смогут ими пользоваться, благо, и рынок, и школа тоже находились с той стороны, не придётся делать крюк.

Зато сегодняшний день принёс неожиданную удачу — я устроила детей в школу. Да, вот так, прямо во время приёма, как уже не раз о чём-либо договаривалась с соседями. На этот раз ко мне пришёл с подагрой заместитель директора школы для одарённых простолюдинов, расположенной всего в пяти кварталах от нас. Называлась она иначе, и в ней учились и обычные дети, общеобразовательные предметы у всех были общие, но за отдельную плату с детьми занимались приглашённые маги.

Поскольку занятия были не индивидуальные, то и стоили уроки такого педагога в разы меньше, чем у частного учителя, к тому же, как

и в случае с академией, занятия особо одарённых детей оплачивала корона — кажется, здесь тоже получится сэкономить.

Пока я колдовала над больной ногой мистера Тилера, Ронт принёс учебники и тетради и показал, что они с братом и сёстрами сейчас проходят. В итоге мы договорились, что в понедельник детям нужно будет прийти в школу, прихватив свои документы, старших возьмут в один класс, близнецов в другой, годом младше, а так же троих будут обучать маги нужной специализации, счёт за это мне выставят позже.

Как я и опасалась, учителя для Бейла в школе просто не было. Портальный дар очень редок, особенно среди простолюдинов, которые составляли большинство учеников школы. Были там и дети обедневших дворян, но даже среди них сейчас не было ни одного порталщика. По словам мистера Тилера, на его памяти в школе училось лишь четверо ребятшек с таким даром, и у всех он проснулся позже, чем магия других учеников, и был таким слабым, что до поступления в академию никакие отдельные уроки этим детям были не нужны, только общие, по контролю над магией.

Именно это и готовы были предложить Бейлу, в остальном — увы. Хорошо, что я уже договорилась с брюнетом, будет у моего мальчика учитель. В крайнем случае, найму какого-нибудь частника, возможно даже — преподавателя из академии. Но это потом, пусть сначала брюнет отработает лечение мною его друга или родственника. А до этого времени Бейлу не помешают и обычные школьные уроки, тем более что у меня сейчас совершенно не хватает времени на занятия с детьми, еле успеваю у Ронта уроки проверить, а он уже у младших проверяет.

После обеда пришёл мужчина средних лет с рукой, обмотанной окровавленным полотенцем. Остальные больные его даже вне очереди пропустили. При разматывании полотенце оказалось практически чистым, измазан кровью был лишь верхний слой, рука тоже была целой, а вот на большом пальце другой обнаружился небольшой порез, уже почти затянувшийся. Видя моё недоумение, мужчина представился — Нит, лавочник и муж Мелы.

— Жена сказала, чтобы я в вас зашёл насчёт... что она здорова, и, наверное, это я... Матушка уехала к сестре, и я сразу к вам. Но она же узнает, спросит, зачем ходил. А так — он кивнул на испачканное

полотенце, — скажу, руку порезал, да и говорить не придётся, ей еще и раньше меня подруги доложат. Ну и... вот...

Я быстренько залечила порез на пальце — не оставлять же улику, — а заодно и остальную диагностику провела. Да, моё предположение оказалось верным — виноват в бесплодии был именно муж, а не жена, хотя традиционно именно женщин винили, если в семье не было детей. Расспросив мужчину, сумела вывести, что в молодости он заразился от маленького племянника болезнью, от которой щёки и шея распухли. Вот только у племянника уже трое детей, а у самого Нита...

Я пояснила, что эта болезнь именно для взрослых очень опасна и как раз может привести к бесплодию, в то время как маленького племянника эта беда обошла стороной. Во время разговора, так и держа мужчину за руку, провела лечение. Да, чем ближе прикоснуться к очагу болезни, тем легче, но вот в данном конкретном случае я решила мужчину не смущать, ему и сам разговор нелегко дался. Хотя мистера Тилера спустить штаны я заставила, правда, он оставался в исподнем, лишь немного штанину подвернул. Болезнь болезни рознь, и отношение человека к ней — тоже.

В общем, отправила я радостного лавочника к его жене, делать долгожданного наследника, а матери его обещала сказать, что это жену его я вылечила от бесплодия, если вдруг разговор такой зайдёт. Мне не сложно, а человеку легче, если о его «позоре» никто, кроме любимой жены, знать не будет.

Наконец, проводив последнюю пациентку и повесив на дверь табличку «закрыто», я направилась на кухню — до появления брюнета было ещё несколько часов, и я намеревалась провести их со своей семьёй.

Девочки готовили ужин, радостно очищая кубики картошки — прежде, чем отправиться за покупками, тройняшки, по их слёзной просьбе, вырастили несколько кустов на ужин, запасы на зиму будем делать завтра. Ронт отправлял в духовой шкаф натёртую травами курицу — готовить умели все дети, не деля работу на мужскую и женскую, — а Бейл, пристроившись на другом конце кухонного стола, что — то писал в тетради, время от времени глядя в потолок, шевеля губами и загибая пальцы — давняя привычка, так ему легче думалось.

Оглядев умиротворяющую картину, я надела фартук и полезла в шкафчик за мукой — раз выдалась свободная минутка, напеку печенья, и сами полакомимся, и студенты наши его с собой заберут. Разговор крутился вокруг школы, в которую детям предстояло пойти послезавтра, это была первая школа в их жизни, они и ждали, и побаивались, ведь другие ученики занимались уже несколько лет, а им придётся вливаться в уже сложившийся коллектив.

Я напомнила, что в классы они придут по двое, это проще, чем одному. А вообще их четверо, и, если что — всегда смогут дать отпор тем, кто начнёт задираться. В очередной раз подчеркнув, что наша сила — в единстве, семья — это то, что помогает нам выжить в этом полном опасностей мире. Даже в очередной раз напомнила старую притчу о метле и прутиках.

Когда из духового шкафа потянуло запахом почти уже готовой курицы, а печенье подходило на противнях, дожидаясь своей очереди, в дом ввалилась пятёрка старших, держа в охапках добычу и радостно обсуждая удачные покупки, и как успели у кого-то из-под носа какую — то последнюю и очень важную методичку перехватить. Снова объятия и поцелуи перед скривившимися рожицами Ронта и Бейла — старшие мальчики уже переросли тот возраст, когда объятия матери или сестры принижают мужественность «взрослых парней», и с радостью со мною обнимались.

— Завтра придётся поработать в упор, — со вздохом заявила Льюла, когда первый голод был утолён, а на столе появился чай с еще горячим печеньем. — Следующие две недели я без увольнительной. Наказана. В этот — то раз отпустили только из-за покупок, в этот выходной любых штрафников отпускают, отодвигая наказание.

— Да когда же ты успела — то? — ахнула я. — Пять дней всего учитеесь.

— Я ещё раньше успела, — усмехнулась девушка, беря очередную печенку. — Когда только приехали.

— Это из-за меня, — вздохнула Вела. — Я виновата.

— И ничего не из-за тебя, не выдумывай! То есть... за тебя, а не из-за! И он сам виноват.

— Льюла, что произошло? — я строго взглянула на девушку, потом обвела взглядом остальных студентов, но все старательно жевали, отводя глаза. Заметив слабое звено — старшая девушка

бросала на сестру виноватые взгляды, — обратилась уже к ней: — Вела, почему ты считаешь, что это из-за тебя.

— Не из-за неё! — тут же взвилась Льюла. — Она вообще ни при чём, она просто шла, и всё, а этот! И правильно я ему в глаз дала!

— Ты подралась? С парнем?! — нельзя сказать, что меня это сильно шокировало. Вот если бы Вела или Лана, я бы сильно удивилась, но Льюла и правда могла залепить обидчику в глаз, не раздумывая. Хотя, стоит отдать ей должное — дралась она только за правое дело, или за то, что считала правым, а в это понятие для неё в первую очередь входила защита членов нашей семьи. — Он тебя оскорбил? — обратилась я к Веле, сделав единственный возможный вывод.

— Нет, — тихо ответила Вела, и Льюла тут же возмущённо взвилась:

— «Нет»?! Ещё как оскорбил! «Ну, что, блондиночка, еще не передумала? Готова согреть мою постель?» — это, что не оскорбление? Да он еще мало получил, ничего, я ему ещё добавлю!

— С ума сошла! Не вздумай! — Вела тоже повысила голос.

— А что, позволить ему остаться безнаказанным?!

— Наказанной оказалась в итоге ты. И хорошо, что только увольнительными.

— Так, стоп, — Рин негромко хлопнул ладонью по столу, и девочки притихли. — Льюла, ты поступила глупо, подставилась. Нельзя было драться у всех на глазах, сказала бы нам, мы бы сами с ним разобрались.

— Нет! — воскликнула Вела.

— Теперь ты, — Рин поднял руку, пресекая возражения. Ещё десять лет назад он взял на себя роль старшего мужчины в семье, из всех сил стараясь хоть как-то облегчить мне заботу о младших. И среди детей он пользовался непререкаемым авторитетом. Поэтому сейчас я решила не вмешиваться, давая ему самому разобраться. — «Ещё не передумала», — так он выразился, верно?

— Да, — кивнула Льюла, хотя вопрос задан был не ей.

— Значит, неприличное предложение этот тип делал тебе не единожды, так?

— Дважды, — неохотно выдавила Вела, — это был третий.

— Тогда почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Потому что, это всего лишь слова! Он ничего не делал, ни разу не прикоснулся. А слова — я просто пропускала их мимо ушей.

— Нельзя пропускать подобное мимо ушей. Нельзя спускать хаму подобное поведение. Ты должна была сказать мне об этом, я бы сам с ним разобрался.

— Да именно этого я и не хотела, ты что, не понимаешь? Льюлу только увольнительных лишили, потому что она девушка, да и не так уж и сильно ударила.

— В смысле — не так уж и сильно?! — возмутилась провинившаяся. — Это просто он — бык здоровый, вот и не упал, покачнулся только. Но глаз я ему знатно подбила, не зря его декан к целителю сразу отправил.

— Если уж Льюла бьёт — то не вполсилы, — даже обиделся за сестру Сев.

— Сами учили, — поддакнул Нев.

— Нужно будет самим ему надавать, — Сев стукнул кулаком по ладони и переглянулся с братом, тот кивнул. — Чтобы неповадно было нашу сестру оскорблять.

— Не вздумайте! Слышите, даже думать не смейте! — Вела даже с табуретки вскочила. — Вы хоть знаете, кто он такой?

— Нет, — близнецы дружно пожали плечами, потом Нев добавил: — Мы ж когда подошли, его уже не было.

— Кто он? — Рин впился глазами в сестёр. — Вы сказали, что не знаете имя.

— Я и не знаю, — кивнула Льюла. — Здоровый такой, — подняла вытянутую руку над головой, показывая ладонью рост, — волосы чёрные, лицо как лица, обычно. В форме был. Пальцем покажу, а имени не знаю. Хотя... стой, его ж декан как-то назвал, когда к целителю отправлял. Как его... лорд Вилард?.. Вилент?.. Вилдон?..

— Лорд Вилмер, — выдохнула Вела, не поднимая глаз.

— О, нет!.. — простонал Рин и схватился за голову. — Чтобы даже близко к нему не подходили, слышите? — это он тройняшкам. — Увидели — обходите по кривой дуге!

— Да кто он такой? — не удержалась я.

— Принц, — подняв на меня расстроенный взгляд, ответил Рин. — Младший брат короля Лурендии. Девочки, как же вас угораздило-то, а?

ГЛАВА 5. ОГОРОДНИКИ

День шестой. Суббота

— Льюла... — мне тоже захотелось схватиться за голову.

— Да откуда ж мне было знать? Формы — то у всех одинаковые! А таблички «Осторожно — принц. Руками не трогать!» на нём не было. Мам, ну он же первый начал!

Все дети знали, кем мы приходимся друг другу. Старшие — с самого начала, младшим я всё рассказала, когда Аве и Бейлу исполнилось по восемь. Они знали — но продолжали звать меня мамой, малыши — потому что другой мамы, кроме меня, они не помнили, а тройняшки — потому что им тоже хотелось маму, а других вариантов у них просто не было. Когда они немного подросли, то стали звать меня по имени, но в такие вот минуты, когда эмоции захлёстывают, снова сбивались на «маму».

— Он не начал драться, начала ты, — нравоучительным голосом, который и сама терпеть не могла, возразила Льюле.

Я и сама бы с радостью врезала тому, кто посмел так себя вести с любой из моих девочек, а с тихой и хрупкой, не способной хоть что-то противопоставить хаму Велой — особенно. Но я просто обязана быть в этой ситуации взрослой и мудрой, больше ведь некому.

— Но он сказал ей гадость!

— Так сказала бы ему гадость в ответ. Запомните, — я обвела глазами всех своих малышей, четверо из которых меня уже переросли, — драться можно, лишь защищая себя или друг друга, когда кто-то затеял драку первым. Или прикоснулся к девочкам против их воли. Тогда наказан будет он, а не вы. В крайнем случае — оба, что не так обидно. А на оскорбления отвечать кулаками — показать свою беспомощность. Льюла, я уверена, что ты смогла бы так ответить, что он надолго запомнил бы...

— Ещё как смогла бы!

— А теперь ты наказана, а он — нет. Синяк ему целители свели за минуту, а ты лишилась двух увольнительных. Равноценно?

— Нет, — надулась девочка.

— Надеюсь, это послужит для тебя уроком, — дождавшись кивка, я снова оглядела всех сидящих за столом. — Но если хоть кто — то посмеет... Хоть пальцем! Тогда бейте. Разрешаю. И если вас накажут за самозащиту, а агрессора нет, то я дойду и до директора школы, и до ректора академии, да хоть до самого короля, но добьюсь справедливости. А пока — прости, Льюла, но наказание своё ты заслужила.

— Оно того стоило, — едва слышно буркнула девочка себе под нос, но я сделала вид, что не услышала. Не стоит тратить на нравоучения весь вечер, беседу провела — и достаточно.

— А что ещё интересенького расскажете? — обратилась я к своим новоявленным студентам. — Как вам ваши комнаты? А соседи?

Выяснилось, что здесь всё вообще замечательно. Близнецов поселили в одной комнате на одном этаже с Рином. Льюла сначала оказалась довольно далеко от Велы, на другом этаже, но подкупила свою новую соседку синей карликовой розой в горшочке — Нев вырастил, а сама она изменила цвет и форму, — и та отправилась жить в комнату Велы, а Вела — к Льюле.

На мой вопрос, чем подкупили соседку Велы, я получила пожатие плечами:

— А зачем? Она на своём месте осталась, какая ей разница?

— Мы с ней всё равно не дружили, — призналась Вела. — Она леди, у неё своя компания. Мы не ссорились, просто не общались.

Я порадовалась за старшенькую. Она с самого детства была тихой мечтательницей, с трудом сходящейся с кем-то вне семьи. Я очень переживала, выпуская её из-под своего крылышка и отправляя в академию, Рин присматривал там за ней, как мог, но большую часть времени был где-нибудь в другом месте — другой курс, другая специализация, другое общежитие. Жаль, что юноши и девушки жили в разных зданиях, и уж тем более никто бы не разрешил Рину и Веле жить в одной комнате, пусть даже по документам они брат и сестра.

Вот и о неприличных предложениях принца — чтоб он был здоров, но где-нибудь подальше от моих детей, — мы узнали лишь сейчас. Но теперь рядом с ней будет Льюла, которая уже лет в восемь переросла Велу и всегда её опекала, она в обиду сестрёнку не даст, и я могу быть за старшенькую спокойна. Почти.

Не очень мне нравился этот интерес принца. Но, учитывая, что, по словам Велы, никаких поползновений, кроме словесных, с его стороны не было, будем надеяться, что и дальше не будет. Пускай ищет себе ровню.

Вела, конечно, тоже ему ровня, но он об этом даже не догадывается. И, я надеюсь, никогда этого не узнает. Лучше быть живыми простолюдинами, чем мёртвыми родственниками убитого короля.

Дальше разговор в печальные темы не уходил, младшие делились впечатлениями о нашем переезде и о том, как обживаются на новом месте, средние рассказывали об академии и первых занятиях. Услышав звонок, я оставила детей на кухне, играющей роль и гостиной тоже, потому что это было единственное жилое помещение, где мы могли уместиться все разом, а сама отправилась встречать своего золотоносного брюнета и его спутников.

Поскольку завтра приёма не будет, я решила потратить чуть больше сил и практически закончить с мизинцем. Время подходило к часу ночи, когда я предложила пациенту пошевелить практически целым пальцем — не хватало лишь ногтя. Выражение его глаз, когда он сгибал и разгибал мизинец, дорогого стоили.

— Я хочу предложить вам выбор между скоростью и красотой, — с лёгкой улыбкой глядя, как мужчина ощупывает свой восстановленный практически из ничего палец — я заново вырастила всё, кроме части кости, — дождалась, пока он поднимет на меня вопросительный взгляд и пояснила: — Я могу вырастить вам новый ноготь сразу, потратив на это минимум половину завтрашнего приёма. Или могу восстановить его корень — и он начнёт отрастать сам, естественным путём. Месяца за три вырастет, или я вернусь к нему позже, когда восстановлю работоспособность остальных пальцев. Решайте.

— Но если нужно, вы сможете его вырастить? — уточнил мужчина.

— Да. Только...

— Понадобится время, — привычно подхватил он. — Я бы предпочёл, что бы вы вернулись к ногтям после того, как вылечите моего... больного. Если они сами к тому времени не достигнут нужной длины.

— Тогда давайте руку.

Пока я колдовала над будущим ногтём — это было несколько сложнее, чем с теми же мышцами, — мой посетитель внимательно на меня смотрел, я чувствовала его взгляд, ведь обычно он смотрел в потолок и мне не мешал. Но теперь он просто пялился на меня в упор. Не выдержав, я подняла глаза:

— Что?

— Вы сегодня другая. Вас явно что — то тревожит. Что случилось?

Ничего себе! Мне казалось, что моё сегодняшнее поведение ничуть не отличается от ежедневного. Я вообще не думала, что он особо меня замечает, тем более, какие-то изменения. Но заметил. Вздохнув, я призналась.

— Волнуюсь за племянницу. Она влипла в не самую хорошую историю, и я опасаясь, не будет ли последствий.

— В какую именно историю?

Ему что, правда интересно? Может, рассказать? Так хочется поделиться с кем — то, перед кем не нужно представлять взрослой, опытной, всезнающей и способной решить любую проблему. Переезд в столицу был необходим, но как же мне не хватало сейчас матушки Доны, которая всегда могла дать совет, или Кифы, с которой мы очень подружились. Хотелось просто высказаться, словно незнакомцу, соседу по дилижансу, которого никогда больше не увидишь. Брюнета я еще увижу, конечно, но когда вылечу и его, и того, кого он ко мне приведёт, наши пути разойдутся, скорее всего, навсегда.

— Один из студентов позволил себе оскорбительную реплику в адрес моей старшей племянницы. Её сестра, только что поступившая в академию и никого там не знающая, отреагировала так, как привыкла в деревне — кулаком обидчику в глаз.

— Молодец, девочка, — усмехнулся брюнет, заставив меня удивлённо на него взглянуть. Вот уж не ожидала такой реакции. — А что? — он высоко поднял бровь, заметив мою реакцию. — Это гораздо действеннее, чем пощёчина.

— Наверное, действеннее, — вздохнула я, мысленно с ним соглашаясь, — только вот студент оказался не из простых. Из лордов, — пояснила я, решив про принца не упоминать. Принц, лорд — всё равно ничего хорошего от этого конфликта ждать не стоит.

— Насколько мне известно, девяносто процентов студентов магической академии составляют дворяне. Ваша девочка должна была об этом догадываться.

— Дворяне бывают разные, — вздохнула я. — Обиду, которую спустит простолюдинке сын мелкого помещика, вряд ли оставит без наказания представитель высшей аристократии.

— Вашу племянницу наказали?

— Да, лишением увольнительной.

— А его?

— Не знаю. Кажется — нет. Его отправили к целителю — всё, что мне известно. Но вряд ли лорда накажут за пошлость в отношении простолюдинки. Да и бог с ним, с наказанием, в глаз он уже получил, хватит с него. Но не аукнется ли это Льюле, когда будет решаться вопрос со стипендией.

— Со стипендией? — брюнет удивлённо поднял брови. — Вы надеетесь на стипендию для неё? Она настолько талантлива?

— Да, — не смогла я сдержать гордость в голосе. — У меня все дети талантливые, старшие уже получают стипендию.

— А у младшего порталный дар, — пробормотал мужчина. — И его мама спокойно лечит то, за что наши самые лучшие целители не берутся. Миссис Троп, а вы точно простолюдины?

— По документам — да, — дёрнула я плечом, мысленно ругая себя за то, что позволила разговору уйти в опасную сторону. Впрочем, силу магии я не скрывала, дети тоже. Да и объяснение у меня заготовлено неплохое. — А вот что у нас в крови намешано — кто его знает? У моей мамы отец точно кто — то весьма непростой был, очень-очень непростой, судя по её силе, только никто, кроме бабули, имени его не знал, в нашу местность она уже с животом приехала. А папа мой вроде бы законнорожденный, да только магия в нём тоже была, хоть и слабая. У мужа моего и невестки магии не было, но кто их знает? Кровь лордов во многих простолюдинах течёт, хоть и разбавленная.

— А у вашей матушки магия ещё сильнее, стало быть, была?

— Сильнее, — кивнула я. Легенда за эти годы была продумана мною досконально и легко отскакивала от зубов. Я в неё сама почти верила. — Только он бесполезным был, дар её, непрактичным. Она могла цвет менять?

— Становилась зелёной или фиолетовой? — удивлённо поднял брови брюнет.

— И это тоже, — улыбнулась я нарисованной картине. — Она могла что угодно заставить сменить цвет, значит, и себя в том числе. Только конечно, этого не делала. Могла, не напрягаясь, все поля и луга в поместье сделать розовыми или голубыми, вроде бы, в детстве так и делала, потом назад приходилось менять. В общем, село наше было ярким, красивым, разноцветным — дома, заборы, сараи, дорожки — кто что попросит. Одежда, посуда — тоже. Но другого применения своему дару она не находила. Мануфактур в нашей местности не было.

— А отец?

— Телекинез. Слабый совсем. Ничего, тяжелее ложки, поднять не мог. Но кровь-то всё равно непростая, с маминой смешалась — вот мы все, такие талантливые, и уродились.

— Особенно вы, — мой пациент опустил глаза на свою руку.

Я кивнула, поскольку это было логично — раз уж я на поколение ближе к «знатному дедушке», чем мои «дети и племянники», то сила моей магии должна быть больше. Вот только знатных предков у нас с ними на самом деле поровну, и многие из детей могут быть гораздо сильнее и одарённое меня. Но как сравнить целителя, огневика и менталиста? Никак. Поэтому я молча кивнула, просто чтобы поддержать свою легенду.

— На сегодня всё, — глядя на едва заметную полоску ногтя, появившуюся внизу сформировавшейся ногтевой лунки, сказала я, заканчивая не только лечение, но и разговор.

Брюнет попрощался и снова вложил мне в ладонь монеты. Я заметила, что он никогда не оставляет их на столе, как делали почти все пациенты, только из рук в руку, да еще и пальцы мои поверх них сжимал, то ли чтобы не выронила, то ли, что бы не увидела, сколько денег он оставил. Но я не возражала, никакого отторжения от подобного самоуправства — без разрешения брать меня за руку и ею манипулировать, — я не чувствовала, может, потому что и сама его постоянно трогала, и руку его вертела, как мне было удобно. А учитывая, что платит он полновесным золотом, пусть хоть на голову мне монеты кладёт — даже не пикну.

Но всё равно было странно.

Кое-что вспомнив, я кинулась следом за своим пациентом и застала всю троицу, собирающуюся выходить из приёмной.

— Открывайте портал прямо сюда, — предложила я то, что давно хотела, да всё забывала сказать. — В это время здесь никого не бывает, а если кто и окажется, так не всё ли равно, здесь вы из портала выйдете или на крыльце?

— Пожалуй, это было бы удобнее, благодарю, миссис Троп, — переглянувшись со своими спутниками, согласился мой пациент. — До завтра.

— До сегодня, — прошептала я в закрывшуюся дверь, а потом посмотрела на свою ладонь. Ещё пять золотых. Такими темпами я скоро перестану волноваться, получит ли Льюла стипендию или нет.

Но лучше бы всё же получила. Запас карман не тянет, не хотелось бы лезть в то, что лежит в банке, эти деньги дают мне уверенность в завтрашнем дне. Поэтому, буду надеяться, что инцидент с принцем никак нам не аукнется.

С этой мыслью пошла спать. Как хорошо, что завтра воскресенье.

Этим утром удалось поспать подольше, потом была весёлая толкотня в ванной, хорошо, что мальчишки благородно оставили нам её, умывшись прямо на улице под струёй воды, организованной им Рином, но даже впятером нам было тесно. Потом — дружное приготовление завтрака и не менее дружное, под весёлую болтовню обо всём и ни о чём, его съедание, а после этого нас ждала работа.

Выйдя на задний двор, я едва не ахнула. За те дни, что я безвылазно торчала на приёме больных, мои младшенькие успели выдрать весь бурьян и перекопать весь двор, оставив лишь небольшой пятачок возле крыльца и дорожку по центру участка, которая, ближе к дальнему концу разбегалась к туалету, курятнику и второму выходу. Всё было готово для выращивания овощей — пора было делать запасы на зиму, благо, погреб здесь был просторный и холодный.

Сегодня решили заняться картошкой — если остальные овощи мальчишки и без Льюлы вырастили бы, да, обычной формы, но это не так страшно, то картошка нужна была только обработанная ею. На посадку решили пустить ту, что я купила, там еще больше полмешка оставалось.

На крыльцо и оставленный возле него пятачок было вынесено пять стульев — те, кто сейчас будет использовать магию, станут делать

это с удобствами, остальным придётся поработать физически. Все роли были распределены еще дома, нам не впервые всей толпой, дружно что-то делать.

Кур и кроликов, свободно гулявших по участку, отправили в сарай, потом на участок вышли Ронт и Бейл с лопатами и Лана с маленьким ведёрком картошки, и начали посадку. Стоило им отойти на шаг, как из обильно поливаемой Рином земли появлялись дружные всходы, а спустя несколько минут на этом месте был уже засохший куст и наполовину торчащие из земли кубики картофеля, которые взлетали, подхваченные телекинезом Авы, и непрерывной цепочкой плыли в погреб. А уже там мы с Велой их подхватывали и укладывали рядами вдоль стены.

Работали все, кроме Приблуды, которая разлеглась на коленях Льюлы и с интересом наблюдала за процессом. Одно время, будучи ещё кошачьим подростком, она пыталась ловить так заманчиво плывущие по воздуху овощи, в основном безуспешно, особенно её почему-то морковь восхищала, но теперь, став взрослой солидной кошкой, она лишь довольно щурилась под почёсывающими за ушком пальцами и провожала картошку внимательным взглядом, не делая в её сторону никаких поползновений.

Наконец та половина двора, что мы выделили под картошку, закончилась. Мы, те, кто работал физически, попадали на ступеньки крыльца, продышались, напились воды, отдохнули. За это время те, кто сидел, дружно стащили в сторонку сухую ботву, которую Вела аккуратно сожгла, а Ава рассеяла над огромной грядкой золу, оставшуюся после ранее сожжённого бурьяна, чтобы слегка удобрить землю — и всё началось сначала.

До обеда мы ещё дважды собрали урожай картофеля и решили, что пока хватит — во второй раз удобрили землю сожжённой ботвой и тем, что успели за эту неделю нагадить куры и кролики, но этого было слишком мало. Дома было проще — и кур с кроликами больше, и козочка помогала, да и у соседей всегда можно было разжиться тачкой коровьего навоза, особенно если сам же его и вычистишь. Здесь — увы, не деревня, земля быстро истощится без удобрения, а покупать овощи, которые можно вырастить, не хотелось. Нет, деньги-то были, но жаба всё равно душила — это сейчас у меня толпы пациентов, включая золотиносного брюнета, а что будет через полгода?

Вот этими мыслями я и поделилась со своей ребятнёй за обедом.

— На соседней улице конюшня есть большая, там извозчики своих лошадей ставят, — вспомнил Ронт. — Можно попробовать у них купить, вряд ли дорого запросят.

— Или узнать, может, им что-нибудь подлечить нужно, — тут же подхватила я мысль. — Скажи, что я готова часть оплаты принять навозом.

— Если запасти его на зиму, мы сможем делать как дома, только нужно ящик подходящий сколотить вместо зимнего сундука, — тут же вскинулась Льюла. — Пусть не каждый день, но всё равно, хоть иногда свеженькое будет у вас на столе.

— Сколотим, — переглянувшись с братом, кивнул Нев. — Побольше нужно будет сделать, вон, вдоль той стенки как раз место свободное. Я видел в сарае доски.

— Те доски — на крышу курятника, но я закажу ещё, — предложила я. — Сразу нужного размера. Зимний сундук нам и правда нужен.

Я с теплотой вспомнила старый, облезлый, но ещё крепкий сундук без крышки, который мы нашли в сарае у домика знахарки. В первую же осень мы затащили его в дом и наполнили землёй — и всю зиму он выручал нас свежими овощами. Тогда тройняшки еще не могли, как сейчас, вырастить разом столько овощей, чтобы на всю зиму хватило, тем более что тогда ещё Льюла не сообразила, как сделать так, что бы картошку ещё и копать не пришлось. И вот этот сундук с землёй, прозванный зимним, нас тогда просто спас.

Нет, умереть с голоду нам бы не позволили, но и сидеть на чужой шее мне было неловко, хватит и того, что для нас делали — кроме овощей ведь и мука нужна, и мясо, и молочное тоже — сколько там от той козы молока, только малышам и хватало. Да и не всякий овощ на зиму запасёшь. А с помощью этого сундука и тройняшек у нас всю зиму на столе и помидоры с огурцами свежие были, и редиска, и горох — всего понемногу. Да и картошка каждый день молодая, свежая. И даже когда они подросли и могли уже по осени выращивать столько, что бы на всю зиму с лихвой хватило, «зимний сундук» всё равно был для нас большим подспорьем.

Поэтому мысль завести что-то подобное в этом доме была вполне логичной. И пусть тройняшки не смогут что-то выращивать

ежедневно, как раньше, но раз в пару недель полведра помидоров, несколько пучков редиски, а то и арбуз, очень нас всех порадовали бы. А учитывая, что выращенные магами, эти плоды ничем не отличались от выросших на грядке и ничего общего не имели с безвкусными и ужасно дорогими тепличными овощами, изредка появляющимися на рынке вне сезона, «зимний сундук» становился просто подарком.

— Пока тебя не будет, — обратился Сев к Льюле, — мы вырастим фасоль, горох, морковь и свёклу, только землю удобрить нужно будет. А когда снова отпустят в увольнительную — снова картошкой займёмся.

— Её морковка гладенькая, — печально вздохнула Лана. — Её чистить легко. А обычная вся неровная. И кривая!

— Тогда только фасоль и горох, — согласился Сев. — Осень долгая, и картошку успеем запасти, и морковь гладкую.

— И свёклу квадратненькую? — сделала жалобные глазки Ава. Теперь, когда на них с Ланой была почти вся готовка, они оценили разницу между овощами Льюлы и обычными, с рынка.

— И свёклу, — улыбнулась Льюла. — А капусту ближе к холодам, да, мам? Пусть ребята сейчас вырастят несколько вилок, чтобы не покупать, а на хранение попозже.

— Хорошо, — с улыбкой согласилась я, радуясь тому, какими самостоятельными выросли мои ребяташки. Есть чем гордиться.

— Ещё проса курам надо вырастить, — деловито добавил Нев. — Но это тоже с тобой, Льюла.

Конечно, с ней. У Льюлы на каждом стебле по десять колосков выросло, да и сами колоски в несколько раз больше обычных.

— Много навоза будет нужно, столько всего надо вырастить, а земли чуть, — вздохнул Ронт. — Быстро истощится.

— Это у нас еще нормально, — возразил Рин, который сам занимался поиском дома. — При магазинах редко столько земли бывает, обычно пристройки всякие, мастерские, склады. Это нам ещё повезло, считай, две сотки чистой земли. Больше только в жилых домах, но нам же магазин был нужен.

— А дома было двадцать, — с ностальгией вздохнула Льюла. — И в поле ещё. И палисадник...

— Ты выбрал замечательный дом, — улыбнулась я брату. — А навоз раздобудем, — это уже Ронту. — Даже купить его дешевле

встанет, чем корм курам, а я надеюсь бесплатно получить.

— Не совсем бесплатно, — возразила Вела. — Тебе придётся тратить силу.

— Зато денежки при нас останутся, — улыбнулась я в ответ.

Нет, я не скряга, просто экономная. Жизнь заставила. Когда отвечаешь не только за себя, стараешься стелить соломку, куда только возможно. В том числе — иметь денежный запас на всякий случай. Так даже дышать спокойнее.

— А вишня? — расстроено протянул Бейл. — Мы в этом году без вишнёвого варенья останемся? Деревьев тут нет, а на рынке её уже не продают.

— Будет тебе вишня, — потрепал младшенького по волосам Сев. — Косточками-то запасся?

— Да! Целый кисет привёз! И не только вишни.

— Хватило бы и парочки бобков. Ладно, пошли работать, а то скоро в академию возвращаться.

И дети дружной толпой отправились во двор. А меня оставили на кухне, печь плюшки и новое печенье — вчерашнее как-то совершенно незаметно исчезло.

Время от времени я поглядывала в окно, где молодёжь копошилась на другой части двора, которую официально решили считать садом. Сбоку, вдоль забора, вырос ряд карликовых плодовых деревьев — тоже изобретение Льюлы. Любое из них можно было обобрать максимум с табуретки, никаких стремянок, никаких осыпавшихся перезрелых плодов, до которых невозможно дотянуться.

Да, сейчас у нас была Ава с её телекинезом, но первые годы собирать урожай в старом саду, доставшемся нам вместе с домом, приходилось вручную. Вот тогда-то, одновременно с кубической картошкой, которую не нужно выкапывать, Льюла, с помощью братьев, стала выращивать новые деревца, совсем маленькие, не вырастающие выше двух с половиной метров, но усыпанные плодами и, благодаря Севу с Невом, дающие урожай несколько раз подряд — столько, сколько нужно, что бы наесться досыта и наварить варенье.

Кстати, о варенье — нужно будет завтра после уроков послать младших за сахаром и банками. Раз уж у нас грядут заготовки... А еще ведь с конюшней договориться нужно. Ох, когда же всё успеть-то? И поток больных не кончается — тьфу-тьфу-тьфу, — и золотиносный

брюнет занимает все вечера почти целиком, и надо же хоть сколько-то времени детям уделять.

Ладно, у меня есть воскресенье, если всей семьёй навалимся — всё успеем. Ребятишки у меня сладкоежки, варенье любят, вот пускай и стараются для себя. Сама я к сладкому относилась спокойно, но любила развести ложечку варенья в воде и пить, как компот. Кстати, о компоте — мне как раз принесли из сада корзины спелой вишни и сливы, нужно бы его сварить.

Вечером, проводив своих студентов — они поймали извозчика и как-то умудрились уместиться все вместе, включая корзины с плюшками, фруктами и двумя арбузами, которые они тоже вырастили. Замечочка на память — нужно купить ещё корзин, а то на рынок ходить будет не с чем. Отправив младших по комнатам, я вышла на задний двор, по которому вновь бродили куры, роясь в земле «огорода» в поисках червячков и старательно обходя «сад».

Сама я прошлась по саду, полюбовалась деревцами, усыпанными плодами — собрав первый урожай, тройняшки тут же вырастили второй, чтобы нам было чем лакомиться в течение недели, — сорвала персик, надкусила — вкусно! Оглядела несколько кустов смородины и крыжовника, рядочек малины, две грядочки с клубникой и небольшое пустое место, где сегодня выращивали арбузы, а потом тройняшки планировали посадить здесь виноград. Всего по чуть-чуть, но учитывая, что мы могли получать хоть по пять урожаев в день — просто такие деревья жили бы не пятьдесят лет, а год, но долго ли вырастить новые? — нам вполне хватит.

Но самый большой восторг у меня вызвали цветы. Льюла постаралась, что бы сделать мне приятное. Вдоль дома в рядок выстроились карликовые розочки всех цветов радуги. Возле крыльца по неизвестно откуда взявшейся шпалере — приглядевшись, я поняла, что она выращена из неопознанного мною растения без листьев, — вился клематис пяти сортов. А на самом крыльце стоял старый, треснувший горшок, найденный в сарае или где-нибудь в углу двора, в котором росли разноцветные петунии, свисая до земли. Какая прелесть!

Я вдыхала чудесный аромат, любовалась цветами, наслаждалась сочным персиком и чувствовала — жизнь прекрасна. Позволив себе еще пару минут отдыха, я, по наитию, взяла широкую тарелку и

набрала в неё понемногу вишни, черешни, малины и клубники. Остальное и сейчас на рынке купить можно, даже поздние абрикосы и сливы есть, но вот этого — уже нет. Не сезон. Предвкушая, как удивятся мои «гости», и продолжая улыбаться, я отправилась в приёмную.

ГЛАВА 6. СТИПЕНДИАТЫ

День седьмой. Воскресенье

— Угощайтесь, — предложила я трём мужчинам, вышедшим из портала несколько минут спустя.

На меня посмотрели с удивлением, потом на тарелку в моих руках — еще более удивлённо.

— Вы что, ограбили королевскую оранжерею? — поинтересовался Миллард, подозрительно посмотрев на меня, не прикасаясь к угощению.

— В королевской оранжерее нет вишни, — возразил ему блондин, рассматривая одну из вишен. Потом забросил в рот, не торопясь прожевал, высоко поднял брови. — Потрясающе. От настоящей не отличишь.

— Она настоящая, — я была удивлена и реакцией, и словами. Не тем, что как минимум одному из них отлично известно, что есть, а чего нет в королевской оранжерее, я и так давно поняла, что люди они далеко не простые, а кое-чем иным: — У короля что, нет мага растений?

— Есть, и не один, — продолжил хмуриться Миллард. — Но вишня — не то растение, которое достойно королевской оранжереи.

— Ясно, — тут я, пожалуй, с ним соглашусь. Там, наверное, сплошная иноземная экзотика растёт. — Но обычный-то сад при дворце должен быть. Что, и там вишни нет?

— Есть, — снова блондин, забрасывая в рот на этот раз малину и одобительно жмурясь. Мой брюнет всё это время помалкивал, внимательно следя за разговором и не прикасаясь к угощению, Миллард, кстати, тоже. — Но сейчас не сезон, вишня давно сошла.

— Это понятно. Но второй-то урожай вырастить можно.

— Второй урожай? — у блондина даже рука с черешней в воздухе застыла. — Но деревья не дают урожай дважды в год.

Теперь уже застыла я. Они серьёзно? Да что же у них здесь за маги такие? Может, зря я детей в академию отдала? Впрочем, без диплома хорошей работы им не найти, хотя бы ради этого нужно учиться.

— Вы хотите сказать, что кто-то может вырастить на дереве два урожая за сезон? — Миллард смотрел так, словно у меня вместо носа третье ухо выросло.

Я молча показала глазами на тарелку. Вот на самом деле — если тепличную клубнику сейчас ещё можно где-то купить, то как насчёт остального?

— Это сделал кто-то из ваших племянников? — подал голос брюнет. После того, как блондин перепробовал всё, мною предложенное, и «незаметно» кивнул, он тоже съел пару ягод.

— Да, — я развела руками. — Они самоучки и не знали, что так не делают. И вот... сделали.

— Они? — уточнил брюнет, в то время как блондин тихонько хихикал, уж не знаю, что смешного он услышал в моих словах. Миллард продолжал сверлить меня недоверчивым взглядом и к угощению не прикасался.

— Тройняшки. Они все — маги растений, только сам дар несколько... отличается. Сегодня у студентов увольнительная, вот они и обустроили наш новый сад. Всё вот это, — я слегка приподняла тарелку, — оттуда.

— Это невозможно! — стоял на своём Миллард. Вот же упрямец!

— Хотите лично убедиться? — не хотелось бы пускать постороннего в свой сад, но он меня за живое задел. И за тройняшек обидно.

— Нет, — покачал головой брюнет. — Я вам верю. Это, — он показал на светлый след на своей щеке, пристально глядя на Милларда, — тоже считалось невозможным.

— Простите, — шатен легонько поклонился и отошёл к стульям. Это прозвучало абсолютно неискренне, но ясно же — начальство приказало, он подчинился.

И вот надо мне было их угощать? С чего бы? Сама толком не пойму — хотела сделать людям приятное или похвастаться достижениями своих ребятишек? Кажется, и того, и другого понемногу. Решив, что и так слишком задержалась, я молча сунула тарелку блондину и указала пациенту на кабинет.

И снова привычная тишина, снова взгляд мужчины в потолок, мой — на его палец, над которым я сегодня колдовала. Мизинец порадовал слегка отросшим ногтём. На первый взгляд там ничего не изменилось,

но я-то не только глазами смотрела, и поняла — всё работает. Вот и отлично.

Спустя два часа, когда безымянный палец обрёл новую кожу, и я собиралась закругляться — остальное завтра доделаю, в понедельник вновь вставать рано, — брюнет, словно это почувствовав, открыл глаза и взглянул на меня.

— Могу я увидеть ваш сад?

— Конечно, — вопрос меня удивил, но я же сама недавно предлагала, и он отказался. Или... он сказал «нет» тому, что бы сад смотрел Миллард? Ладно, неважно, мне не жалко, и да, признаюсь хотя бы себе — немножечко хотелось похвастаться. — Пойдёмте.

Мужчина вслед за мной прошёл сквозь кухню — я мимолётно порадовалась, что там порядок, — и застыл, разглядывая сказочный уголок с цветами. Потом оглядел сад, снова разноцветные розы.

— И это сделали студенты? — я кивнула. — Сами? За выходные? И вот эти цветы тоже? — снова кивок. Про то, что это сделано за несколько часов, я уточнять не стала. — А деревья — такие маленькие, но усыпаны плодами! Невероятно. Сколько же им лет?

— По шестнадцать.

— Сколько? — мужчина явно был в шоке. — Первый курс?! И они уже могут... вот это? — он обвёл рукой то, что видел.

— Они это лет с восьми могут, — пожала я плечами. — Точнее — выращивать деревья мальчики могли и раньше, а вот делать их карликовыми Льюла додумалась, когда мы пару лет промучились, собирая урожай со старых деревьев. Просто сейчас они могут больше и быстрее — сила-то растёт. А умеют давно.

— Самоучки. Не знали, что так не делают — и сделали, — пробормотал брюнет себе под нос, задумчиво кивая. — Я так понимаю, это именно Льюла заступилась за сестру?

— Да, — кивнула я. Мне понравилось, как он это сказал — не «та, что ударила лорда», а вот так — «заступилась за сестру». Он и правда одобрял её поступок. Я, кстати, тоже, а что толку? В академии-то осудили.

Мужчина ещё раз окинул взглядом сад и уже традиционно вложил мне в ладонь монеты. Мне показалось, или он задержал мой кулачок в своих ладонях чуть дольше, чем прежде? Я вышла вместе с ним в

приёмную, и обнаружила, что тарелка с ягодами, которую держал блондин, всё еще полна.

— Могу я взять это... для детей? — переглянувшись с моим пациентом, поинтересовался он, перехватив мой удивлённый взгляд на ягоды.

— Конечно, — я снова пожала плечами, кажется, в десятый раз за сегодня. — Тарелку завтра принесёте... — начала я, но увидев, как он выкладывает на маленький столик в углу, который мы перенесли сюда из кладовой, золотой, осеклась, а потом закончила, — а можете и не приносить.

Он обалдел? Тарелка ягод, пусть даже таких, которых сейчас и в королевской оранжерее не найдёшь, но всё равно, всего лишь ягод — и золотой? Впрочем, может, для него этот золотой, что для меня медяшка? В любом случае, возражать я не стала. Мне ещё детей поднимать.

— До завтра, — как обычно, попрощался брюнет и шагнул в открывшийся портал, остальные изобразили лёгкий поклон и последовали за ним.

— До сегодня, — так же привычно шепнула я в сторону закрывшегося портала.

Следующие несколько дней прошли без каких-то особых событий. Дети отправились в школу, и им там, кажется, понравилось, они радостно рассказывали, что учителя так много знают, и почти на все вопросы отвечают, и еще есть библиотека, а там просто куча книг!

Правда, в первый же день дети появились домой встрёпанные и в запylённой одежде — кажется, трое одноклассников решили после уроков устроить Бейлу что-то вроде проверки на прочность. Вот только не ожидали, что придётся иметь дело вместо одного мальчишки с четырьмя бойцами, вставшими плечом к плечу против них, троих. Впрочем, девочек они сначала всерьёз не восприняли, не ожидали, что те ринутся в бой наравне с братьями. До Льюлы им, конечно, далеко, но постоять за себя мои младшенькие тоже отлично умели.

В общем, ничего особо страшного не произошло — устроили кучу-малу, покатались по земле, перепачкались в пыли, но когда Ава отправила телекинезом главного задиру на крышу навеса над крыльцом — драка прекратилась сама собой, почти не начавшись. Во всяком случае, синяков или ссадин я у ребят не обнаружила. Зато

теперь их в школе зауважали, противники зла не затаили и приняли в свою компанию — слабаками и нюнями мои ребяташки не оказались, ябедничать не побежали, в общем, проверку прошли. У Авы вообще нарисовалось аж целых два ухажёра — так их впечатлили её способности. А я выдохнула — хотя бы за детей я теперь могла быть спокойна.

Несколько тачек отличного удобрения мне обошлись в один хронический бронхит, один радикулит и несколько болячек попроще, вроде синяков и ссадин, без которых при физической работе на конюшни редко обходится. Точнее, часть оплаты я взяла навозом, часть — звонкой монетой, но конюхи всё равно очень благодарили, привезли удобрения на две тачки сверх договора — вот когда пригодился проход в конце двора, — и сами, по собственной инициативе, раскидали часть его по огороду. Отлично, теперь мы можем выращивать всё, что нам нужно, не переживая, что земля истощится.

Разговоры с брюнетом вновь сошли на нет. Всю неделю, пока я колдовала над оставшимися пальцами и ладонью, он снова смотрел в потолок, а порой вообще задрёмывал. Я тоже к общению особо не стремилась и ягодами посетителей больше не угощала. Золотой — это, конечно, хорошо, но было неловко, когда мне заплатили за то, что дала просто так, от чистого сердца. Лечение — моя работа, оно денег стоит, а вот ягоды...

Я решила, что дети блондина и так не останутся без витаминов, на дворе сентябрь, рынки ломятся от фруктов, да и, как я подозреваю, в королевскую оранжерею с экзотикой доступ у него есть. А вишня? И без неё проживут.

В общем, будни особо знаковыми событиями похвастаться не могли. А вот в субботу меня ждал сюрприз. Большой сюрприз. И даже не один.

Началось всё с того, что, выйдя на минутку между пациентами в жилую часть дома, чтобы обнять своих студентов, я обнаружила среди них и Льюлу тоже.

— А мне наказание отменили, — радостно объявила она. — Представляешь, принц Вилмер в понедельник пришёл к декану и заявил, что сам спровоцировал меня и заслужил тот удар. А уйдя к целителю, не знал, что меня наказали, считал, что я всё расскажу про гадости, которые он говорил, и декан сам поймёт, что я не виновата. А

я же не рассказала! Декан Сленпот спрашивал, а я только сказала: «За дело!» и всё.

— А почему не рассказала? — сумела я вставить словечко, когда Льюла остановилась, чтобы воздуха в грудь набрать.

— Я не ябеда! И потом — это же тогда пришлось бы сказать, что он Веле гадости говорил, ну, я подумала, что, ну, как-то... Словно бы это её запачкало, что ли. Если бы мне говорил — я бы, может, не смолчала. Но когда ей... Ну, не знаю. Не сказала и всё!

— Удивительно, — покачала я головой, переваривая новость. — Оказывается, принц-то, не такой и...

Продолжать не стала, всё же о венценосной персоне речь, но меня поняли. Кто-то кивнул, кто-то ухмыльнулся, Вела вообще тихо улыбалась.

— Он извинился, — встретившись со мной взглядом, она улыбнулась чуть шире. — Подкараулил после урока и извинился, представляешь!

— Вот какие чудеса подбитый глаз с хамами творит, — Льюла тщательно осмотрела свой кулак. — Может, запатентовать?

Под дружный смех детей я расцеловала своих студентов и убежала обратно к пациентам. Кстати, как я и предполагала, основной наплыв потихоньку спадал. Похоже, всех соседей-хроников я уже вылечила, они шли ко мне уже с новыми проблемами — травмы, ожоги, детские болячки, — да с более дальних улиц потихоньку народ подтягивался. Но стало заметно легче, бывали даже минутки, когда в приёмной никого не оставалось, и можно было отдохнуть.

Минут за сорок до окончания приёмных часов пациенты закончились. Выглянув на улицу и не обнаружив никого, целенаправленнодвигающегося в мою сторону, я махнула рукой, заперла входную дверь и ушла на кухню — если кто-то и придёт, то позвонит.

Там меня ждал новый сюрприз. Вдоль свободной от мебели стены, там, где мы в будущем планировали разместить «зимний сундук», в рядок стояли тыквы. Именно стояли, поскольку тыквы от Льюлы тоже были прямоугольными, правда эти — исключительно для удобного хранения, ведь тыквы не должны при этом касаться друг друга, а круглые занимают слишком много места. А вот такие можно поставить буквально в сантиметре друг от друга — и условия

хранения, а в данном случае просушки, соблюдены, и никто об них спотыкаться не будет.

На плите, судя по запаху, парилась тыквенная каша, Вела и Лана резали салат из свежих овощей — тоже только что с грядки, уж слишком ровненькие и аккуратненькие огурчики лежали на столе, сами по себе такие не вырастают. Ронт резал арбуз, а Бейл расставлял тарелки. Остальные дети возились во дворе, откуда и примчались, услышав, что я закончила приём.

И вот тут меня ждал последний сюрприз, самый невероятный. Проглотив первую ложку каши, Нев вдруг огорошил меня сообщением:

— А мы теперь тоже королевские стипендиаты!

— Кто? — я чуть ложку не уронила.

— Мы! — разулыбался Сев. — Тебе вернут оплату за первый семестр.

— Но... так же не делают, — я всё еще не могла поверить своим ушам.

— А для нас сделали. В четверг нас троих вызвали к ректору, он спросил, правда ли мы можем получить два урожая с дерева за сезон. Мы сказали, что хоть десять. Нас отвели в сад при академии и попросили показать. Ну, мы сказали, что нам много воды нужно, и когда позвали кого-то из старшекурсников-водников, сорвали по плоду с персика и сливы, косточки вынули и вырастили по маленькому деревцу, а потом прогнали через пять циклов.

— Нам разрешили взять себе по большущей корзине и того, и другого, — расплылся в довольной улыбке Нев. — Всем факультетом ели, ну и Рина с Велой позвали, конечно.

— А ректор смотрел на это всё вот такими глазами! — Льюла показала размер с яблоко, не меньше. — А потом прокашлялся и сказал, что он думал — мы на тех деревьях покажем, которые в этом году уже отплодоносили.

— Тогда мы ему еще и на вишне второй урожай вырастили, — пожал плечами Сев. — Нам не сложно.

— А меня он ещё спросил, не моих ли рук дело синяя роза, которую я своей бывшей соседке подарила, а она половине академии похвастаться успела. Я сказала, что это мы вместе, и мы вырастили для него зелёную розу, — добавила Льюла. — В фиолетовую крапинку.

— А вчера нас опять к ректору вызвали, — снова Нев. — И он сказал, что нет смысла ждать итогов первой сессии, и что мы заслуживаем стипендии уже сейчас, потому что очень сильные и талантливые! Вот!

— А раньше они этого не знали? — удивилась я.

— Откуда? При поступлении силу проверяют артефактом, но там или хватает для поступления, или нет. Величина не уточняется. Загорелся зелёным — ты прошёл, отправляют уже обычные предметы сдавать, но там легкотня. Читать-считать умеешь, и достаточно.

— А потом, на занятиях?

— А что занятия? У нас ещё даже ни одной практики не было. Нас даже по специализациям не делили, всех вместе общеобразовательным предметам учат, да контроль над магией. Ну и ботаники всякой много, но тоже в теории.

— Ректор сказал, что, если бы не остальные предметы, отправил бы нас на третий курс, а то и на четвёртый. Но там же кроме магии ещё столько всего остального! — скорчил жалобную рожицу Сев.

— Дальше будет проще, — утешил его Рин. — С каждым последующим курсом всё меньше обычных предметов и всё больше практики. Но поначалу — да, нелегко. Терпите.

А я жевала салат и думала, что, кажется, знаю, кого можно поблагодарить за стипендию тройняшек. О том, что они могут снять больше одного урожая с дерева в год, из посторонних знали лишь трое. Но что-то мне подсказывало, что ни Миллард, ни блондин отношения к этому не имеют.

И когда закончила вечерний сеанс с брюнетом, чьё молчание я не стала прерывать, и он собрался уходить, просто сказала:

— Спасибо.

— За что, — удивился пациент.

— За стипендию тройняшкам.

— Они получили стипендию? — он довольно улыбнулся.

— А вы не знали?

— Нет. Я лишь поинтересовался у ректора Нортон — мы давно знакомы, он был куратором нашей группы, еще когда я сам учился в академии, — в курсе ли он, насколько талантливые студенты у него учатся. Видимо, ваши тройняшки его впечатлили настолько, что получили стипендию досрочно. Я рад.

— Спасибо, — повторила я.

В воскресенье мы дружно варили варенье. Пришлось несколько раз посылать старших мальчиков за банками, а потом и за сахаром — купленное в будни быстро закончилось. В итоге сахар к нам приехал в трёх мешках, в тачке, которую толкал сам торговец, а к нему прилагались жена и годовалая дочурка с заячьей губой. И хотя было воскресенье, я не отказала тому, кто приехал с семьёй на рынок из другого города буквально на день — сдать товар мелкооптовым торговцам, — и лишь от них услышал о чудо-целительнице.

С малышкой пришлось повозиться, но зато сахара нам теперь на несколько лет хватит, я даже дополнительных денег с её родителей брать не стала, мой труд был оплачен с лихвой.

Мы провозились весь день, безумно устали, хотя способности Авы нам очень помогли, зато кладовая при кабинете теперь была заставлена банками с лакомством, которое порадует нас зимой, когда свежие овощи в «зимнем сундуке» вырастить можно, а вот фрукты — уже нет.

Этим вечером я закончила возиться с кистью брюнета даже раньше полуночи, так что ещё и ногти слегка подрастила, не хотела браться за новую травму посередине сеанса. И, как оказалось, правильно сделала. Потому что, тщательно рассмотрев свою обновлённую руку и поманипулировав ею по всякому, чего, видимо, раньше не мог, мой пациент сказал:

— Великолепная работа. Завтра я принесу к вам вашего нового пациента, а к остальным шрамам вернёмся после того, как закончите с ним.

— Хорошо, — кивнула я, отметив про себя слово «принесу». Похоже, пациент травмирован настолько, что даже ходить не может. Хотя, брюнет же говорил «поставить на ноги», но тогда я подумала, что это образное выражение для выздоровления.

— Только есть одна просьба — нельзя ли перенести наши встречи на более раннее время?

— Можно, — вновь кивнула, мысленно прикидывая своё расписание. — С восьми вас устроит?

Часы приёма пациентов были до восьми, но основной наплыв был в первой половине дня, и в последние дни я освобождалась раньше

конца приёма. Успею поест, а если всё же пациенты задержатся — перекушу позже.

— Да, устраивает. С восьми до девяти, договоримся на это время.

— До девяти? Может, лучше двухчасовой сеанс? — если там всё серьёзно, то не лучше ли более активно взяться за излечение?

— Он столько не выдержит, — покачал головой брюнет.

— Я лечу без боли, — напомнила я очевидное.

— Скажем иначе — он столько не высидит. Но попробовать можно. В общем, давайте по обстоятельствам.

— Давайте, — что же там за пациент такой, что больше часа не высидит?

— И ещё одна просьба — я не хочу, чтобы вашего нового пациента видели другие посетители, которые могут оказаться в приёмной в это время. Это можно как-то организовать?

— Легко. Вот этим коридором пользуюсь только я, чтобы выйти сюда или в приёмную, — я открыла дверь, показывая помещение, которое он уже видел, когда ходил смотреть на сад. — Мои дети им теперь тоже не пользуются, у нас есть другой выход со двора, более удобный. Поэтому открывайте портал сюда.

— Хорошо, — мужчина кивнул, вложил монетки в мою ладонь и, задержав сжатый кулачок в своих руках, внимательно посмотрел мне в глаза. — Спасибо.

После чего быстро ушёл, не сказав традиционного: «До завтра». Я сказала эти слова сама, поскольку часы показывали без пяти полночь.

Уж не знаю, кого я рассчитывала увидеть, но почему-то мне и в голову не пришло, что мой брюнет принесёт ребёнка. Мальчик лет шести-семи полулежал у него на руках, завернутый в плед. Очаровательный малыш со светлыми, рассыпанными по плечам кудрями, насторожённо смотрел на меня тёмно-серыми отцовскими глазами. А то, что это отец и сын, было видно невооружённым взглядом, даже несмотря на разный цвет волос.

— Здравствуйте, — привычно поздоровалась я с вновь прибывшими. Двое сопровождающих коротко кивнули и отправились в пустующую приёмную, а брюнет с малышом — за мной, в кабинет.

— Эррол, познакомься, это миссис Троп. Она целительница, — мужчина привычно опустился в кресло и устроил ребёнка на

коленях. — Это мой сын, Эррол, и он тоже пострадал от магического напалма.

— Не люблю целителей, — мальчик набычился, глядя на меня.

— Я не сделаю тебе больно, — пообещала я, опускаясь на корточки. Интересно, где у него шрамы. Личико было чистеньким, ручка, которой он придерживал плед у шеи — тоже, но это всё, что я могла увидеть. — Покажешь, где у тебя остались шрамы от напалма?

— Нет! — вскрикнул малыш и отпрянул от меня, крепче прижимаясь к отцу.

— Почему? — удивился тот. Похоже, такая реакция сына стала для него неожиданностью.

— Она тётенька! — Эррол задрал голову, чтобы посмотреть отцу в лицо. — Я не буду показывать попу тётеньке, это неправильно, так мистер Лейд говорит!

— Твой гувернёр, конечно, прав, но миссис Троп сейчас не тётенька, она целительница, а целителям можно показывать всё, — с удивительным терпением и нежностью увещевал его отец.

— Не буду! — мальчик замотал головой и выпятил губу, словно вот-вот расплачется.

— И не надо, — стараясь остановить намечающиеся рыдания, поспешила я. — А у тебя шрамы только на попе?

— Нет, — губа Эррола была всё ещё выпячена, он всё ещё подозрительно меня глядел, но плакать вроде как передумал.

— А ты можешь показать мне что-нибудь другое?

Малыш подумал, вновь взглянул на отца, получил от него ободряющий кивок и высунул из складок одеяла другую руку, правую. А я чуть не ахнула. Если шрамы взрослого меня напугать или отвратить не могли, то при виде скрюченной лапки — иначе не скажешь, — мне захотелось разрыдаться. Не должно такого быть у детей, не должны они переносить такие страдания.

— Можно мне потрогать? — наверное, мой голос звучал как несмазанная телега, но ком в горле был размером с кулак. — Я не сделаю тебе больно, обещаю. Я лечила твоего папу, и если бы сделала ему больно, он бы не привёл тебя ко мне, верно?

— Верно, — забавно нахмутив бровки в серьёзных раздумьях, кивнул мальчик. — Ладно, потрогай.

Я аккуратно взяла в ладони крохотную скрюченную ручку с негнушимися пальчиками без ногтей, всю состоявшую из одного сплошного шрама, и, прикрыв глаза, провела диагностику. И чуть не завывала, представляя, какие муки пережил этот ребёнок.

В отличие от отца, которого лишь задело брызгами этого самого напалма, Эррола в него, похоже, макнули. Или облили. Страшнее всего пострадали ноги ниже колен, каким чудом их вообще удалось сохранить, не знаю, но ноги были. Слабые, безжизненные не только от ожогов, но и от того, что ими не пользовались — да и невозможно было, — они представляли собой один сплошной шрам спереди от колен и ниже, сзади шрамы, хотя уже не сплошные, захватывали ягодицы и часть спины.

Примерно то же было и с рукой — она была повреждена от пальцев и вверх, выше локтя. Видеть глазами я могла только кисть, потому что на Эрроле была рубашка с длинными рукавами и кружевными оборками на манжетах, но для внутреннего зрения мне не были помехой ни одежда, ни плед.

Пальцев на ногах практически не осталось, ноги не сгибались, застыв в полусогнутом состоянии, рука тоже. Но на ней хотя бы пальчики сохранились, хотя и негнущиеся. Неповреждёнными у бедного ребёнка остались голова, левая рука, верх спины, грудь, живот, пах и передняя часть бёдер.

Ходит он не мог, сидеть, наверное, мог, но с трудом, правой рукой тоже не пользовался.

— Наши целители сделали всё, что могли, — хриплым голосом сказал брюнет, когда я, открыв глаза, встретила с ним взглядом. — Ожоги от обычного огня, обожжённые лёгкие — четверо целителей едва не выгорели, но вытянули Эррола из-за грани. Но с ожогами от магического напалма они ничего не могли поделать.

— Я смогу, — твёрдо сказала я, словно не ему, а самой себе поклялась. — Это займёт время, но я поставлю вашего сына на ноги. Обещаю.

Ничего, малыш, ты у меня еще бегать будешь.

ГЛАВА 7. САД

День пятнадцатый. Понедельник

Первый сеанс и правда продолжался не больше часа. Уже через полчаса Эррол начал капризничать, говорить, что ему скучно, душно, плед колется, лежать неудобно. Что хочет в свою кроватку, есть, пить, спать и смотреть в окно — а окон в кабинете не было. Даже немного странно, что на горшок не просился — мои младшие в своё время то же самое просили, когда спать их укладывала, причём по очереди. Очень знакомо.

Совместными уговорами — моими: «Потерпи ещё чуть-чуть, и я покажу тебе, что у нас получилось», и брюнета: «Ты же уже совсем взрослый, сынок, сможешь еще немного потерпеть», — мы кое-как растянули сеанс на час, но и всё. Ребёнок просто расплакался, а это уже никуда не годилось.

И понять его, в общем-то, можно было — незнакомое и не особо привлекательное место, чужая тётя, которая всё время держит его за руку, и которой, кажется, всё-таки придётся в будущем попу показывать, а возможно, и ожидание боли, я же не знаю, как его прежде лечили, любого ребёнка доведут до истерики. И это не считая того, что просто вылежать час, практически не двигаясь, было для любого ребёнка сложно. Уж кто-кто, а я это знала прекрасно, поэтому совершенно спокойно восприняла такое поведение малыша.

В итоге, я успела очистить от шрамов лишь руку выше локтя, там было проще — повреждена была лишь кожа, ниже пришлось бы восстанавливать еще и сухожилия, поэтому я остановилась, оставив это на завтра.

— Посмотри, какая теперь у тебя кожа гладкая, — я достала небольшое зеркало, которое специально держала здесь, чтобы показывать пациентам получившийся результат, который просто так увидеть было сложно, например, убранное родимое пятно на ягодице, была у меня и такая пациентка, к счастью, не пациент. Кстати, задумалась я о необходимости зеркала именно после того, как убрала первый кусочек шрама с лица брюнета.

Эррол, который прекратил плакать, как только были произнесены волшебные слова: «На сегодня всё», с любопытством заглянул в зеркало. В отличие от отца, чья кожа была загоревшей, и не только на лице, малыш был совсем беленький, сразу становилось понятно, что если он и бывает на свежем воздухе, то исключительно в тени. Но даже на незагорелой коже можно было чётко различить гладкое розовое пятно на месте шрама.

— Ой! — он выпустил плед и стал ощупывать больную руку здоровой. — Он стал меньше! А здесь исчез! Это насовсем?

— Насовсем, — заверила я маленького пациента. — А завтра, если сможешь посидеть чуть подольше, я сделаю так, что твоя рука сможет сгибаться вот так, — и я пару раз согнула и разогнула свой локоть.

— Ладно, — вздох был таким тяжёлым, словно малышу предстояло, как минимум, дом в одиночку построить, но уже само осознанное согласие меня порадовало. Конечно, он и завтра быстро устанет и будет капризничать, но, надеюсь, выдержит чуть подольше, чем сегодня.

И у меня уже появилась мысль, как этому помочь.

— Арбен, Миллард, — окликнул брюнет, и когда в комнате появились его сопровождающие, открыл портал и со словами: — Я скоро вернусь, — исчез.

Вот и имя блондина я узнала. Или фамилию. Или титул. Не важно, уже хоть как-то можно его мысленно называть. А мой пациент так для меня пока брюнетом и остался. Вот принципиально не буду спрашивать, как к нему обращаться.

Пока я над всем этим размышляла, убирая зеркало в ящик стола, мой золотиношный пациент вернулся. С золотом, да.

— А давайте, я и вас подлечу, время то есть, — предложила я, глядя на очередную стопку монет в своей ладони. — И мы же договорились, что оплатой лечения Эррола будут занятия с Бейлом.

— Занятия станут премией, а лечение своего сына я вполне способен оплатить, — голос брюнета стал холодным.

— Простите, я не хотела вас оскорбить, — покаялась я. — Лечиться будем?

— Будем, — посмотрев на часы, кивнул брюнет. Его взгляд смягчился, извинение было принято, — Но только до половины

одиннадцатого, у меня назначена встреча, я не думал, что сегодня у вас хватит сил ещё и на меня.

— Хватит, — улыбнулась я. — Снимайте рубашку.

На этот раз я занялась шрамом на левой лопатке и теперь любовалась широкой спиной с хорошо выраженными мышцами. Их тоже хотелось погладить, как прежде грудные, но я отбросила мысли, недостойные целителя — сейчас передо мной пациент, а не мужчина, а я на время лечения не женщина. И всё равно нет-нет, да и ловила себя на том, что задерживаю на спине брюнета далеко не профессиональный взгляд.

Наверное, всё дело в том, что я просто раньше не сталкивалась с таким красивым телом. Большинство своих пациентов я без одежды не видела, а те, кого видела, не впечатляли. Даже кузнец в Пригорном не заставлял так смотреть на себя, его мышцы были даже чересчур развиты, а уж его-то я без рубахи видела не единожды, когда он спину потянул. Но нет, не то. Гора мышц ничуть не привлекательнее тощего дрыща, а вот у брюнета телосложение было идеальным. И я просто получал эстетическое наслаждение, любуясь его спиной. И потрогать его хочется, как красивую статую. И губами тоже...

Кого я обманываю?! Он привлекательный мужчина, а я одинокая женщина, взрослая, половозрелая — уж мне-то, целительнице, это понятно. Но это всё равно ничего не значит. Он — лорд, явно очень знатный и богатый, и скорее всего женатый, я — вдова-простолюдинка. Всё, что он сможет мне предложить — стать его любовницей.

А у меня совсем другие планы. Я хочу для себя настоящую семью, мужчину, на которого можно положиться, и который всегда будет рядом, ребёнка, которого сама выношу и выкормлю, и который будет расти в полной семье. Разве я многого хочу?

А значит, брюнет в мои планы не входит абсолютно. Я могу любоваться его спиной, пока лечу его шрамы, но и только.

— Я так понимаю, у вас есть вопросы? — нарушил тишину брюнет.

— Да, — я перевела взгляд с его спины на затылок. — Эррол вообще на улице не бывает?

Мужчина резко повернулся и удивлённо посмотрел на меня.

— Это всё, что вас волнует?

— Как целителя — да, это меня волнует. И да, мне интересно, как вы или ваш сын получили эти ожоги, но если вы не захотели рассказать прежде, есть ли смысл спрашивать сейчас?

— Я расскажу, — глухо уронил брюнет, отвернувшись и дав мне возможность продолжить лечение. — Но позже. Я пока не готов. А что касается вашего вопроса — Эррол бывает на улице. Точнее — на балконе. Три часа в день он дышит свежим воздухом, за этим строго следят, его режим дня тщательно распланирован приставленными к нему целителями.

— У балкона есть навес?

— У всего балкона — нет. Но Эррол находится под специальным зонтом, чтобы солнце не попало ему на кожу.

— Почему?

— Целители считают, что для него это вредно.

— Глупость какая! Может, для травмированной кожи это и было вредно поначалу, но лицо-то у него не пострадало, его-то зачем прятать? Без солнца чахнут и растения, и люди. Если бы человеку солнце было вредно, он жил бы под землёй.

— То есть, вы считаете, что магистры медицины ошибаются?

— Ммм... Скажем так — они перестраховываются. И если сейчас вынести вашего сына под прямые лучи солнца — он просто обгорит. И не потому, что болен — просто потому, что его кожа отвыкла, словно у узника в подземелье. Начинать нужно с малого — выходить на солнце рано утром и вечером, когда оно низко над горизонтом. Но совсем без солнца нельзя.

— Вы считаете? Вы уверены? — он снова повернулся, заставив мою руку соскользнуть с лопатки на плечо.

— Как скоро после ранения вы вышли на улицу? — я взглянула на его щёку, где находилась розовая полоса новой кожи, сейчас невидимая под распущенными волосами.

— Как только физически смог это сделать, — этот ответ сказал мне чуть больше, чем планировал мой собеседник. Потому что это означало, что пострадал он намного сильнее, чем от тех ожогов, что я видела. И ведь он упоминал, что у Эррола были и другие ожоги, от которых его вылечили, значит, и у него тоже. — Вы правы. Мне и самому не очень нравилось, что ребёнок не бывает на солнце, но я верил целителям.

— Поверьте себе, — предложила я.

— Так и сделаю.

Уходя, он поцеловал мне руку. Точнее — кулак, в который сам же и зажал монеты.

Он ушёл, а я смотрела на то место, где исчез портал, и отчего-то размышляла — мыть теперь руку или не мыть?

Встретив следующим вечером всю четвёрку в коридоре, я махнула рукой, зовя за собой:

— Идёмте.

За мной пошли. С удивлёнными лицами, но пошли. Пройдя пустую кухню, мы оказались на заднем дворе, где на крыльце стояли два кресла из кабинета, а рядом — две табуретки, на которые я махнула рукой сопровождающим.

— Можете располагаться здесь, или в приёмной, или можете погулять по саду. А вы садитесь вот сюда, — это уже пациентам. — Эррол, вчера ты хотел смотреть в окно, но окон в той комнате нет. И я подумала, что это ведь лучше окна, верно?

— Верно, — мальчик с любопытством осматривался, впрочем, как и взрослые. — Мне тут нравится. Красиво и вкусно пахнет.

— Действительно, очень красиво, — Арбен взял табурет и переставил ближе к розам, где и уселся с явным удовольствием на лице.

Хмурый Миллард цепко оглядел весь двор, заглянул за сарай, прошёлся до калитки, внимательно осмотрел засов, который в этот выходной установил Рин, повесив на калитку звонок с другой мелодией, чтобы было понятно, в приёмную звонят или со двора. Ему не понравилось, что после того, как был расчищен проход, этой калиткой мог воспользоваться кто угодно, когда дома лишь женщина и дети, вот и озаботился нашей безопасностью.

Не обнаружив ничего подозрительного, Миллард так и остался в дальнем конце двора, табуретку не взял, ну да пусть стоит, это его ноги, мне не жалко.

— А где ваши дети? — поинтересовался брюнет, когда я занялась локтём малыша.

— Наверху, уроки делают. Не волнуйтесь, я им всё объяснила, они не станут выходить.

Дети и правда прониклись. Когда я сказала, что у меня маленький пациент, которому сложно высиживать долгое лечение в комнате без окон, Бейл воскликнул:

— Бедный! Я бы и сам не высиживал!

А остальные дети дали парочку дельных советов, чем можно развлечь малыша, когда ему наскучит просто сидеть, пусть даже и с видом на сад.

— У тебя есть дети? — заинтересовался Эррол. — Много?

— Четверо, — с улыбкой ответила я ему и, решив, что за разговором время пролетит быстрее, рассказала о своих младшеньких — сколько им лет, как кого зовут, у кого какая магия, и о том, что недавно они стали ходить в школу. Про магию Ронта я не стала говорить подробно, просто сказала, что он может определять испорченные продукты и некачественные вещи, это и так заставило окружающих удивлённо приподнять брови. Менталисты не были такой уж редкостью, но специализации у них были разные, какие-то встречались чаще, какие-то реже, и, похоже, о чём-то подобном мои гости не слышали.

Я постаралась вспомнить какие-то забавные случаи из жизни детей. Эррол слушал меня, едва ли не раскрыв рот.

— И они все друг с другом играют, да? — уточнил он, а потом тяжело вздохнул. — Как им повезло. А Рейни со мной не играет. Говорит, что у него много дел, что ему некогда. А раньше играл. Когда я ещё мог бегать...

— Сынок, просто теперь у Рейнарда прибавилось уроков, его магия за это время выросла, ею нужно учиться управлять, а с каждым годом это всё сложнее. Вот почему он так редко к тебе заходит.

— Нет, — мальчик набычился и выпятил губу. — Рейни просто со мной скучно, потому что я только лежу.

— Скоро ты снова сможешь ходить, — пообещала я, изо всех сил удерживаясь, чтобы не спросить, кто такой этот Рейни-Рейнард.

Брат, кузен, дядя? Или просто друг, которому стало неинтересно с тем, с кем больше нельзя играть как прежде? Ничего, малыш, вот выздоровеешь — и заведёшь себе сколько угодно новых друзей.

— Правда, смогу? — эти тёмные глазёнки, так странно смотрящиеся в сочетании со светлой кожей и волосами, казалось, заглядывали мне в душу.

— Правда. Твой папа показывал тебе свою руку?

— Да. Он сказал, что и с моей так будет. И с ногами тоже. Но целители говорили, что я никогда не смогу ходить.

— Они так тебе сказали? — нахмурился брюнет, всё это время молча слушавший наш разговор.

— Не мне. Я просто слышал. Они думали, что я сплю, и друг с другом говорили. А я не спал и слышал.

— Ты будешь ходить, — вновь заверила я малыша. — Но многое зависит и от тебя тоже, не только от целителей.

— От меня? — на меня взглянули очень удивлённо.

— Твои ноги изранены — и это я исправлю. Но за то время, что ты не мог на них вставать, они очень ослабли и разучились ходить, — я старалась честно всё объяснить ребёнку, который, похоже, мог узнать правду о себе, лишь подслушав её, а это неправильно. — И вот здесь уже всё будет зависеть от тебя — готов ли ты стараться и заново учиться ходить, готов ли к тому, что поначалу у тебя не будет получаться, что придётся, как когда-то в детстве, делать это вновь и вновь. Я дам тебе здоровые ноги, но сможешь ли ты ими пользоваться — зависит только от тебя самого.

Эррол внимательно выслушал меня, нахмурился, обдумывая то, что я сказала. И это меня порадовало. Он не кинулся сразу меня заверять, что, мол, конечно, же, он всё сумеет и всё сделает — легко дать обещание, сложно его сдержать, особенно ребёнку. Но Эррол думал, покусывая губу, и не торопился с ответом.

— Значит, ноги у меня будут здоровые, без шрамов и с пальцами, но ходить я на них не смогу? — уточнил он.

— Поначалу — нет, не сможешь, — честно ответила я.

— И мне нужно будет стараться, чтобы снова научиться ходить?

— Да.

— А если я ничего не буду делать, то ходить не смогу? Даже со здоровыми ногами?

— Они будут здоровые, но очень слабые, и просто тебя не удержат, — пояснила я.

— Я так не хочу, — мальчик покачал головой. — Ноги для того, чтобы ходить. Я буду стараться, даже если будет трудно. Но я обязательно сделаю всё, чтобы снова бегать. И тогда Рейни снова станет со мной играть, да, папа?

— Обязательно, — голос брюнета звучал хрипло. Знакомо как, я представляю, какой у него сейчас комок в горле.

— Тогда я буду очень стараться, — снова кивнул Эррол и тут же, как это свойственно детям, сменил тему: — А можно мне персик? — и кивнул на ближайшее дерево.

— Можно, — я не удержалась от улыбки. — Лорд Арбен, будьте так добры...

— Я сам могу! — и Эррол протянул руку, в которую тут же прилетел спелый персик. Вот как, у него тоже телекинез.

— Нужно помыть... — начала было я, но мальчик уже впился зубами в плод так, что сок потёк по подбородку. Я растерянно взглянула на брюнета.

— Ваши дети моют фрукты, которые сами сорвали с дерева? — с улыбкой поинтересовался он.

— Нет.

— И до сих пор живы?

— У них мать — целительница, — напомнила я. — Впрочем, не припомню, чтобы с этим у них возникала проблема, из-за переедания — да, бывало, но у нас в деревне как-то не было принято мыть фрукты. Но Эррол-то не деревенский ребёнок.

— При нём всегда находятся как минимум один целитель, уж с расстройством желудка он разберётся. А вот то, что ребёнок сам захотел что-то съесть, дорогого стоит. Такое бывает редко.

— Свежий воздух возбуждает аппетит, — с улыбкой пожала я плечами.

— Да, — брюнет посмотрел на меня очень странным взглядом, словно мы не о фруктах говорим, а о чём-то другом, интимном.

Я отвела глаза и отогнала от себя эти мысли, вот же придумала, нормальный у него взгляд, а мне просто примерещилось.

Какое-то время мы молчали, я лечила, Эррол перепробовал всё, что было в саду, даже огурец и морковку. Овощи и клубнику, по моему настоянию, лорд Арбен ему всё же помыл. Или не лорд? Меня, во всяком случае, не поправили, ну и ладно. Я заметила, что для своего возраста малыш очень неплохо пользуется магией, примерно как Ава в его возрасте. Впрочем, если его отец аристократ и сильный маг, удивляться нечему.

Когда я очистила кожу вокруг локтя и занялась связками, Эррол устал и снова начал капризничать. Уже и красивый закат не помогал его отвлечь, и фрукты. Впрочем, продержался он гораздо дольше, чем вчера, больше часа, но я хотела обязательно закончить сегодня со связками, не хотелось бросать на полпути этот участок. И тогда я подняла голову и громко сказала:

— Ава, давай!

Из открытого по случаю тёплой погоды окна на втором этаже вылетела Приблуда и, сделав над нами круг, медленно спланировала мне на колени. Конечно, чтобы точнее прицелиться, Аве пришлось высунуться в окно, но не думаю, что моих посетителей это рассердило, они её вообще не заметили, сосредоточившись на кошке. А Приблуда, с детства привыкшая к подобным перемещениям, с удобством устроилась у меня на коленях, огляделась и с любопытством потянулась к мальчику.

— Кошечка! — восхитился он, тут же забыв, что устал и хочет домой. — Она умеет летать!

— Только когда ей помогает моя младшая дочь.

— А погладить её можно? — мальчик потянулся к кошке здоровой рукой.

— Она будет рада, — заверила я его. Давай же, Приблуда, мне нужно еще минут пятнадцать-двадцать.

И кошка меня не подвела. Уж не знаю, инструктировала ли её Лана или нет, но она и сама была очень ласковой и общительной, а потому с радостью дала себя погладить, а потом и обнять. Топталась по коленям Эррола, очень его этим веселя — благо, толстый плед не давал её коготкам добраться до его кожи, — тёрлась мордочкой о его шею, заставляя ёжиться и смеяться от щекотки, в общем, отвлекала, как могла. А я спокойно закончила работу.

Выпустив локоть мальчика, я с довольной улыбкой наблюдала, как он обнимает кошку обеими руками, даже не осознавая этого, зато брюнет прекрасно всё видел. И в глазах его блеснули слёзы.

Сегодня брюнет не вернулся. Пользуясь тем, что его сын сидит у него на коленях, обнимаясь с Приблудой, освободил одну руку, вложил в мою ладонь монеты и попрощался. А я не стала предлагать ему задержаться — устала за сеанс, и он, видимо, это понял. Эррол

расставаться с нашей ласкушей не хотел, но ему пообещали, что завтра он её обязательно увидит вновь.

— Спасибо, моя хорошая, — сказала я, глядя туда, где исчез портал, и почёсывая кошку за ухом. — Девочки, спасибо.

— Пожалуйста, — пропели обе хором, свесившись с подоконника.

Трюк с Приблудой был продуман и даже отрепетирован заранее. Думаю, ещё на денёк-другой она мальчика займёт, у меня создалось ощущение, что кошка была для него чем-то не то чтобы невиданным, но... словно его держали подальше ото всех животных так же, как и от солнца. Хотя его отец против близкого общения сына с кошкой не возражал, как и от того, что я проявила некое самоуправство, перенеся лечение во двор. Поверил, что я знаю больше его штатных целителей, раз уж лечу лучше них?

Не знаю, но я очень этому рада. Хотя и немного удивлена, что никто из взрослых не догадался взять для малыша какую-нибудь игрушку или книжку. Может, у местных целителей такие правила? Ничто не должно отвлекать пациента во время лечения? Пациента, или всё же самих целителей? Лично меня появление Приблуды, а так же разговоры во время работы не отвлекали. Наоборот, уж лучше пусть пациент кошку гладит, чем плачет.

Ладно, завтра обязательно скажу, чтобы брали для малыша что-нибудь развлекательное. А у нас, кроме кошки, есть еще кролики и куры, а через неделю еще и цыплята вылупятся. Но лучше всё-таки какие-нибудь сказки, в крайнем случае — сама буду рассказывать, я их знаю много.

В среду я так и сделала. Слушая сказки и глядя довольно мурлыкающую Приблуду, Эррол без капризов высидел весь сеанс. Брюнета удивило моё предложение принести мальчику книгу и игрушки, я оказалась права — в его доме лечебные сеансы проходили в тишине, правда, и длились не особо долго, и я не стала уточнять, что именно «лечили» эти самые целители. Похоже, именно поэтому он всегда молчал во время наших сеансов. Но учитывая, что я спокойно вела разговоры и с ним в своё время, и со своим маленьким пациентом, а лечению это не мешало, он не стал возражать.

И в четверг, пока я занималась запястьем Эррола, читал ему книгу. Не сказку, нечто приключенческо-героическое, но мальчик слушал с удовольствием, а мне только это и нужно было. Сеанс прошёл без

происшествий, я уже заканчивала работу со связками, как случилось кое-что непредвиденное.

Сосредоточившись на руке мальчика и невольно прислушиваясь к голосу старшего пациента, повествующего о приключениях команды магов-путешественников, я не смотрела по сторонам. Но когда история резко прервалась на полуслове, удивлённо подняла глаза и увидела, что брюнет напряжённо смотрит в дальний конец двора.

Более того, сидящий неподалёку от нас Арбен резко встал и тоже смотрел в ту же сторону. Оглянувшись, я увидела, что Миллард принял боевую стойку и с огненным пульсаром в руке наблюдает, как тонкий жгут воды, переброшенный через калитку, накинута петлёй на засов и медленно сдвигает его. Эту петлю я могла узнать где угодно.

— Это Рин, мой племянник, — поспешила я успокоить своих гостей, хотя сама встревожилась — что он делает здесь в четверг вечером, когда должен быть в академии?

Мужчины переглянулись и слегка расслабились, Миллард убрал пульсар, и мы уже все вместе наблюдали, как открывается калитка.

— Рин, что случилось? — не выдержала я.

— Не пугайся, Дина, меня сам ректор отпустил, всё в порядке, — закрыв калитку, мой братец оглянулся и растерянно уставился на Милларда, стоявшего в пяти шагах от него.

— Рин, у меня пациент, — строго сказала я. — Зайди в дом с другой стороны и поднимись наверх.

— Мне некогда обходить, меня на пару часов отпустили, а тут дорога почти час в один конец, — продолжая разглядывать Милларда, который, собственно, стоял в проходе и нас загораживал, возразил Рин. — Да я на минуточку всего, вы же не против? — это уже Милларду, стоявшему стеной и никак на его слова не реагирующему. Уверена, что и лицо у него сейчас недовольно-каменное. — Твоя подпись нужна, это насчёт стипендии тройняшек, точнее — насчёт возврата оплаты.

— А до выходного это потерпеть не могло? — я взглядом попросила у брюнета прощения за подобную бесцеремонность. Но и винить брата я не могла — это с младшими я всё обсудила, старшие были не в курсе, лечу-то я обычно в кабинете, а теперь вышла во двор, и откуда же ему знать, что я пообещала пациентам приватность?

— У него там что-то с отчётностью, сроки какие-то, думаешь, иначе меня послали бы? — Рин еще потоптался перед Миллардом, а потом просто перешагнул грядку с клубникой и обошёл его параллельной тропкой.

Шатен вопросительно посмотрел в нашу сторону, наверное, получил какой-то знак от главного и задерживать парня не стал. А Рин, пока шёл, доставал из папки, что принёс с собой, лист бумаги и самописное перо.

— Вот здесь распишись, и я побегу, меня извозчик ждёт. Простите ещё раз, — он, наконец, посмотрел на мужчин рядом со мной, сначала на Арбена, потом на брюнета.

Замер. Кажется, побледнел. Тяжело сглотнул, выпрямился по стойке «смирно», не замечая, что перо упало на землю, потом низко поклонился и снова вытянулся в струнку.

— Нижайше прошу простить меня за вторжение, — сказал, не сводя взгляда с брюнета, — ваше величество!

ГЛАВА 8. ВИЗИТЁР

День восемнадцатый. Четверг

«Ваше величество»?

Я вновь внимательно посмотрела на своего золотоносного пациента. Так вот кто передо мной, вот кого я лечила, к кому прикасалась, чьё тело нашла таким привлекательным. Сам король, собственной венценосной персоной, сидит на моём крыльце, держа на коленях больного сына.

Кто бы мог подумать! Нет, я догадывалась, что передо мной аристократ из высших, но что сам король? Такого я и представить себе не могла. И слегка напряглась — как он отреагирует на бесцеремонное вторжение Рина?

— Ничего страшного... — король запнулся и вопросительно на меня взглянул.

— Рин, — подсказала я.

— Ничего страшного, Рин, можешь подойти и получить нужную подпись. Что такое «сроки и отчётность» у ректора Нортон, я в курсе, — он усмехнулся, кажется, вспомнив что-то забавное.

Рин подошёл, во все глаза глядя на нашу группу — я так и продолжала держать в руках ладошку Эррола, который тоже с любопытством рассматривал моего брата, и упиралась коленями в ногу короля. Выпустив руку мальчика, я взяла протянутые бумаги и перо, поданное мне ухмыляющимся Миллардом — впервые на его вечно хмуром лице появилось хоть что-то, похожее на улыбку, — расписалась там, куда мне ткнули пальцем, даже не читая документ, и торопливо вернула его брату.

— И где же ты, Рин, умудрился меня увидеть? — поинтересовался король, из чего я сделала вывод, что простым смертным внешность местного монарха обычно незнакома.

Наверное, потому он и по улице так свободно разгуливал, и когда стал героем, спасшим ребёнка, его никто из прохожих не узнал.

— Вы были в академии, на награждении лучших студентов, ваше величество, — пояснил Рин, продолжая стоять по стойке «смирно».

— Один из лучших, значит? Почему я не удивлён? — хмыкнул король, чуть насмешливо глядя на меня. — И в каком же году это было?

— Этим летом... и два прошлых тоже, ваше... — начал было Рин, но брюнет жестом остановил его.

— Какой курс?

— Четвёртый, ва... — и снова был прерван поднятой ладонью.

— Три из трёх, надо же. И на каком месте ты был среди однокурсников?

— На первом, — на этот раз Рин даже и пытаться обратиться как положено не стал.

— Молодец. Можешь идти.

Мы все молча дождались, пока Рин выйдет, снова заперев засов водяным жгутом.

— Как здорово! — восхитился Эррол. — Не знал, что можно засов водой открывать-закрывать. Жаль, что у меня не вода. Я бы тоже так научился!

— Зачем? — удивилась я. — Ты своей магией можешь просто сам засов сдвинуть.

— Ой, и правда! — мальчик протянул здоровую руку в сторону калитки, и засов вновь открылся. Закрыть его у малыша не вышло — незапертая калитка слегка отошла от столбика, и закрывающийся засов в паз не попал, а умения Эррола пока не хватило, чтобы манипулировать сразу двумя предметами. Но и этому достижению он обрадовался, а калитку запер Миллард. — Папа, а почему мне учитель Савин не говорил, что я так могу? Он меня учит только предметы перекладывать.

— Наверное, он решил не переходить к чему-то новому, пока ты в совершенстве не овладеешь умением перекладывать предметы, — предположил король, а сам о чём-то задумался.

Я вновь взялась за руку Эррола — осталось доделать совсем чуть-чуть, и он сможет сгибать запястье. Малыш увлёкся новой забавой — отпирал засов, который старательно запирали после этого Миллард. Несколько минут — и я закончу.

— У вас ведь ещё одна племянница учится? — спросил вдруг король, и я кивнула. — Какой курс и дар?

— Третий. Огонь, — добавлять «ваше величество» я не стала, кажется, ему это не особо нравится, мне бы тоже на его месте надоело.

— И какой она была на своём курсе?

— Третьей. Оба раза.

Да, Вела была немного слабее остальных детей, и не самой сильной на факультете, но мой ответ всё равно удивил собеседника.

— Девушка — и третья на факультете огневиков? Потрясающе. Безумно интересно, кто же был вашим дедушкой. И очень хорошо, что Вилмер получил в глаз кулаком, а не огненным пульсаром.

— Так вы знаете?.. — я ведь не говорила, кого ударила Льюла. Интересно, ему из академии доложили, или младший брат сам рассказал. Второе — очень сомнительно, какой парень признается, что получил в глаз от девчонки? — Это вы велели ему извиниться?

— Он извинился?

— Да. И ещё сказал декану, что сам виноват, и Льюле отменили наказание.

— Тут моей заслуги нет. Я лишь спросил, не получал ли кто-то из его друзей в глаз от девушки за то, что говорил гадости её сестре. Поэтому, как Вилмер покраснел и промолчал, я всё понял. И поинтересовался, считает ли он справедливым полученное девушкой наказание? Он снова промолчал, но задумался. Больше к этому вопросу мы не возвращались, но я рад, что он извинился.

— Всё равно спасибо.

Я вдруг поняла, что между братьями почти двадцать лет разницы, а так как всё то время, что я жила в Лурендии, король был один и тот же — меня мало интересовало то, что происходит в королевской семье, но уж смену-то монарха я бы не пропустила, кто-нибудь из сельчан меня просветил бы обязательно, — значит, именно мой брүнет заменил младшему брату отца.

Надо бы разузнать поподробнее о королевской семье, раз уж я в столице теперь живу и с королём общаюсь. И перестать его мысленно называть своим брүнетом. У него имя есть.

— Я закончила, — сказала я Эрролу, который так увлёкся игрой с засовом, что на наш разговор внимания не обращал — или молча слушал, мотая на ус, но вида не подавал. — Попробуй согнуть запястье.

Новая возможность привела мальчика в восторг. Теперь на его руке не гнулись только пальцы, но это его радость не уменьшило. Видя результат, Эррол осознал, что его выздоровление — дело времени.

Сегодня король вновь проделал привычный ритуал — вложил мне в руку монеты и поцеловал получившийся кулачок. А у меня все волоски на теле дыбом встали от странности происходящего. Когда мне целовал руку мой пациент, пусть и аристократ, это было очень приятно, но... нормально, что ли. Но когда руку целует сам король...

Это... Это... Ну, так не бывает просто! Короли не целуют руки простолюдинкам, и не важно, что по рождению мы равны, ему это неизвестно. А он всё равно поцеловал, даже когда его инкогнито было разоблачено.

И я совершенно не знала, как на это реагировать.

Поэтому я просто застыла на своём кресле и снова молча смотрела, как мои посетители уходят в портал. Уже почти зайдя в него, король обернулся.

— До завтра, Дина Троп, — попрощался он, давая понять, что не упустил обращение Рина, и теперь знает моё имя.

— До завтра, Кейденс Лурендийский, — ответила я тому месту, где секунду назад был портал.

Кажется, слух обо мне стал потихоньку выходить за соседние торговые кварталы, потому что сегодня, кроме привычных посетителей, ко мне приехала дама в дорогом платье, в карете со снятым с двери гербом, под густой вуалью и в сопровождении служанки. Как оказалось — подцепила от любовника дурную болезнь, а к своему целителю обращаться побоялась, вдруг мужу доложит. Покорно выложила два золотых, мною запрошенных, заодно избавилась и от небольшого камушка в почке, о котором даже не подозревала, и получила совет проходить у своего целителя сканирование почек хотя бы раз в полгода — про это пускай мужу стучит, не страшно. Ушла довольная, пообещала порекомендовать меня своим подругам.

День начался отлично. Жаль, что продолжился не очень...

Нет, поначалу всё было нормально. Обычные больные со своими обычными проблемами, ничего особо серьёзного. А потом, уже после обеда, в приёмную зашёл пожилой мужчина, высокий и сухощавый,

прямой, словно палку проглотил. Судя по одежде, перстням и дорогой трости — либо аристократ, либо ну очень разбогатевший торговец.

Я как раз провожала пациента и привычно осматривала очередь — не пришёл ли кто-то, кому помощь нужна срочно. Не обнаружив такого в очереди из трёх человек, я предложила зайти торговцу средних лет, сидевшему ближе всех к моей двери. Но входная дверь резко распахнулась, явив мне этого самого аристократа, который, не обращая внимания на присутствующих, прошагал в кабинет, едва не задев меня плечом.

Судя по бодрому шагу, в экстренной помощи он не нуждался, поэтому подобное поведение меня возмутило. Мало ли, что аристократ, утренняя дамочка, например, честно отсидела в очереди.

— Простите, но я должна принять сначала тех, кто пришёл раньше, — продолжая стоять у раскрытой двери, вежливо, но твёрдо сказала я тому, кто по-хозяйски расположился в моём кресле и осматривал помещение, презрительно кривя губы от скромной обстановки. Если так не нравится кабинет целителя в торговом квартале, ехал бы в аристократический, уверена, там всё обставлено намного роскошнее.

— Подождут, — уронил посетитель.

Услышав от остальных робкое: «Мы подождём», я пожала плечами и закрыла дверь. Согласны ждать — их выбор.

— На что жалуетесь? — привычно поинтересовалась, не видя внешних проявлений какой-либо болезни.

— Вот сама и определи, — насмешливо предложил аристократ.

— Диагностика — две серебрушки, — сказала из чистой вредности. Обычно я не брала за это ни единого медяка, но пусть будет платой за хамство. Даже король говорил мне «вы», а кто воспитывал этого человека — не знаю, медведи, наверное.

На стол легли две монеты, после чего я взяла мужчину за руку, затянутую в перчатку, поддёрнула вверх рукав и прикоснулась к коже. Несколько секунд мне хватило, чтобы поставить диагноз.

— Физически вы абсолютно здоровы.

— Ты выяснила это за пять секунд? — возмутился посетитель.

— Этого достаточно, — я пожала плечами. Диагностировать болезни немного дольше, нужно тщательно «увидеть» больное место,

«рассмотреть» в мельчайших подробностях. А какой смысл долго рассматривать то, чего нет?

— Приглашай следующего пациента, я хочу увидеть, как ты лечишь.

От этого заявления, а точнее — приказа, я застыла, едва не раскрыв рот. Да кто он такой, чтобы, во-первых, мне приказывать, а во-вторых — наблюдать за лечением? Это личное, очень личное, даже если я просто пациента за руку держу — я же еще и расспрашиваю обо всём. Многим сложно даже мне, целительнице, рассказывать какие-то личные подробности, а тут ещё и посторонний торчать будет.

Я прошла к двери и широко её распахнула.

— Подите вон!

— Да как ты смеешь! — мужчина вскочил, в ярости глядя на меня.

— Смею. Это моя лечебница, я могу выгнать отсюда кого угодно.

— Но не меня! Я — лорд Хавлок, главный придворный целитель. Я самый сильный целитель в этом королевстве! Да я уничтожу тебя, стоит мне пальцами щёлкнуть! Да как ты посмела даже прикоснуться к его...

Я вновь захлопнула дверь — не нужны мне свидетели этого разговора, — а потом подошла вплотную к лорду, встала на цыпочки, схватила его за горло и зашипела:

— Заткнитесь, или я лишу вас голосовых связок! Безвозвратно! — Наверное, что-то в моих глазах или голосе было такое, что он внял и заткнулся. — Его величество не для того приходит сюда инкогнито, чтобы вы раззвонили об этом по всему городу. Думаю, его не обрадует то, что вы не в состоянии сохранить его визиты в тайне.

— Это невозможно, — выдавил он, с испугом глядя на меня. И куда только вся надменность делась. — Нельзя лишить человека связок.

— Да неужели? — я наигранно-высоко подняла брови. — Ну, простите, академиев не кончала, самоучка. И что там возможно, а что нет, не знаю. Я просто беру и делаю. Желаете проверить, получится ли у меня?

Конечно, я блефовала. Уж не знаю, возможно ли удалить человеку голосовые связки, в принципе, наверное, я бы смогла. Но не за три секунды, конечно. Впрочем, устроить воспаление, чтобы напугать временной немотой, я вполне способна.

— Нет, — выдавил главный целитель королевства.

Я отпустила его шею и сделала три шага назад, демонстративно обтирая руку о юбку. Да, это ужасно невежливо, но слишком уж он меня разозлил.

— Что вам нужно? Зачем вы пришли?

— Как?! — практически взвыл мой посетитель. — Как ты это делаешь? Мы, лучшие целители королевства, годами бились нас шрамами его величества и его высочества, но ничего не смогли изменить. А ты — необразованная простолюдинка, за две недели сделала то, что нам, магистрам с кучей учёных степеней, сделать не удалось. Кожу, покрытую шрамами от магического напалма невозможно восстановить. Как ты смогла?! Что ты делала?

— Убирала больную кожу и наращивала взамен здоровую, — ответила, пожав плечами. Это же элементарно.

— Что?! — мужчина буквально рухнул в кресло, глядя на меня совершенно обалдевшими глазами. — Убирала больную и наращивала здоровую? И всё? Да это же... Как тебе это в голову пришло?

— Это же очевидно, — пожала я плечами.

— Кто?! — он вскочил и схватил меня за руку, заглядывая в глаза. — Кто тебя такому научил? Где?

— Нигде, — я и правда, даже в период домашнего обучения, ни с чем подобным не сталкивалась. — Но это же первое, что приходит в голову. Если нельзя исправить — нужно заменить. Это элементарно.

— Элементарно? Элементарно?! — лорд забежал по комнате, схватившись за голову. — Тогда почему никому из нас ничего подобного не пришло в голову? И это же... Это же столько силы нужно влить! Это же перегореть можно!

— Так я и не делаю всё сразу, — на всякий случай отступив к стене, я смотрела на бегającego туда-сюда королевского целителя. И куда только подевалась вся его прежняя надменность. — По кусочкам.

— И мне сказали — ты лечишь без боли. Не вводишь пациента в сон, он в полном сознании, всё чувствует — и при этом боли нет. Как?

— Отключаю нервные окончания у тех клеток или органа, на который воздействую, — это же основы. Это было первое, чему меня обучили ещё в пятилетнем возрасте, как только проснулся мой дар — обезболить. — Потом подключаю обратно.

— Но это же... Это же столько сил нужно! Едва ли не больше, чем на само лечение.

— Я не отделяю одно от другого, поэтому не знаю, сколько и для чего требуется. Меня так учили.

— Где? Где такому учат? Это неправильно, нерационально! Главное — излечить болезнь или рану, боль можно и потерпеть. Если боль нестерпимая, больного можно погрузить в сон. Это аксиома! Этому учат всех целителей — направлять силу на самое важное. Обезболивание — вторично! Где вас такому научили?

Я уже «вы»? Надо же. И кажется, я начинаю понимать, почему Эррол не любит целителей, а мои пациенты так удивляются лечению без боли.

— Я из Вертавии, — пожала плечом.

— Я там бывал — и там лечат так же, как и мы.

— Этому научил меня целитель, к которому отец возил меня, когда проснулся дар, — я снова пожала плечами, на ходу придумывая оправдание всей этой странности. Вот уж не думала, что в наших странах такое разное отношение к исцелению. — Он обучил меня азам, а дальше — я уже своим умом до всего доходила. А откуда тот целитель приехал и где обучался — не знаю, мне пять лет было, и не пришло в голову его расспрашивать.

Надеюсь, достаточно правдоподобно. Что взять с ребёнка, который своего «учителя» видел лишь единожды и даже имени не запомнил?

— Я хочу это видеть. Я должен это увидеть! То, как ты лечишь.

— Вы здоровы, — напомнила я. — Приведите ко мне больного, который согласится, чтобы вы присутствовали при лечении — и смотрите сколько угодно. А пока — покиньте мой кабинет, меня ждут пациенты.

— Пациенты, — забормотал лорд, — пациенты... Одну минуту! — и он выбежал из комнаты — и куда только делся его гордый шаг, да и вся надменность как-то сдулась. Спустя минуту — я едва успела вымыть руки, — он и правда появился вновь с пациентом, торговцем средних лет, ждавшим своей очереди.

— Мы договорились с мистером Риплом, — довольно сообщил он мне. — Я оплачиваю его лечение, а он не возражает, чтобы я присутствовал и наблюдал.

— Пожалуйста. На что жалуетесь? — привычно поинтересовалась у пациента.

— Нет-нет, определите, пожалуйста, сами, — лорд-целитель был предельно вежлив и тут же выложил на стол две серебряшки. Мистер Рипл, прежде мне не знакомый, видимо, не с нашей улицы, удивлённо и чуть испуганно посмотрел на монеты, потом на меня. Ещё бы, для простых горожан у меня были совсем другие расценки.

— Ну, раз вы платите, — пожала я плечами и незаметно подмигнула торговцу, который, к моей удаче, понял, в чём дело и расслабился. Действительно, какая разница, сколько стоит лечение, если платит кто-то другой.

— Так, — мне хватило десяти секунд на диагностику. — Левый локтевой сустав воспалился, еще вот здесь болит, когда, когда жирное едите? — я положила ладонь ему на правое подреберье. — И... как у вас с женщинами в последнее время? Не очень получается, да?

— Вы что, и это увидели? — мужчина смотрел на меня с благоговейным ужасом, одновременно заливаясь краской. — Я с локтём пришёл, болит, зараза, особенно к дождю. Печень — да, тянет после обеда, ноет, иногда жёлчью икаю, но как-то не сильно мешает. — Ну, печень так печень, пусть так считает, не стану уточнять, может, человек и не слышал никогда ни про жёлчный пузырь, ни про поджелудочную? — Но как вы про женщин-то узнали? — его голос опустился до шёпота.

— Мне тоже это интересно, — лорд-целитель подошёл и схватил пациента за другую руку. Помолчал, что-то бормоча, потом приказал: — Раздевайтесь!

— До пояса, — уточнила я для перепуганного торговца. — Так, говорите, только с локтём пришли?

— Ну, так... Если господин платит... Лечите уж всё, — расстёгивая жилет, а за ним и рубаху, быстро сориентировался пациент.

— Золотой за всё, — уточнила я для «мецената».

Монета легла рядом с серебряшками. Сам лорд продолжил ощупывать пациента, к чему-то прислушиваясь. Мы ему не мешали. Торговец зачарованно смотрел на золотой, я наблюдала за мимикой целителя, чьи брови поднимались всё выше, в то время как ладони блуждали по животу больного.

— Всё точно. Но как?! — в очередной раз попытался он добиться у меня ответа. И снова получил пожатие плечами — что я скажу? Просто чувствую, и всё. — Лечите! — выдохнул лорд, не получив от меня внятного ответа.

Да пожалуйста. Сначала занялась локтём, потом жёлчный почистила, кладя ладонь на больной участок, раз уж пациент разделся, поджелудочную подправила. Мужские проблемы лечила, положив руку на низ живота, максимально сохранив стыдливость пациента, которому пришлось лишь расстегнуть брюки и приспустить исподнее, пряча самое дорогое под фланелью. Целитель в это время ощупывал излеченные места, бросая на меня ошеломлённо-недоверчивые взгляды. Кажется, ему очень хотелось снова задать своё «Но как?!», но понимая, что ответа не дожждётся, он помалкивал.

А я, закончив, посоветовала довольному пациенту не налегать на жирное и жареное и пригласила следующую пациентку. Чопорная пожилая дама наотрез отказалась от присутствия второго целителя, ворча, что не просто так пришла за шесть кварталов к женщине, и никакому мужчине не позволено видеть и тем более трогать её тело, пусть он хоть трижды целитель.

После подобной тирады я подумала, что у неё какие-то женские проблемы, возможно, что-то из той же категории, что и у утренней леди, но вся проблема оказалась в выпирающей косточке на ноге. Именно ступня была той частью тела, которую не позволено было увидеть мужчине. Из любопытства поинтересовалась, как же она раньше справлялась, и нет ли поблизости другой целительницы, а если есть, почему не пошла к ней на этот раз.

Дама заявила, что все свои болезни прекрасно лечила настойками от знакомой травницы, но вот с косточкой на ноге та справиться не могла, отправила к целителю. И какое счастье, что я открыла практику, а то женщину-целителя даже в столице днём с огнём не найти. То есть, найти-то можно, но они в основном на акушерстве специализируются, за кости не берутся. А обо мне уже легенды ходят, что всё лечить могу, вот она и пришла.

В общем, расстались мы, довольные друг другом, она излечением женщиной-целителем, я — двойной оплатой, исключительно по инициативе посетительницы, и обещанием рекомендовать меня своим знакомым. В обещание этой дамы я поверила больше, чем утренней

леди — она-то приходила инкогнито, и прислать ко мне своих знакомых означало рассекретить себя. Впрочем, эти знакомые сами могут прийти инкогнито с той же проблемой, кто их, аристократок, знает, чем они там делятся?

Выглянув в приёмную, я увидела единственного посетителя — высокого, простоватого вида парня в рабочем комбинезоне, стоящего в углу, на которого наседали лорд-целитель. На все его негромкие уговоры парень только головой мотал и отводил глаза, бормоча басом:

— Мамаля велела к этой целительнице идти, ни про кого другого не говорила. И денежку маманя дала, вот. Не надо больше никому на меня смотреть, маманя не велела.

Я хотела уже пригласить пациента, старательно пряча улыбку, но тут на улице послышался шум, женский плач и причитания, и мы все трое застыли, глядя на входную дверь, которая вскоре распахнулась, и в неё влетел мужчина с окровавленным ребёнком на руках и бегущая следом женщина, причитающая: «Сыночек мой, сыночек!»

Я кинулась в кабинет и указала мужчине на стол, куда он аккуратно положил на бок окровавленного ребёнка. Я задрала у малыша — на беглый взгляд ему было лет пять или меньше, — рубашонку и приложила ладонь к животу, проводя диагностику и одновременно стараясь остановить кровотечение, сейчас это было важнее всего, ребёнок потерял много крови и мог умереть в любую минуту.

Много времени это не заняло, и картина предстала нерадостная. Несколько переломов, к счастью закрытых, сотрясение мозга, это не особо хорошо, но я справлюсь, а малыш хотя бы без сознания, от боли не мучается. Хуже были несколько ран на ногах и ягодице, словно парнишку проткнули... то ли кольями, то ли ещё чем таким, причём не единожды. И самое страшное — разрыв селезёнки. Ещё и куча крохотных ранок в районе ног и спины. Что же с ним случилось? Ладно, потом выясню, сейчас главное — кровь оставшуюся сохранить.

— Я могу помочь? — услышала голос лорда-целителя. Кивнула — сейчас мне помощь совсем не помешает.

— Вон там, в ящике, ножницы, — я кивнула на тумбочку возле рукомошника. — Надо срезать с него одежду. И держите кровотечение в селезёнке, пока я её залатаю. Боюсь на все раны одновременно меня не хватит, и ребёнок истечёт кровью.

Первым к тумбочке метнулся отец малыша, он же вмиг срезал с сына рубаху и штанишки, целитель опустил ладонь на живот ребёнка, я почувствовала, как у меня перехватили управление кровью и тут же начала сращивать порванную селезёнку. Получилось, смерть отодвинули еще на шаг. Теперь я могла и остальными ранами заняться, продолжая сдерживать кровоток в них.

Вдвоём с целителем мы заживили рваные раны, кровотечения можно было больше не опасаться, и я занялась кровью, скопившейся в брюшной полости. Разобрала на составляющие и аккуратно вернула обратно в сосуды. Бледный до синевы малыш порозовел и задышал легче, а я облегчённо выдохнула — мало было просто остановить кровь, её нужно было восполнить, и у меня получилось. Конечно, из внешних ран тоже вылилось достаточно крови, но эта потеря была не критичной — крупные сосуды задеты не были.

Пока целитель сращивал трещины в рёбрах, я занялась переломом левого бедра, если не считать селезёнку, рана там была самая тяжёлая. Потом левое же предплечье. Отец очень удачно положил малыша на стол — правый бок у него практически не пострадал, а все остальные травмы были на виду. Отец, срезав с ребёнка одежду, отступил, обнимая жену, не позволяя ей цепляться за сына и внимательно следя за лечением, понимая, что помочь ничем не может, просто не путался под ногами. Идеальный родственник пациента, что было бы, окажись здесь только мать, думать не хотелось.

Мы с лордом-целителем работали чётко и слаженно, он молча признал моё старшинство и выполнял команды спокойно, словно годами работал моим ассистентом. Наконец раны и переломы были залечены, мой помощник занялся мелкими ранками, оказавшимися ссадинами и крупными занозами, а я занялась головой. Шишка, гематома — это я убрала довольно быстро, потом занялась сотрясением. Через несколько минут ребёнок открыл глаза, увидел меня, обвёл взглядом незнакомую комнату и громко заревел.

Ну, если хватает сил реветь, значит, всё будет в порядке.

Мать кинулась обнимать и целовать сына, его отец кланялся мне и лорду, бормоча, что мы спасли его сына, и он нам по гроб жизни обязан. Из сбивчивых объяснений мужчины я поняла, что он латал крышу, а его сынишка полез по приставной лестнице за ним, и упал вместе с ней, как раз на валявшиеся кучей доски от старого забора,

которые он всё собирался убрать, да всё руки не доходили, хотел сначала с крышей разобраться. В общем, эти доски и колья сильно покалечили малыша, но, возможно, спасли ему жизнь, смягчив падение и не позволив разбиться насмерть. Конечно, без помощи он всё равно вскоре умер бы от травм, но это выгадало минуты и позволило отцу донести сына ко мне.

Мужчина рассказывал это, то кланяясь, то тряся руку лорда, то целуя мою. Наконец я остановила поток благодарности словами:

— Садитесь в это кресло, посмотрю, что с вашей ногой.

На ноге оказалась трещина. Как он бежал в таком состоянии, а потом ещё выстоял всё время исцеления — не знаю. Но факт остаётся фактом — как-то сумел.

— Если ваш сын упал вместе с лестницей, как вы спустились с крыши? — приложив ладонь к больному месту, поинтересовалась я, уже понимая, что именно случилось.

— Как спустился? — мужчина растерянно смотрел на мою руку на своей припухшей голени. — Не помню. Спрыгнул, кажется...

Спрыгнул. С крыши второго этажа — домов ниже у нас на улице не было. А потом бежал ко мне со сломанной ногой и сыном на руках, спасая ему жизнь. Я слышала про подобные случаи, сейчас увидела воочию.

— Сколько я вам должен? — вставая на совершенно здоровую ногу, поинтересовался мужчина, после того как опять многословно поблагодарил меня.

— Нисколько, — не успела я открыть рот, как за меня ответил лорд-целитель. — Лечение, при котором я присутствовал, я и оплачиваю. Такой у нас был уговор.

Выложил на стол три золотых — интересно, какое жалование у королевского целителя? — поцеловал мне окровавленную руку и ушёл, ничем не напоминая того чопорного аристократа, который ворвался ко мне несколько часов назад. Просто усталый пожилой человек в дорогой одежде, не более. Даже трость свою забыл, но это я увидела позже, когда проводила счастливых родителей, уносящих своё завернутое в отцовскую рубашку сокровище.

Тяжело опустившись в кресло, я чувствовала себя совершенно обессиленной и думала, получится ли за оставшееся время набрать достаточно сил, чтобы хватило на лечение Эррола. А ведь еще и

комнату в порядок привести нужно будет, хотя это можно ребятишкам поручить. И тут в дверь просунулась взлохмаченная голова.

— Миссис целительница, а уже можно заходить? — а я про того парня и забыла уже.

— А до завтра это не подождёт? — с надеждой поинтересовалась я. Парень выглядел так, словно может подковы бантиком завязывать, больным точно не выглядел.

— Не! Маманя сказала, иди к целительнице, пусть тебя лечит. Вот, — протянул раскрытую ладонь, в которой блеснула серебрушка. — Мне сегодня надо, я сидеть второй день не могу.

Сидеть не может? Даже любопытно стало, почему.

— Ну, заходи, — вздохнула я, вставая.

Всё оказалось до банального просто. Фурункул на ягодице. Я, не задумываясь, заставила парня спустить штаны и в пару минут залечила болячку. Забавно, что лорду-целителю показывать зад он категорически отказался, а передо мной спокойно обнажился. Видимо, так маманя велела.

Спустя два часа я поджидала своих привычных посетителей в коридоре, но, к моему немалому удивлению, из портала вышел только король. Без охраны и без сына.

— А где Эррол, — не удержалась я от вопроса.

ГЛАВА 9. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

День девятнадцатый. Пятница

— Сегодня он остался дома — вы не в состоянии его лечить, — ответил король, пристально глядя на меня, словно видя впервые.

— Почему вы так решили? — удивилась я. За прошедшие два с половиной часа я более-менее восстановилась, благо, больше пациентов не было.

— Лорд Хавлок рассказал мне, что именно вы сделали сегодня. По его словам, вы спасли жизнь ребёнку, совершенно исчерпав свои силы.

— Не всё так мрачно, — покачала я головой. — За прошедшие часы я отдохнула, поэтому вы можете принести Эррола.

— Он уже знает, что сегодня лечения не будет, и знает — почему. Он нашёл себе занятие на сегодняшний вечер — открывает магией все запоры, которые видит, и пытается их закрыть. А вам не стоит так переутомляться. К тому же, я хотел бы с вами поговорить.

— Давайте, тогда я вашими шрамами займусь, зачем день терять, — я показала на две двери. — Предпочитаете кабинет или крыльцо.

— Пожалуй, лучше кабинет, на крыльце слишком много любопытных ушей, а разговор достаточно личный.

— Тогда прошу, ваше величество, — и я открыла нужную дверь, приглашая войти.

— А нельзя ли без «величества», — вздохнул король, заходя в кабинет. — Я так устал от этого во дворце, здесь, можно сказать, отдыхал от всего этого официоза.

— Можно, — кивнула я.

Обходилась же раньше без обращения и сейчас смогу. Сама еще помню, как порой раздражало это постоянное «леди Меллиндилана» от любого слуги, даже просто проходящего мимо — положено было обязательно поклониться и произнести обращение, выражая своё уважение. Хорошо хоть, что внутри семьи мы звали друг друга по короткому имени, а много ли тех, кто обращается по имени к королю?

К своему стыду, я осознала, что вообще ничего о королевской семье не знаю. Есть сын, есть младший брат — это я узнала в последнюю неделю, а до этого прожила в стране десять лет, и мне была абсолютно без разницы личная жизнь местного монарха. Король есть — мне этого было достаточно. Я укрылась в своём маленьком мирке и неосознанно отгородилась от всего, что могло причинить боль. В том числе и от любых упоминаний о местной королевской семье — ведь тот, кто убил моих близких и заставил нас скрываться, тоже был королём.

Глупо проводить параллель, но так мне было проще — мой мир ограничивался Бетеллом и окрестными сёлами, снаружи словно бы ничего не было. Потом появилась столица с академией — к тому времени я была уже готова расширять горизонты, но ещё не настолько, чтобы проявлять любопытство к чему-то, сверх необходимого.

Я считала, что и дальше буду жить достаточно уединённо, просто вместо села Пригорного у меня будет кусочек Винторпа, ограниченный десятком торговых кварталов — здесь можно было прожить всю жизнь, выходя за пределы относительно небольшого пространства лишь по крайней необходимости — посещая академию, например.

Но мои планы рассыпались в первый же день встречей с необычным пациентом. И я вдруг поняла, что даже окопавшись в своей норке, я не могу совсем уж отгородиться от жизни, как минимум, мне нужна элементарная, известная всем информация.

Нужно будет поискать среди учебников детей что-то вроде истории королевской семьи, в крайнем случае, можно попросить Ронта взять что-нибудь на эту тему в школьной библиотеке. Или просто расспросить детей, может, они-то как раз многое знают, просто не рассказывают, поскольку я не интересуюсь.

Решено — завтра суббота, приедут мои студенты, вот и расспрошу как бы между прочим.

Король между тем уже привычно уселся в своё кресло, а я порадовалась, что дети вычистили кабинет так, что о произошедшем здесь совсем недавно уже ничего не напоминало. Артефакт, отчищающий кровь, был едва ли не первым, что я приобрела, когда впервые попала в Бетелл и набрела на лавку с бытовыми артефактами. Кстати, он до сих пор отлично работал, главное — заряжать вовремя.

— Снимайте рубашку, — предложила я, привычно отказавшись от обращения. Впрочем, учитывая, что большинство моих пациентов не представлялось, я давно научилась безликому обращению.

— Уверены, что готовы к работе? — уточнил мужчина, раздеваясь.

— Когда устану — прекращу, — пожала я плечами и привычно положила ладонь на очередной шрам немного ниже левой лопатки. Пациент поёжился.

— Что случилось? — удивилась я. — Рука холодная? — на всякий случай подышала на неё, хотя в доме было тепло, замёрзнуть я не могла, а в кабинете, где людям часто приходилось раздеваться, всегда поддерживалась комфортная температура, в отличие от остального дома, где отопление ещё не включалось.

— Нет, — чуть смущённо ответил король. — Щекотно.

Надо же! Взрослый мужчина, целый король — а боится щекотки. Впрочем, он не только король, но и человек, ничто человеческое ему не чуждо.

— Я постараюсь не касаться рёбер, — пообещала, и, хотя это было не так удобно, сменила руку, чтобы задевать уже не бок, а позвоночник.

Какое-то время мы молчали. Я неспешно занималась шрамом, немного жалея, что выздоровление Эррола отодвинулось на день, и в то же время тайно радуясь, что могу вновь прикоснуться к этому шикарному телу. Да, это король, но какая разница? Для меня, сегодняшней, что король, что просто аристократ — разницы нет. Это как знать, что одна звезда вполтину ближе, чем другая — рукой ни до одной не дотянешься.

Зато вот так, пользуясь тем, что в данный момент король — мой пациент, я могу без зазрения совести любоваться шикарной спиной и мечтать о том, чтобы встретить какого-нибудь симпатичного торговца с примерно таким же телом. Конечно, жаль, что нынешняя мода не даёт реального представления о фигуре мужчины, но всё равно. Пациенты-то передо мной раздеваются, можно оценить. А пока — полюбуюсь спиной короля, как красивой статуей в музее.

Мы молчали почти час, я была вся в мечтах о том, как за мной ухаживает торговец... ну, пускай тканями, с фигурой короля и с лицом... лица в мечтах как-то не было, но фигура — да, роскошная.

Придёт он ко мне с... с чем же таким, чтобы его раздеть? Ай, не важно, пускай фурункул на груди, что ли. И я велю ему снять рубаху, а там всё такое же широкоплечее и выпуклое, и я кладу руку на его грудь, а он мне говорит: «Дина Троп, вы станете моим придворным целителем?»

Что? Я захлопала глазами и вынырнула из своих мечтаний. Что-то не так, торговец тканями должен был меня попросить стать его женой, а не целителем, да еще и придворным.

— Что? — переспросила уже вслух.

— Станете моим придворным целителем? — король обернулся, и моя ладонь съехала ему на рёбра. Я тут же её отдернула, помня, что он этого не любит, но мужчина даже не дрогнул, пристально глядя на меня своими тёмными глазами.

— Нет! — в испуге выдохнула я, осознав, что именно мне только что предложили.

— Вот так сразу и «нет»? — поднял брови его величество. — Может, сначала хотя бы жалованием поинтересуетесь?

— Нет, — уже более твёрдо ответила я.

Никакое большое жалование не стоит жизни. Я не для того десять лет скрывалась в малолюдной дыре, а сейчас поселилась в торговом квартале, подальше от аристократического. Не для того смирилась с мыслью, что навсегда останусь простой горожанкой, и зажиточный торговец в мужья — максимальное, на что я могу рассчитывать в своей жизни. Не для того я отказалась от своего прошлого, чтобы самой сунуться туда, где могу быть опознана.

Королевский целитель не сидит в королевских покоях, дожидаясь, когда понадобится ему лично. Это тот, кто отвечает за здоровье и жизни всех обитателей дворца — с помощью подручных, конечно, но к самым важным персонам он приходит лично. И где гарантия, что среди этих персон не окажется членов посольств Марендонии или Кравении?

Пришёл посол на званый ужин, переел за праздничным столом, прихватило желудок — кого вызовут к бедолаге? Вряд ли второго помощника третьего ассистента, позовут королевского целителя собственной персоной — кому ещё доверить такого ценного гостя? И где гарантия, что кто-то из тех гостей не встречал меня на одном из королевских балов, куда меня начали вывозить в последний год перед побегом?

Мне было почти пятнадцать, и я не особо изменилась с тех пор, это Бейла с Авой собственные родители не узнали бы при встрече, останься они живы. И я была представлена самому Тропорлайвиставу Кравенийскому, а с его младшим сыном, симпатичным пареньком, старше меня на два года, я даже танцевала один раз.

Он еще смеялся тогда, говоря, что обязательно на мне женится, когда я войду в возраст невесты, потому что такого сильного целителя нельзя упускать. Я тоже смеялась, о замужестве еще и не думала, в куклы играла, но ничего против того, чтобы когда-нибудь выйти за Эймереннитора не имела. Он мне нравился, был весёлым — в отличие от отца и старшего брата, которые казались мне мрачными и занудными, отец мрачным, брат занудным, — и утащил для меня пирожные прямо с подноса, который слуги несли на общий стол с закусками.

Где гарантия, что кто-то из свиты Тропорлайвистава не стал послом в Лурендию? А о том, что я очень сильный целитель, даже в те свои, еще практически детские годы, в наших странах знали многие, слишком многие. Сложить внешность и дар труда не составит. И ладно бы я была одна, ещё могла бы рискнуть, но детьми рисковать я не имела права. Мне их доверили наши родные, отдав свои жизни, чтобы мы могли спастись, и подвести их я не могла.

— Почему «нет»? — король ждал ответа. — Вы не задумалась даже на секунду, не расспросила об условиях, ни единого вопроса — и сразу «нет». Почему?

— У меня дети, — назвала единственную причину, которую могла озвучить. — Им не место во дворце, и я никогда их не оставлю. Никогда. Поэтому — нет, ваше величество, — король чуть заметно поморщился, но я специально так к нему обратилась, чтобы придать большую официальность, а значит, и вес своим словам. — Мне очень лестно, очень. Такая большая честь для меня. Но я вынуждена отказаться.

— Как оказалось, вы единственная, кому я могу доверить своих детей, зная, что вы сделаете всё для их спасения, — вздохнул король. — Лорд Хавлок рассказал, что именно вы сделали сегодня. Ребёнок был практически мёртв, сам он ничего сделать бы просто не успел, время, что ушло бы у него на диагностику внутренних повреждений, оказалось бы для ребёнка фатальным. По его словам, вы

не только невероятно сильный целитель, никого равного по силе он никогда прежде не встречал — а учитывая года и опыт придворного целителя, это говорит о многом, — но и практически мгновенный диагност. Вам удалось произвести на него впечатление.

— Ему на меня тоже, — хмыкнула я, вспомнив эпичное появление самоуверенного незнакомца. — Вы не могли бы повернуться, чтобы я продолжила лечение?

— Предпочитаю проводить важные переговоры, видя лицо оппонента, — покачал головой король, продолжая сверлить меня взглядом.

— Ну, ладно, — вздохнула я и, потянувшись, вновь положила ладонь на шрам. Было не очень удобно, пришлось придвинуться слишком близко, почти приобнять мужчину, но зато его шикарная грудь была у меня почти перед носом, всё же некий бонус.

— Лорд Хавлок рассказал мне о вашей встрече. И признал, что был неправ.

— В чём? — машинально спросила я, любясь телом короля. Интересно, как он умудрился такое заполучить, он же в кузнице не работал. Ну, рост и плечи широкие, это обычно наследственное, а вот роскошные мышцы — это только нарабатывать надо, уж я-то, как целитель, знаю. Даже от лишнего жира можно с помощью целительской магии избавиться, как и от морщин, например, а вот мышцы можно только обычные, данные природой, нарастить при ранении, как я ему на пальце. Но не вот эту вот красоту.

— Сегодня утром у нас с ним был серьёзный разговор. Я сказал, что нашёл очень сильную целительницу, которой собираюсь предложить занять его место. Конечно, он всё равно остался бы при дворе, всё же, прежде он был самым сильным и опытным целителем в королевстве, и его сила и опыт никуда не делись. Просто лорд Хавлок уже не был бы главным целителем.

— Зря вы так, нужно было сначала меня спросить, а потом уже такое на человека обрушивать. Можно было вообще обойтись, раз я не согласна — не пришлось бы лорда Хавлока волновать.

— Я почему-то был уверен, что вы согласитесь, — усмехнулся король. — А он мне не поверил. Видел, что вы сделали со мной, с Эрролом — и всё равно не мог поверить. Почти сотню лет он считался

сильнейшим целителем королевства, и вдруг из ниоткуда появляется молодая женщина, которая выставляет его каким-то неумёхой.

— Не имела такого намерения, — пробормотала я.

— Да, но он оскорбился. И, как я понимаю, повёл себя не вполне красиво — это он тоже признал. А так же то, что я оказался прав — вы на порядок превосходите то, что могут лучшие целители моего королевства. Кто знает, будь вы рядом два года назад, последствия того, что тогда случилось, для Эррола были бы совсем иными.

— А что тогда случилось? — не удержалась я.

— Вы не знаете? — голос короля звучал настолько ошарашенно, что я оторвала глаза от его груди, чтобы увидеть лицо. Которое полностью соответствовало голосу. — На самом деле не знаете? Да, от обывателей многое было скрыто, и о том, как именно пострадал Эррол, знали немногие, но я назвал вам время, когда получил эти шрамы, вы не могли не догадаться.

— Я, правда, не знаю, о чём речь. Я жила в глухой деревушке на окраине королевства и не следила за новостями вне нашего поселения.

— Не думал, что так бывает. Мне казалось... — король закрыл глаза, несколько раз вдохнул и выдохнул, а потом вновь взглянул на меня, но уже спокойно. Как быстро он взял себя в руки, король — и этом всё сказано. — Тогда, думаю, вам стоит знать. И даже то, что известно лишь избранным — тоже, ведь взявшись за лечение, успешное лечение, моего сына, вы автоматически в этот круг вошли.

— Так что же тогда случилось? — он сказал «два года и четыре месяца», я запомнила.

— Покушение. На меня и мою семью. Должны были погибнуть я, моя жена и оба сына. Но, по удивительной случайности — благодаря разгильдяйству помощника псая, — мы с Эрролом выжили, а Рэйнард вообще не пострадал. Погибла лишь Лоринда, моя жена.

— Мне жаль, — выдавила я из себя. Так он вдовец, а бедняга Эррол — наполовину сирота. С ума сойти, я не знала даже этого! И, любуясь телом мужчины, я где-то в глубине души осознавала, что он, скорее всего, женат, раз имеет сына, но не могла отказать себе в этой маленькой слабости.

Нужно срочно ликвидировать свою безграмотность, хотя бы в таких важных для королевства, в котором я сейчас живу, вещах.

— Управление страной занимает много времени, но я всё равно старался выкроить время для семьи. И по воскресеньям мы, традиционно, проводили некоторое время только вчетвером, и как только позволяла погода, мы устраивали чаепитие в беседке на уединённой поляне в глубине королевского сада. Конечно, охрана всё равно присутствовала, но в стороне, давая нам чувство уединения. В тот день мы так же пили чай и болтали обо всём, происходящем в нашей жизни, в основном, конечно, слушая детей. А потом Рэйнард увидел на поляне щенка.

— Щенка? — я была готова услышать о чём-то страшном, связанным с покушением, а тут — щенок.

— Да, помощник псаря плохо запер вольер, и щенки разбежались, что заметили не сразу. Один умудрился добраться до нашей поляны. Увидев его, Рэйнард, мой старший сын, выбежал из беседки — нормальное желание восьмилетнего мальчишки поиграть со щенком. Но гоняясь за ним, Рэйнард упал, и я пошёл к нему посмотреть, не ушибся ли. И в этот момент произошёл взрыв магического напалма.

— Какой ужас, — ахнула я. — А что это такое?

— Алхимическая смесь, запрещённая. При взрыве загорается и поджигает всё вокруг, и его невозможно погасить ни магам огня, ни магам воды, он просто не подвластен им. И оставленные им шрамы неизлечимы. Считались таковыми.

Я подумала — а что, если и с напалмом то же самое, что и со шрамами? Просто местные огневики как-то не так его тушат, у них свой метод работы с огнём, которому они обучаются друг у друга, а какой-нибудь самоучка, вроде Велы, потушить его смог бы просто потому, что не знает, что это невозможно. Но мысль мелькнула и исчезла, а я вся обратилась в слух, содрогаясь от картин, предстающих перед моим внутренним взором.

— То, что меня не было в беседке в тот момент, спасло меня и Эррола — я сразу же шагнул назад порталом и вытащил их с Лориндой из огня, — продолжил король, глядя куда-то в стену поверх моего плеча. Лицо его исказилось как от боли. — Но моя жена уже была мертва, хотя я тогда этого не понял, Эррол остался жив лишь потому, что падая, мать частично закрыла его от магического напалма. Миллард сразу же сбил с нас огонь — тот, который сбить мог, от взрыва напалма беседка мгновенно превратилась в огненный ад, огонь

перекинулся на нашу одежду и волосы, но он успел вовремя. Сам напалм подбежавшая охрана тушила, накрывая нас своей одеждой и засыпая землёй, других методов просто нет. Дальше я плохо помню, потерял сознание. Очнувшись, узнал, что Лоринда мертва, а Эррол стал... вы видели. И что помочь ему никто не в силах.

— Я помогу, — шепнула, инстинктивно, прижав голову короля к своему плечу и глядя его по голове, словно утешая кого-то из своих ребятишек. — Я обязательно ему помогу. Мне жаль, что я не смогла помочь раньше. И жаль вашу жену. Вы нашли убийцу?

— Нет, — глухо сказал король мне в плечо. — И мы до сих пор не знаем, кто это был. Точнее — кто организатор. Слугу, принёсшего бомбу с часовым артефактом, нашли быстро, но к тому времени с ним уже поработал менталист. Он не только не помнил, кто дал ему такой приказ и бомбу, но даже того, что он всё это принёс. Память о последней недели его жизни была стёрта начисто. Это был кто-то, кто знал о моих привычках, а таких немного. Но вычислить заказчика так и не удалось.

Он и не думал отстраняться, наоборот, прижался крепче, обняв меня. А я подумала — был ли хоть кто-то, кто утешал его вот так, объятиями? Перед кем он позволил себе показать свою боль, дать ей выйти наружу? Ведь он король, и всегда должен быть сильным, держать лицо. Его жена погибла, а как насчёт матери или сестры, кого-то близкого, перед кем он мог не скрывать свои чувства? Есть они у него? Мне срочно нужно восполнять пробел в знаниях. Но не сейчас.

Сейчас я просто держала в объятиях того, кому было очень больно. Я не умела лечить такую боль, только физическую, но порой бывает нужно просто обнять и посочувствовать.

Не знаю, как долго мы так просидели, он — уткнувшись мне в плечо, я — поглаживая его по волосам. Наконец, видимо, почувствовав облегчение, король поднял голову и внимательно посмотрел мне в глаза. Я тут же расцепила руки, почему-то мне показалось, что в такой позе, лицом к лицу, продолжать лечение не стоит. Вот когда он снова развернётся ко мне спиной...

— Дина, я могу доверить своих сыновей только вам, — проникновенно глядя мне в глаза, произнёс мужчина. — Мы до сих пор не знаем, кто устроил то покушение, оно может повториться, и мне страшно представить, что... — он отвернулся и тяжело сглотнул.

Мне было очень его жаль. Безумно. Я могла представить, что он пережил, как дорога ему была семья. Зайти в огонь, чтобы спасти близких, рискнёт не каждый. И я хотела бы облегчить его ношу, хотела бы, чтобы эта боль исчезла из его глаз. Но...

Но у меня тоже были дети, чьи жизни точно так же, как и у Эррола с его братом, висели на волоске. И точно так же, угроза никуда не делась. Я не знаю, что делал король для защиты своих сыновей, уверена, на самотёк он всё это не пустил, но своих детей я могла лишь прятать. Конечно, сейчас я действовала по принципу: «хочешь спрятать дерево, спрячь его в лесу», ведь узнать в лицо повзрослевших малышей вряд ли кто-то сможет, даже если посла Марендонии каким-то чудом занесёт в Академию, ещё меньше шансов на его появление в школе магии для небогатых семей.

А я вообще безвылазно сижу дома. За всё время, что мы живём в этом доме, я лишь раз выходила на базар — и всё. Шансов столкнуться с кем-то, кто может меня опознать, у меня нет вообще, если только этот человек не придёт ко мне лечиться. Но что делать послу у скромной целительницы в торговом квартале? Верно, нечего. В посольствах свои целители имеются.

А вот становиться придворным целителем означает поставить под удар свою семью. Нет, как бы я ни переживала за малыша Эррола, к которому уже успела привязаться за это время, даже ради него согласиться я не могу.

Но, возможно, удастся найти компромисс.

— Как велика ваша семья? Я имею в виду живущих во дворце, тех, кто находится под присмотром королевского целителя, — спросила я, и в ответ на удивлённый взгляд короля, пожала плечами: — Говорю же, прежде я ничем этим не интересовалась.

— В данный момент нас там только трое — я и Эррол с Рэйнардом. По выходным, во время увольнительных, бывает Вилмер. Олдвен, наш средний брат, предпочитает жить с семьёй в нашей летней резиденции на восточном побережье, появляется лишь когда его присутствие во дворце необходимо. Более дальние родственники тоже живут в своих поместьях.

— А ваша мама? — про отца решила не уточнять. Корона переходит к наследнику только после смерти предыдущего короля.

Бывает, конечно, и смена власти, как у нас, но здесь явно не тот случай.

— Она не живёт с нами. После смерти отца ушла в обитель Богини-Матери, посвятив себя служению ей.

— Оставив ребёнка? — если Вилмер учится в академии, то ему не больше двадцати двух лет, значит, осиротел он ещё ребёнком.

— Для неё замолить свой надуманный грех оказалось важнее заботы о ребёнке, — сухо ответил король. Он явно осуждал поступок матери. Я тоже. — В любом случае, у Вилмера были мы с Лориндой и, как могли, заменили ему родителей.

— Что же за грех, да еще и надуманный, ей показался таким важным? — не удержалась я. — Ой, извините. Я перехожу все границы, знаю.

— Я сам открыл их для вас, — усмехнулся мой пациент. — Просто не распространяйтесь о том, что узнаете от меня, хорошо?

— Я, конечно, академию не кончала и целительскую клятву не приносила, но главных принципов придерживаюсь. И то, что узнаю от своих пациентов, за стены моего кабинета не выходит. Разве что сам король личным указом потребует от меня иного.

— Действительно, я и забыл, что являюсь вашим пациентом. И про единственное исключение для нарушения целительской клятвы мне тоже известно, — развеселился король. Потом посерьёзnel. — Не знаю, известно ли вам что-то о том, что случилось в Морендонии около десяти лет назад.

Я замерла, не зная, как реагировать. Готова была услышать о чём угодно, только не о том, что перевернуло всю мою жизнь.

— Хотя, вряд ли, — неверно истолковал моё молчание король. — Если уж вы за происходящим в нашей стране не следили, что уж говорить о другом континенте. В общем, Кравения, соседняя страна, напала на Морендонию, и её король добился отречения правителя Морендонии от трона в свою пользу. Отец, получив известия от своих послов из обоих государств, был возмущён подобным произволом, он отправил Тропорлайвиставу — это король Кравении, ужасное имя, знаю, но таковы их традиции, — ноту протеста и пригрозил разрывом дипломатических и даже торговых отношений в случае, если отрёкшемуся королю Морендонии и его семье причинят вред. Но мы слишком далеко, почта идёт слишком медленно, да и, по сути, мы

могли лишь беспомощно наблюдать за творящимися на другом континенте бесчинствами, не в состоянии хоть чем-то помочь.

Король в возбуждении ходил по кабинету, рассказывая мне о том, что случилось десять лет назад, заставляя вновь переживать тот ужас, что сломал тогда мою жизнь.

— Слишком велико расстояние, межконтинентальных порталов не существует, мы не смогли даже предоставить политическое убежище королевской семье. Отец предложил это, но... опоздал. Их всех убили — десятки мужчин, женщин, стариков, младенцев. Всех, в ком текла хотя бы капля королевской крови. И когда отец получил известие об этом, его сердце не выдержало.

— Но... как же целители?.. — пробормотала я растерянно. О нас думали. Нам хотели помочь. За нас переживали. Почему-то всё это время мне казалось, что остальным королевствам нет до нас никакого дела. Но я ошибалась.

— Целители... Случись это днём, когда рядом был хоть кто-то — отца бы спасли. Но он умер ночью. Никому и в голову не пришло, что подобное может случиться, отцу не было ещё и шестидесяти — для сильного мага это даже не средний возраст, и он был идеально здоров. Кто же мог подумать?..

— Но в чём же винит себя ваша мама? — не поняла я. Тут скорее Тропорлайвистава винить нужно. На его совести оказалась ещё одна смерть.

— Она была рядом, но не услышала, не позвала на помощь. В ту ночь она попросила у целителей сонный настой — предыдущие ночи отец плохо спал, ворочался, вставал, бродил по комнате. И мешал спать и ей тоже. Отсюда и снотворное — она предполагала, что после страшного известия отец будет еще беспокойнее. Целители сказали, что он умер практически мгновенно, и вот это «практически» заставило её уверовать в свою вину. Она даже не осталась на мою коронацию, не покинула обитель, когда погибла моя жена, а мы с сыном выжили лишь усилиями нескольких целителей. Она не видела Эррола и никого из четверых детей Олдвена. Я не видел её десять лет и подозреваю, что не увижу уже больше никогда. Она вычеркнула нас из своей жизни.

— Мне жаль, — вздохнула я, не зная, что ещё сказать. — Люди по — разному реагируют на горе.

— Возможно, вы всё же измените своё решение? — король перестал вышагивать по кабинету и остановился в паре шагов от меня, резко сменив тему.

— Нет. Не могу. Но хочу предложить компромисс. Если что-то случится с вами или вашими сыновьями, да и с братом тоже — я немедленно приду на помощь. Вы же порталщик. И, наверное, не единственный во дворце.

— Не единственный, — кивнул король, пристально глядя на меня.

— Тогда это будет делом нескольких секунд. Что вызвать меня из моих комнат во дворце, что отсюда — разницы никакой.

— Кое-какая есть, но я тебя понял, — кивнул мужчина. — Хорошо, меня это устраивает. Тогда перейду к другому предложению.

— Ещё одному? — удивилась я.

— Да. Скажи, тебе нравится то, что ты видишь? — король вдруг перешёл на «ты».

Что я вижу? Он имеет в виду себя, стоящего передо мной обнажённым по пояс? Окинув фигуру короля внимательным взглядом, я медленно кивнула.

— Да. У вас очень хорошее телосложение.

— А если так, — король повернулся ко мне спиной.

— То же самое. У вас красивое тело.

— Хотя оно всё в шрамах? — уточнил он, внимательно наблюдая за мной через плечо.

— Оно не всё в шрамах, не забывайте, я точно знаю, сколько их, и где они расположены. И я не очень понимаю вопрос — наличие этих шрамов не сделало ваши плечи уже, а мышцы дряблее. Вот если бы это был жир — другое дело.

— Ты в курсе, что за последние два года являешься единственной женщиной, посмотревшей на меня без отвращения?

— Похоже, не перед многими женщинами вы снимали рубашку, — высказалась я.

— Не перед многими, — согласился он. — Большинству хватало и моего лица. Ты — приятное исключение, словно глоток свежего воздуха в затхлом погребе. И отсюда моё второе предложение.

Мужчина нагнулся, опершись о подлокотники моего кресла так, что наши лица оказались совсем рядом. Так близко, что я могла разглядеть каждую его ресницу по отдельности.

— Дина Троп, ты станешь моей фавориткой?

ГЛАВА 10. ПОЦЕЛУЙ

День девятнадцатый. Пятница

Я потеряла дар речи. И, кажется, возможность двигаться. Просто сидела, замерев, и смотрела в глаза короля, пытаюсь осмыслить сказанное им.

Фавориткой? Это значит — любовницей? У королей не любовницы, у них фаворитки, но смысл-то от этого не меняется. И он хочет, чтобы я ею стала? Зачем? Зачем ему простолюдинка средней внешности и сомнительных достоинств в постели — сразу в фаворитки? И именно я? Королю!

Не удержавшись, я выдохнула:

— У вас что, совсем с женщинами... перебои?

Он говорил что-то о взглядах, но когда это останавливало власть имущих? Мало ли, как смотрит на тебя та, кого ты захотел в постель затащить? Лордам не отказывают, королю — тем более. Это... это ж получается, что и я отказать не смогу... Не королю...

А он посмотрел на меня широко раскрытыми, удивлёнными глазами, а потом вдруг громко расхохотался. Так, что даже слёзы на глазах выступили. Отсмеявшись, вытер глаза, снова наклонился ко мне и вдруг легонько чмокнул в губы.

— Ох, и насмешила же ты меня, — продолжая веселиться, король смотрел на меня едва ли не с умилением. — Даже и не помню, когда в последний раз так веселился. Дина, поверь, «перебоев» с женщинами у меня точно нет.

— Тогда зачем вам я? — всё еще недоумённо хлопая глазами, попыталась разобраться я. — Если к вашим услугам самые красивые девушки королевства? Воспитанные, образованные, знающие этикет... не знаю, более подходящие королю. Зачем вам простолюдинка, если вокруг полно родовитых женщин?

— Дина-Дина, — покачив головой, он, наконец, отстранился и уселся в своё кресло, а я чуть расслабилась, всё же, нависающий надо мной полуобнажённый король — не то, что помогает ясно мыслить. — Мне же с человеком спать, а не с родословной. А порой хочется и

просто поговорить, знаешь ли. Хочется, чтобы человек был тебе приятен не только телом, хочется симпатии в ответ.

— Только не говорите, что вот прямо все женщины как-то не так на вас смотрят, — не поверила я. — Вот просто все-все?! Да не может такого быть!

— Почему? — удивился король. — Я видел эти взгляды на мой шрам. Не напрямую, нет. Выражение лица они делают приветливыми, приличествующими случаю. А вот глаза... Взгляд сложно подделать.

— Не верю, — мотнула я головой. — Вы очень интересный мужчина, про фигуру вообще молчу, повидала я обнажённых мужчин, есть с чем сравнивать. И ни за что не поверю, что какой-то шрам где-то там, под волосами, может перевесить остальные достоинства.

— Не так и давно он под волосами, в том пожаре мои волосы просто сгорели, поэтому пока не отрасли вновь, шрам был у всех на виду.

— Всё равно! Все женщины во дворце ослепли, что ли?

— То есть, тебе я нравлюсь? — уточнил король.

— Конечно, у меня-то глаза есть, — пожала я плечами, не сразу поняв, что попала в ловушку.

— Тогда к чему весь этот разговор? — широко улыбнулся мужчина. — Я нравлюсь тебе, ты нравишься мне. Мы — два взрослых, свободных человека. Так в чём проблема?

— Я только внешность имела в виду! — воскликнула я, чувствуя, что куда-то не туда наш разговор зашёл. — Вы красивый мужчина, я не отрицаю, но это же не значит, что я хочу...

И осеклась. Потому что поняла: скажу, что не хочу его — соврзу. Потому что уже не первый день ловила себя на мысли, что будь мы ровней... Ну, то есть, будь он не аристократом и тем более — королём, никого лучше я бы в мужья и пожелать не могла. Меня тянуло к этому мужчине, и тянуло очень сильно. Но ключевое слово здесь — в мужья. А становиться любовницей, даже самого короля — это другое.

Я понимала, что выбора-то у меня и нет. Королям не отказывают. Но мы сейчас разговариваем так, словно я в данной ситуации что-то решаю. Слово он и правда даёт мне выбор. Может, не так и сильно он меня хочет, может, удастся отговорить его от этой затеи?

— То есть, ты не хочешь? — уточнил мужчина, глядя так, словно видел меня насквозь. Встал, поднял меня с кресла, прижал к себе

крепко-крепко, так, что я невольно положила ладони на его грудь, стараясь сохранить хоть какую-то дистанцию. — Совсем-совсем меня не хочешь? — его голос стал мурлыкающим, обволакивающим. — Не капельки?

Я сглотнула, не зная, что ответить, потому что мысли путались. Впервые я оказалась в объятиях мужчины, который мне нравился, которого, что уж скрывать, я хотела. И я осознала, что едва ли не глажу обнажённую грудь короля, прикасаясь к нему вовсе не как целитель.

Это не было похоже ни на невинные объятия родственников, ни на аккуратные — партнёров по танцам, ни на неумелые попытки облапать, которые пытались предпринять деревенские парни до того, как я пригрозила им отсушить самое дорогое. Это были крепкие, жаркие объятия, пробуждающие во мне женскую сущность, которую я давно и сознательно отправила в спячку.

Тело кричало: «Да! Соглашайся немедленно!» Разум возражал: «Нет, это неправильно!» И не зная, кого слушать, я пробормотала уже использованный ранее аргумент:

— У меня дети.

— У меня тоже, — выдохнул король, ни на миллиметр не ослабляя объятия. — Как это может помешать нам насладиться друг другом?

— Вам — никак. Но для меня репутация — это всё. И если я её потеряю, как смогу растить детей?

— Каким образом ты её потеряешь?

— Стать фавориткой короля — значит, на весь свет объявить, что живу с мужчиной, не будучи его женой. Может, для высшего света это нормально, даже престижно, а в моей среде такие отношения не принято афишировать. Вскоре вы наиграетесь и найдёте себе кого-то другого, в вашей жизни ничего не изменится, потому что мужчинам в этом смысле проще. А что будет со мной? Как я смогу продолжать практику? И как моим детям смотреть в глаза одноклассникам? Их же задразнят, а то и подвергнут остракизму.

— Даже так? — король слегка разжал объятия, серьёзно глядя на меня, но лишь слегка. Между нашими телами появилось небольшое пространство, можно было ладонь просунуть, но не больше. — Ты на самом деле думаешь, что сделав тебя своей фавориткой, я сломаю тебе и твоим детям жизнь?

— Да, — выдохнула я. Не уточняя, что всё вышеназванное обычная целительница-простолюдинка вполне пережила бы, но та же самая опасность, из-за которой я отказалась стать главным королевским целителем, никуда не делась. Фаворитка — лицо даже более заметное, чем целитель, и шанс подставить себя и детей под удар у меня будет даже выше.

— Может, вам лучше жениться? — снова ляпнула я. — Найдите такую жену, с которой поговорить можно... А шрамы я вам уберу. И не нужны будут фаворитки.

И я останусь в безопасности. Хотя, где-то глубоко в душе маленький червячок скулил: «И никогда не испытаешь, что это значит — побывать в объятиях желанного мужчины». Силой воли задавила нытика. Я отвечаю не только за свою жизнь, но и ещё за девять.

— Жениться? Думаешь, это так просто? — король выпустил меня из объятий — я с облегчением опустилась в своё кресло, потому что ноги почему-то не держали. — Советники твердят мне об этом с тех пор, как прошёл год после гибели Лоринды. Заявляют, что иметь всего одного наследника неразумно, списав Эррола, словно... лошадь, сломавшую ногу. Таких убивают, заешь об этом? Должна знать, если жила в деревне.

— Я и лошадей лечила, — пробормотала себе под нос, жутко злясь на этих неизвестных мне советников. Как можно было так о ребёнке, словно Эррол уже умер. Хотя бы просто назло им вылечу малыша в кратчайшие сроки!

— Они и список подходящих кандидаток приготовили — идеальная родословная, превосходное воспитание, породистая внешность, неплохой магический потенциал. И ни одной, старше семнадцати. А зачем мне в жёны ребёнок?

— Я думала, аристократы любят жениться на молоденьких, — удивилась я словам короля. — Жена дольше остаётся молодой и красивой, сможет родить больше детей, да и под себя воспитать можно.

— Ты говоришь со знанием дела, словно сама варила в подобной среде, — король посмотрел на меня с подозрением, я пожалала плечами, мол, слухами земля полнится. — Я уже однажды проходил подобное с первой женой, но тогда я и сам был моложе. Тогда было проще. Может, если бы жена нужна была мне лишь в качестве

красивого личика и тела для рождения наследников, я рассуждал бы так же. Но мне нужна спутница жизни, с которой я буду не только в постели встречаться, и если уж нырну второй раз в омут брака, то лишь с той, с кем сам захочу провести жизнь, а не с той, кого выберу по портрету и устному описанию. Одного раза мне хватило.

— А почему только такие молоденькие-то? Разве нет кого постарше? Совсем-совсем?

— К семнадцати годам все девушки из аристократических родов уже просватаны, разве ты не знаешь?

— Может, тогда вдова?

— Нет, женой короля может стать только девственница. Таков закон. Остальные могут жениться на ком угодно, и на вдовах тоже. Только не я. А значит, никакой повторной женитьбы, что бы там ни твердили мне советники. В конце концов, у меня есть два сына, два младших брата и племянник, этого достаточно. А это возвращает нас к тому, с чего мы начали. Дина Троп, ты станешь моей фавориткой.

И, в отличие от первого раза, это был не вопрос.

— Я так понимаю, выбора у меня нет? — вздохнула я, раздумывая, есть ли шанс повторить то, что произошло десять лет назад, а именно — отправить детей куда-нибудь подальше в глубинку, а лучше вообще в другое королевство. Чтобы начали там новую жизнь подальше от меня, и если даже меня и опознают — они не окажутся под ударом.

— Нет, — покачал головой король, как-то очень ловко и неожиданно пересаживая меня себе на колени. Вот только что я сидела в своём кресле, а в следующую секунду оказалась в его объятиях, а наши лица вновь так близко, что я разглядела крохотные более светлые крапинки в его тёмно-серых глазах. — Но раз уж ты так не хочешь огласки...

— Не хочу, — отчаянно закивала я.

— Тогда мы сможем этого избежать.

— Как? — выдохнула я. Фаворитка всегда на виду, это очень заметная фигура, практически первая леди двора, если король не женат, конечно.

— Я — порталщик. Ты сама предложила воспользоваться этим, если кому-то из моих близких понадобится целитель. Точно так же я могу создавать для тебя портал в мою...

— Постель, — подсказала я, мысленно выдыхая. Меня никто не увидит, а значит, никто не опознает, дети в безопасности и могут и дальше жить и учиться, не опасаясь подосланных убийц.

А то, что придётся стать любовницей короля... На таких условиях это не так и страшно. Уж себе-то врать не стоит, где-то в глубине души о чём-то подобном я мечтала. Как о чём-то несбыточном, вроде умения летать или возвращения Ронту трона Марендонии. Правда, в тех же мечтах король был тем самым торговцем тканями... или специями? Уже и не помню, может даже ювелиром, не важно, по — разному мне мечталось. И женился на мне, да.

Но это и правда совершенно несбыточно, а вот узнать, наконец, что женщина испытывает в объятиях мужчины, я всё-таки смогу.

— Я хотел сказать — в мою спальню, но мысль в принципе верная, — прервал король мои размышления.

— А... когда? — решила уточнить я.

— Прямо сейчас? — предложил король. Ага, это не утверждение, значит, выбор у меня есть.

— Нет, сейчас я не могу. Дети дома одни останутся. Мне нужно купить охранные артефакты, давно планировала, да всё руки не доходили. Иначе я с ума сойду, придумывая разные страшилки, что с ними может произойти тут без меня. Они, конечно, уже не младенцы, но всё-таки...

— Понимаю, — кивнул король. — Следующей ночью?

— Это суббота, — пользуясь тем, что мне всё еще предложен выбор, возразила я. — Студенты ночевать придут. А значит, до поздней ночи никто не уснёт, тем более что в воскресенье на учёбу не идти. Если я исчезну — кто-нибудь обязательно заметит. И всех поставит на уши.

— В воскресенье? — в голосе короля звучала безнадёжность, а глаза смеялись.

— В воскресенье, — кивнула я, понимая, что мне и так дали отсрочку, хотя передо мной всё же сам король.

Я часто забывала это, привыкла к своему золотоносному пациенту, и перестраиваться было сложно. Не получалось, если честно. Мне дали два дня, чтобы морально настроиться и... ну, не могла же я показаться перед своим будущим любовником в

простеньком, удобном белье? Нужно будет прикупить что-нибудь, а значит, выкроить время на поход по магазинам.

Собственно, этот поход давно был необходим, одежды у нас было впритык, а зимней не было вообще. Вот и посвятим этот выходной закупкам. Заодно и морально настроюсь. Нет, я хотела короля, призналась же себе, но всё же, это будет мой первый мужчина...

— Значит, в воскресенье, — поставил точку король, а потом поцеловал меня.

Не так как в прошлый раз, а по — настоящему. А я растерянно сидела, хлопая глазами, позволяя себя целовать и совершенно не представляя, что делать. Ну, надо же что-то делать в ответ... Наверное... Только я не знала, что именно. Не умела. Просто не умела.

Вот от чего дети бывают — знала. В подробностях. Я целительница, человеческое тело для меня секретов не имеет. А вот как целоваться — не знала. Совсем. И весь мой первый поцелуй — тот, когда король чмокнул меня со смехом, не в счёт, — я просидела, позволяя себя целовать и пытаюсь как-то систематизировать то, что чувствую.

Губы у короля были мягкими и тёплыми — это приятно. То, как его губы прижимались к моим, как прихватывал их, словно покусывая, мне тоже понравилось. И то, как сжалось под ложечкой и заколотилось сердце, было странно, непривычно, но... завораживающе.

Я была бы не против, продлись этот поцелуй дольше, но король отстранился довольно быстро и посмотрел на меня как-то странно. Словно бы изучающе, будто пытался что-то понять.

— А скажи-ка мне, Дина, кроме мужа у тебя мужчины были?

Я даже растерялась от подобного вопроса, но выпалила, не раздумывая:

— Нет, конечно!

— «Конечно», — усмехнулся он, но как-то совсем не весело.

— У меня же дети! — привычно добавила я.

— Дети. Да, это аргумент, — теперь он почему-то вздохнул. — А муж, как я понимаю, был совсем еще мальчишкой, твоим ровесником?

— Ну... да...

Никогда не задумывалась о том, каким может быть мой выдуманный муж. Никто не интересовался, не было необходимости

что-то придумывать. Это была просто ширма, имя в документе. И я не понимала, зачем королю понадобились такие подробности.

— Заметно, — он улыбнулся, глядя на меня с какой-то нежностью. — Кто бы мог подумать, что вдова с детьми — настолько чистый лист. Но тем интереснее мне будет.

— Интереснее? — вот сейчас я вообще ничего не понимала.

— Ты всё поймёшь со временем, — словно угадав мои мысли, король загадочно улыбнулся. Он вообще сегодня улыбался больше, чем за всё время, что я его знала. И таким он мне ещё сильнее нравился. А потом он пересадил меня обратно в кресло, галантно поклонился, словно кавалер на балу, и поцеловал мне руку. — До завтра, Дина.

И ушёл. А я какое-то время сидела, пытаюсь осознать, почему «до завтра», если мы договорились на воскресенье. И лишь спустя секунд двадцать сообразила, что это он о визите ко мне, как к целительнице. Что-то я сегодня совсем плохо соображала, впрочем, учитывая всё, что сегодня произошло — не удивительно.

Утром меня ждал сюрприз — на тумбочке в моём рабочем кабинете обнаружилась небольшая стопка золотых — вчера король впервые ушёл, не заплатив за лечение, наверное, как и у меня, мысли были заняты чем-то другим, — и коробка с кучей охранных артефактов и подробной инструкцией по их использованию. Король всё предусмотрел.

Решила не отказываться, тем более, это ему тоже было нужно — нервничающая в самый ответственный момент любовница, это, наверное, не особо приятно. Поэтому в обед отнесла коробку в кухню, где передала вернувшимся из школы ребятишкам с указанием изучить инструкцию. Они особо не удивились — мои пациенты частенько заносят мне что-то в клинику, если мы об этом договаривались.

К тому моменту, как я закончила приём, артефакты были уже развешаны на окна, заднюю дверь и калитку, остались для приёмной и ещё порядочная кучка запасных. В этом процессе поучаствовали и приехавшие студенты, они же и помогли настроить артефакты на наши ауры, поскольку что-то подобное было у них в академии — и в комнатах общежитий, и в учебных корпусах.

Теперь, если артефакт включён, любой из нас может спокойно открывать охраняемую дверь или окно. А вот кто-то посторонний,

попытайся он войти, вскрыв или выломав обычный, механический запор, или даже просто открыв незапертую дверь, попадёт под парализующее заклинание минимум на полчаса для какого-нибудь громалы, на час и более — для человека средней комплекции. И в это же время раздастся звуковой сигнал, который поднимет на ноги всех обитателей дома.

Главное — не забывать отключать утром и включать на ночь артефакт на двери в приёмную, остальные могут оставаться включёнными постоянно. Подзаряжать их нужно раз в месяц и после каждого срабатывания. Учитывая, что в доме полно других артефактов, и у нас на стене кухни висит список времени зарядки каждого и график дежурств по артефактам — ничего нового и сложного, рутина.

Но, покидая дом по ночам, я теперь буду спокойна за детей. Район у нас тихий, криминальные окраины далеко, но бережёного Богиня-Мать бережёт.

Ужин прошёл под рассказы тройняшек о том, что теперь мальчики с понедельника по среду проходят практику вместе с четверокурсниками, но, наверное, их скоро переведут к пятикурсникам, а у Льюлы занятия индивидуальные, потому что в академии всего двое студентов с таким же даром, и она их уже перегнала, хотя один вообще на шестом курсе учится. А два оставшихся дня у них троих общее занятие, потому что, вновь протестировав способности тройняшек, но уже более подробно и разносторонне, руководство академии пришло к выводу, что втроём они, как маги, на порядок сильнее, чем по отдельности. Они словно бы составляют одно целое, практически новую магию, и это в них тоже будут стараться развивать.

А ещё им пообещали ближе к концу семестра практику в королевской оранжерее. А туда на практику только шестикурсников берут, но их, сказали, возьмут, потому что ничего подобного прежде просто не видели. И если бы не все остальные предметы, им бы выдали диплом и отправили туда работать, потому что вчера на совместное занятие тройки приходил главный королевский садовник и сказал, что взял бы их прямо сейчас, но без диплома нельзя, но на практику без диплома можно, вот их и возьмут!

А на остальные уроки приходится ходить вместе с первокурсниками, даже на теорию по ботанике. А практика отдельно, после основных занятий, но это ерунда, тройняшкам это только в удовольствие — размяться после всей этой писанины. И ещё им разрешают брать плоды своих трудов с собой, не всё, конечно, но хватает и приятелей угостить, и самим наесться. И это они еще своё изобретение по заготовке дров не показывали. Обязательно покажут, только договорятся, чтобы часть дров тоже с собой забрать можно было.

У нас, конечно, дом артефактом отапливался, и плита тоже на магии работала, но посидеть зимой у камина, в котором потрескивает живой огонь, тоже здорово. А выращивать дрова в нашем крохотном огороде — только землю истощать, а нам еще порядочно запасов овощей на зиму нужно сделать.

Тройняшки тараторили, перебивая друг друга, подхватывая и договаривая фразы, а порой и хором рассказывая о куче впечатлений, полученных за последнюю неделю. Остальные молча слушали, лишь иногда задавая уточняющие вопросы. А я улыбалась, представляя удивление педагогов, когда тройняшки вырастят им дрова.

Да, дрова они выращивали сами. Собственно, это были берёзы, но увидев то, что выросло, мало кто признал бы их в этих странных столбиках, разве что по узнаваемой расцветке коры. Выращивали мы их, по сути, в огороде — в Пригорном всё село состояло из одной длинной улицы, и за каждым домом было большое пространство, которое использовалось под сады и огороды — в поля нужно было ехать. А учитывая, что тройняшки могли на одном месте вырастить хоть двадцать урожаев за сезон, было бы удобрение и вода, нам столько места было не нужно, вот мы и выделили местечко, которое не жалко.

Там тройняшки и выращивали «берёзы», а точнее — ровные четырёхгранные столбики с руку толщиной, без веток, с перемычками сантиметра в два шириной через равные промежутки. Выглядело это так, словно на совсем молоденькое деревце надели крепкие металлические кольца и позволили расти дальше. Только ничего на них не надевали, всё это было работой Льюлы. Когда дерево достигало нужного размера, то, по приказу близнецов, засыхало. Теперь достаточно было его толкнуть, а потом перерубить перемычки — с

этим справлялись даже девочки, топор прикладывался к перемычке, а сверху по обуху ударяли молотком, — и всё, десяток ровных, сухих берёзовых поленьев готов, ни пилить, ни рубить, ни колоть не нужно, лишь в поленницу сложить.

Здесь с этим сложнее, я всё еще решала, что лучше и дешевле — купить немного дров для камина или нанять повозку, выехать за город и вырастить несколько десятков таких вот берёзок где-нибудь в безлюдном месте. Но тройняшки предложили свой план, он мне понравился — почему бы и нет? Правда, нанимать повозку всё равно придётся, но это проще, чем искать ничейную землю в незнакомой местности, а тройняшкам это даст ещё и дополнительные бонусы в виде хороших отметок.

— Соглашайтесь на четверть, но торговаться начинайте с половины, — посоветовала я близнецам. — И предупредите заранее, если получится, чтобы я повозку заказала. Думаю, та конюшня, что нам навоз поставляет, не откажет. Может быть, даже удастся деньги сэкономить, если кто-нибудь снова спину потянет. Хотя... — задумалась я, понимая, что план так себе, — повозка — это не навоз, её просто так не отдашь, тут распоряжение хозяина нужно. Ладно, заплачу, — шикнула я на свою жабу. Всё равно ведь собиралась платить, не за повозку, так за дрова.

— А ещё нам тёплую форму выдали! — вспомнила ещё одну новость Льюла. — Мы же теперь стипендиаты.

Да, тех, кто получал стипендию, еще и одеждой с обувью обеспечивали — отличное подспорье. Но всё равно — обычная, не форменная одежда им тоже нужна, о чём я и сообщила детям. Узнав, что всё воскресенье мы потратим на ходьбу по магазинам и закупки всего необходимого, мне тут же выдали целый список того, что тоже является очень-очень необходимым, хотя одеждой не является.

Мне удалось убедить детей, что ни щенки, ни пони, ни рогатка к самому необходимому точно не относятся, но на книги, закладки, ленты, альбомы, «обруч как у Луты», мяч и краски я согласилась. Равно как и на прикроватные коврики, занавески, чайник, чашки и очищающий артефакт для моих студенток. Парни, пожав плечами, заявили, что прекрасно проживут без ковриков и занавесок, а чаю попить и у сестёр смогут.

После ужина, когда ребятня высыпала в садик — кто выращивать очередную вкусняшку, кто её есть, а кто просто посидеть на крылечке, пообщаться, — я, взяв подмышку Приблуду, отправилась встречать своих пациентов, большого и маленького. Сегодня я решила лечить Эррола в своём кабинете — загонять в дом студентов, которые и так проводят вне общежития всего один вечер, мне показалось неправильным. Даже ради принца.

Но Эррол этого даже не заметил. Подставляя мне одну руку и глядя Приблуду другой, он щебетал, не переставая. За те два дня, что мы не виделись, у него накопилась куча новостей. Оказывается, теперь его занятия по телекинезу уже не были такими скучными, как прежде.

Вчера днём король лично поприсутствовал при том, как, под присмотром учителя, Эррол тоскливо перекладывал деревянные брусочки из одной коробки в другую, добиваясь идеальной точности укладывания одного на другой. И прекратил это безобразие.

— Папа раз зевнул, ещё зевнул, а потом как рассердился! — восторженно докладывал мне малыш, сидя на руках у улыбающегося короля, которого, похоже, не сильно трогало то, что о нём говорят в третьем лице. — А потом и говорит: «Прекратите! Подобный метод препова... препдова...»

— Преподавания, — подсказал ему король.

— Ага. Вот это вот всё способно отбить у ребёнка, то есть у меня, желание овладеть магией вообще. И велел вспомнить, что мне шесть лет, а не шестнадцать, и сказал, что занятия нужно разнообразить, сделать их похожими на игру. А лорд Савин спросил — как? А я сказал, что хочу засовы открывать и двери, и чтобы кошка летала, как у миссис Троп.

— Вообще-то, кошка летала у моей дочери Авы, — поправила я, с улыбкой слушая Эррола.

— Но в вашем же доме! — пожал плечами мальчик. — И я стал открывать двери, а кошку мне не дали, сказали, я могу её пока уронить, и она ударится, но можно попробовать с игрушечной собачкой. Но с собачкой не интересно, а вот двери я теперь и открывать могу, и закрывать! Сам! Прямо сидя на кровати! И не надо ждать, пока лакей откроет! Здорово, правда?

— Очень, — согласилась я, подняв глаза на короля. И улыбка застыла у меня на губах, потому что взгляд мужчины опалил таким

жаром, что все мысли из головы вылетели, кроме одной.

Уже следующей ночью я стану его. А он — моим. Завтра.

ГЛАВА 11. ЛЕГЕНДА

День двадцатый. Суббота

С трудом удержав улыбку, я перевела взгляд на Эррола, который, к счастью, не заметил наших переглядок с его отцом, а если и заметил — то вряд ли понял, отчего мои щёки полыхнули жаром.

Завтра...

Эррол продолжал щебетать о том, как это, оказывается, интересно — заниматься магией, а он и не знал. А я старательно кивала головой и поддакивала, и, кажется, даже дала ему пару советов о том, как ещё можно разнообразить упражнения — вспомнила, что делала Ава. А мысли всё крутились вокруг того, что случится уже завтра. И хотелось, чтобы это случилось скорее, и одновременно — чтобы завтра не наступило никогда. Страшно. Желанно. И всё равно страшно!

Наконец, самый долгий, как мне показалось, сеанс лечения был закончен. Я восстановила малышу большой палец и ладонь возле него — кожу, ноготь, мышцы и связки, а кость там чудом осталась целой, что нельзя было сказать об остальных пальцах. После чего сбегала на кухню и принесла сливу и небольшую морковь. Эррол просто завизжал от восторга, поняв, что может держать их больной рукой, поднести ко рту и откусить. Правда, надкушенная слива у него из руки выпала, но это уже мелочи. Ещё пара сеансов — и рука будет здорова.

Потом Эррол, под руководством отца, вкладывал больной рукой монеты в мою ладонь, безмерно радуясь тому, что у него получается их удерживать. А когда король, уже привычно, сжал вокруг них мой кулачок и поцеловал его, то малыш повторил жест отца, обернулся в поисках одобрения — всё ли он правильно сделал? — и получил кивок и улыбку, от которой расцвёл еще больше.

А я смотрела на этого ребёнка и поражалась, как он изменился с нашей первой встречи. Да, его ноги всё ещё были нерабочими, он всё так же полулежал на коленях отца, завёрнутый в плед, но если при встрече это был серьёзный и недоверчивый — и не только ко мне, — малыш с привычной тоской в глазах, то теперь он широко улыбался, болтал и даже слегка шалил, как и положено мальчишке, которому всего-то-навсего шесть лет.

Надежда нужна всем. Потеряв её, теряешь и себя. Обретя — оживаешь.

Воскресный поход по магазинам был долгим, утомительным, но доставил всем массу положительных эмоций. Пришлось сделать несколько рейсов, потому что всё купленное было нереально унести за раз, да и неудобно мерить обувь, например, с тёплыми плащами подмышкой. К тому же, дорвавшись до большого книжного магазина, мы увеличили нашу библиотеку в несколько раз, купив и приключенческие романы, и женские, и кучу учебников, а я прихватила еще и историю королевской семьи, а то неловко вышло при разговоре с королём.

Ну и, конечно же, было очень много всяких не особо нужных, но таких приятных вещичек, вроде игрушек и украшений, а также меня затянули в кондитерскую, откуда мы ушли нагруженные кучей коробок. В конце концов, за последние дни я заработала достаточно, чтобы побаловать, наконец, своих ребятишек. Да и самой хотелось полакомиться, что уж скрывать.

Бельё купила в последнюю очередь. За ним мы пошли исключительно девчачьей компанией, отправив мальчиков с Рином в другой, мужской магазин. А в лавке женского белья я заявила, что раз уж мы теперь горожанки, к тому же магички, то просто обязаны иметь в своём гардеробе красивое бельё. И в добавок к обычному — простому и практичному, — купила нам с Велой и Льюлой по два комплекта шёлкового белья — панталончики и нижнее рубашки, слегка украшенные кружевами и рюшками. Всё достаточно скромно, но вполне нарядно.

Младшие девочки получили по шёлковой ночной рубашке с вышивкой. Нижнее бельё им пока сойдёт и простое, не перед кем наряжаться. Я бы и старшим ничего такого не купила, но было бы странно брать нарядное бельё только для себя. А так — все взрослые девочки принарядились, что тут такого?

Этот день показался мне бесконечным и очень коротким одновременно. Вроде бы только что вышли за покупками — и вот мы уже провожаем студентов, обвешанных свёртками и корзинами, в академию, а сами разбредаемся по комнатам, уставшие после насыщенного впечатлениями дня. Я слышала, как девочки в комнате

Ланы меряют обновки, а мальчики спорят, куда лучше расставить новые книги.

Я надела новое бельё под своё привычное целительское платье. Собственно, все мои немногочисленные наряды были примерно одинаковы — строгие платья вдовы, неяркие, немаркие, удобные, практичные. Король видел меня в таких, его это не отвратило, потому тратиться на что-то более нарядное и привлекательное я не посчитала нужным. А вот бельё — другое дело.

Сегодня мы опять расположились на крыльце. Эррол щебетал, не замолкая, о том, как сегодня сам держал хлеб в больной руке, когда ел суп — ложку он приспособился держать в левой, с хлебом ему прежде помогал гувернёр, — и как сам держал в этой руке конфету и игрушечного солдатика, и даже сам поправил манжеты на обеих руках, когда его переодевали. А яблоко не смог удержать, уронил, но это пока.

В общем, малыш старался всю использовать руку, которой не пользовался более двух лет, и, к моему удивлению, у него совсем неплохо получалось. Король пояснил, что, по словам гувернёра, Эррол весь день пытался работать рукой, удивительная настойчивость для такого малыша, кажется, ему крепко запали в душу мои слова, что сможет ли он пользоваться телом, когда я его вылечу, зависит только от него. И он старался. Очень старался. И делал успехи.

А я слушала его краем уха, кивала и хвалила в нужных местах, но не могла отвести взгляда от лица короля, в глазах которого читала то, что не выходило у меня из головы весь день: «Сегодня. Уже совсем скоро. Сейчас».

Последнее — в тот момент, когда, закончив лечение ещё двух пальчиков, которыми Эррол радостно шевелил, я услышала негромкое: — Я вернусь.

Несколько секунд я смотрела в то место, где появился и исчез портал, потом очнулась от лёгкого ступора, кинулась в свою комнату и убрала полученные за лечение деньги в наш «волшебный» сундук. Пометалась по своей каморке, пробежала в ванную, умылась, пригладила волосы, почистила зубы и замерла, не зная, что делать дальше.

Прислушалась — в комнатах детей была тишина, из-под двери мальчиков была видна полоска света, у девочек свет был погашен. Понадеявшись, что сегодняшней день измотал их настолько, что будут

спать всю ночь, не просыпаясь, я еще раз проверила артефакты на дверях и калитке, а потом уселась в кресло на веранде, решив просто ждать. Что нужно сделать ещё, в голову не приходило.

Портал открылся спустя минут десять, когда я уже начала нервничать и думать — может, король передумал, или придёт гораздо позже, и я успела бы хотя бы душ принять. Ещё немного, и начала бы бегать кругами перед крыльцом, но тут появился король.

Я замерла, глядя на него, как кролик на удава, совершенно не зная, что делать или говорить. В такой ситуации я еще не оказывалась и совершенно растерялась. Но король с понимающей улыбкой протянул мне руку, и, взявшись за неё, я шагнула в портал.

Знакомое, но полузабытое ощущение. В детстве для меня это было так же привычно, как поехать куда-то в карете — когда в семье три порталщика, любое путешествие становится простым и необременительным. Лёгкая потеря ориентации — и вот я в просторной комнате, освещённой лишь небольшим светильником на сервированном для двоих столике и парой таких же — на каминной полке. Всё остальное пространство тонуло в полумраке, единственное — можно было понять, что обставлена комната роскошно, но для меня подобные интерьеры были не в новинку, поэтому особо я не присматривалась.

Но огромная кровать под балдахином мгновенно привлекла моё внимание. И заставила залиться краской, представляя, что сейчас на ней произойдёт. Мне начинать раздеваться? Или подождать, когда король даст отмашку? Или раздеть его?

Я вообще не представляла, что конкретно должна делать фаворитка в королевской спальне. К счастью, король знает о моей неопытности и особых умений вряд ли ждёт.

Я растерянно взглянула на него в ожидании инструкций, и он, поймав мой взгляд, показал рукой на столик:

— Не хочешь немного перекусить?

Голодной я не была, но кивнула, в желании слегка отсрочить неизбежное, хотя понимала, что буду только сильнее нервничать. Но король уже отодвигал для меня стул, и я села, рассматривая предложенное угощение.

Действительно, «перекусить». На столе лежала мясная и сырная нарезка, шоколадное ассорти и фрукты — редкие, экзотические,

половина была мне незнакома. Я потянулась за мандарином, который несколько раз пробовала в детстве — это было удовольствие, случающееся ещё реже, чем арбуз. Потом попробовала хурму и манго — его король лично для меня разрезал и показал, как есть этот фрукт ложечкой.

Король медленно пил вино, от которого я отказалась, хотя была мыслишка напиться для храбрости, но я решила, что хочу прочувствовать свой первый раз с женщиной, будучи в трезвом уме. Фрукты он игнорировал, но нарезку вниманием не обходил, и как-то так получалось, что часть кусочков сыра или ветчины оказывались у меня во рту — вкусно.

Дождавшись момента, когда король задумчиво разглядывал конфеты, видимо, выбирая, какую съесть или мне скормить, я быстро утянула с тарелки пару косточек хурмы и сунула их в карман.

— И зачем ты это сделала? — разумеется, он всё заметил. Пока я пыталась подобрать слова, тихонько рассмеялся. — Ну, конечно же, у тебя три мага растений за садом присматривают, и чему я удивляюсь?

— Они могут вырастить что угодно, но не из воздуха, — посчитала нужным объяснить свой поступок, хотя и так всё было понятно. — Нужны семена или черешки. А на базаре хурму не купишь.

— Я дам тебе с собой большую корзину со всеми экзотическими фруктами, что есть в оранжерее или привезли из южных провинций. И если тебе будет что-то нужно ещё — не стесняйся, обращайся.

Ну да, я же теперь фаворитка, а их принято одаривать.

— Просьба-то есть, — всё же решилась я. — Точнее, условие.

— Даже так? — король высоко поднял брови.

— Да. Насколько мне известно, фавориткам обычно дарят всякие драгоценности, наряды, должности их мужьям, и всё такое. Верно?

— Верно, — король медленно кивнул, пристально меня разглядывая. — И чего же хочешь ты?

— Я хочу... ничего.

— Ничего? — вот теперь он нахмурился, явно пытаясь понять, что же я имею в виду.

— Ничего, — кивнула, готовая настаивать на своём условии. — Пусть я теперь и фаворитка, но я не хочу, чтобы мне... платили.

— Только не говори, что тебе ничего не нужно — не поверю, — король всё так же пристально меня разглядывал.

— Не скажу. У меня девять детей, и пусть старшие уже получают стипендию, траты на них всё равно немаленькие. Но у меня хорошая профессия, я заработаю. За лечение, своё и Эррола, вы мне щедро платите, и это правильно. А за это, — я кивнула в сторону кровати, — не надо.

— Я понял тебя, — король кивнул, глядя на меня со странным умилением. — Никаких подарков как фаворитке.

— Да, — подтвердила я. — Но фрукты возьму. И конфеты. Будем считать, что я их съела.

Король расхохотался.

— В чём-то ты такая практичная, — немного успокоившись, покачал он головой. — А в чём-то...

— Жизнь заставила стать практичной, — вздохнула я. — Но телом я не торгую. Просто... помните, что у меня давно никого не было.

— Если бы не четверо детей, я бы решил, что у тебя вообще никогда мужчины не было, — с удовольствием любуясь на мои полыхнувшие от его слов щёки, тихонько засмеялся король. — Я буду аккуратным. Иди ко мне.

И я пошла. Встала, обошла стол и попала в приглашающе раскрытые объятия, а потом опустилась к королю на колени — это уже не было для меня чем-то новым. Сидеть у кого-то на коленях — полузабытое чувство из детства, чувство любви, надёжности и защищённости, которое последние десять лет я лишь отдавала, но не получала. Да, сейчас о любви и остальном речи не шло, но сами по себе ощущения от объятий сильного мужчины, рядом с которым я была совсем маленькой и хрупкой, были очень приятными.

Я умастилась поудобнее и робко улыбнулась, не зная, что делать дальше. Губы мужчины коснулись моего виска, прошлись лёгкими поцелуями вниз по щеке, легли на губы. Я, как и вчера, спокойно позволяла себя целовать — уже знала, что это не страшно и даже приятно. Но мужские губы как-то очень быстро отстранились. Что случилось?

— Муж тебя вообще не целовал? — задумчиво глядя на меня, поинтересовался король. Я лишь пожала плечами, позволяя ему

самому додумать то, чего я рассказать не могла — поцелуи несуществующего мужа или их отсутствие. — Похоже, и не ласкал тоже. И кто только додумался женить таких детей?

Вопрос был риторическим, и я снова пожала плечами.

— Сделаем так, — кажется, король принял решение. — Просто повторяй всё за мной, хорошо? Всё, что я буду делать с тобой — ты делай со мной, договорились?

— Договорились, — кивнула я. Почему бы и нет? Всё будет почестному. Правда, не очень представляю, как по таким правилам мы сможем совершить сам процесс, ну да ладно, он гораздо меня опытнее, уж наверное, не предложит то, что невозможно выполнить.

Но именно сейчас повторить я могла. Потянулась, убрала длинные волосы мужчины за ухо, коснулась губами виска — того самого, с которого совсем недавно убрала шрам, — потом прошлась губами по незагорелой полосе до уголка губ, прижалась к ним своими губами, стараясь повторить то, что ощущала до этого.

Губы короля шевельнулись под моими, стали ловить их, обхватывать, посасывать, прикусывать, я, как могла, старалась повторять его движения, и мне это нравилось, очень нравилось. Что-то такое непонятное творилось с губами, никогда прежде они не были такими чувствительными, и от прикосновения к ним меня раньше не окатывало горячими волнами, а игра языками, затеянная королём, неожиданно вызвала отклик где-то под ложечкой, а потом это пульсирующее ощущение спустилось ниже, гораздо ниже.

— Какая чудесная ученица, — бормотал король, целуя мою шею, плечо, грудь, всё, что открывал, расшнуровывая и стягивая вниз моё платье. — Какая отзывчивая!

А я тоже без дела не сидела, я стаскивала с него рубаху, а потом тоже целовала всё, что видела, и не потому, что должна была повторять, а потому что сама давно об этом мечтала — почувствовать вкус кожи, к которой прежде прикасалась лишь руками.

Дальше я уже даже и не старалась что-то повторить — жаркие ласки короля разожгли во мне костёр, заставляя желать еще больше, горячее, откровеннее. И в то же время, я сама не могла удержаться от того, чтобы гладить и обцеловывать его роскошную грудь, широкие плечи, которыми так восхищалась, сильные руки — что для аристократа было редкостью, — я даже попыталась спуститься к

животу, очень уж там были красивые мышцы, которые мне тоже хотелось исследовать, но король меня удержал.

— Не так быстро, моя хорошая, иначе надолго меня не хватит. — И мои ладони вернули обратно на грудь, в то время как руки короля бродили ниже, намного ниже. Видимо, правило «повторяй за мной» уже не действовало.

Я ещё как-то осознала, как король снимает с меня платье, но когда лишилась белья — уже не запомнила. Да и с него самого я только рубашку стащила, а вот уже мы оба на широченной кровати прижимаемся друг к другу абсолютно обнажёнными телами. Магия, не иначе, а на кровать мы точно порталом перенеслись, потому что не могут даже самые умопомрачительные поцелуи и самые смелые ласки настолько отключить способность хоть как-то контролировать происходящее.

Или всё же могут?

Потому что, ни на какое «повторяй за мной» не было ни сил, ни даже просто мыслей. Меня саму хватало лишь на то, чтобы цепляться — именно цепляться, а не ласкать, — за плечи короля, творящего с моим телом настоящую магию. Ни смущения, ни отторжения — я позволяла ему всё, не могла ни голосом возразить, ни как-то попытаться закрыться, увернуться от его рук и губ, ласкающих меня там, где нельзя, неправильно... Но лишь одна мысль билась сейчас в голове — лишь бы он не остановился, я просто умру, если король прекратит творить с моим телом это колдовство.

Резкая боль заставила вынырнуть из омута полубеспамятства и перепуганно замереть, глядя в удивлённые глаза короля, замершего надо мной, пристально разглядывая. Спohватившись, быстро обезболила и залечила пострадавшее место и криво улыбнулась.

— Десять лет без мужчины. Как еще совсем всё не заросло, — выдавила из себя, кляня на чём свет стоит собственную дурость.

А как иначе это назвать, если от нежеланной беременности защититься ума хватило, а убрать весьма красноречивую улику — нет? И о чём только думала? Сколько раз за эти дни в голове крутилось «мой первый раз», «мой первый мужчина», «впервые», и тому подобное? И ни разу ничего в голове не щёлкнуло, хотя для меня, целительницы, такая забывчивость вдвойне непростительна.

— Да, десять лет — это много, — медленно кивнул король, задумчиво глядя на меня, а потом поцеловал нежно-нежно.

Поверил? Поверил... Слава Богине-Матери!

А король снова начал ласкать меня, да так, что все приятные ощущения, куда-то исчезнувшие в момент нашего единения, вновь начали возвращаться, заставляя снова терять голову, а тело, постепенно притерпевшись к непривычному вторженцу, обнаружило в этом даже нечто приятное, особенно когда мужчина, медленно и осторожно, начал двигаться.

Боли не было — я очень хорошая целительница, все это признают! — остались лишь волшебные ощущения, которые всё нарастали, превосходя всё, прежде мною испытанное. И уже совсем скоро я вновь позабыла, где я и что я. Во всём мире остались лишь мы, наши тела и то удовольствие, что всё сильнее охватывало меня, пока не взорвалось фейерверком восторга и удовольствия.

Король догнал меня спустя несколько мгновений, напрягся, застонал, а потом обессиленно рухнул, в последнюю секунду перевалившись на бок, чтобы меня не придавить. Подгрёб еще ближе, прижался губами куда-то над ухом, тяжело дыша — как и я, потому что сердце колотилось как сумасшедшее, а дыхание всё никак не желало прийти в норму.

И я тоже прижалась к своему королю, обхватив его руками и уткнувшись носом куда-то в ключицу, и чуть не задремала, так мне было хорошо и уютно, но тут нащупала пальцами некую неправильность, и это заставило сонливость моментально покинуть меня. Повозив ладонями по спине мужчины, я резко села — он проворчал что-то протестующее, но, пусть и неохотно, выпустил меня из объятий.

А я перегнулась через короля, рассматривая спину, на которой, казалось, уже знала каждую клеточку. Но получается — не каждую, потому что то, что я увидела, сильно отличалось от того, что представало передо мной позавчера.

— Ваше величество, вас лечит кто-то ещё? — поинтересовалась срывающимся голосом, наполовину от того, что дыхание еще до конца не восстановилось, наполовину — от какой-то непонятной обиды. Я считала короля своим пациентом, и видеть, что кто-то другой тоже его

лечит, да ещё и лучше меня, было неприятно. Зачем тогда он приносил ко мне сегодня Эррола, если нашёл другого целителя?

— Дина, ты же обещала! Ну, какое я тебе «величество» после того, что только что произошло? — король улёгся на спину, чтобы видеть моё лицо. — У меня есть имя. Надеюсь, хотя бы его-то ты знаешь?

— Знаю. Вы — Кейденс Лурендийский, — уж это-то я знала. В какой бы дали, если не сказать — в дыре, не жила последние десять лет, не знать имя короля было бы совсем уж странно.

— Вот так и зови. И на «ты», пожалуйста.

— Я не смогу, — растерялась, потому что и правда — не смогла бы вот так, сразу.

— Ладно, хотя бы только имя, — согласился мужчина. — Будем всё делать постепенно. А что ты там про лечение говорила?

— Ваши шрамы, — я вернулась к тому, что так меня напрягло. — Они... они стали меньше. Вы нашли другого целителя?

— Что за ерунда? — нахмурился король. — Кого я могу найти, если во всём королевстве, если не во всём мире, нет целителя, способного в принципе лечить ожоги от магического напалма?

— Но я же вижу! И чувствую. Да сами посмотрите! — я не могла сдержать эмоций.

Внимательно взглядевшись в меня и, кажется, увидев, что я серьёзна как никогда, король встал и, не обращая внимания на свою наготу, прошёл к зеркалу, попутно прикасаясь к светильникам, тут и там развешанным и расставленным по комнате, заставляя их заливать её ярким светом. Осознав, что и сама одета ни на нитку не приличнее, я быстро закуталась в покрывало. Хотелось скорее найти своё платье и надеть его, но я не могла отвести взгляда от полностью обнажённой фигуры короля, а где-то внизу живота начинало зарождаться уже знакомое чувство.

Что, опять? Вот прямо сейчас? Второй раз за ночь?

Так тоже бывает?

Пока я в растерянности осознавала, как много ещё не знаю об интимной жизни в целом и о своём теле в частности, король подошёл к зеркалу и стал через плечо разглядывать свою спину, удвоив роскошную картину, которую собой представлял.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, видя то же, что и я — шрамы стали бледнее, не такими выпуклыми и слегка уменьшились по краям, словно бы я над ними работала минимум неделю.

При этом я обычно излечивала шрамы до полностью здоровой кожи, но по кусочкам, не трогая остальное. А тут все они изменились равномерно.

— Никакой целитель, кроме тебя, ко мне не прикасался, — поворачиваясь другим боком, от чего картина существенно не изменилась, покачал головой король. — И даже представления не имею, что же... Если только... Да нет, быть такого не может, это лишь легенда.

Он замер, глядя на меня большими глазами, словно сам не мог поверить в некую мысль, пришедшую ему на ум.

— Вы о чём, — осторожно спросила, поскольку он продолжал молчать.

Король всё так же молча, напряжённо меня разглядывая, вернулся, присел на кровать, ничуть не заботясь о том, чтобы прикрыть свою наготу. А потом покачал головой и криво улыбнулся.

— Знаешь, Дина, рядом с тобой я готов поверить и в легенду. Среди магов ходит поверье, что в момент высшего наслаждения, — он многозначительно указал глазами на разворошенную постель, намекая на то, что между нами только что произошло, — у мага происходит мгновенный и очень большой выброс силы. И в этот момент можно достигнуть невиданных прежде результатов. Но проверить это, как ты понимаешь, никому не удавалось. Как и опровергнуть, кстати.

— Почему, — растерялась я, пытаюсь уложить сказанное им в голову. Ни о чём подобном я прежде не слышала хотя бы потому, что кроме исключительно целительских знаний, касающихся продолжения рода, от меня, как и от любой юной незамужней леди, скрывалось всё, имеющее отношение к интимной жизни.

— Потому что, в такой момент имя своё забываешь, не то что владение магией. Чтобы открыть портал, нужно на этом сосредоточиться, что, как ты понимаешь, во время наивысшего блаженства просто невозможно. Но ты — целительница, и, похоже, у тебя это произошло самопроизвольно.

— Мне для лечения нужен физический контакт с обнажённым телом, — пробормотала я, вспоминая, как были переплетены наши

тела, как обнимала короля и руками, и ногами, как сам он был не только вокруг меня, но и во мне... — Так это всё сделала я?

— Похоже, что так, — широко улыбнулся король. — Моё ты маленькое чудо.

— Не вздумай мне за это платить! — меня ударило новой мыслью. Я спокойно брала плату за лечение, но не за такое же. И не в такой момент.

— И совсем не сложно, правда, — улыбка мужчины стала ещё шире, и я сообразила, что только что обратилась к нему на «ты».

— Я вряд ли смогу повторить. Во всяком случае, скоро, — честно призналась я насчёт обращения. — Но платить не надо. Мне и самой понравилось, — отведя глаза, неохотно призналась я.

Хотя, представив, сколько золотых я могла бы заработать, пока излечивала эти шрамы в своей клинике, чуть не взывала от разочарования. Но у меня есть еще Эррол, а со временем, появятся и другие богатые пациенты. Поэтому — прочь меркантильные мысли. За то, что происходит в постели, платы я не беру. Точка!

Король взял мою руку, прижал к своей щеке, потом поцеловал ладонь, внимательно глядя мне в глаза.

— В любом случае, оговорённую оплату — учителя-портальщика, — твой... Бейл получит. Может, всё же расскажешь, кто его настоящая мать? И про остальных детей — тоже.

ГЛАВА 12. ПОРТРЕТ

День двадцать первый. Воскресенье

Я замерла, дыхание перехватило, кажется, даже сердце пропустило удар. Но последние десять лет приучили меня бороться до последнего.

— Я! Я их мать! Это мои дети! Только мои! — выкрикнула, чувствуя, что меня начинает трясти.

— Тшшш... — Я вдруг оказалась на коленях короля, он крепко обнял меня, легонько покачивая и поглаживая по спине. — Тихо, успокойся, дыши. Тише, тише, никто не собирается отнимать у тебя детей, успокойся.

Какое-то время мы так и просидели, он — молча меня успокаивая, я — тихонько бормоча: «Мои, мои».

— Прости, Дина, я не совсем правильно выразился. Это твои дети, согласен, а ты их настоящая мать. Вот только родила их другая женщина, и я хотел бы знать — кто именно, и как ты стала их матерью.

— Но...

— Ах, Дина-Дина, ты действительно думаешь, что я не понял, что был твоим первым мужчиной?

— Ну... просто... — меня уже не трясло, но я продолжала отчаянно трепыхаться, до последнего держась за свою версию. — Десять лет...

— Девочка моя, твою неопытность как-то ещё можно было бы списать на неумёху-мужа, для которого предварительные ласки заключаются в том, чтобы задрать на жене ночную рубашку. Такие встречаются, причём в любом сословии. Но у меня достаточно опыта, чтобы понять — до меня у тебя мужчины не было, не говоря уже о том, что и детей родить ты не смогла бы, оставшись при этом девственницей.

— Дура, ой, дура... — пробормотала я едва слышно. Вот так, один раз проявишь тупость — и десять лет спокойной жизни в безопасности коту под хвост.

— Так всё же — кто кровные родители этих детей? И где они?

— Мертвы. Они все мертвы! — не выдержав, выкрикнула я в лицо королю. — И мы будем мертвы тоже, если... Не спрашивай, пожалуйста! — я умоляюще посмотрела королю в глаза, даже не замечая, что снова обращаюсь к нему на «ты». — Пожалуйста! Не надо! Это мои дети. Теперь — мои. У них никого больше нет. Только я.

— Тшш, тише, успокойся. Ты в безопасности. Никто тебя не обидит, обещаю.

Ах, если бы. Как бы я хотела довериться, попросить помощи. Но история с напалмом лишь подтверждала то, что я знала и прежде — даже корона не спасёт, если кто-то захочет уничтожить тебя и твоих близких.

— Не спрашивай, пожалуйста! — вот единственное, о чём я решила просить. Слезы, которые я пыталась сдерживать, всё же потекли по щекам. — Пожалуйста, пожалуйста...

Страх разоблачения накрывал меня всё сильнее, к нему прибавились события последних дней, тоже заставившие меня понервничать, и вот я уже плакала в голос, стыдясь своей несдержанности, и не способная остановиться. Король баюкал меня, целовал в волосы, что-то обещал — кажется, отвести от меня и детей любые беды, — но это не очень помогало, и я всхлипывала и всхлипывала в его голую грудь, время от времени вытирая мокрое лицо краем покрывала, в которое была закутана, пока, неожиданно для самой себя не уснула.

А проснувшись в своей кровати, услышав беготню и болтовню ребятни, собирающейся в школу. Кажется, Ава шикала на остальных, чтобы дали мне поспать, но у них не очень хорошо получалось, привычный спор о том, кто первым пойдёт в ванную, и кто слишком долго её занимает, заставил меня улыбнуться.

Не открывая глаз, сладко потянулась. Тело откликнулось лёгкой усталостью, но такой... приятной. Я вспомнилась, чем мы вчера занимались с королём в его постели, и довольно улыбнулась — не зря я мечтала именно в его объятиях узнать, что же это такое — быть с мужчиной. Учитывая его слова о моём воображаемом муже, всё бывает совсем иначе. Повезло мне.

Я почувствовала приятный запах, очень знакомый, но спросонья понять, чем пахнет, не могла. Открыла глаза и в тусклом свете из крохотного окошка разглядела на тумбочке огромный букет и что-то

ещё непонятное, но объёмное. Дотянувшись до висящего над изголовьем магического светильника, включила его и обнаружила рядом с вазой, в которой стоял шикарный букет, большую стопку коробок.

Села на кровати и едва не наступила на что-то, чего прежде на полу не было. Вовремя отдёрнув ноги, обнаружила на маленьком пятачке пола огромную, в два охвата, корзину с фруктами, а в коробках оказались сладости — в основном шоколадные конфеты, но были так же зефир, пастила, мармелад и что-то ещё, я остановилась на восьмой коробке, а там их было десятка полтора.

Я не смогла сдержать улыбку. Король полумерами не ограничился, раз уж я сказала, что согласна взять фрукты и конфеты, он расстарался. А я и не против, в конце концов, у меня дети...

Дети... Окончание нашей вчерашней встречи всплыло в моей памяти, прежде всё заслоняло воспоминание об удовольствии от нашей близости. Теперь король знает, что это не мои дети. Но, если спокойно подумать — а какая ему разница? Я их родила или нет — теперь дети мои, ответственность на мне. Конечно, он считает, что только из-за детей я отказалась стать королевским целителем или официальной фавориткой, что означает проживание во дворце, но мы же нашли компромисс.

А значит, вряд ли он захочет докопаться до правды — зачем? Какая, по сути, разница?

Утешая себя подобными мыслями, встала, с трудом найдя место, куда ноги поставить, потом, крикнув, взгромодила корзину на кровать — больше было некуда. Одевшись и умывшись, побежала на кухню, набрав в миску часть фруктов и сунув подмышку коробку конфет. Да, вчера мы и так всяких вкусностей в кондитерской закупили, но не могла же я съесть подарок короля одна. Буду каждый день брать по коробке, глядишь, и студентам нашим что-нибудь останется. Надеюсь, часть фруктов тоже удастся сохранить в погребе, там прохладно. А даже если и нет — сбережём семена, тройняшки нам десять таких корзин вырастят.

Угощение мои ребяташки встретили с восторгом, спокойно приняв моё объяснение, что это подарок от короля, что-то вроде премии за лечение его сына. Конечно, они уже знали, кто такие мои особые вечерние пациенты, но хранили это в секрете от кого бы то ни

было — дети целительницы прекрасно знали, что такое «тайна пациента». А поскольку прихода-ухода короля с сыном и охраной не видели, то поверили, что именно тогда мне лакомства и принесли.

Сегодня наплыв пациентов был гораздо больше, чем на прошлой неделе — было много народа с дальних кварталов — туда тоже дошли обо мне слухи, — пришла мать одноклассника Ронта, две чопорные старушки — знакомые моей пациентки с шишкой на ноге, — и любовник пациентки под вуалью с той же проблемой. В общем, как я и предполагала, рекомендации моих пациентов послужили мне лучшей рекламой.

Приём затянулся, я едва успела освободиться и быстренько перекусить ко времени появления моего особого пациента. Сегодня я закончила лечить ручку Эррола. Конечно, будь это рука взрослого мужчины, я провозилась бы в несколько раз дольше, но пальчики шестилетнего малыша были совсем крохотные, сил и времени требовали намного меньше, чем один палец его отца. Но впереди было самое сложное — ноги, и вот они-то займут гораздо больше времени, поскольку и травмы на них обширнее и тяжелее.

А вот короля я, наверное, вылечу намного быстрее. Если он и впредь будет доводить меня до такого всепоглощающего восторга в постели, то очень скоро станет самым здоровым человеком в королевстве. И его горящий, пристальный взгляд давал мне понять, что будет доводить, непременно будет.

Сегодня, в ожидании портала во дворец, я была гораздо спокойнее, прежде меня пугала неизвестность, сейчас я уже знала, каким чудесным любовником был король, и сколько удовольствия он может мне доставить, страха больше не было, хотя некий трепет всё же оставался.

Мы вновь оказались в той же комнате, только на этот раз стол был другой, немного больше, и был он сервирован полноценным ужином на двоих, что меня порадовало — пара наскоро проглоченных бутербродов после тяжёлого дня не сильно притушили мой голод. И как только король догадался?

Блюда были явно от королевского шеф-повара, сервировка тоже, но меня, правнучку герцога, шеренга столовых приборов точно напугать не могла. Так что, в грязь лицом я не ударила, и не важно, что

в последние годы обходилась одной вилкой для всех продуктов, сейчас не ошиблась ни разу. И была горда собой.

За обедом мы в основном молчали. Король поинтересовался моим самочувствием, я поблагодарила его за фрукты и конфеты, в остальное время мы наслаждались отлично приготовленными блюдами, я-то точно наслаждалась. Отдав должное десерту, я отложила салфетку и стала ждать знака короля, что вот сейчас всё продолжится так же, как и вчера. Мне снова сесть ему на колени и повторять все его действия? Или сегодня что-то будет иначе.

Но король продолжал сидеть за столом, молча меня разглядывая. Поймав мой вопросительный взгляд, улыбнулся уголком рта и тоже отложил салфетку. Но не встал, а продолжил меня рассматривать.

— Когда ты вчера уснула... — сказал он, наконец, и я понадеялась, что не покраснела, поскольку стало неловко за свою вчерашнюю истерику. Надеюсь, я во сне слюни не пускала? — Я смотрел на тебя — ты выглядела совсем юной, с этими распущенными волосами — я до этого и не догадывался, что они у тебя такие светлые, когда убраны в гладкую причёску, кажутся гораздо темнее. А еще у тебя, оказывается, кудри, зачем ты так над ними издеваешься?

— Так удобнее, — пожала я плечами, потому что с гладко зачёсанными волосами я казалась старше, а с распущенными кудрями ни за что бы не смогла выглядеть тридцатилетней матерью подростков. — Не мешают лечить людей.

— И скрывают твой возраст, — кивнул мужчина. — Как и серьёзное выражение лица. Но во сне ты расслабилась и казалась совсем девочкой. Мне даже показалось, что я видел тебя прежде.

— Вам показалось, — тут я уже не лукавила. — Мы никогда не встречались до того случая возле рынка.

— Лично не встречались, верно. — Король вдруг встал, прошёл к камину, взял с полки что-то, похожее формой на книгу, и протянул мне. — Не сразу, но я всё же вспомнил. Разверни.

Это нечто было завёрнуто в шёлковую ткань и на ощупь на книгу уже не походило. Толстые края, тонкая середина. Картина в раме — я догадалась ещё до того, как развернула ткань.

Увидев изображение, ахнула. Едва удержала портрет в трясущихся руках и в ужасе посмотрела на короля.

— Откуда?... — только и смогла выдавить из себя.

— Поднял архивы дипломатической переписки. Этот портрет прислали моему отцу одиннадцать лет назад — девочку прочили в невесты моему брату Олдвену, когда она подрастёт, конечно. Но он выбрал Мэнору, вторую дочь короля Этелредии, на которой женат вот уже почти десять лет.

— И вы запомнили?.. — мои губы с трудом шевелились, я поверить не могла, что мой портрет, написанный двенадцать лет назад, окажется здесь. Даже не совсем мой, в оригинале это был огромный парадный портрет всей нашей семьи — моих родителей и их шестерых детей, — а тот, что я держала в руках, только с моим лицом, был уже списан с него. Потому что для маленького я не позировала.

— Запомнил. Ещё тогда подумал, что у неё очень красивые голубые глаза, хотя для такой юной девушки слишком серьёзный взгляд.

Ага, попозируй-ка часами под экспрессивные окрики художника: «Леди, умоляю, не меняйте выражения лица, невозможно работать!» Но сходство он передал удивительно точно. К сожалению...

— Я не сразу понял, откуда это поразительное сходство, подумал даже, что кто-то из королевского дома Марендонии посетил Вертавию и, скажем так, наследил там. А потом перечитал сопроводительное письмо, приложенное к портрету. Оказалось, что эта девушка, правнучка герцога Аравиуленского, уже тогда поражала окружающих удивительно сильным целительским даром. И, по мнению окружающих, должна была стать самым сильным целителем всего королевства.

— Правда? — этого я не знала. Меня хвалили за успехи, конечно, но чтобы настолько? Я всегда считала свои способности обычными. Как маг королевской крови, я была сильной, очень сильной, но чтобы настолько? Наверное, мне ничего не говорили, чтобы не зазналась.

— Как показала практика, она стала сильнейшим магом-целителем и в Лурендии тоже. Но не это окончательно меня убедило.

— А что? — не удержалась я от вопроса.

— Мне было известно, что Тропорлайвистав приказал уничтожить всех членов свергнутой королевской семьи, в том числе и семью герцога Аравиуленского. Так каким же образом могла бы спастись его правнучка, да еще и оказаться здесь, на другой стороне мира? И я поднял доклады наших агентов из захваченной узурпатором

Марендонии, те, что пришли уже после смерти моего отца, получившего известие о той страшной резне, и которые я не видел — не до того было. И обнаружил одну интересную деталь.

— Какую? — с замиранием сердца выдохнула я.

— Оказалось, по слухам, герцог Аравиуленский попытался спасти часть своей семьи и отправил её из осаждённого замка экспериментальным межконтинентальным порталом. О его разработках ходили слухи, но никаких доказательств того, что у него получилось, не было. До сих пор.

И король очень выразительно на меня посмотрел. Я промолчала, затравленно глядя на него. Дурацкий портрет! И зачем вообще было его посылать, если я всё равно тогда ещё не достигла брачного возраста, а брат короля уже готов был жениться? Десять лет прятаться в деревне — чтобы так глупо попасться! А я-то еще дипломатов из Кравении опасалась, которые могли меня в лицо знать. Не того боялась, оказывается.

— Некоторые стражники из отряда, захватившего замок, клялись, что кучка детей растворилась у них прямо на глазах, после чего само порталное помещение самоликвидировалось — сработал артефакт уничтожения. Невозможно было ни вычислить, куда перенеслись дети, ни попытаться восстановить портал — все разработки герцога исчезли в том взрыве. Часть тех, кто преследовал детей до лаборатории, в том взрыве погибли, если тебе интересно это узнать.

Мне было очень интересно это узнать. Среди них были убийцы моей семьи, так им и надо. И жаль, что весь наш замок не взлетел на воздух вместе с остальными захватчиками.

— Среди тел погибших защитников замка не было ни одного ребёнка младше десяти лет — точное их количество неизвестно, но не менее шести, — и той самой девушки-целительницы. Но поскольку нигде эти дети так и не появились, все пришли к выводу, что экспериментальный портал себя не оправдал и выбросил их где-нибудь посреди океана. Поэтому Меллиндила Аравиуленская, а так же несколько её младших родственников, считались погибшими вместе со своими семьями.

Я вздрогнула, впервые за десять лет услышав своё имя. Но больше никак не отреагировала — ждала, чем закончится это разоблачение.

— Итак, десять лет назад в Марендонии, из замка герцога Аравиуленского, исчезает пятнадцатилетняя девушка, маг-целитель удивительной силы, а с нею — несколько детей королевской крови. Сейчас я встречаю тридцатилетнюю простолюдинку, целительницу с даром невероятной силы и удивительным сходством с портретом пропавшей девушки, а с ней — девять подростков от одиннадцати до девятнадцати лет, которых она выдаёт за своих племянников и детей, а себя за вдову, будучи при этом девственницей. И эти дети поражают педагогов своими способностями, просто нереальными для простолюдинов, но вполне нормальными для тех, в ком течёт королевская кровь. А появились все они в Лурендии ровно десять лет назад, якобы из соседней Вертавии. Ах да, чуть не забыл — эта самая целительница ну совершенно не выглядит на тридцать лет, даже с учётом силы её магии.

Я опустила взгляд на портрет, встретила взглядом с юной девочкой, перед которой были открыты все пути, а впереди ждала долгая счастливая жизнь, все её родные были ещё живы, и ей не нужно было скрывать своё имя. Она занималась любимой магией, училась танцевать, играла с братьями и сёстрами, мечтала о прекрасном принце, любила гулять босиком по траве и пирожные со сливочным кремом.

А потом она умерла. И родилась я — Дина Троп, простолюдинка и вдова, в один миг переставшая быть ребёнком. И смотреть сейчас в широко распахнутые, невинные глаза той девочки было больно. Поэтому я снова завернула портрет в шёлковую ткань и положила на свободный краешек стола.

А потом заметила на ткани маленькое, расплывающееся тёмное пятно. И ещё одно, и ещё. Не сразу сообразила, что это капают мои слёзы, даже не поняла, что плачу. А вот король кинулся ко мне, подхватил на руки, усадил к себе на колени — и вот тут уже я разрыдалась в голос. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что я снова реву на королевских коленях, и это уже превращается в традицию.

Но эта мысль быстро испарилась, потому что вся подавляемая боль — от воспоминаний о том ужасе, что случился десять лет назад, и от страха разоблачения последних суток и минут, — вырывалась теперь из меня слезами и судорожными рыданиями, которые я не

могла себе позволить прежде, потому что рядом всегда были дети, и ради них, и для них я всегда была сильной. А сейчас я уже не была сильной, я была слабой, маленькой и хрупкой, меня качали на коленях, целовали в макушку, шептали что-то успокаивающее — и я смогла, наконец, выплакать всё то, что давила в себе все эти годы.

И я самозабвенно рыдала, и с каждой слезой, с каждым всхлипом приходило облегчение, этот уже привычный комок где-то в груди становился меньше, рассасывался и понемногу исчезал.

И когда я уже больше не плакала, лишь всхлипывала и сморкалась в носовой платок короля — кажется, уже третий, предыдущие я промочила насквозь, как и рубашку на монаршей груди, — он, всё так же не выпуская меня из объятий, спросил куда-то мне в волосы:

— Меллиндилана... Дина, как же вы выжили? Как ты смогла сохранить детей? Ведь ты сама тогда была ещё ребёнком, причём, не думаю, что знала, как ухаживать за малышами. Как ты сумела?

— Богиня послала нам хранителя, — всё еще всхлипывая, но уже криво улыбаясь, я стала рассказывать о нашей встрече с дядькой Рулом и его шумной и дружной семьёй. — Если бы не они...

Мой рассказ затянулся. Королю было интересно всё, любая мелочь, любая подробность. И я говорила и говорила — как под руководством Кифы осваивала домашнее хозяйство и уход за детьми. Как тройняшки снабжали нас овощами, а Рин и Вела — маги воды и огня, — облегчали наш быт. Как, спустя три года, мы перестали нуждаться и в мясе — Лана приманивала из леса зайцев, тетеревов и оленей и изгнала из дома мышей и тараканов, а из окрестностей деревни — волков и прочих хищников.

Как меня брали в соседний городок те, кто вёз туда товар на ярмарку, и я могла подзаработать там же, а потом покупала то, что нам было необходимо, но в деревне было не достать — например, обувь или книги. Как нас прятали всей деревней, когда раз в год приезжал сборщик налогов. Рассказав про это, я слегка испугалась — становясь «невидимкой» для приезжих, я ведь и налоги не платила, и только что призналась в этом самому королю! Но мой рассказ его только повеселил, все недополученные казной налоги мне тут же было предложено оплатить поцелуем.

Я тут же оплатила, чтобы проценты не нарастали. Потом ещё раз оплатила, чтобы уж наверняка. И ещё. А потом король подхватил меня

на руки и шагнул... нет, не к кровати. Мы оказались в коридорчике перед дверью в мою каморку.

— Но... почему? — удивлённо прошептала я, машинально переходя на шёпот, потому что дети уже спали.

— Потому что уже поздно, ты устала, перенервничала, а завтра с утра у тебя пациенты. Тебе нужно поспать.

— Но... — я не знала, как выразить свои мысли. Я же теперь фаворитка, разве нет? А фаворитки нужны не для ужина с разговором. Или я уже не фаворитка теперь? Король передумал?

От этой мысли кольнуло разочарование. Неожиданно и болезненно. Я не привыкла врать самой себе и признавала, что то, что произошло прошлой ночью, мне понравилось. Не то, как всё закончилось — разоблачение и слёзы, — а то, что произошло в постели. Это было... было... в общем, если это не повторится, я очень расстроюсь. И даже обижусь.

— Маленькая моя, — ставя меня на пол и легонько целуя, ответил король. — Как бы я хотел не выпускать тебя из объятий всю ночь. Но у нас обоих есть обязательства, и, к сожалению, мы не сможем потом отсыпаться до полудня. Может, позже?

Он не отказывается от меня, — первая радостная мысль. Потом в голове забегали другие мысли, пытаюсь придумать, когда бы я могла позволить себе спать до полудня. С мысленным вздохом поняла, что лишь когда самые младшие поступят в академию, то есть, через пять лет. И тут же воспрянула духом — король отлично знает, как я живу, а значит, рассчитывает, что я останусь его тайной фавориткой еще на пять лет, или больше.

Осознав это, поняла так же, что мечты о состоятельном торговце средних лет окончательно канули в небытие. Какой торговец, эти мечты у меня были совсем абстрактными, когда я еще не знала, что значит быть с мужчиной, который безумно нравится, к которому тянет с огромной силой. Моя женская суть, разбуженная королём, требовала повторения — но только с ним, и больше ни с кем.

Конечно, я могу надоесть ему и гораздо раньше. Но зачем думать о том, что случится через несколько лет? Прошлая моя жизнь наглядно показала, что любые планы могут быть легко перечёркнуты событиями, от меня не зависящими. Поэтому лучше плыть по течению и получать удовольствие здесь и сейчас. Точнее — завтра в спальне

короля. Вот об этом и буду думать, а не о том, что может случиться спустя пять лет.

А может и не случиться.

Король галантно открыл для меня дверь в мою каморку, и я даже не смутилась от того, что он увидит, где я живу. Во-первых, он всё это уже видел — не слуг же он с конфетами и фруктами посылал, да и меня кто-то в постель укладывал. А во-вторых, я только что рассказала, как мы вдсятером ютились в маленькой комнатухе, на двухъярусных кроватях, по двое на каждом ярусе. А сейчас у меня комнатка хоть и крохотная, но отдельная и даже уютненькая.

Я шагнула внутрь и обернулась, рассчитывая, что сейчас увижу, как он уходит порталом. Но он шагнул следом — мы едва уместились на клочке свободного пола возле кровати, корзина с фруктами, к счастью, уже переселилась в погреб. Я вопросительно посмотрела на мужчину — разве мы уже не обсудили всё, что хотели? Кажется, нет.

— Я хотел бы завтра познакомиться с твоими детьми, — сказал вдруг король. — Во время лечения пусть спустятся в сад. Эррола тоже стоит с ними познакомить.

— Зачем? — растерялась я. Всего я ожидала, но только не этого.

Я никогда не планировала совместить эти две части моей жизни. Для детей король был лишь моим пациентом, ну, еще отцом пациента — но и всё. Остальное детям знать не обязательно. Да и самому королю зачем знакомиться с детьми своей фаворитки? Хотя, возможно, ему просто любопытно посмотреть на тех, кто спасся от резни, пройдя через океан межконтинентальным порталом?

Точно! Король же сам порталщик, ему, наверное, именно это и интересно.

— Зачем? — мужчина поднял брови и криво улыбнулся. — Затем, что я собираюсь жениться на их матери.

ГЛАВА 13. МЕНТАЛИСТ

День двадцать второй. Понедельник

— Жениться? — ахнула я. Может, мне послышалось? — На ком?

— Не так я хотел это тебе сообщить, — сокрушённо покачал головой король. — И не здесь. Но раз уж так получилось... Меллиндилана Аравиуленская, ты станешь моей женой.

Какое-то время я молча хлопала глазами, осмысливая услышанное. Нет, в первый раз мне не послышалось.

— Ты не спрашиваешь, — уточнила я. — Ты констатируешь.

Как и несколько дней назад, когда сообщил, что я стану его фавориткой. Но даже тогда он сначала всё же спросил, хотя мы оба прекрасно знали, что королям не отказывают. А сейчас просто ставит меня перед фактом.

— Констатирую, — спокойно согласился король.

— А меня спросить? — с лёгкой обидой пробормотала я.

— Если я спрошу, ты можешь отказаться. Ты слишком любишь это делать. Поэтому, на этот раз, я всё решил за нас обоих.

— Но я не могу! У меня...

— Дети? — подхватил король. — Да, я знаю. И не вижу в этом никакой проблемы. Наоборот, твоим детям место во дворце, а не здесь, — и он обвёл рукой мою каморку.

— Их комнаты удобные, просторные и светлые, — даже обиделась я. Если сама обитаю в бывшем чуланчике, то это не значит, что мои дети живут в такой же тесноте. — Им учиться надо, у них есть для этого место. А я здесь только сплю, мне хватает.

— Прости, Дина, я не хотел тебя обидеть, — король уже привычно подхватил меня на руки, сделал шаг и опустился уже на свою кровать. У меня мелькнула мысль — передумал, вчерашняя ночь сейчас повторится, но надежда быстро увяла от его следующих слов: — Нам всё же нужно поговорить, а у тебя там дети спят. Потом верну, обещаю.

Мог бы и не обещать, я как бы не особо и настаиваю на возвращении. Но сейчас нужно решать совсем другую проблему.

— Ты сам сказал, что жениться на мне не можешь! — припомнила я ему его же давние слова.

— Не могу жениться на вдове-простолюдинке, — уточнил король. — А вот на леди-девственнице королевской крови — прекрасно могу и даже должен.

— Я не девственница. Это определит любой целитель.

— И он же определит, что девственности тебя лишил именно я.

— Как?! — даже я такого не умела.

— По следам на вчерашней простыне. Если нужно, я её предоставлю всем любопытствующим.

— О, Богиня, вот позорище-то, — я схватилась за голову.

— Но вряд ли это понадобится. Очень сомневаюсь, что кто-то рискнёт усомниться в моих словах.

— Да зачем я тебе? Я же не отказываюсь быть тайной фавориткой, хоть каждую ночь, пожалуйста. Жениться-то зачем?

— Потому что жена мне всё же нужна. И вовсе не для того, на чём настаивают советники — наследников у меня более чем достаточно. Но моей стране нужна королева, а моим детям — мать. Впрочем, от ещё пары ребятишек я бы не отказался, очень хочется к сыновьям ещё и дочку.

— Но я-то почему? — я не могла понять, не могла найти логику в действиях короля. — Мы знакомы-то три недели всего!

— С первой женой я познакомился за два дня до свадьбы, — пожал плечами король. — И у нас был хороший, спокойный брак.

— Меня должно это в чём-то убедить?

Два дня? Жуть какая... Хотя, учитывая мой портрет, посланный его брату, как там его? А, неважно. Может, и меня бы привезли знакомиться с женихом уже на свадьбе? Другой континент, дорога через океан занимает около двадцати дней — это если на корабле есть маги воды и воздуха. И больше месяца — если магов нет. Особо в гости не наездишься.

— Наш брак уж точно спокойным не будет, — усмехнулся король. — Но это даже хорошо. Дина, я не понимаю, чем тебя не устраивает моё предложение.

— Предложение? — хмыкнула я себе под нос.

— Ладно, моё решение, — поправился король. — Мы нравимся друг другу, нам легко общаться — по крайней мере, даже и не помню,

когда и с кем ещё я вёл личные разговоры, кроме разве что сыновей или братьев, но последних я не так часто вижу. Ты — взрослая, самостоятельная женщина, а не перепуганная девочка, которая боится на меня глаза поднять и слово выдавить.

— Улыбаться нужно девушкам, а не пугать их своим хмурым видом, — буркнула я, вспоминая своё первое впечатление от золотоносного пациента.

Тогда я бы с криком бежала от него, предложи он брак. Сейчас... Ах, если бы он не был королём. Ну почему он не торговец тканями? Я бы приняла его предложение... точнее — решение, не раздумывая. Но он король...

— Ты очень нравишься моему сыну, он даже как-то сказал, что завидует твоим детям. Здесь проблем не будет никаких.

— А старший? Вряд ли он так же обрадуется мачехе, — не удержалась я.

— Рэйнард — наследник престола, будущий король. И в свои одиннадцать уже прекрасно понимает, что такое долг. И что стране нужна королева, а мне — жена. Он будет почтителен с тобой, не переживай.

— Почтителен... — вздохнула я.

Бедный ребёнок, даже свои истинные чувства не сможет выразить. Я бы предпочла открытую конфронтацию, чем притворную улыбку. Впрочем, о чём это я? Мне не придётся как-то иначе контактировать с Рэйнардом, кроме как лечить его, если возникнет такая необходимость, поскольку замуж за короля я всё равно не собираюсь.

— И последнее, но не по значимости — мы уже выяснили, насколько совместимы в постели, — с улыбкой, от которой мне захотелось наброситься на него с поцелуями, и не важно, что сейчас мы обсуждаем слишком серьёзный вопрос, добавил король. — Поверь, не так уж и часто подобное случается. Наши тела словно созданы друг для друга, а это немаловажная составляющая супружеской жизни. Особенно в договорных браках.

Тут он прав. Всего лишь раз отведав изысканного лакомства, я готова была наслаждаться им снова и снова. Меня и прежде тянуло к этому мужчине, когда я даже толком не понимала, чего ждать. А уж теперь я тем более не готова была от распробованного удовольствия

отказываться. Он явно тоже, но для этого совершенно не обязательно жениться.

Спрыгнув с колен короля — покидать его объятия не хотелось, но так мне легче было сформулировать свои возражения, ничего не отвлекало, — я отошла на всякий случай еще на пару шагов. А потом попыталась донести до мужчины свои аргументы.

— Кейденс, — я решила, что мы уже на той стадии отношений, когда допустимо обращение по имени даже к королю. — Со всем, что ты сказал, я, в общем, согласна. И насчёт того, что подхожу тебе в жёны и по происхождению, и по возрасту, и что в постели нам более чем хорошо, и Эррола я обожаю. Всё это так. Но есть одно большое «но». Очень большое!

— Не могла бы ты его озвучить? — король смотрел на меня серьёзно, не пытаясь удержать, вновь усадить себе на колени, давая высказаться.

— Ты мне нравишься, очень, — решила я всё же подсластить пилюлю. — И я бы с огромной радостью вышла за тебя замуж, будь ты торговцем, помещиком, пусть даже аристократом, но не очень знатным. Но ты король!

— Это настолько плохо? — мужчина наигранно высоко поднял брови. — Мне казалось, что многие девушки мечтают о принцах и королях.

— Я уже не романтичный подросток и прекрасно понимаю, что быть королевой — это не только сидеть на троне в короне, танцевать на балах и есть пирожные на завтрак, обед и ужин. Это работа, не всегда лёгкая и благодарная, но я бы справилась.

— Ты справишься, — на этот раз король был абсолютно серьёзен.

— Беда в том, что ты не сможешь жениться на вдове-простолюдинке, целительнице Дине Троп, а я не могу предстать перед окружающими как Меллиндилана Аравиуленская, племянница свергнутого короля Марендонии.

— Почему? Есть же артефакты, определяющие королевскую кровь. И твою личность легко доказать, особенно учитывая портрет.

— Дело не в этом, — отмахнулась я. — Свою личность я и так смогу в любой момент подтвердить. — И увидев вопрос и удивление в глазах короля, пожала плечами. — У меня настоящее свидетельство о

рождении с собой. Но дело не в доказательствах, дело в том, что я просто не могу открыть людям свою личность.

— Почему?

— Ты что, правда не понимаешь? — Я всмотрелась в лицо короля и тяжело вздохнула. — Не понимаешь... Кейденс, мы не просто так десять лет сидели в глухой провинции и лишь сейчас рискнули выбраться в столицу, поближе к своим студентам. Мы живы, лишь пока нас считают мёртвыми. Воскреснем — попадём под удар. Я могла бы рискнуть собой. Но не детьми. Прости, но я не могу выйти за тебя замуж.

Я отвернулась к окну, черноту ночи в котором разбавляли едва заметные огоньки фонарей, больше ничего, кроме собственного отражения, из освещённой комнаты увидеть было нельзя. Но я всё равно смотрела туда, словно видела что-то интересное, потому что смотреть на короля было больно. Как бы я хотела, чтобы проклятый узурпатор не стоял между нами, не угрожал нашим жизням, и я могла бы принять предложение, точнее — решение того, с кем была бы не прочь провести остаток жизни.

Он был прав — большого выбора у членов королевских семей, особенно у девушек, не было. В лучшем случае, с кандидатами можно было пообщаться до принятия решения, в худшем — познакомиться на свадьбе. И для меня, Меллиндиланы Аравиуленской, его величество Кейденс Лурендийский был бы лучшим выбором, учитывая все приведённые им доводы. Да и вообще — теперь это был мой единственный шанс на брак, мужа, своего собственного ребёнка или детей.

Потому что, узнав, кто я такая, моего брака с теоретическим торговцем тканей он не допустит, да я и сама уже не захочу кого-то другого, побывав в объятиях короля. Во всяком случае — сейчас я бы не смогла подпустить к себе никакого другого мужчину, не знаю, что было бы лет через пять-десять, но тогда я и сама уже вряд ли кому-то понадобится, разве что из-за своей магии.

В общем, сейчас я сама лишила себя последней возможности обрести семью и стать счастливой. И от понимания того, что другого выхода у меня вдбйайв не было, становилось лишь больнее.

— Не надо! — в тусклом зеркале окна я увидела возле себя крупную фигуру, а потом меня заключили в объятия, прижав к тёплому

сильному телу. — Не плачь.

— Я не плачу, — возразила, быстро вытирая почему-то ставшую мокрой щеку. — Ну что такое! — воскликнула в сердцах. — Да я за десять лет столько не ревела, как за последние два дня рядом с тобой!

Ну, хотя бы вслух не рыдаю, и то хорошо. Так, слезинка скатилась, это вообще ни в счёт.

— Мне жаль, — губы короля прижались к моему виску. — Но мы всё равно поженимся, и очень скоро. А насчёт того, что тебе и детям грозит опасность — сама подумай, где ты будешь в большей безопасности, чем в моём дворце?

— Кейденс, — подняв голову, я взглянула в глаза, глядящие на меня с нежностью. — Ах, если бы...

И погладила светлую полосу на его щеке. Говорить ничего не стала, он и сам отлично понял мой намёк.

— Это, — король положил ладонь на мою руку, прижав её к своей щеке, — враги внутренние. Им незачем как-то вредить твоим детям. И они скоро будут найдены и наказаны. Но Тропорлайвиставу до вас здесь не добраться. Да и незачем ему это делать — король Марторивелин отрёкся в его пользу от престола не только от своего имени, но и от имени всех своих наследников. А значит, никакой опасности вы для него не представляете, ведь, несмотря на происхождение, права на престол Марендонии вашей семьёй утрачены.

— Если это так, зачем же он уничтожил всю нашу семью?

— Не знаю, — вздохнул король, и я вспомнила, что и его отец умер из-за той резни. Пусть не от рук людей Тропорлайвистава, но по его вине. — Возможно, хотел подстраховаться. Я не знаю! Но одно дело — сотворить такое в захваченной стране, практически в военное время, и совсем другое — посылать кого-то ради этого за океан. К тому же, мы так и не наладили дипломатические отношения между нашими странами, да и торговые оборвали. Повторюсь — ему нет никакой выгоды от ваших смертей. Но я всё же отправлю Тропорлайвиставу официальное заявление, что если что-то случится хотя бы с кем-то из вас, Лурендия объявит Кравении войну.

— Ты пойдёшь на это? — ахнула я. — Ты готов втянуть свою страну в войну ради чужих для тебя людей?

— Я сделаю это ради своей жены и её близких, — лицо короля стало жёстким, взгляд — очень похожим на тот, что я видела в первые дни нашего знакомства. — Никто не смеет покушаться на тех, кто мне дорог.

— Но... война?.. Это же ужасно. Это смерти, разруха, гибель невинных!

— Войны не будет. Он не рискнёт бросить вызов Лурендии, перевес сил на нашей стороне, причём многократный. И Тропорлайвиставу это прекрасно известно. Вы будете в безопасности.

— Допустим, всё так и будет. — Да, я поверила королю, и да, понимала, что Лурендия — это не наша маленькая и почти беззащитная против более сильного соседа Марендония. Лурендия, действительно, буквально раздавит Кравению, хотя, конечно, посылать войска за океан непросто, но в исходе той войны не усомнился бы никто. К тому же, у меня был припрятан в рукаве тщательно оберегаемый козырь, который мог бы помочь войскам Лурендии, про который я пока королю говорить не стала. — И Тропорлайвистава нам опасаться не стоит. Но если я выйду за тебя замуж...

— Когда ты выйдешь за меня замуж, — поправил меня король.

— Если я выйду за тебя замуж, — упрямо повторила я, — то стану членом твоей семьи, а значит, мне могут грозить не только прежние враги, но те самые, внутренние, которых за эти годы так и не вычислили.

— Мы ищем, — с нажимом произнёс король. — Беда в том, что мы не можем понять, кому и зачем это было нужно. У меня нет врагов, никакой оппозиции тоже не существует — уж за все эти годы что-нибудь, да всплыло бы. Но нет. Ничего похожего. Таким образом, политические мотивы мы исключили, остались лишь личные, либо это дело рук фанатиков.

— И что это значит? — я даже не заметила, как во время разговора король как-то незаметно подвёл меня к столу, усадил и сам уселся, но не напротив, а рядом. Сосредоточившись на получении информации, я осознала это, лишь почувствовав у себя в руке бокал с водой, которую жадно выпила.

— Это значит, что организатором того покушения был некий одиночка или очень небольшая группа людей, которые были настроены против меня лично, а не против представителя монаршей

власти в моём лице. Хотя, фанатик, наоборот, мог покушаться именно на королевскую семью. Такого человека вычислить сложнее, но, в любом случае, мои спецслужбы сужают круг.

— Как?!

— Наша единственная зацепка — менталист, поработавший со слугой, стерев ему память. Менталисты не такая уж и редкость, но, как ты, наверное, знаешь, у них очень много специализаций, так что тех, кто способен приказать кому-то что-то забыть, не так уж и много. Были составлены списки всех менталистов нужного профиля, всех проверили на причастность, то же самое сделали и со студентами всех академий — никого. А это значит, менталист был пришлый. Сейчас составляются списки иностранных магов, находившихся в нашей стране в то время, и когда проверят их — мы найдём заказчика.

— Академии? — почему-то я зацепилась именно за это слово. — А что насчёт школ? И тех детей, кто находится на домашнем обучении? Их вы проверили?

— Дети? — король словно споткнулся. — Зачем проверять детей? — удивлённо посмотрел он на меня.

— Потому что магия просыпается рано, и даже маленькие дети способны на многое. Уж мне-то это известно лучше, чем кому-либо ещё.

— Твои дети — особенные, в них течёт королевская кровь, поэтому сила магии в разы превосходит способности их ровесников. Но обычно способности детей не настолько сильны, просто тебе не с чем сравнивать.

— Всё равно, вы зря пренебрегаете детьми. При поступлении в академию им уже по шестнадцать лет, а подростки многое могут. Я бы не сбрасывала их со счетов.

— Что ж, в чём-то ты права — нельзя пренебрегать никакой, даже самой малой зацепкой. Детей тоже проверят. Всех менталистов регистрируют, как только дар проснулся, тех, кто способен работать с памятью, стирая её, проверят.

— А что, если о каких-то способностях детей просто не сообщается родителями? О чём-то всем известно, а о чём-то — нет. Так ведь тоже бывает?

— Это невозможно, — покачал головой мой собеседник. — Все дети в возрасте шести лет обязательно проходят тестирование, и если у

них проснулась магия — их проверяют уже более внимательно. Даже по самым отдалённым поселениям маги ездят раз в два-три года и проверяют всех детей по спискам, предоставленным старостами, и не важно, кто их родители, маги или нет.

— И как, мои дети есть в тех списках? — с совсем лёгкой, но вполне ощутимой издёвкой поинтересовалась я.

Король замер, кажется, вспоминая, что меня и для налоговых сборщиков тоже десять лет не существовало. Официально я появилась хоть в каких-то государственных реестрах лишь несколько недель назад, когда получила лицензию на занятие целительством. Дети же мои легализовывались при поступлении в академию или школу, но и я, и младшие всё равно считались не гражданами Лурендии, а эмигрантами, только студенты, при поступлении, автоматически получили ещё и местное гражданство.

Лурендия была заинтересована в сильных магах, пожелай иностранные студенты уехать из страны в первые десять лет после окончания академии — их бы отпустили, конечно, но обязали бы выплатить в казну всё, что на них было потрачено королевством, как полную плату за обучение — то, что вносилось в кассу родителями или опекунами, покрывало далеко не все расходы, часть брала на себя корона, — так и стипендию, если они её получали. Мы никуда уезжать не собирались, особенно в совершенно чужую нам Вертавию, поэтому нас всё устраивало и даже радовало то, что моих стипендиатов возьмут на государственную службу — меньше проблем с поиском работы. Но факт остаётся фактом — ни в каких списках мои дети, да и я сама, прежде не значились, никакие проверки на способности конкретно в этой стране — Марендония не в счёт, — не проходили до момента поступления в учебные заведения. А случилось это далеко не в шесть лет.

— Значит, нужно будет проверить также и приезжих детей-магов, способных работать с памятью, — тяжело вздохнул король, осознав, что работа для спецслужб удвоилась и усложнилась.

Но я не унималась — просто не могла просто так принять на веру, что и я, и, главное, мои дети, будем в безопасности, если я всё же выйду за короля замуж. А это становилось уже практически решённым вопросом, слишком твёрдо он был настроен.

— Только их? — отставив стакан, я взяла вилку, задумчиво повертела в руках. — А что насчёт смежных способностей?

— Смежных? — нахмурился король.

— Ну, это когда какие-то способности на виду, а другие скрыты.

— Это как? — нахмурился мужчина. — Не понимаю, как подобное возможно.

— Ронт, мой старший сын... точнее — двоюродный племянник, — поправила я. Король всё равно всё знает, нет смысла держаться за старую легенду, когда мы наедине. — Ты знаешь, какая у него магия?

— Знаю. Он менталист. Хотя ты почему-то об этом мне не сказала, лишь то, что он может определить испорченные продукты. Но в школе он считается менталистом, и хотя я не очень понимаю связь, но верю тестированию.

— Испорченные продукты — это как раз та самая смежная магия. На самом деле, Ронт может определить любую фальшь — гнилые овощи, протухшие яйца, больную живность — не саму конкретную болезнь, а то, что их лучше не покупать. Фальшивые деньги, поддельные документы, искусственные драгоценности. Фальшивого человека.

— Ты хочешь сказать, что Ронт может определить, когда человек лжёт? — монаршие глаза смотрели на меня ошеломлённо.

— Да, и это тоже.

— Есть что-то ещё?

— Он может определить, когда человек говорит ложь, которой сам верит. Например, при первой встрече он не слышал нашего разговора, но точно указал на это.

— Я верил в ложь? — король задумчиво нахмурился, видимо, пытаясь вспомнить тот наш разговор.

— Не то чтобы в ложь... Просто в неверные сведения. Вы все верили, что ожог от магического напалма не лечится, — уточнила я.

— Невероятно. И ему всего тринадцать?! Хотя... королевская кровь... чему я удивляюсь? Но почему об этом не знают в школе?

— Мы специально этого не афишировали. Не хотели, чтобы им, а значит и мной, заинтересовались спецслужбы. Хотя бы до поступления в академию. Это слишком редкая магия. А определение непригодных продуктов — дар полезный, но безопасный.

— Очень редкая магия, — кивнул король, соглашаясь. — Во всём королевстве всего несколько десятков магов способны определять ложь, и почти все они работают на корону.

— Когда вырастет — пожалуйста, — дёрнула я плечом. — А пока я не хочу, чтобы Ронт был под колпаком королевских спецслужб. Или, что ещё хуже, чтобы его попытались использовать какие-нибудь криминальные структуры в своих тёмных делах. В отличие от спецслужб, им было бы плевать, что Ронт еще ребёнок. Хотя я и в спецслужбах не до конца уверена.

— Я никому не позволю использовать твоего... сына, — твёрдо пообещал мне король. — То, что ты рассказала о нём, не выйдет из этой комнаты, обещаю.

— Я тебе верю, — кивнула, глядя в серьёзные глаза мужчины. И тут меня осенило. — Кейденс, я хочу предложить тебе компромисс.

— Снова?

— Да. Первые же сработали.

— Это как посмотреть... Но я готов выслушать, что ты предложишь на этот раз.

— Я выйду за тебя замуж, но...

— Не нравится мне это «но».

— Не перебивай, пожалуйста. Я выйду за тебя сразу же, как только будет пойман тот, кто организовал на тебя и твою семью покушение.

— Дина! — практически простонал король. — Ты хоть понимаешь, что это может затянуться на месяцы. Учитывая, сколько работы моим людям ты сейчас подкинула.

— Я не могу рисковать своими детьми, — я была абсолютно серьёзна. — Допустим, Тропорлайвистава нам можно не бояться, но пока твой враг на свободе — и ты, и твоя семья под угрозой. Прости, но я не для того десять лет сберегала детей, чтобы сейчас подвергнуть их новой опасности.

Король долго молчал, глядя мне в глаза, я в ответ всем своим видом показывала, что не уступлю. Наконец он тяжело вздохнул и притянул меня к себе. Обниматься, сидя на соседних стульях, было не очень удобно, но я всё равно с удовольствием прижалась к нему.

— Хорошо, — выдохнул он куда-то мне в висок. — Но как я выдержу эти месяцы?

— Я всё ещё твоя тайная фаворитка, — тут же откликнулась, потому что и сама теперь не хотела ждать нескольких месяцев.

— Действительно, — я почувствовала, как мне насмешливо фыркнули в волосы, — и как я мог забыть? Богиня, как же мне с тобой повезло, Дина Троп, Меллиндилана Аравиуленская, моя целительница, врачующая не только моё тело, но и душу. И что бы я без тебя делал?

— Не знаю. Жил бы, как и прежде, наверное?

— Наверное... Но с тобой моя жизнь больше не будет прежней. И моя, и моих детей.

— И моих тоже, — кивнула я, понимая, что снова жизнь нашей семьи круто изменится. Только уже не через десять лет, а через несколько месяцев.

Или сколько понадобится, чтобы вычислить организатора того взрыва? Надеюсь, мои подсказки помогут. Иногда непрофессиональный взгляд со стороны может заметить много того, что ускользнёт от тех, кто долго занимается каким-то делом.

— Знаешь, я бы поставила на ребёнка. Причём на совсем маленького, практически необученного.

— Почему? — заинтересовался король. Даже отодвинул меня, чтобы взглянуть в глаза.

— Ты говорил, что тому слуге стёрли память за неделю. Опытный менталист, способный управлять памятью, сделал бы это аккуратно, убрал бы лишнее, а ещё лучше — заменил бы воспоминания на ложные. Так, что никто бы и не заметил, что с памятью кто-то поработал. А вот ребёнку проще сломать, чем изменить. Грубая работа, понимаешь? Неумелая.

— Ты права, ты совершенно права, — медленно кивая, пробормотал король. — Нам подобное даже в голову не пришло. Но сейчас, когда ты указала — это ясно как день. И почему никто из нас до такого не додумался?

— Много ли детей делали первые шаги в освоении магии у тебя на глазах? Или у твоих людей?

— К моему стыду — нет. И у сыновей, и у братьев были гувернёры и учителя. Так принято в семьях аристократов. Да и чему я мог бы научить воздушника и телекинетика?

— А мне приходилось учить, — я тяжело вздохнула. — В основном — самоконтролю. Мы тыкались, как слепые котята,

приходилось двигаться едва ли не на ощупь, методом проб и ошибок.

— Зато вы не знали, что считается невозможным — и делали это, — улыбнулся король.

— Получается, что так, — улыбнулась я в ответ. Потом посерьёзнела. — Но в первые месяцы было сложно. Даже по себе помню — осваивать магию, это как пытаться сделать тонкую работу, вроде вдевания нитки в иголку, надев толстые рабочие рукавицы. То есть, практически невозможно.

— Считаешь, что нужно искать ребёнка не старше десяти лет с ментальной магией?

— Лучше лет восьми-деяти, того, у которого два с половиной года назад магия лишь начала просыпаться, — подсказала я. — При этом ребёнка очень сильного, раз одним махом стёр память за неделю, а значит — из высшей аристократии. С магией, связанной с памятью. Способного не только заставить забыть, но и вспомнить забытое, а может, и то, чего не было.

— Вспомнить забытое? — король резко выпрямился, замер, глядя куда-то сквозь меня. — Восемь лет, — эти слова он практически прошептал. — Высшая аристократия... Не может быть! Нет! Это просто невозможно!

— Ты вспомнил кого-то конкретного? — я коснулась его руки, и мужчина вздрогнул и посмотрел на меня, словно не узнавая, потом тряхнул головой.

— Прости. Мысль одна пришла в голову, совершенно безумная. Но я должен проверить и её тоже.

Он вдруг резко прижал меня к себе и поцеловал. Крепко, страстно, но очень быстро, я даже толком почувствовать ничего не успела, а меня уже подняли на ноги и развернули лицом к открывшемуся в мою спальню portalу.

— Прости, Дина, но мне нужно...

Не договорив, он легонько подтолкнул меня, я послушно сделала шаг, и прежде, чем портал за моей спиной закрылся, услышала:

— Богиня, пожалуйста, пусть я буду неправ.

ГЛАВА 14. СЕМЕЙНЫЙ УЖИН

День двадцать третий. Вторник

Я немного постояла, глядя в стену, в то место, где закрылся портал, и пытаюсь понять, что за мысль пришла королю в голову, и почему он хочет, чтобы она оказалась ошибочной. Потом тряхнула головой и стала быстро раздеваться — сегодня столько всего произошло, что и без этого есть о чём подумать. Разоблачение, предложение, мой отказ и согласие — и так достаточно, чтобы не уснуть, пусть об остальном у короля голова болит.

Я легла, думая, что карусель мыслей не позволит мне до самого утра глаза сомкнуть, но, видимо, слишком устала, наревелась, наволновалась — и потому уснула моментально, во всяком случае, мне показалось, что голова моя только коснулась подушки, а меня уже будят, причём весьма приятным способом.

— Дана, проснись, — шепнули губы короля в миллиметре от моих, которые только что поцеловали. — Прости, моя девочка, но нам необходимо поговорить.

— Опять? — недовольно буркнула я и попыталась укрыться с головой. Целоваться мне нравилось, а разговаривать — нет, особенно в несусветную рань после того, как легла далеко за полночь. — Мы же всё уже обговорили.

— Кое-что изменилось. Мне нужна твоя помощь. Твоя и Ронта.

— Ронта?! — я моментально проснулась и резко села. Так резко, что если бы не хорошая реакция короля, мы бы крепко стукнулись лбами. — Ты же обещал! Он ребёнок, нельзя его использовать, слышишь, нельзя!

— Тише, тише, детей разбудишь, — меня крепко обняли одной рукой, практически спеленав, второй зажали рот. — Ай! Не кусайся. Просто выслушай, ладно? Просто. Выслушай. А потом уже примешь решение. Договорились?

— Угу, — буркнула я в инстинктивно прикушенную ладонь, и когда она исчезла от моего рта, пробормотала, борясь с неловкостью. — Дай залечу. Но ты сам виноват, напугал меня.

— Прости, — король присел рядом и протянул мне ладонь, на которой отчётливо был виден след от моих зубов. — Просто у меня и правда... нелёгкое положение сейчас. Обещаю, про Ронта никто не узнает. Но его помощь мне необходима.

— Рассказывай, — велела, продолжая держать уже подлеченную руку и вглядевшись, наконец, в лицо собеседника, насколько позволял тусклый свет, льющийся в крохотное окошко. Осунувшееся, с даже в полумраке заметными синяками под глазами. Король выглядел... постаревшим. — Ты сегодня вообще спал? — вырвалось непроизвольно.

— Нет. Не смог. Думал... Кажется, нашёл решение, но...

— Но тебе нужен Ронт, — кивнула я. — И кто в подозреваемых?

— Мой брат. Олдвен, — буквально выдавил из себя король.

Я ахнула. Неудивительно, что он так спал с лица. Считать предателем того, кому вроде бы должен верить безоговорочно — это тяжело. И больно.

— Почему? — только и смогла спросить.

— Почему я подумал о нём? Его второй дочери, Рените, почти восемь. Она менталист. Работает с памятью. Помогает вспомнить забытое, — король ронял короткие, рубленые фразы, не глядя на меня, было видно, как ему больно озвучивать свои мысли.

— И ты думаешь, что она?..

— Я не исключаю. Она — ребёнок, ей просто могли сказать: «Заставь дядю забыть». Представить как игру. Ей же всего пять тогда было! — практически простонал мужчина. — Всего пять...

— И чем мы сможем помочь? — не удержавшись, я погладила короля по плечу. Видела, как он мучается, и не выдержала. Не то, чтобы сразу согласилась, но уже готова была выслушать.

— Если я ошибся... Как бы я хотел ошибиться! Но если подумать, Олдвен унаследует трон, если не станет ни меня, ни моих сыновей.

— Ни твоей жены, возможно, беременной ещё одним сыном, — вспомнив, как именно произошло покушение на короля, сообразила я. — Члены твоей семьи не была случайными жертвами.

— Да. Всё это время я считал, что покушались только на меня, а ту беседку выбрали потому, что там я наиболее уязвим. Но если убрать не только меня, но и моих прямых наследников, королём станет мой брат. Но шанс, что я ошибаюсь, велик, и прежде, чем обвинять

Олдвена, я должен быть уверен на все сто процентов. Иначе как мне потом брату в глаза смотреть?

— Но есть же другие менталисты, способные чувствовать ложь. Почему не использовать их?

— Потому что, как я говорил, их очень мало, и всех, кто работает на меня, Олдвен знает в лицо. И если я заведу с ним разговор о том покушении в присутствии менталиста, он всё поймёт.

— А спрятать менталиста за ширмой?.. — начала я и сама же поняла, что не сработает. — Ему нужно видеть объект, да?

Просто Ронт именно на внешний вид ориентируется, что-то видит, некие изменения, потемнение или что-то похожее. Но я не знала, у всех ли так, мы ведь вообще не совсем стандартные, как оказалось.

— Да, нужно видеть. А некоторым — прикасаться. Как ты понимаешь, такое сложно не заметить.

— Но разговаривать в присутствии какого-то незнакомого подростка еще более странно.

— Не «какого-то», а племянника моей невесты, одного из спасшихся родственников короля Марендонии.

— Невесты?!

— Тшш, не так громко, детей перебудуешь, — на этот раз рот мне зажимать не стали, помня, что кусаюсь я больно. Да и не так уж и громко я возмутилась. — Ты же обещала за меня выйти.

— Обещала, — признала, снизив тон и понимая, что он прав. — Но не сразу!

— Не волнуйся, я предупрежу, что это пока тайна. Если Олдвен... виноват, — король тяжело сглотнул и поморщился, — то опасности уже не будет. Если нет — твоя тайна не выйдет за пределы комнаты. Этому нас учат с детства — семейные тайны не для посторонних.

— Всё равно, как-то я не очень представляю себе эту ситуацию. «Вот, это племянник моей невесты, давай при нём поговорим о покушении на меня и о гибели моей жены».

— Да, звучит не очень. Вот почему всё произойдёт иначе. Это будет семейный ужин в узком кругу, на котором я представлю вас с Ронтом своему брату с женой и их старшими детьми, а также Рэйнарду. Присутствие детей заставит всех расслабиться, повод, в общем-то, не надуманный, поскольку я и так планировал нечто

подобное. Просто со старшим сыном познакомил бы тебя раньше. Но что поделаться?..

Ох, помимо всего этого — еще и с будущим старшим пасынком придётся знакомиться в таких вот условиях. Тут и так из-за Олдвена и Ронта изнервничаюсь, а ещё и это. И... стоп! Семейный ужин? Во дворце, с членами королевской семьи?

— А перенести всё это на воскресенье нельзя? — расстроено протянула я. — Нам с Ронтом совершенно нечего надеть на такое мероприятие, нужно время, чтобы купить, а отменить приём пациентов вот так, без предупреждения, я тоже не могу.

И сколько это всё стоит будет?! Моя жаба забилась в конвульсиях, но здравый смысл напомнил, что, выйдя за короля замуж, я буду избавлена от забот о хлебе насущном и от головной боли из-за мыслей о том, как вырастить и выучить всех своих юных родственников. Так что, ладно, на пару нарядов деньги выделю, не разорюсь.

— Или хотя бы на завтра. Я повешу объявление, что завтра приёма не будет, это хотя бы не станет неожиданностью для моих клиентов.

— Дина, ужин состоится этим вечером. Я не смогу ждать и дня, я с ума сойду, если не выясню правду уже сегодня. Одежду и тебе, и Ронту я раздобуду, не волнуйся. Кстати, мои люди останутся с младшими, ужин они тоже принесут, так что, можешь не волноваться, оставляя детей одних.

Я как-то и не волновалась особо. Дети у меня — далеко не младенцы, понимают, что к чему. Охранные амулеты в порядке и заряжены. Поэтому, за младших детей я не волновалась. А вот за нас с Ронтом — да. Но и отказать королю не могла. И не потому, что он король. Просто... Вот в такой ситуации я никому, кто мне не чужой, не смогла бы отказать. А Кейденс Лурендийский мне уже гораздо больше, чем «не чужой», особенно учитывая, что о Ронте никто не узнает. Вот только...

— А если выяснится, что это и правда твой брат. Не опасно ли это — он и дети в одном помещении?

— Нет. Ронт же не станет в него пальцем тыкать и кричать: «Он всё врёт». Мы выработаем систему сигналов, которыми он сможет указывать на ложь. Например, нос почесать, вилку в руках покрутить

или ещё что-то. А я уже сделаю выводы. К тому же, мы будем в помещении не одни — несколько моих людей, из тех, что не знакомы брату, будут изображать лакеев, обслуживающих ужин.

— Но твой брат королевской крови, он должен быть гораздо сильнее любого из твоей охраны, — я старалась предусмотреть каждую мелочь, слишком привыкла за эти годы думать о нашей безопасности.

— Олдвен — артефактор. Очень сильный, не скрою, но против боевиков он бессилен.

— А если возьмёт с собой какой-нибудь опасный артефакт? — не могла я успокоиться.

— Зачем? Это всего лишь семейный ужин в узком кругу. Да и войти в семейное крыло с неучтённым артефактом невозможно без моего личного разрешения. Это придумано не сегодня, а охранные артефакты вмонтированы при входе и еще кое-где.

— А... — начала было я, но король неожиданно чмокнул меня в приоткрытый рот, и мысль куда-то убежала.

— И их расположение меняется регулярно, — не дожидаясь вопроса, ответил он.

— Я так предсказуема?

— Нет. Просто всё то же самое я полночи продумывал. Задавался такими же вопросами. И предусмотрел всё. Я ни за что не стану подвергать тебя и Ронта опасности, помни, там будет и мой сын с племянницами. Поверь хотя бы тому, что ради их безопасности я готов на всё.

— Ладно, — кивнула я, понимая, что решение короля не с потолка упало. — Значит, сегодня... во сколько?

— Ужин в семь. За вами я приду без пятнадцати — обговорим с Ронтом условные знаки. Мои люди будут у вас к шести, с одеждой и ужином. Успеешь собраться?

— Постараюсь. Не на бал же иду. Только шнуровка у платья пусть будет спереди.

— Я пришлю горничную, — улыбнулся король. Потом поцеловал меня, по-настоящему, не просто чмокнул, я даже слегка поплыла, но, к моему разочарованию, поцелуй прервался. — До вечера, — слегка прерывающимся голосом шепнул мужчина и ушёл порталом прежде, чем я успела ответить.

— До вечера, — всё же пробормотала я, потянувшись к часам, стоящим на тумбочке, и разочарованно застонала — до подъёма оставалось семь минут, а значит, ещё немного поспать не получится.

Тяжело вздыхая и широко зевая, я потащилась в ванную, утешаясь тем, что бывали в моей жизни ночи еще короче, особенно когда младшие были совсем крохами, и ничего, как-то ведь выжила.

Почти тринадцать часов спустя мы спустились в кухню — я, Ронт и горничная, которая не только помогла мне нарядиться, но и причёску соорудила, поминутно восхищаясь моими волосами. За большим столом, накрытым с поистине королевским размахом, сидели трое младших и двое незнакомых мне мужчин, пришедших вместе с королём и принёсших все эти блюда. По словам его величества, и они, и горничная — профессиональные телохранители, поэтому останутся с детьми. Зачем столько, я даже спрашивать не стала, хотя и считала чрезмерным, но не возражала.

В данный момент все шестеро, включая стоящего чуть в сторонке короля, любовались тремя крохотными цыплятами — вчера Рыжуха осчастливила нас пополнением куриного семейства, — которые дружно маршировали между тарелок, так Лана развлекала гостей, демонстрируя свои способности. А ведь я планировала развлечь этими забавными жёлтыми комочками Эррола, но сегодняшней сеанс лечения пришлось отложить, что меня так же не радовало, в придачу ко всему остальному.

— Ты чем-то расстроена? — заметив нас, король быстро шагнул навстречу.

— Корсет, — скривилась я. — Совсем от него отвыкла за эти годы, и мысль, что придётся снова привыкать, совсем не радует.

— Мне жаль, — мужчина галантно поцеловал мне руку. — Но выглядишь ты великолепно.

— Этим и утешаюсь, — вздохнула я. — Это Ронт, мой старший сын, — кинув взгляд на телохранителей, представила я мальчика.

— Спасибо, что согласился помочь мне, — Кейденс пожал ему руку, словно взрослому.

— Я рад, если смогу помочь, — ответил Ронт, напряжённо выпрямившись — не каждый день тебя представляют королю.

— Думаю, нам лучше обсудить подробности в более приватной обстановке, — с этими словами король открыл портал, и мы, пройдя

через него, оказались в комнате, размером больше нашей кухни — самого просторного помещения в нашем новом доме.

— Мой кабинет. Здесь нас не побеспокоят, — король жестом предложил присесть, и я тут же устроилась на одном из стульев, поскольку успела отвыкнуть не только от корсета, но и от каблуков. Хорошо, что сегодня лишь ужин, а не бал. Обстановку даже разглядывать не стала, не до того было, да и не впервые мне, что там интересного? Стол, шкафы, полки, книги, книги, книги, пара картин, лепнина, светильники, еще что-то — все кабинеты в домах аристократов похожи друг на друга. А вот Ронт, примостившись рядом, с любопытством вертел головой. — Для начала, давайте определимся с именами. Уверен, у тебя, Ронт, оно тоже немного длиннее, чем сейчас.

Не ожидавший такого вопроса мальчик оглянулся на меня, взглядом прося помощи. Он знал о своём происхождении, но я никогда не называла младшим их настоящие имена, чтобы не путать — это было просто не нужно. Но сейчас, когда мы, похоже, снова обретём прежний статус, имена придётся достать из закромов памяти.

— Ронтид. Его зовут Ронтид, — ответила я. — То есть, на самом деле он Ронтидольфираст, но это слишком длинно, особенно для этого королевства.

— Ронтидо... как? — Ронт ошарашенно вытаращился на меня, потом замотал головой. — Нет, не надо, потом на бумажке мне напишешь, я вызубрю. Наверное...

— Думаю, Ронтида будет вполне достаточно, — кивнул король. — А ты?..

— Меллина, — назвала почти забытое имя.

— Отлично. Итак, Ронтид, что тебе рассказала мама о сегодняшнем вечере?

— Что я должен буду помочь в расследовании, мы будем ужинать с вашими родными, и я должен буду тайно указать на того, кто врёт. И ещё, — парнишка запнулся, бросил на меня быстрый взгляд, — что вы хотите на ней жениться...

Последние слова он почти прошептал, видимо, так и не поверив до конца в то, что я сказала ему сегодня. Но король твёрдо кивнул, отменяя все сомнения:

— Да, я собираюсь жениться на Дине... Меллине, как только разберусь с одной проблемой. И это её условие, не моё, сам я хочу

жениться... не завтра, конечно, к сожалению, королевская свадьба требует некоторой подготовки, но объявить её своей невестой на всю страну готов прямо сейчас. Но твоя мама выдвинула условие, и я его принял.

— Хорошо, ваше величество, — кивнул Ронт. Король еле заметно поморщился, но поправлять не стал. Я видела, что у мальчика еще много вопросов, возможно даже, что-то ему не понравилось, но сейчас был не тот момент. Главное для себя он выяснил. — Как мне подавать вам сигналы?

Об этом договорились довольно быстро, и спустя пару минут мы, все трое — я, опираясь на руку короля, Ронт с другой стороны от меня, на полшага позади, — входили в семейную столовую, размером с наш дом, если второй этаж рядом с первым поставить. Ну да, а в парадной столовой можно, наверное, скачки устраивать.

Обстановка была роскошной — а чего ещё ждать от королевского дворца? — но я сосредоточилась на людях. Нас уже ждали. Принц Олдвен — мужчина лет двадцати пяти на вид, но учитывая его десятилетний брак и то, что он маг королевской крови, ему уже хорошо за тридцать. Внешне он совсем не был похож на своего коронованного брата — невысокий, лишь на пару сантиметров выше жены, впрочем, она, скорее всего, надела туфли с каблуками, — полноватый, круглолицый, со светло-каштановыми, коротко, по последней моде, подстриженными волосами, лицом на брата тоже не похож, разве что глазами.

Это был весь какой-то уютный и, несмотря на полноту, привлекательный мужчина. И если бы я уже не была настроена предвзято, то сразу почувствовала бы к нему симпатию и доверие.

Рядом стояла его жена — стройная и очень красивая брюнетка одних лет с мужем, она смотрела на нас слегка насторожённо, что не удивительно. Если король предупредил родственников о причине ужина — такое внезапное желание жениться неизвестно на ком не могло не вызвать подозрение в... да в чём угодно, от приворотного зелья до подмены самого короля. Тут я, конечно, утрирую, но невестку короля... как же её? Он же называл. Но в тот момент мне было не до имён посторонних мне людей. В общем, я её понимала.

Чуть в стороне стояло трое детей — мальчик, примерно ровесник Бейла, и две девочки помладше. Мальчик был настолько точной копией

отца, что это казалось нереальным, он даже причёску носил такую же, и одет был в чёрный костюм, как король, в то время как принц Олдвен был одет в жемчужно-серое, а Ронту принесли синий с голубым костюм. Наследный принц Рэйнард смотрел на нас внимательным, даже цепким взглядом, но какой-либо враждебности я в нём не заметила. И то хорошо.

Девочки были похожи на куколок в своих пышных платьицах с длинными панталончиками, и с большими бантами в каштановых локонах. На первый взгляд их можно было принять за близнецов, но при более внимательном взгляде у той, что в жёлтом, обнаружились более пухлые щёчки, а потом и светло-карие, материнские глаза, а у её сестры в розовом глаза были тёмно-серые, отцовские. Обе девочки смотрели на нас с нескрываемым любопытством, причём в основном на Ронта.

Боковым зрением я заметила несколько человек в ливреях, держащихся в тени у стен, но внимания на них не обратила — кто же рассматривает прислугу? Хотя я и знала, что это боевики из личной охраны короля, но решила к ним внимания лишними взглядами не привлекать.

Король представил нас — полными именами, кстати, запомнив имя Ронта с одного раза, но уточнив и более короткие варианты имён, меня назвал невестой, и какой-то особой реакции это не вызвало, значит, все уже были подготовлены и «держали лицо». Девочка в розовом оказалась старшей дочерью Олдвена и его жены Мэноры по имени Адайна, в жёлтом — их средней дочерью, Ренитой.

Двое их младших детей — чьих имён король не назвал, видимо, чтобы меня лишней информацией не загружать, — как и Эррол, были слишком малы для этого ужина, по сути — мини-приёма, а у Вилмера оказалось что-то важное в академии, из-за чего он не смог присутствовать. Причину Кейденс не уточнил, и я даже не знала, правда ли это, или младший брат короля просто был бы сейчас лишним. Но порадовалась — мне и так новых лиц было достаточно.

Мы расселись за столом — мужчины на торцах, мы с Мэнорой с одной стороны, возле своих мужчин — и я даже не ожидала, что мне будет так приятно думать о короле как о своём мужчине, — между нами оказалась Ренита. Рэйнард и Адайна устроились возле своих отцов, Ронт между ними, так что я сидела напротив Рэйнарда, что меня

самую капельку напрягало, всё же я предпочла бы знакомиться с будущим пасынком в более неформальной обстановке и при гораздо меньшем количестве свидетелей.

Поначалу разговор не клеился, но это и нормально. Все испытывали неловкость от знакомства, поэтому отдавали должное еде. Дети в принципе помалкивали, как и положено в аристократических семьях за одним столом со взрослыми. Когда Ренита попыталась что-то шепнуть Рэйнарду, то получила от матери такой взгляд, что тут же уткнулась в тарелку и больше поболтать с двоюродным братом, с которым, как я поняла, довольно давно не виделась — принц Олдвен с семьёй жил в загородном поместье, выбираясь во дворец лишь по случаю, вот как сегодня, например, — не пыталась.

Мы с Ронтом тоже помалкивали. Он специально выбирал из предложенных блюд то же, что и я, и брал те же приборы, поэтому за столом мы с ним в грязь лицом не ударили. Радует, что за прошедшие десять лет я не растеряла навыков, впитанных едва ли не с молоком кормилицы.

В общем, во время основных блюд за столом раздавались лишь единичные реплики из разряда: «Как у вас с погодой?» и остальное в том же духе. Но вот на столе появился десерт и вазы с фруктами, и разговор, наконец-то, начался.

Сначала Олдвен поинтересовался, как нам удалось спастись, и какое-то время я вкратце рассказывала об межконтинентальном портале, изобретённым моим прадедушкой, после чего разговор немного покрутился вокруг того, какое чудесное изобретение было утеряно, и что до сих пор даже самые мощные стационарные порталы не способны открываться дальше, чем на несколько сотен километров.

Для путешествий на дальние расстояния в пределах одного континента можно было воспользоваться сетью порталов, а вот в океане такую не построишь. А ведь герцог Аравиуленский нас не просто через океан отправил, а ещё и примерно такое же расстояние по суше прихватил. Видимо, его портал чем-то принципиально отличался от привычных, но чем именно — уже не узнать.

Потом Мэнора поинтересовалась, как именно мы познакомились. Разговор со шрамов короля и Эррола как-то вроде бы и незаметно перешёл на тот страшный момент, когда эти шрамы были получены.

— Расследование так и не завершено, тот, кто пытался меня убить, к сожалению, до сих пор не найден, — король специально сказал так, словно верит, будто был единственной запланированной жертвой, и внимательно посмотрел на брата. — У тебя нет каких-нибудь новых идей на этот счёт?

— Откуда ж им взяться? — принц в растерянности посмотрел на брата. — Если бы я хоть что-то узнал, если бы только заподозрил! Любую мелочь. Я обязательно бы тебе сказал.

Звучало правдоподобно. Я покосилась на Ронта, он, не торопясь, ел виноград, наложив себе полную тарелку. Остальные дети набрали себе всего понемногу, сама я взяла креманку с мороженым, король — яблоко, но так и вертел его в руках, ни разу не откусив. А вот Ронт взял лишь виноград трёх цветов и сейчас отщипывал ягодки от кисточки жёлтого.

— Значит, о том, что тогда случилось, тебе ничего не известно, — кивнул король. Это не прозвучало как вопрос, но я знала, что Ронту достаточно даже этого, ответ не обязательно произносить вслух, но Олдвен ответил:

— Нет, к сожалению. Если бы только знал!.. Да я его своими руками!..

— И менталиста того так и не нашли, — вздохнул король. — Но мои люди прочёсывают все списки иностранных магов, находившихся тогда в Лурендии, и я уверен, что не сегодня, так завтра, мы его вычислим. Кстати, — это уже нам с Ронтом, как бы случайно к слову пришлось, — Ренита тоже менталист. Она умеет помогать людям вспомнить что-то забытое. Если хочешь, Ронтид, она и тебе поможет вспомнить твоих родителей.

— Это было бы замечательно, ваше величество! — глаза мальчика зажглись восторгом. Родителей он не помнил, а у нас не сохранилось ни одного изображения, портреты — последнее, что родные стали бы класть в нашу тележку с потёртой одеждой и медной посудой.

— Ну что, Ренита, поможешь своему будущему дядюшке? — благодушно поинтересовался король, девочка с улыбкой кивнула. — А что-нибудь ещё с воспоминаниями делать ты умеешь?

— Нет, только это? — Ренита тяжело вздохнула и помотала головой.

Ронт сорвал красную ягоду и сунул в рот. Я перехватила мимолётный взгляд короля, направленный на мальчика, потом он вновь взглянул на другую сторону стола.

— Значит, ничего больше Ренита не умеет? И не умела никогда?

— Конечно, нет, она же еще маленькая. Вот немного подрастёт и ещё чему-нибудь научится, правда, дорогая? — Олдвен улыбнулся средней дочери.

— Она всегда умела только это, — одновременно с ним ответила Мэнора.

Ронт сорвал сразу две виноградины — красную и фиолетовую, — и сунул в рот обе. Король опустил глаза, на секунду задумался, а когда снова их поднял, я вновь увидела тот самый, знакомый по первым встречам взгляд.

— Мэнора, ты утверждаешь, что твоя дочь никогда не умела стирать чью-то память? — голос стал жёстким, холодным, улыбка исчезла из него безвозвратно. Это был уже не добрый дядюшка, расспрашивающий племянницу об успехах, тут, похоже, уже допрос начинался.

— Кейденс, о чём ты? — Олдвен растерянно переводил взгляд с брата на жену и обратно.

— Я хочу услышать ответ, — король не сводил с женщины острый взгляд, под которым она заметно ёжилась.

— Нет! Она никогда этого не умела.

Ещё одна фиолетовая виноградина исчезла во рту у Ронта.

— Ответь мне на ещё один вопрос, Мэнора, — король поднялся и подал «лакеям» знак, означающий «убрать лишнюю посуду».

Несколько мужчин приблизились к столу, кивок от Кейденса — и все дети из-за стола исчезли в мгновение ока. Причём младшие дети вообще из комнаты, а Ронт оказался у стены, в пяти метрах от стола, удивлённо хлопая глазами, а рядом с ним стояли два «лакея», и один из них держал в руках его тарелку с виноградом так, словно предлагал попробовать. Всё это заняло не более двух ударов сердца, оставшиеся за столом только начали оглядываться, пытаясь сообразить, куда подевались дети, и в этот момент король задал свой вопрос:

— Это ты организовала покушение на мою семью?

— Нет. Как тебе такое в голову пришло?! Нет! — едва не завизжала женщина.

— Кейденс, ты с ума сошёл? — Олдвен тоже встал, но король смотрел не на него, а на Ронта, который схватил с тарелки кисть фиолетового винограда и откусил сразу несколько ягод. Кейденс мотнул головой, и Ронт, вместе с одним из лакеев и виноградом исчез в открывшемся за их спинами портале.

— Взять, — коротко скомандовал король, и в этот момент я почувствовала, как в мою руку вцепилась женская рука, дёрнув в сторону так, что я едва не завалилась на соседний, сейчас свободный стул, а к моей шее прижалось что-то острое, прокалывая кожу.

Скосив глаза, увидела, что это столовый нож, который, к тому же, висел в воздухе, его ничто не удерживало. Но у этих ножей закруглённый и затуплённый конец, они не могут проткнуть кожу. Но я же чувствовала боль и то, как по моей шее скользит одинокая капля крови. Пока одинокая.

— Всем стоять, — выкрикнула Мэнора. — Иначе я убью её!

ГЛАВА 15. ЗАЛОЖНИЦА

День двадцать третий. Вторник

Окружающие замерли. И король, дёрнувшийся было ко мне, и его брат, растерянно оглядывающийся на приближающихся к нам «лакеев», и сами «лакеи». В наступившей тишине слышалось лишь дыхание окружающих — никто не рискнул провоцировать Мэнору, которая была явно настроена более чем серьёзно. Загнанный в угол зверь становится очень опасен.

Потом раздался голос Олдвена:

— Мэнора, зачем? — практически простонал он.

— Потому что я не собиралась всю жизнь прозябать на вторых ролях, когда корона была так близко. Её должен был получить мой сын. Мой!

— Как ты могла? — краем глаза я увидела, что принц схватился за голову, в ужасе глядя на ту, с которой прожил десять лет, которую, наверное, любил и думал, что хорошо знал. — Это же дети.

— Дети?.. Они стояли на пути моего Наэлла к трону. Это тебе, тюфяку, ничего не нужно, кроме своих игрушек, тебе бы только в лаборатории целыми днями сидеть — и ничего в жизни больше не интересуется. А мне этого мало. И сын мой заслужил большего, чем быть всего лишь четвёртым в очереди на трон. А если бы Лоринда еще сыновей нарожала? А потом и они? Где был бы мой сыночек? Кем бы он был? Жалким дальним родственником?

Женщина скатывалась в истерику, её рука начала дрожать, порез на моей шее — расти. Конечно, я могла быстро прекратить всё это, но хотела дать женщине высказаться. Я могла себе это позволить, поскольку быстро обезболила эту часть шеи и, как могла, подлечивала ранку, поэтому не сильно страдала, к тому же, Мэнора умудрилась выбрать достаточно безопасное место, без крупных сосудов. Но как только появится хоть малейшая реальная опасность — буду действовать.

— Чего ты хочешь, Мэнора? — ровным голосом спросил король. — Твои условия?

— Вряд ли ты передашь корону моему сыну, — в голосе женщины слышалась затаённая надежда.

— Отречься от трона я могу лишь в пользу своего наследника, а он, до своего совершеннолетия, не может даже этого. Если ты читала законы, то должна это знать.

— Я знаю, — практически выплюнула Мэнора.

— Тогда чего ты хочешь? — повторил король.

Краем глаза я увидела, что Олдвен рухнул на стул и уронил лицо в ладони. От этого движения рука Мэноры дрогнул и прочертила по моей шее полосу, но, к счастью, теперь нож лишь едва царапал кожу, а прежнюю ранку я тут же залечила.

— Моего сына и портал во дворец моего отца, — выдвинула требования убийца.

— Это слишком далеко для прямого портала, — покачал головой король. — Даже для меня.

— Тогда просто портал через границу с Эррилией. И не вздумай обмануть, если тебе дорога твоя невеста. Она пойдёт со мной. Убедившись, что обмана нет, я её отпущу.

— Нет, — король покачал головой. — Меллина останется здесь. Возьмёшь в заложники меня, это даже удобнее. Системой порталов я доставлю тебя к отцу.

— Ты меня совсем дурой считаешь? Словно я в состоянии удерживать в заложниках мужчину, да ещё такого сильного, как ты. А с ней я легко справлюсь.

Да неужели? Пусть я ниже на полголовы и легче на десяток килограмм, но это не делает меня беззащитной. И это не считая моей магии, которую эта безумица почему-то совершенно не принимает в расчёт, при этом так удачно вцепившись в моё голое запястье. Ладно, это даже хорошо, что она меня недооценивает. Надеюсь, хотя бы король сообразил, что я полностью контролирую ситуацию?

Но увидев отчаяние, мелькнувшее в глазах Кейденса, поняла — нет, даже не догадывается.

— Хорошо, я согласен, — выдавил он, наконец. — Но где гарантии, что ты не причинишь вреда Меллине, когда я выполню все твои требования?

— Мне нет никакой выгоды от её смерти, если я буду в безопасности, — Мэнора пожала плечами. — Ну, убью я твою невесту

— найдёшь другую и наделаешь с ней еще десяток сыновей. Всё, чего я хочу — оказаться в безопасности со своим сыном.

Вот где логика? Какой смысл брать в заложники того, кого легко заменить? С другой стороны — какой логики можно ждать от этой ненормальной?

— А дочери? — Олдвен поднял разом постаревшее лицо, выглядя сейчас старше короля. — Почему ты говоришь только о сыне?

— Кому нужны девчонки? В этой стране они даже трон унаследовать не могут. Мне нужен мой сын!

— Ты поэтому выбрала именно тот момент? Наэллу было два месяца...

— Да! — выкрикнула женщина. — У меня рождались только дочери! Три бесполезных девчонки! А если бы сын так и не родился? Для кого мне было расчищать дорогу к трону? Для Вилмера и его сыновей? Но Наэлл... Он мог унаследовать трон, он должен был его унаследовать! И если бы не тот проклятый щенок, то сейчас именно Наэлл был бы королём, а я — вдовствующей королевой и регентом при нём.

— Вдовствующей? — принц дёрнул узел шейного платка, пытаясь оттянуть его от горла, словно ему воздуха не хватало.

А я удивилась — зачем она это сказала? На эмоциях, но всё же. А потом поняла — Мэнора уже совершила такое, за что положена смертная казнь, и если ей не удастся уйти, хуже уже не будет. А если удастся... тоже разницы уже никакой.

— А ты думаешь, что надолго меня пережил бы? — король посмотрел на брата с жалостью. Потом вновь сосредоточился на невестке. — Я согласен. Но пойду с вами. Доведу порталами до самого дворца.

— Пусть приведут Наэлла.

— Нет. Сына я тебе не отдам! — вскричал принц.

— Олдвен, так нужно.

— Нет, Кейденс. Я не стану менять сына на твою невесту. Он мне дороже жизни любого человека.

— Олдвен, будь благоразумен!

— Нет, я сказал!

— Тогда я убью её, — видя, что её план под угрозой, вскричала Мэнора, и я поняла — пора действовать.

Это было не сложно, главное — вовремя отстраниться, когда нож дёрнулся, а потом выпал из безвольной руки, а сама женщина обмякла и сломанной куклой рухнула на стоящий между нами стул. И теперь уже не она меня, а я держала её за запястье, контролируя ситуацию.

— Дина! — король в два шага подбежал и крепко обнял меня. — Ты в порядке?

— В полном, — кивнула в ответ, поскольку ранку уже залечила полностью. — Я контролировала ситуацию.

— Что с ней? — мужчина кивнул на лежащую без движения Мэнору. Лишь едва заметное движение грудной клетки показывало, что она жива.

— Кровоизлияние в мозг. Небольшое, просто чтобы выключить. Я всё контролирую, и если оказать ей помощь, то она полностью восстановится.

— А если не оказать? — уточнил король. — Умрёт?

— Вряд ли. Но на здоровье может сказаться — с памятью проблемы могут быть, с речью, парализовать может. Или пройдёт без последствий. Мне просто нужно было, чтобы она отключилась и при этом не успела рукой дёрнуть и перерезать мне горло. Казнить — это уже не моя задача.

— Казнить? — Олдвен в ужасе перевёл взгляд с жены на меня, потом на брата.

— Твоя жена организовала покушение на меня, по её вине моя жена погибла, а сын стал калекой. Даже чего-то одного из этого уже достаточно для казни, ты должен это понимать.

— Но... но... она же моя жена! У нас дети!

— Трое из которых ей, похоже, вообще не нужны. И она бы тебя не пожалела. Её слова, не мои.

— Но я люблю её! — выкрикнул Олдвен, потом запнулся и практически прошептал: — Любил... Как же так... Что я детям скажу?

— У меня тоже дети. Есть и будут. И я не хочу всю оставшуюся жизнь опасаться за них. Да и твоя жизнь для неё медной монеты не стоила.

— Это всё слишком для меня! — Олдвен закрыл лицо руками и буквально рухнул на стул, словно потерял все жизненные силы. — Всё же было так хорошо, ещё утром у меня была любящая жена, я был счастлив, а теперь всё рухнуло. Всё рухнуло! Как жить дальше? Как

сказать детям, что их мать... — Мужчина бормотал что-то ещё, но разобрать было сложно.

— Олдвен, возьми себя в руки, — нахмурился король. — Хотя бы ради детей ты должен быть сильным.

— Ради детей? — принц поднял голову и зло взглянул на брата. — Какое тебе дело до моих детей? Ты готов был отдать моего сына ради своей... — он не договорил, явно проглотив что-то не самое приличное.

— Глупец. Я бы вернул тебе Наэлла в тот же миг, как Меллина оказалась бы в безопасности. И с родной матерью ему бы ничего не угрожало. Пойми это, наконец. Твоя жена — вовсе не та, кого ты знал все эти годы, но сына она любит.

— А ты хочешь лишить его матери, — пробормотал Олдвен уже без прежнего напора, скорее в его голосе звучало смирение и обида. Потом он вновь посмотрел на жену и вскрикнул: — Почему ты отпустила её руку? Ты же сказала, что контролируешь! А вдруг Мэнора умрёт?

— Не умрёт, — я пожала плечами. Да, на королевского братца сегодня свалилось слишком многое, но мог бы и правда уже взять себя в руки. Я в десять лет умела держать лицо лучше, чем он, будучи взрослым. И это брат короля? — Кровоизлияние я уже вылечила, сейчас она просто спит. Очень крепко, разбудить не получится.

— И как долго она будет спать? — поинтересовался король, задумчиво глядя на невестку.

— Так — не меньше часа. Я, конечно, смогу её разбудить, но обычные способы — крики, ледяная вода в лицо, вонючка какая-нибудь под нос, — бесполезны. А потом может хоть до утра проспять, но это будет уже самый обычный сон.

— А продлить до двух часов сможешь? — король прищурился, словно что-то просчитывая.

— Да хоть до двух лет, — пожала я плечами. — Только дольше пары суток нежелательно, в таком состоянии человека не напоишь, а обезвоживание опасно.

— Двух часов будет вполне достаточно, — кивнул Кейденс. — Сделай, пожалуйста.

— Что ты задумал? — Олдвен с подозрением наблюдал, как я беру его жену за руку, чтобы продлить её зачарованный сон. Я в такой

иногда погружала больного, если не было возможности быстро заняться его лечением, а он маялся от боли.

— Для начала — провести ритуал лишения магии.

— Нет... Нет! Она не сможет с этим жить! Так нельзя! Нельзя!

— Я еще не до конца уверен, будет ли она в принципе жить, — жёстко сказал король, прерывая причитания своего брата. — Но если будет — то уже не магом.

— Но... как же?... Она же быстро постареет, словно обычный человек...

— Тебя это волновать уже не должно. Что бы дальше ни случилось, ни ты, ни мои племянники эту женщину больше не увидите.

— Но... что ты задумал?

Я с любопытством посмотрела на короля — и правда, что? Неужели можно оставить в живых ту, что организовала такое страшное преступление? Но помалкивала, тут и без меня есть, кому задать вопросы.

— Обитель Богини-Матери. Закрытая, — чётко произнёс король.

— Закрытая? — ахнул Олдвен, а я мысленно содрогнулась.

Обычно обители Богини-Матери были открытыми, и её служители могли покидать стены обители для того, чтобы помогать при храмах, в сиротских приютах или домах инвалидов. Они могли переписываться с родными, общаться с ними в приёмные дни и изредка, по особому разрешению настоятеля обители, даже навещать семью. Именно в такую удалилась мать Кейденса — раз он сетует, что она не поддерживает контакт с близкими, значит, такая возможность у неё есть.

Но были и закрытые обители, чей устав строго-настрога запрещал какие-либо контакты служителей Богини с внешним миром. Кто-то уходил туда добровольно, но подобное случалось очень редко. Чаще туда отправляли тех, чьи преступления заслуживали казни, но почему-либо были заменены на более гуманное наказание. Это даже нельзя было назвать тюрьмой — служители Богини-Матери не сидели постоянно в камерах, они могли бывать на свежем воздухе, работая в саду, в огороде, на скотном дворе или в мастерских. Но для всего мира они были мертвы.

И, насколько я знала, лишение магии было одним из условий приёма в такую обитель. А уж добровольное или нет — это уже детали.

— Это... это ужасно! — Олдвен заметно побледнел. — Это же почти то же самое, что и смерть.

— Она будет жить, — король презрительно посмотрел на спящую женщину. — Моей жене она такого выбора не дала. Не думал же ты, что я махну рукой и забуду, и всё продолжится как было. Впрочем, выбор я Мэноре дам.

— И какой?

— Закрытая обитель или казнь. Других вариантов нет.

— А как же дети? — Олдвен вновь обхватил голову руками и начал раскачиваться на стуле. — Как я им скажу, что матери у них больше не будет?

— Мэнора с ними попрощается и скажет, что решила посвятить себя служению Богини-Матери. Это всё, что я могу для них сделать. Только ради детей я оставлю жизнь убийце, о большем не проси.

— А если она носит дитя? — вскинулся Олдвен. — Оно должно родиться в закрытой обители? А что, если она его потеряет во время ритуала — это же безумно болезненно!

— Она будет спать и ничего не почувствует, — я напомнила принцу о милосердном жесте его брата, попросившего меня продлить сон Мэноры. Лично я, помня раны Эррола и понимая, что пережил малыш, заставила бы её прочувствовать всё, до последней секунды. Но это я, а король решил именно так, и не мне его осуждать. Хотя, скорее всего, это был жест доброй воли по отношению к брату, а не к невестке. — К тому же, она не беременна, — добавила я, вновь взяв спящую за запястье, для чего мне пришлось выскользнуть из объятий короля, но выправившись, я снова в них попала. — Более того — она принимает отвар, препятствующий зачатию, и делает это уже давно.

— Но... зачем? — растерянно посмотрел на жену Олдвен. — Зачем отвар? Целитель мог сделать это магией, легко и безопасно. Он и делал, пока Наэllu не исполнилось два года, а потом мы планировали завести еще малыша. Зачем отвар?

Интересно, Олдвен понимает, что вываливает интимные подробности своего брака не только на меня — тут ладно, я целитель и женщина, — и не только на брата, который всё же мужчина, но и на

пятёрку оставшихся в столовой «лакеев»? В тот момент, когда я «выключила» Мэнору, они отошли к стенам и застыли там неподвижно, никак себя не проявляя, но невидимками-то не стали. Или он просто привык не обращать внимания на охранников или прислугу — кем он там считает этих мужчин? Но если ему нормально — то мне тем более, поэтому я просто пожала плечами и высказала предположение:

— Визит целителя сложно скрыть, поход к нему — тем более. А отвар могла и служанка принести.

— Но зачем скрывать это от меня? — продолжал недоумевать Олдвен. — Соглашаться на ещё одного ребёнка — и тайком пить отвар? Я не понимаю.

— Похоже, твоя жена вообще мало чем с тобой делилась, — пожал плечами король. — Это бессмысленный разговор, гадать можно до бесконечности, а время идёт. Приготовьте всё необходимое для церемонии и вызовите лордов Хэйвуда и Бэйлира, — это было сказано в сторону одного из «лакеев».

Тот коротко, по-военному, кивнул и вышел, на этот раз — через дверь.

— Это... это же... — глядя ему вслед, словно только что заметил присутствие посторонних, выдавил Олдвен.

— Моя личная охрана, — кивнул король, подтверждая догадку брата, что в комнате топталась далеко не простая прислуга. — Дина, — это уже ко мне, заметно смягчив голос, — процедура предстоит долгая и нудная. Я могу отправить тебя, куда скажешь, но потом ты будешь мне нужна — я мог бы вызвать лорда Хавлока, но хочу, чтобы в случившееся было посвящено как можно меньше людей.

— Конечно, я помогу. А что нужно будет сделать?

— Разбудить Мэнору и проконтролировать её состояние во время допроса.

— Хорошо. Где сейчас Ронт?

— В комнатах Рэйнарда с ним и девочками, под присмотром моих людей.

— А Эррол?

— В своей спальне.

— Но он ещё не спит? — я прикинула, что примерно в это время у нас проходит сеанс. — Могу я забрать его и пойти к остальным детям?

Заодно проведу пусть укороченный, но сеанс.

— Ты, действительно, этого хочешь? — король взгляделся в мои глаза. — После всего, что случилось? Ты готова провести сеанс с моим сыном, а потом помогать нам с Мэнорой?

— Да, я действительно этого хочу. И справлюсь, — прямо глядя в ответ, заверила я своего жениха. Жениха, с ума сойти! — Я не нежный и хрупкий цветочек, и с того момента, как дети исчезли из комнаты, я была абсолютно спокойна. Кстати, насчёт спокойствия, — я оглянулась на принца, который снова раскачивался на стуле, с тоской глядя на бессознательную жену, и шепнула: — Есть неплохие успокаивающие настойки, у лорда Хавлока должны быть. Я и сама могла бы попытаться его успокоить, но боюсь, что просто усыплю.

— Спасибо, — меня поцеловали в висок, — но он должен быть в ясном разуме, когда будет проходить ритуал. Поэтому — никаких успокоительных настоек.

— Но перед сном пусть всё равно выпьет, — в последний раз оглянувшись на несчастного, я шагнула вместе с королём в открытый им портал.

— Папа? — удивлённо воскликнул Эррол, который полусидел на огромной кровати и слушал пожилую женщину, читающую ему про какое-то сражение. Я даже не поняла, это что-то художественное или учебник истории? — Дина? — тут удивление было щедро приправлено радостью. — Ты пришла ко мне?! — малыш даже выпрямился, хотя для этого ему пришлось упереться о кровать обеими руками. И меня очень порадовало, что обеими.

— Конечно, — улыбнулась я ему в ответ. — Как же я могла пропустить наше лечение?

— А папа сказал, что сегодня ты будешь ему помогать, поэтому не сможешь меня полечить, — Эррол вновь посмотрел на отца.

— Да, и Дина очень мне помогла. И попозже тоже поможет. Но сейчас она свободна и пришла к тебе.

— Ты будешь лечить меня здесь?

— Нет, мы пойдём в комнаты Рэйнарда.

— Правда? К Рэю? А он со мной поиграет?

— Боюсь, не получится — Дина ведь будет тебя лечить, — малыш расстроено вздохнул, и отец поспешил успокоить его. — Но ты сможешь с ним поболтать, и не только с ним. Там ты познакомишься

с... сыном Дины и увидишься со своими двоюродными сёстрами, Адайной и Ренитой, ты ведь их помнишь?

— Не очень, — вздохнул Эррол, пожимая плечами, и я вопросительно взглянула на короля.

— Он не виделся с ними с... того случая, — тихо пояснил король. — Собственно, это первый раз за последние два с половиной года, когда девочек привезли во дворец. А раньше они часто играли вместе. Ну так что, — это уже к сыну, — пойдём?

— Пойдём, пойдём, — радостно закивал мальчик.

Завернув сына в плед, Кейденс подхватил его на руки, дал знак няне, чтобы оставалась в комнате и, к моему удивлению, вышел через дверь, которую ему открыл появившийся откуда-то их тени лакей. Настоящий или нет — не знаю, может, позже спрошу. Но не удивлюсь, что и за Эрролом приглядывает королевская охрана.

— А я руку тренирую, — похвалился мне принц, показывая зажатый в кулаке небольшой мячик. — Сжимаю и разжимаю. Пока не очень хорошо получается, но я стараюсь.

— Ты молодец, у тебя обязательно всё получится, — ничуть не покривив душой, похвалила я ребёнка, краем глаза осматривая довольно спокойно украшенный коридор, никакой особой помпезности я не заметила. Уютно, если так можно сказать о коридоре.

— Это семейное крыло, посторонних здесь не бывает, — пояснил король, останавливаясь возле одной из дверей. — Эррол, постучи.

Я немного удивилась такой просьбе, но расплывшийся в улыбке малыш стукнул в дверь три раза, через паузу — еще три, но гораздо быстрее. Почти сразу дверь распахнулась — на пороге стоял Рэйнард.

— Привет, Барашка, — улыбнулся он младшему брату и потрепал его по кудрям, которые и правда делали его похожим на ягнёнка. — Пришёл с нами поиграть? — он с любопытством глянул на меня, видимо, такую гостью он точно не ожидал увидеть, но ничего не спросил.

За его спиной я заметила остальных детей — они расселись на полу вокруг какой-то игры с фишками в виде маленьких человечков. Все трое тоже с любопытством на нас смотрели.

— У Меллины выдался свободный часок, вот она и решила полечить Эррола, — пояснил старшему сыну король. — А чтобы ему было не так скучно, мы решили прийти к вам, у вас же тут весело.

— Да, мы играем в «Гонки магов», — Рэйнард махнул рукой на остальных. — Вчетвером намного интереснее! Ой, входите, пожалуйста, — спохватился он, отходя в сторону.

Зайдя, я огляделась и заметила четверых знакомых «лакеев», рассредоточенных по углам, и кучу всяких вкусностей на небольшом столике — судя по грязным блюдам, дети продолжили лакомиться здесь, раз уж их так внезапно выдернули из-за общего стола с недоеденным десертом. Уж не знаю, что им при этом сказали, как такое переселение объяснили, но встревоженными они не выглядели.

Лишь Ронт очень внимательно посмотрел мне в район декольте, нахмурился и вопросительно поднял брови. Опустив глаза, я заметила на кружевной отделке пятнышко крови. Вот же! С шеи-то я кровь вытерла, а то, что она на одежду капнула — не заметила. Я сделала брату знак, что потом объясню, а сейчас всё в порядке, и он понатливно кивнул и отвёл глаза.

Ладно, если кто-то ещё заметит и спросит — скажу, что вареньем капнула.

— А кто такая Меллина? — удивился Эррол.

— Это настоящее имя Дины, — пояснил король. — Дина — это домашнее прозвище.

— Как Барашка? — уточнил малыш, и я едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

— Нет, как Рэй, — у короля тоже подозрительно кривились губы, но голос звучал серьёзно.

— Ааа, понятно, — кивнул Эррол. — Но можно, я тебя и дальше буду звать Диной?

— Можно, — улыбнулась я, проходя и садясь в предложенное кресло.

Король ушёл, усадив сына мне на колени, а я забралась рукой под плед и ночную рубашку так, чтобы не обнажать ребёнка, сохранив его достоинство перед девочками, и приложила ладонь к шраму на спине. Здесь я тоже буду действовать от центра к краю, то есть, от спины к ступням, и уж не знаю, сколько мне понадобится времени, но со всей этой гадостью я разделаюсь. И даже хорошо, что стану мачехой Эррола — смогу наблюдать, направлять и контролировать то, как он будет заново осваивать ноги.

Сам Эррол в это время одной рукой сжимал мячик — тренировался даже сейчас, упорный малыш, сердце за него радуется, — а в другой держал грушу, утянутую со стола с десертом прямо по воздуху. И, потихоньку занимаясь своими делами, мы оба с интересом наблюдали за игрой и болели каждый за своего брата, Эррол — громко и возбуждённо, я — молча, но не менее азартно.

Дети разделились на две команды — Рэйнард с Адайной против Ронта с Ренитой. Игра заключалась в том, чтобы провести с десяток или больше — я не подсчитывала, — своих магов по игровому полю, делая шаги после броска игральных кубиков. При этом кубиков было три, дорожек на игровом поле несколько на выбор, разной сложности и с кучей препятствий, к тому же, они еще и пересекались, сами фишки тоже были разными, объединёнными лишь цветом — золотистые у одной команды и серебристые у другой, — но представляли они разных магов, и эти маги по — разному реагировали на препятствия — кто-то легко преодолевал, кто-то обходил или застревал на пару ходов, а кто-то улетал к началу пути.

Кроме того, при определённом везении — или удачной тактике, — фишки противников можно было спихивать с тропы, отправляя на новый старт, потому игра была сложно, долгой и при этом очень захватывающей. К моему тайному удовольствию, команда Ронта опережала соперников, при том, что именно в эту игру мой мальчик прежде не играл, хотя что-то похожее у нас было, но гораздо проще, так что, принцип был ему понятен.

Мне кажется, дело было в том, что Рэйнард и Адайна — оба старшие дети, — боролись за лидерство, каждый отстаивал свою тактику, что приводило в итоге к не самым удачным ходам. Вторая же пара состояла из средних детей, которые больше привыкли договариваться, а не давить авторитетом. Ренита спокойно отдала Ронту лидерство, при этом он не отстранил девочку от принятия решений, а спрашивал её совета — в этой игре она явно не была новичком, — и часто им следовал, если видел, что предложенная ею тактика более удачна.

В общем, к тому моменту, как за мной пришёл король, я успела очистить от шрама кусочек кожи Эррола размером почти с мою ладонь, он съел две груши, а команда Ронта провела через игровое поле восемь своих магов, на три больше, чем их соперники.

— Ты нужна мне, — просто сказал он, забирая с моих коленей Эррола и передавая одному из «лакеев», который сел на моё место, чтобы дать малышу досмотреть игру, к великой его радости.

Я на всякий случай попрощалась с детьми и направилась порталом вслед за моим королём. Нас ждал допрос Мэноры.

ГЛАВА 16. ПЛАНЫ

День двадцать третий. Вторник

Комната, в которой мы оказались, была обставлена совсем просто — пара столов, несколько стульев, кресло и кушетка у стены, на которой лежала спящая Мэнора. Окон не было, но и на тюремную камеру, в моём представлении, комната не походила. Обычное подвальное помещение, простое и функциональное.

Кроме принцессы в комнате находился Олдвен, сидящий на одном из стульев с совершенно убитым видом, и всё те же «лакеи», стоящие вдоль стен, плюс еще пара мужчин с такой же выправкой, но не в ливреях, а в простой тёмной одежде среднего класса. Ну да, конечно, верим-верим.

Когда мы вошли, один из мужчин поставил кресло рядом с кушеткой, а король провёл меня к нему. То есть, это для меня? А сам он стоять будет, или простым стулом воспользуется? Впрочем, неважно. Я уселась поудобнее и взяла Мэнору за запястье.

— Как она? — Олдвен даже вперёд подался.

— Нормально. Спит. Разбудить?

— Да, пожалуйста, — кивнул король.

Спустя несколько секунд беспробудный сон сменился самым обыкновенным. Тогда я просто потрясла принцессу за плечо.

— Подъём! Подъё-ом!

— Да как ты смеешь?! — Не открывая глаз, женщина попыталась стукнуть меня по руке. Ха, когда регулярно приходится будить кучу любящей поспать ребятни, учишься уворачиваться от дёргающихся конечностей очень быстро. — Верта, пошла вон!

— Это не твоя служанка, Мэнора, так что, будь добра, открой глаза.

Последняя команда была излишней, поскольку при первых же звуках холодного голоса короля, его невестка мгновенно встрепенулась и села на кушетке, испуганно оглядываясь. А потом в ужасе схватила за грудь.

— Что?.. Что вы со мной сделали? — она переводила взгляд с одного присутствующего на другого, пока на остановила его на

короле. — Моя магия! Я её не чувствую! Где она?! Что со мной? Что?!

— Прекрати истерику, — вроде бы негромкий голос Кейденса подействовал на перешедшую практически на визг женщину как стакан холодный воды, выплеснутый в лицо. Она мгновенно замолчала и сидела, открывая и закрывая рот. — Ты помнишь, что случилось сегодня за ужином?

Она машинально кивнула, потом оглянулась на меня и замотала головой. Да, выключила я её мгновенно, не удивительно, что её воспоминания обрываются очень резко.

— Ты помнишь, что призналась в своём преступлении? — король вновь привлёк к себе внимание Мэноры.

— Да, — хрипло выдохнула она и закашлялась. Похоже, за несколько секунд крика успела горло сорвать.

Мысленно закатив глаза, я потянулась к женщине, которая испуганно отшатнулась, и, прикоснувшись к её щеке, быстро подлечила. И не потому, что пожалела, просто лучше слушать нормальные ответы, а не хрипы вперемишку с кашлем. Какая может быть жалость, если я только что держала руку на страшных шрамах Эррола?

— Ты понимаешь, что за твои действия полагается смертная казнь?

— Я принцесса, меня нельзя казнить! — вскинулась было Мэнора, но встретившись со взглядом короля, тут же сникла. — Да, понимаю.

— Если бы ты не была матерью моих племянников, то уже сейчас направлялась бы на плаху. — Услышав эти слова, принцесса вскинулась, почувствовав надежду. — Но ради своего брата и его детей я дам тебе выбор — если ты выполнишь ряд условий, казнь для тебя будет заменена на помещение в закрытую обитель.

— Что? Нет! Никогда! — Мэнора отшатнулась так, что врезалась в стену, у которой стояла кушетка.

— Твой выбор, — кивнул король и повернулся к тем двоим в штатском. — Приготовьте всё для казни.

— Нет! Не надо! — закричала преступница, осознав, что только что отказалась от, по сути, помилования. — Я согласна, согласна! Только не убивайте! Что я должна сделать?

— Первое — ты ответишь на все вопросы о своих сообщниках и о том, как именно тебе удалось всё это проверить.

— А если я всё расскажу — меня всё равно не казнят? Что бы я ни рассказала?

Кажется, мы еще много не знаем об этой женщине. Эта мысль явно пришла к нам с Кейденсом одновременно, это мы поняли, переглянувшись, словно прочли мысли друг друга.

— Ты рассказываешь всё — и тебя не казнят, — кивнул король. Ну, да, если уж ей убийство королевы с рук, можно сказать, сошло... — Кроме того, ты увидишься с детьми, попрощаешься, скажешь, что очень их любишь, но Богиня-Мать призвала тебя в свою обитель на вечное служение. И скажешь это так, чтобы дети поверили, — с нажимом уточнил он, и я вспомнила слова Мэноры о бесполезных девчонках. Любовью там и не пахло. — Их мать не должна внезапно исчезать из их жизни.

— Они не узнают?..

— Я сделаю всё, чтобы не узнали, — вздохнул король. — Непросто жить, осознавая, что твоя мать — убийца.

— То есть... никто не узнает? — Олдвен ошарашенно посмотрел на брата.

— Только мы и моя охрана, но они давали магическую клятву о неразглашении, — кивнул король. — Думаешь, мне самому хочется, чтобы вся эта грязь вышла наружу? Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы этого не произошло. Даже лорды Хэйвуд и Бэйлир знают лишь то, что Мэнора решила удалиться в обитель, отсюда и лишение магии. Причины они не знают и никогда не спросят.

А ещё будет знать Ронт. Но уж кто-кто, а мои дети умели хранить тайны. Просто нужно будет его об этом предупредить.

— Рассказывай, — приказал король.

И Мэнора рассказала.

Всё оказалось просто и банально — в этом деле ей помогала, во-первых, старая кормилица, приехавшая с нею к мужу. Это именно она нашла исполнителя среди дворцовых садовников, устраивала тайные встречи, носила записки, добывала нужные зелья — в том числе и противозачаточные, — договаривалась где нужно, и так далее, в общем, полностью поддерживала свою любимицу в стремлении стать королевой. Вторым невольным помощником стала маленькая дочь, у

которой так удачно проснулся дар менталиста, собственно, именно это определило выбор времени проведения покушения, поскольку помогало запутать следствие. Ну и третьим участником этой, по сути, банды, стал давний поклонник, а с недавних пор и любовник Мэноры, сильный артефактор, так же тайно перебравшийся вслед за ней в Лурендию.

— Любовник?! — Олдвен, слушавший рассказ жены глядя в пол, вскинул голову. Его глаза загорелись недобрым огоньком. — Кто он?

— Какая теперь разница? — дернула плечом его жена. — Его давно нет в живых.

— Насколько давно? — уточнил король.

— Не могла же я оставить в живых такого свидетеля, — со злостью выкрикнула Мэнора. — К тому же, он стал слишком настойчив, а значит, опасен. Начал требовать встреч с Наэллом.

— Зачем? — а вот этот вопрос мужчины задали одновременно.

— Мне пришлось сказать, что это его сын. Да! — с вызовом глядя на задохнувшегося от шока мужа, выкрикнула принцесса. — Как ещё я могла бы уговорить его на преступление, за которое положена смертная казнь? Сделать собственного сына королём — кто же от такого откажется?

— Так Наэлл... не мой сын? — в ужасе глядя на жену, выдохнул Олвейн.

— Не говори ерунды, — презрительно фыркнула та. — Я же не полная идиотка, чтобы рожать не от мужа, если королевская кровь легко определяется артефактом. Но этот дурачок поверил. Только всё без толку.

Далее снова шли рутинные подробности о том, как кормилица раздобыла яд и отравила артефактора, а потом, спустя пару лет, сама за ним последовала — хорошая помощница, но слишком много знала.

А с Ренитой всё оказалось ещё проще — нелюбимый ребёнок, к которому мать внезапно стала проявлять внимание, был готов исполнять всё, что она ни попросит. Сначала гувернантка, первой обнаружившая пробудившуюся магию подопечной, забыла о её способностях, потом — несколько слуг забывали что-то по мелочи, и это обставлялось как игра. В их числе был и приведённый кормилицей садовник. А под конец Мэнора поставила дочь перед зеркалом и

велела дать команду самой себе — и теперь девочка искренне верила, что не умеет стирать чью-то память.

И точно так же в это верил её отец — именно на такую «невольную ложь» указывали красные виноградины, съеденные Ронтом. А вот Мэнора лгала откровенно и сознательно, но фиолетовый виноград вывел её на чистую воду.

В суматохе, последовавшей за покушением, мало кто обратил внимание на то, что пятилетняя малышка не помнит последние несколько недель. Гувернантка списала всё на собственные провалы в памяти, которые посчитала признаками надвигающегося старческого склероза и отчаянно скрывала от окружающих, боясь лишиться места, а больше никто с Ренитой особо не общался, разве что сёстры, но у детей всё проще. Мэнора всё верно рассчитала.

Дальше было скучно. Всякие мелкие детали, имена, вновь какие-то мелочи, важные для следствия, а вот мне неинтересные абсолютно. В какой-то момент перехватив мой взгляд, король прервал допрос и уточнил уже у меня:

— Как она?

— Физически — в порядке, — пожала я плечами, вновь прикоснувшись к руке Мэноры. — Истощение организма средней тяжести, видимо, последствия ритуала, — озвучивать слова «лишение магии» я не стала. — Лечится отдыхом и едой. Моя помощь не нужна.

— Думаю, мы и правда справимся дальше сами, — король встал, открыл портал и сделал мне приглашающий жест рукой. Я думала, что мне просто предлагают перейти... куда-то, вряд ли домой, учитывая, что Ронт всё ещё здесь, наверное, в детскую. Так и оказалось, но Кейденс вышел за мной следом.

Мы снова были в детской Рэйнарда. Игра была давно закончена, Эррола здесь уже не было, Ренита дремала в кресле, остальные дети сидели за столом, лениво поедая фрукты и слушая рассказ Ронта о том, что тройняшки придумывали и изобретали в нашем саду. Оглядев открывшуюся картину, король вздохнул.

— Поздно уже, детям поспать бы, но к утру Мэнора должна быть уже в обители. Отведу к ней девочек и дам распоряжение доставить младших. Придётся будить, но, возможно, так даже лучше — они плохо запомнят, как всё происходило, только прощание с матерью. Точнее — я очень на это надеюсь.

— А как-то перенести на завтра это всё точно нельзя? — так же тихо, чтобы не слышали дети, не заметившие нашего прихода, шепнула я.

— Нет, — голос короля прозвучал твёрдо и достаточно громко, чтобы ребятишки на нас оглянулись. Он тут же снова снизил тон до едва слышного. — Она не останется здесь ни одной лишней минуты. Иначе я просто передумаю и своими руками удавлю эту тварь. Если бы не дети...

И я вдруг осознала, чего стоило Кейденсу сегодняшнее спокойствие и согласие помиловать убийцу. Наверное, если бы не племянники, её бы точно казнили. А брат... что поделать, он уже взрослый и должен понимать, что нельзя подобное оставлять безнаказанным. Особенно учитывая последующие откровения Мэноры.

Сообразительный Ронт попрощался с принцем и принцессой и подошёл к нам. Король пожал ему руку, словно взрослому и равному, и поблагодарил за помощь, не уточняя вслух — какую именно. Потом посмотрел на меня долгим взглядом — я это поняла как просьбу поговорить с мальчиком насчёт хранения в секрете всего произошедшего и кивнула, обещая. После чего взяла сына за руку, и мы вышли через открывшийся портал прямо в мой кабинет.

Это хорошо, что не в кухню, судя по доносящемуся шуму, спать никто не отправился, ждали нас. А поговорить нам было нужно до того, как мы окажемся засыпаны вопросами.

— Ронт, — я положила мальчику руки на плечи и заглянула в глаза, чтобы подчеркнуть важность своих слов. — О том, что ты узнал с помощью своего дара, никому говорить нельзя. Те, кому нужно, всё поняли и сделали выводы, а больше никто знать не должен.

— Но... раз она виновата... — растерянно пробормотал мальчик, — всё равно же все узнают!

— Нет. Она будет наказана, — поспешила успокоить Ронта, видя его недоумение, — и наказана очень серьёзно. Но её дети правды узнать не должны.

— Дети, — повторил мальчик и кивнул. — Они славные и не виноваты, что их мать... Да, они не должны ничего знать, я согласен. Это не моя тайна. От меня никто ничего не узнает. Только... они же спрашивать будут, — и он мотнул головой в сторону кухни.

— Расскажи об ужине, опиши семью короля, заострись на детях — вроде как взрослые со своими разговорами тебе были не особо интересны. Об игре не забудь.

— А о том, что ты — невеста короля? — хитро улыбнулся парнишка. — И о том, что мы вышли из тени и можем не скрываться?

— Лучше всё же пока не афишировать, кто мы такие, так проще будет, — покачала я головой. — И в школе, и вообще. Вот когда после свадьбы переедем во дворец...

Я вздохнула и обвела взглядом свой уютный кабинет. Моя жизнь снова менялась, наверное, всё же в лучшую сторону, но по своему домику, который за пару недель успел превратиться в уютное жилище, я буду скучать. И по своим пациентам — тоже. А ведь у детей тоже была своя жизнь в этом месте — друзья, одноклассники, учителя, просто знакомые торговцы. И снова всё придётся оставлять позади, идя вперёд.

Хорошо, что королевские свадьбы быстро не организуется. Нужно время на подготовку — его должно хватить, чтобы привыкнуть к новому этапу нашей жизни.

— Так говорить им? Или ты сама?

— Лучше я. Завтра. Я и сама-то ещё даже толком не знаю, как всё будет дальше. И что нас ждёт.

— Мам, мы справимся, — Ронт крепко меня обнял, чего давно не делал, считая себя уже слишком взрослым для всяких «девчачьих нежностей». Но теперь уткнулся носом мне в шею, как в детстве. И ему для этого даже пришлось слегка нагнуться — Ронт уже почти догнал меня в росте.

— Конечно, — я улыбнулась и тоже его обняла, позволив себе минутку слабости, черпая в этих объятиях силу и уверенность. — А теперь пойдём и разгоним этих полуночников по постелям, школу завтра никто не отменял.

— Уууу... — привычно скривился Ронт, мгновенно превращаясь из серьёзного подростка в маленького мальчика, которому напомнили про школу. И это при том, что учиться он обожал. Но понять при упоминании раннего подъёма в школу — дело чести и святая обязанность любого подростка.

Картина, которую мы застали на кухне, удивительно напоминала то, что происходило недавно в комнате Рэйнарда — сонные дети

сидели за столом, что-то неторопливо поклёвывая и лениво слушая рассказ одного из присланных королём охранников, кажется, что-то из времён его учёбы в академии, изредка задавая вопросы. Привыкшие рано вставать, ребятишки уже засыпали сидя, но хотели дожидаться нашего возвращения.

Пообещав завтра обстоятельный разговор, я отправила всех по комнатам, поблагодарила и проводила людей короля до двери, мимолётно подумав, а как они будут возвращаться во дворец? Впрочем, даже в это время вполне можно поймать извозчика, а может, их за поворотом карета ждёт — в любом случае, это не моя забота, они люди взрослые, разберутся сами. Заперла двери, добралась до своей каморки — из детских комнат разговоров не было слышно, либо шепчутся, либо уже спят, что больше похоже на правду, — рухнула на постель и уснула моментально, едва коснувшись головой подушки.

Проснулась от того, что меня куда-то несут, а потом кладут на что-то широкое и мягкое. Сильные руки и запах несущего узнала моментально, поэтому даже не рыпнулась, наоборот, настроилась на повторение удовольствия, которое открыла для себя совсем недавно.

Вот только у короля были явно другие планы. Уложив меня в постель, он улёгся рядом, подгрёб меня в свои объятия, словно любимую игрушку, что-то удовлетворённо пробормотал и засопел мне в макушку. Бедняга, он же и прошлую ночь не спал, да и в эту неизвестно когда лёг — не представляю, сколько сейчас времени, но явно много.

Ладно, значит, в следующий раз. Я повозилась в объятиях мужчины, устраиваясь поудобнее. Спать в одиночку — роскошь, которую я смогла себе позволить лишь в последние недели, а до этого десять лет я делила кровать с Ланой. Но прежде именно я была в постели кем-то большим и обнимающим, и новый расклад мне на удивление понравился — оказалось удивительно уютно быть маленькой и хрупкой в чьих-то надёжных объятиях. Пристроившись головой на плечо мужчины — надеюсь, я ему руку не отлежу? Ай, как отлежу — так и вылечу! — я удовлетворённо улыбнулась и снова уснула.

А второй раз проснулась от поцелуев.

Так просыпаться мне ещё не доводилось. Бывало по-всякому — и от крика петуха подхватывалась на дойку, и от стука в дверь, когда к

больному среди ночи звали, и даже от того, что ребёнок на меня напрудонил, такое тоже бывало. Но вот от поцелуев просыпаться мне еще не приходилось, и скажу, положив руку на сердце, именно такой способ проснуться — лучший из всего, что я испытала в своей не самой короткой жизни.

Сначала поцелуи были совсем лёгкими и доставались практически всем частям меня, что под одеяло не зарылись — волосам, виску, уху, щеке. Когда заворачивалась — перепало и бровям, и закрытым глазам, и носу. Но когда горячие губы добрались до моих губ — тут уже вся лёгкость из поцелуев ушла, сменившись жаркой страстью. А заодно и руки присоединились, лаская, гладя, пробуждая моё тело, заставляя кожу пылать, дыхание учащаться, пальцы цепляться за плечи и спину мужчины, играющего на моём теле, словно виртуоз на своём инструменте, вызывая вместо музыки стоны, всхлипы и мольбы — не останавливаться! Только не останавливаться!

На этот раз — никакой боли, никакой опаски, робости или стеснения. В первый раз я тоже довольно быстро забыла, что это такое, но сейчас я знала, чего ждать, и хотела лишь вновь испытать подаренное мне королём удовольствие. И он не подвёл! А в тот момент, когда снова улетала к звёздам от наивысшего наслаждения, успела почувствовать, как волна магии, словно цунами, поднялась во мне и излилась на короля, но при этом я и сама осталась переполнена ею, и от этого все мои чувства лишь многократно усилились.

Когда, чуть позже, лежала, распластавшись на груди своего короля — потому что, в небеса улетела, сидя на нём верхом, а потом, как сидела, так на него и рухнула, — вспомнила это удивительное ощущение и его рассказ. Так вот как это происходит, оказывается! На этот раз я всё почувствовала, прочувствовала и порадовалась такому подарку от магии и Богини-Матери. Надо же придумать подобное! К одному великому удовольствию — ещё и это.

Немного отдышавшись, завожилась и стала сползать со своего живого матрасика. Он в ответ недовольно заворчал и попытался меня удержать, кажется, кому-то понравилось быть для меня постельной принадлежностью.

— Я просто твою спину хочу увидеть, — пояснила свои телодвижения. Если бы не любопытство, даже пальцем не стала бы

шевелить, так мне было хорошо и уютно. Ничего, посмотрю — и обратно заберусь.

Спину мне тут же показали. Кажется, Кейденсу и самому было любопытно. И не зря — шрамы и правда сгладились еще сильнее. Такими темпами я его за неделю вылечу без следа. Точнее, след останется на лице и немного на шее — незагорелая кожа, — но это и всё.

Как только осмотр — а точнее, ощупывание, потому что в свете луны, единственного источника освещения, что-то разглядеть было сложно, — был закончен, а результаты доложены заинтересованному лицу, это самое лицо тут же загребло меня в охапку и прижало к себе.

— Прости, — король потёрся щекой о мою макушку. — Я хотел дать тебе этой ночью выспаться, но не удержался.

— Вообще-то, — хихикнула я ему в грудь, — это я дала тебе выспаться. Сама-то я прошлой ночью спала.

— Я вдруг понял, что несмотря на безумную усталость, не могу уснуть, когда ты где-то там, а не в моих объятиях. Потому и похитил тебя.

— Можешь похищать меня хоть каждую ночь, я не против. Просто возвращай назад до того, как дети проснутся.

— Вот об этом я и хотел бы с тобой поговорить, — король слегка изменил положение тела, чтобы смотреть мне в глаза. Что он там мог разглядеть — не знаю, но, пожалуй, для разговора и правда лучше находиться лицом к лицу. Наверное. — Думаю, тебе с детьми нужно перебраться во дворец.

— Когда?

— Да хоть сегодня. Комнат в этом крыле предостаточно, дворец строился с размахом, в расчёте на большую семью и множество гостей родственников. У каждого будет своя комната, даже у студентов.

— И в качестве кого мы сюда переберёмся? — нахмурилась я.

— В качестве моей невесты и её родственников. А также в качестве членов семьи свергнутого короля Марендонии.

Я помолчала, обдумывая его слова. Нет, я понимала, что во дворец мы в итоге переселимся, но вот прямо сегодня? Я не была готова к таким резким переменам.

— Ты сам сказал, что это семейное крыло. Как твоя жена, я, разумеется, буду жить здесь. Мои родственники после свадьбы станут твоими родственниками и тоже получают право на это крыло. Но не сейчас. Сейчас мы тебе никто.

— Какая разница? Парой месяцев раньше или позже. Всё равно же перебираться сюда. Дети смогут жить в условиях, которые соответствуют их происхождению.

— Происхождению? После отречения Марторивелина мы больше не имеем прав на престол. Ни один из нас.

— А если бы имели? Кто из детей стал бы королём Марендонии, будь это место свободно?

— Ронт, — призналась я.

— Значит, сейчас он в любом случае герцог Аравиулентский. Твой прадед от своего титула в пользу узурпатора не отрекался, да и не существует подобной процедуры. У остальных мальчиков, я полагаю, титулы тоже имеются?

— Только у Бейла — от деда по материнской линии, там сыновей не было, граф подал прошение королю, титул перешёл ему. Точнее — его старшему брату, — я тяжело сглотнула, вспомнив племянника, годом меня младше, с которым часто играла в детстве. — Он... погиб вместе с остальными, и графом Тресийским стал Бейл. У остальных лишь титулы учтивости.

— В любом случае — им не место в маленьком домике целительницы и в бесплатной школе, где дадут разве что азы. Уверен, они уже сейчас обгоняют своих сверстников, а в чём-то и учителей.

— Тут ты прав, — вздохнула я, понимая, что бесплатная школа мало что даёт моим детям в плане магии. — С девочками проще, а вот с мальчиками беда — для Бейла просто нет преподавателя, а Ронт скрывает свои настоящие способности, ты знаешь, почему. Но там же есть ещё и общеобразовательные предметы, и какая-никакая, но библиотека. К тому же, дети нашли там друзей, учатся жить в коллективе, это очень поможет им в будущем. Поэтому назвать школу бесполезной я не могу. У старших и этого не было, поэтому в академии им было сложно. Особенно Веле, Рин всё же парень, а тройняшки... — я не удержалась от улыбки, — эти везде пробьются.

— А здесь у твоих ребятишек будут лучшие педагоги по магии. А общеобразовательными предметами они смогут вместе с Рэйнардом

заниматься. Ему это точно понравится, одному и правда скучно на уроках, а ровесников во дворце для него просто нет. Во времена моего детства со мной вместе занимались два мальчика, чьи отцы были в личной охране моего отца. Ты с ними знакома, это Миллард и Арбен. Здесь мне повезло, а моему сыну — нет. Как-то так получилось, что среди моей охраны либо холостяки, либо те, чьи дети даже младше Эррола.

— Тебе и правда повезло — у тебя были друзья не только для совместной учёбы, но и для игр, да? А Рэйнарду и поиграть, наверное, не с кем. А почему он отдалился от Эррола? Неужели из-за его травмы?

Ласковое прозвище Барашка, да и само поведение Рэйнарда показало, что братишку он любил. Тогда тем более было непонятно.

— Я сознательно держал мальчиков вдали друг от друга. Ради их безопасности. И сам посещал их едва ли не тайно. Хотя до недавнего времени я даже не предполагал, что покушение было на всю мою семью, а не только на меня, но случайные жертвы исключить было нельзя. Теперь, когда организатор покушения обезврежен, а исполнители мертвы, мои сыновья смогут вновь свободно общаться.

— Но вдруг кто-то еще захочет... — содрогнулась я. Ведь под удар могут попасть и мои дети.

— Это невозможно. Все эти годы моя служба безопасности не сидела, сложа руки. Работа была проделана огромная, и хотя никому в голову не пришло искать внутри семьи, любая, даже самая мелкая потенциальная опасность была ликвидирована. Несколько мелких оппозиций, пара тайных организаций, даже просто недовольные властью — все отслежены, обезврежены или же взяты под контроль. Сейчас наше королевство безопаснее, чем когда бы то ни было в своей истории. Поэтому можешь забыть о своих страхах — твоим детям ничего не угрожает.

— Я понимаю, я всё понимаю! Но... Это сложно. Вот так, сразу, без подготовки, изменить всю свою жизнь, пусть даже и к лучшему. Мы с детьми это один раз уже пережили, и это сложно еще и морально. Когда всё, к чему ты привык, исчезает в один момент. Поэтому к переезду в столицу мы готовились долго, заранее всё обговорили, обсудили, ждали и предвкушали, свыкались с мыслью, что наша прежняя жизнь снова останется позади. А сейчас... слишком

всё быстро! И как же моя практика? Мои пациенты? Вот так сразу взять и исчезнуть?

— Хорошо, что ты предлагаешь? Я готов выслушать и обсудить любые предложенные тобой варианты. Мне не впервой, — усмехнулся король.

— Мне нужно время, — как минимум до субботы. Я должна всё объяснить старшим, мы должны всё обсудить, принять решение. Младшие тоже не младенцы, чтобы взять их в охапку и просто перенести на новое место. Я могу уже сейчас сократить время приёма, дети могут начать занятия здесь, вместе с Рэйнардом, правда, я не представляю, как это организовать.

— Я — не единственный порталщик во дворце, — усмехнулся король.

— Допустим. Но детям всё равно понадобится время чтобы проститься со своими друзьями, закончить какие-то свои дела. У нас животные и сад — с этим тоже нужно что-то решать. Да у нас элементарно нет подходящей одежды, чтобы жить во дворце и не быть перепутанными с прислугой. Мои дети привыкли к относительной свободе и мало знакомы с этикетом и всем остальным, что дети аристократов обычно знают с пелёнок — не было необходимости их этому учить. И это то, что вот прямо сейчас в голову пришло, уверена, если задуматься, проблем окажется ещё больше.

— Значит, будем решать их по мере возникновения. Ты права, нельзя вот так сорвать вас с детьми с насиженного места и одним днём переселить во дворец. Давай начнём постепенно, то, что уже обдумали — ты сокращаешь время приёма пациентов, обсуждаешь всё с младшими, а в это время вам всем готовят новый гардероб. Это планы на сегодня.

— Согласна. Начнём постепенно, — кивнула я, понимая, что начинать всё равно с чего-то придётся.

— И я хотел бы ещё кое-что внести в ближайшие планы, — в голосе короля явно послышалась улыбка, а рука, до этого просто уютно меня обнимающая, заскользила вниз, туда, где спина уже называлась иначе. — Как насчёт того, чтобы еще разок меня полечить? Новым, усиленным способом?

Ну, я же целительница! Как я могла отказать пациенту?

ГЛАВА 17. ЗНАКОМСТВО

День двадцать четвёртый. Среда

С детьми я решила поговорить в обед — утром обычно суета перед школой, все завтракают едва ли не на бегу, порой с книжками — доучивают то, что вроде бы должны были сделать ещё вчера, ищут потерянные вещи и учебники, которые лежат на самом видном месте, в общем, привычный балаган, тут не до серьёзных разговоров. А вот в обед мы усаживались основательно — у меня был законный перерыв, и как правило, на него никто не покушался, или мне просто везло.

И вот тогда мы обменивались новостями, дети рассказывали, что нового у них случилось в школе, мы строили планы, распределяли поручения, в общем, общались. И сегодняшний обед я посветила рассказу о том, как теперь изменится наша жизнь.

Поначалу дети растерялись. Они не знали, как реагировать. С одной стороны — мы выйдем из «подполья», у нас будет роскошный дом и хорошие учителя, много красивой одежды и лакомств, а вот домашних обязанностей по уборке, готовке и уходу за домашними животными и садом вроде как больше не будет — во дворце же для этого есть слуги.

С другой — дети просто боялись. Они были слишком малы, чтобы помнить нашу прежнюю жизнь, о дворцах и королях знали лишь из сказок, я сознательно старалась избегать этой темы, чтобы дети не понимали, чего лишились. Было и было, я считала, что мы всю оставшуюся жизнь проведём как простые горожане, потому лучше и не знать, что там раньше было. Нет, дети знали, кто они, но для них прежняя жизнь была где-то на одном уровне с волшебными сказками.

К тому же, мы не просто возвращали свои прежние имена — которые младшим вообще придётся с бумажки зазубривать, — и переезжали во дворец, это происходило потому, что я выходила замуж. И дети просто-напросто опасались меня потерять, ведь по их мнению, время, которое я буду отдавать мужу и другим детям — в их понимании брак означал рождение новых детей, без вариантов, и в чём-то они были правы, — я буду отбирать у них.

Конечно, когда в семье много детей, редко удаётся уделять достаточно внимания каждому, особенно когда на первом месте просто выживание. Но младшим моего внимания всегда доставалось больше просто в силу того, что они требовали больше заботы. И нет ничего удивительного, что они меня уже заранее ревновали.

Я утешала ребятишек, как могла, расписывала все плюсы переезда во дворец — в которые сама до конца не верила, — обещала, что постараюсь, как и прежде уделять им достаточно внимания, ведь теперь мне не придётся целыми днями пропадать со своими пациентами, чтобы заработать нам на жизнь. Я планировала постепенно сокращать время приёма, пока не сведу его на нет. И напоминала, что нового ребёнка я рожу не завтра.

В итоге мы решили, что следующую неделю будем жить как прежде, постепенно привыкая к мысли о тех изменениях, которые скоро произойдут. Дети разошлись по своим комнатам задумчивыми, что-то между собой обсуждая и уже строя планы, что возьмут с собой, а что нет.

Эти новости настолько поразили младших ребятишек, что никто даже не стал расспрашивать Ронта о том, что происходило во время вчерашнего ужина во дворце, впрочем, вполне возможно, его уже успели расспросить по дороге в школу.

В общем, было о чём подумать и детям и мне.

Ещё утром, выбрав минутку, я послала уличного мальчишку, снабдив монеткой за услуги, к мастеру, который делал мне вывеску, попросив сделать, новую сократив время приёма. Поскольку я всё равно собиралась продолжать работать до свадьбы, то есть, до окончательного переезда во дворец, то оставила для посетителей утренние часы, здраво рассудив, что время после обеда мне понадобится для общения с женихом, налаживания отношений с его детьми, а также для подготовки к переезду. Пока же я вывесила рукописное объявление о грядущих изменениях, которые должны были начаться со следующего понедельника.

А вечером нас ждал сюрприз. Пока мальчики возились во дворе — поливали сад и кормили кур и кроликов, — девочки приготовили немудреный ужин — жареную картошку и салат из свежих овощей. Я закончила приём пациентов, и мы уже собрались сесть за стол, как открылась задняя дверь, и через неё начали заходить люди в ливреях,

несущие на подносах источающие вкуснейшие ароматы блюда. Пока мы хлопали глазами, застыв там, где нас застало это странное нашествие, пришельцы исчезли за той же дверью, предварительно расставив все это изобилие на нашем столе и поклонившись, но не произнеся ни звука.

А вместо них в кухню вошел король, неся на руках младшего сына, следом за ним зашёл и старший, с любопытством оглядываясь через плечо на наш сад, кажется, он произвёл на Рэйнарда большое впечатление.

— Я считаю, что нам всем пора познакомиться, — сказал король. — Вы ведь уже знаете, что мы с вашей мамой скоро поженимся? — это уже моим детям.

— Знаем, ваше величество, — кивнул Ронт, в то время как трое младших во все глаза рассматривали короля и его сыновей. Я была более чем уверена, что Кейденса и Эррола они уже видели, подсматривая со второго этажа, но не так близко. Принцы смотрели с неменьшим любопытством.

— А няня сказала, что теперь ты будешь моей мамой. Ну, новый мамой, — обратился ко мне Эррол. — А твои дети — моими братьями и сёстрами, и мы сможем все вместе играть! Вы же будете со мной играть? Я не малыш, я многое умею. Мы с Рэем сегодня играли, и я даже почти выиграл один раз!

— Поиграем обязательно, — Ронт чуть снисходительно улыбнулся малышу и потрепал его по волосам. — А когда мама тебя вылечит, еще и в прятки с нами возьмём играть, и в салки, и в вышибалы.

— Ой, а я такой игры не знаю, — расстроился малыш.

— Ничего, научу, — подмигнул ему Ронт.

В это время Рэйнард спрашивал, сколько кому из младших лет и с удовольствием выяснил, что старше двойняшек на два месяца. Я уж не стала ему говорить, что их возраст считается по Бейлу, а Ава старше него на три месяца, поскольку на самом деле они вообще не двойняшки. Эти знания явно не для первого дня знакомства, может, потом, когда-нибудь. Не сейчас.

За столом, пока мы обедали, болтали в основном дети, они как-то умудрялись находить темы для разговора, в основном при помощи Эррола, которому всё было интересно, и довольный тем, что попал в

детскую компанию, он хотел знать обо всём — как мы раньше жили, какая у кого магия, что и кто уже умеет, где учатся, а что такое «бесплатная школа», и что, правда в классе много-много детей вместе учатся, вот же повезло!

Рэйнард больше помалкивал, но с интересом слушал и порой что-то уточнял, было видно, что и ему интересно. Принцы явно были не избалованы общением с другими детьми, по сути, они жили в изоляции, во всяком случае, последние годы после покушения, и сейчас старались добрать неполученное прежде общение. Мои же ребяташки с удовольствием отвечали на вопросы, не забывая задавать в ответ свои — всё же, вскоре им тоже предстояло поселиться во дворце и было интересно, что там и как.

Мы с королём в разговор не вмешивались, лишь порой переглядывались и улыбались над каким-нибудь забавным моментом. Мне было очень уютно в такой компании, собственно, с королём и Эрролом у меня давно наладились лёгкие, дружеские отношения, а Рэйнард был настолько рад компании ровесников, что и меня был готов благосклонно принять, как придаток к ним.

Судя по обмолвкам старшего принца, обычно компанию ему составляли кормилица, гувернёр и учитель магии, отца он видел довольно редко, брата — еще реже. И теперь был рад будущим переменам в своей жизни. Так что, думаю, с этой стороны проблем ждать не стоит.

После ужина мы все вышли в сад, где уже топтались Миллард и Арбен — телохранители и друзья детства короля. С тех пор, как он рассказал о их детской дружбе, меня уже не удивляли отношения, несколько более вольные, чем обычно бывают у охранников и их нанимателя. Кейденсу и правда повезло — как в детстве, так и теперь.

Пока мои дети показывали Рэйнарду кур с цыплятами и давали поддержать кролика, я лечила Эррола и беседовала с королём. Малыша я, как и вчера, посадила на колени — так было удобней забраться рукой под плед, а потом под рубашку, — и он тут же прижался ко мне, как котёнок.

— Завтра в газетах появится объявление о моей скорой свадьбе с правнучкой герцога Аравиуленского из Марендонии. Не волнуйся, то, что это ты, будут знать единицы, остальные вряд ли свяжут это имя с целительницей Диной Троп. Никаких портретов или устных описаний

не будет, для большинства жителей королевства ты останешься лишь именем, как и я, как мои дети и брат с семьёй.

— Но о том, кто такой Вилмер, известно всей академии, — напомнила я.

— Мы не прячемся. Те, кто с нами контактирует во дворце, академии, мэрии и прочих местах, где мы появляемся официально, знает нас в лицо. Но публичными личностями мы не являемся. Возможность выходить в люди инкогнито — это очень удобно. И безопасно. Кстати, свадьба будет через два месяца, в воскресенье. Не возражаешь?

— Нет, — пожала я плечами. Два месяца — это нормально, есть время привыкнуть к происходящим в моей жизни переменам, а то мне время от времени приходится щипать себя, чтобы убедиться, что это всё не сон. — Воскресенье — это хорошо, у старших увольнительная будет. Надеюсь, они не умудрятся за это время заработать наказание в виде его лишения. Тройняшки могут, — в моём голосе невольно проскользнула гордость.

Вот понимала я, что неправильно это — решать конфликты кулаками, но ничего не могла с собой поделать.

— Если что, я своей властью перенесу их наказание на другой выходной, — усмехнулся король.

— Перенесёшь? Не отменишь? — уточнила я, тоже не удержавшись от улыбки.

— Боюсь, на это даже моей власти не хватит, — покачал головой Кейденс с наигранно грустным выражением лица, но в глазах плясали смешинки. Как же он мне нравился вот таким, весёлым и беззаботным.

— Папа, ты же король! Я думал, что всё в твоей власти, — Эррол смотрел на отца удивлёнными глазёнками.

— Скажу тебе по секрету, сынок, — мужчина наклонился к сыну так, что наши с ним головы почти соприкоснулись. — Если кто-то заслужил наказание в академии, то даже король не может его отменить. Конечно, если это справедливое наказание. Поэтому, я очень надеюсь, что когда ты будешь учиться там, то наказания получать не будешь. Ну, или же примешь их с честью, как и положено сыну короля.

— Я приму с честью! — малыш гордо выпрямился, а потом снова приник к моей груди.

— Лучше уж совсем не получать наказания, — я улыбнулась Эрролу и потрепала его свободной рукой по кудряшкам. И правда Барашка, Рэйнард дал братишке очень точное прозвище.

Тут к нам подбежала Лана и протянула Эрролу цыплёнка. Тот с радостью взял в руки невиданное прежде существо, а Лана стала рассказывать ему, сколько цыплёнку дней, и что из него вырастет курочка, такая же, как те, что бродят по саду, и что когда цыплятки вылупляются, они целиком пушистые, а сейчас у него уже на крыльях крошечные пёрышки.

Болтая с малышом, девочка иногда бросала на короля робкие взгляды, словно следя за его реакцией, но какого-то особого благоговения перед королевской особой в её взгляде не было. Думаю, так же она смотрела бы и на торговца тканями, которого я представила бы своим женихом.

И хорошо. Я специально объяснила детям, что хотя и выхожу замуж за короля, но это не значит, что ему нужно кланяться и оказывать прочие почести, во всяком случае, в семейной обстановке. Я уже видела его с детьми и племянниками, знала, что обращение «ваше величество» от тех, кто допущен в «ближний круг» Кейденсу не нравится, он предпочитает хотя бы в кругу семьи побыть не королём, а простым человеком.

К тому же, мы и сами были из королевской семьи, пусть и не самыми близкими родственниками, но я еще помнила, что мои родители на семейных собраниях разговаривали с королём Марторивелином на равных, да и со мной он общался как добрый дядюшка. И я решила, что примерно так же стоит вести себя с моим женихом.

И судя по реакции Кейденса, я не ошиблась. Ему явно было приятно, что дети вели себя при нём достаточно раскованно — свободно общались и болтали между собой, не замирая в ступоре от одного присутствия за столом самого правителя Лурендии, не теряли дар речи, если он к кому-то из них обращался. Да, они были вежливы, разумеется, обращались к королю на «вы» и первыми с ним не заговаривали, но трепета, преклонения и тем более страха в них не было.

И меня это радовало. Семья — это семья, место, где ты чувствуешь себя в безопасности, а не боишься кого-то. Хорошо, что в

этом наши с королём представления совпадают.

Кейденс подтвердил то, о чём я уже догадалась, когда позже, ночью, унёс меня в свою спальню. В этот раз мы уже не были такими уставшими, поэтому у нас нашлись силы немного поболтать, а не засыпать сразу после того, как я выполнила обязанности фаворитки, как я это в шутку называла. Конечно же, настоящей фавориткой я больше не была, раз стала невестой, просто нам обоим нравилось заниматься любовью, а невесте это до свадьбы делать как бы не полагается, вот я и решила считаться днём невестой, а ночью фавориткой.

Мы обсудили сегодняшнее знакомство короля с моими детьми и детей между собой и пришли к общему мнению — пока всё идёт замечательно. Возможно, позже, когда схлынет новизна впечатлений, между детьми начнутся конфликты, а также проснётся ревность. Но пока всё было вполне мило и радужно, и мы решили не заглядывать далеко и решать проблемы по мере их возникновения. Если они вообще возникнут.

— Как Олдвен и дети? — спросила я о том, что меня давно волновало. — Как они пережили расставание с Мэнорой?

— Девочки расстроены, но Мэнора редко уделяла им внимание, поэтому они быстро привыкнули к отсутствию матери в их жизни, она и прежде их общением особо не баловала. Малыш Наэлл мало что понял, ему, конечно, доставалось больше любви Мэноры, но большую часть времени он всё равно проводил с няней. А Олдвен... Олдвен пьёт. Он на самом деле её любил.

— Бедняга, — вздохнула я. Брат короля показался мне достаточно слабовольным человеком, не удивительно, что случившееся его подкосило. — Но для него хотя бы будет утешением, что она осталась жива. — Тут мой разум зацепился за некую неправильность. — А почему ты сказал «любил»?

— Потому что больше он её не любит. Во всяком случае, так он утверждает. Олдвен был готов простить жене даже убийство, но не измену. Сейчас он зол на неё, очень зол. Но пусть лучше злость, чем тоска.

— Наверное, — кивнула я. — Если совсем упьётся, зови меня, подлечу. Опыт есть.

— Всенепременно, — рассмеялся король и, притиснув меня крепче, чмокнул в макушку. — Но за ним присматривают. Олдвен пить совершенно не умеет и выключается с дозы, которая вряд ли способна ему сильно навредить. А похмелье снимать я ему запретил.

— Жестоко, — хмыкнула я.

— Когда-то же нужно прийти к пониманию, что за всё в этой жизни приходится платить. И если облегчать ему похмелье — Олдвен сопьётся. В юности, да и сейчас, он предпочитал лабораторию компании сверстников, потому не прошел стадию буйных студенческих попоек. Поздновато, конечно, но любой опыт — это всё равно опыт.

— А ты? Прошёл эту стадию?

— Разумеется, — Кейденс посмотрел на меня с наигранной обидой. — Как ты могла во мне усомниться?

— Ой, простите-простите, ваше величество! — я как могла, изобразила реверанс. Именно изобразила, поскольку сделать его лёжа в постели, когда тебя держат в объятиях, слегка затруднительно. — Как я могла усомниться в вас? Горе мне горе!

— На самом деле — не так уж всё было и страшно, — отсмеявшись над моими шуточными причитаниями, король посерьёзnel. — Ещё на первом курсе мы разок напились с Миллардом и Арбеном так, что там же, в кабаке и уснули. Утром я думал, что умру, а отец тоже запретил целителям нам помогать. Мне хватило.

— Если Сев и Нев вздумают сотворить что-то подобное, я им уши оборву! И обратно приращивать не стану!

— Ты и это умеешь? — на меня посмотрели совершенно обалдевшими глазами.

— Наверное, — я дёрнула плечом, всё ещё пытаясь как ёжик при мысли, что мои мальчишки... и не важно, что оба меня уже на голову переросли, но им всего-то шестнадцать... напьются до отключки! — Уши не доводилось, а вот палец, топором отрубленный, и кончик носа, собакой откушенный — приращивала, было дело.

— Я когда-нибудь перестану удивляться? Наверное, никогда, — философски вздохнул Кейденс. — А насчёт мальчиков даже не сомневайся, когда-нибудь обязательно «сотворят что-то подобное», — «успокоил» он меня. — Но, насколько я понимаю, все увольнительные

они проводят дома, а в самой академии попойки запрещены. Так что, пока выдохни. И насчёт старшего, я так понимаю, ты не переживаешь?

— Рину девятнадцать, поздновато ему нос вытирать. А тройняшек я только-только от себя отпустила, не привыкла ещё, — призналась, прижимаясь щекой к груди короля. — Вроде бы только недавно малышами были...

— Ты была им чудесной матерью, — меня снова чмокнули в макушку. — Детям с тобой повезло.

Не факт, ой, не факт, если вспомнить наши первые годы и меня-неумёху. Но возражать не стала, приняла похвалу с улыбкой. Я ведь старалась, а это тоже считается.

Четверг и пятница прошли примерно так же — дни практически ничем не отличались от тех, что были на прошлой и позапрошлой неделе, а вечерами появлялся король с сыновьями и роскошным ужином, после которого я лечила Эррола, а дети играли. В четверг Рэйнард принёс свою игру, и они играли, старшие против младших, и на этот раз команда Рэйнарда и двойняшек выиграла. А вот в пятницу Ронт принёс фигурки от нашей, более простой игры, их как-то пометили, повязав цветные нитки, каким-то образом распределили на пять игроков, и теперь каждый играл за себя.

Вот это была битва! Когда на поле вместо двух команд играют целых пять — это и правда весело. Громко, шумно, азартно — и очень-очень весело. Дети радостно кричали при удачном ходе или наигранно стонали, хватаясь за голову, причитая и обещая страшную месть, потеряв очередную фигуру, сбитую с тропы. А мы с королём и Эрролом болели за них, при этом Эррол сказал, что раз папа болеет за Рэйнарда, то он будет болеть за Лану, которая снова принесла ему цыплёнка.

Выиграла Ава, чего вообще никто не ожидал, а вот Бейл оказался самым последним и потребовал реванша. Договорились, что в следующий раз снова сыграют, а король пообещал дать задание ювелиру сделать ещё четыре набора фигурок других цветов — ведь когда-нибудь и Эррол сможет присоединиться к игре.

Когда в субботу появились мои студенты, приём ещё не закончился, и, по утренней договорённости, младшие о кардинальных изменениях в нашей жизни помалкивали. Но помалкивали, видимо, слишком загадочно, потому что, закончив приём, я застала в кухне

настоящий допрос — старшие пытались выяснить, что же такого интересного хотят скрыть от них младшие, особенно учитывая, что ужин вообще никто готовить не начинал, и их отговаривали. Младшие уже не пытались делать вид, что ничего не случилось, но стойко прятались за фразой: «Мама сама всё расскажет».

И мама рассказала. Поскольку до ужина еще было порядочно времени, мы расселись за столом с чаем, печеньем и фруктами, просто чтобы чем-то руки занять. О том, кем является мой пациент, все уже знали, так что я рассказала, что король вычислил, кто мы такие — мою девственность, зародившую в нем сомнения, я, конечно, умолчала, списала всё на портрет, о существовании которого и сама не знала. А он, пусть не сразу, но вспомнил.

И в итоге наше разоблачение привело к тому, что король решил на мне жениться. Да, вот так взял и решил, сделал предложение, а я согласилась, мне он нравится, так что, скоро мы с младшими переселимся во дворец, старшие тоже в увольнительную будут туда приезжать, и мы снова вернём свои настоящие имена. Как-то так.

Какое-то время за столом стояла тишина, даже младшие помалкивали, давая старшим прийти в себя от кучи невероятных новостей, которые я вывалила им на голову. Первыми пришли в себя девочки. Забавно, что и романтическая Вела, и практичная, далёкая от сантиментов Льюла отреагировали абсолютно одинаково — глядя на меня восторженными глазами, они выдохнули практически хором:

— Это любовь!

Разубеждать их не стала, пусть верят в то, что король влюбился в свою целительницу уже давно, и как только появилась возможность, тут же решил вести меня под венец. То, что это будет брак по расчёту, как в большинстве королевских семей, и что я просто подхожу королю по всем параметрам, включая возраст — пусть останется нашей с Кейденсом тайной.

Собственно, я и сама не против, Кейденс мне и правда очень понравился, особенно когда перестал быть таким мрачным, как в начале нашего знакомства. А когда немного оттаял, оказался замечательным человеком — чутким, справедливым, ответственным, заботливым, внимательным, с отличным чувством юмора. А уж что за чудо он творит с моим телом в постели... За одно только это стоило бы выйти

за него замуж, но, к счастью, к постели прилагалось ещё множество других бонусов. А любовь? Без неё тоже неплохо.

Сев и Нев, обдумав новости, кинули и выдали:

— Круто!

Ох уж этот студенческий жаргон, нахватались уже. Но то, что это было одобрение, я уже поняла, у меня ещё двое студентов, постарше, и некоторые словечки знаю даже я.

Рин молчал дольше всех, давая высказаться остальным. Потом пристально всмотрелся мне в глаза.

— Ты действительно этого хочешь? Тебя не заставляли?

— Хочу, — честно ответила братишке. — Король... он хороший. И сынишки у него тоже чудесные. Мне они все нравятся.

— Тогда я рад, — улыбнулся Рин. — Ты слишком долго тянула нас всех одна, хорошо, что теперь появится кто-то, кто сможет разделить с тобой эту ношу. И похоже, он и правда тебе нравится.

— Нравится, — улыбнулась я. — Очень сильно. Когда вы познакомитесь поближе, ты сам это увидишь.

— Слушайте, а это же значит, что нам не надо будет в увольнительную на извозчике ехать, — воскликнул Сев.

— Точно! — Нев хлопнул себя по лбу. — Для Вилмера же открывают портал из дворца, мы сможем вместе с ним переходить, правда?

— Наверное, — кивнула в ответ. Об этом я как-то не задумывалась, но если портал открыт, какая разница, сколько человек через него пройдёт? Это для межконтинентального имеет большое значение, но там вообще всё по-другому. — Кстати, а почему не лорд Вилмер?

— А он сам так сказал, чтобы без лорда, — махнула рукой Льюла. — Он же теперь за Велой ухаживает, представляешь?

— Серьёзно? — а вот это была новость, которая меня не сказать, чтобы порадовала. Да, Вела для принца — вполне подходящая невеста, но он-то этого не знает. А значит, честных намерений точно не имеет. — И давно?

— Да как извинился тогда, так и ходит, — вновь ответила Льюла, хотя вопрос я задала Веле. — Конфеты таскает. Ну, в первый-то раз с букетом припёрся, да только я ему намекнула, что таких веников

выращу десяток за минуту. Приврала, конечно, но зачем нам цветы-то? Они не съедобные.

— Они красивые, — тихо возразила Вела.

— Будут тебе красивые букеты, сколько хочешь. А конфеты всё равно лучше, они на ветках не растут.

— Так кому же из вас он конфеты-то носит? — уточнила я.

— У нас всё общее, мы же сёстры, — пожала плечами Льюла.

— И братья, — подхватил Сев.

— А конфеты и правда вкусные, — облизнулся Нев и потянулся за очередной печенюшкой.

— Дина, ты не волнуйся, там пока всё прилично и невинно, — попытался успокоить меня Рин. — Ну, носит конфеты, ну, гуляют по территории академии, даже за ручку не держатся — так не одни же. В комнате Льюла рядом, на улице кто-нибудь из нас. Мы сестрёнку в обиду не дадим и игрушкой принца сделать не позволим.

И всё равно мне это не понравилось. Да, братья за Велой присматривают, но поможет ли это? Лордам не отказывают, королям и принцам — тем более. Правда, это касается простолюдинок, с леди всё иначе, но... Нужно будет поговорить с Кейденсом об этом странном ухаживании, пусть выяснит намерения брата.

— А еще его величество сказал, что у нас во дворце у каждого будет своя спальня, — влез в разговор Бейл, которому наскучило обсуждение ухаживаний и конфет, которые доставались всем, кроме него.

Остальные подхватили тему, которая была интересна всем. Но не успели толком высказаться, кто и что забрал бы из этого дома в свои новые комнаты во дворце, как из открытого портала в кухню вышел король со своими телохранителями. Раньше времени, без сыновей и с хмурым выражением лица.

— Что случилось? — я вскочила и замерла, не зная, подбежать ли к жениху или не стоит.

— У меня новости, — Король сам шагнул ко мне и взял за руку, словно хотел поддержать. — Пришла дипломатическая почта из Фразирии. Это королевство, соседнее с Кравенией, — пояснил он для детей, хотя с географией у них было всё в порядке. — Около месяца назад в Кравении произошёл бунт, попытка свержения короля. Бунт подавлен, зачинщики казнены — ими оказались выходцы из

Марендонии. Подробности пока неизвестны, но семейное крыло дворца сильно пострадало от взрыва. Тропорлайвистав и его наследник погибли.

ГЛАВА 18. В ГОСТЯХ

День двадцать седьмой. Суббота

От неожиданного известия у меня потемнело в глазах, и я тяжело рухнула обратно на стул.

— Погибли... — пробормотала я. — Тропорлайвистав погиб... Его больше нет... Мы в безопасности...

А потом разрыдалась.

Десять лет надо мной висел этот страх, давил на меня, мешал дышать полной грудью — Тропорлайвистав нас найдёт. И этот страх не ушёл до конца даже после слов короля, что под его защитой узурпатору и его убийцам до нас с детьми не добраться. Я ему поверил, но одно дело — осознавать разумом, что опасности нет, и совсем другое — подсознательные страхи, от которых так просто не избавишься.

А теперь источник этих страхов исчез. Я даже не осознавала, насколько тяжёл был этот камень, что я носила в груди все эти годы, пока он внезапно не исчез. И сейчас я плакала от облегчения, слезами из меня выходило всё, что мучило меня все эти десять лет.

Мы в безопасности. Больше нет того, кто представлял для нас смертельную угрозу. Его больше не существует на этом свете. Погиб. Исчез. Испарился!

И я сладко рыдала в грудь короля, вцепившись в его рубашку, а в голове вертелось только одно — свобода. Мы в безопасности. Больше не надо бояться. Никогда!

— Сдох, значит, — услышала я жёсткий голос Рина, когда слегка успокоилась и лишь всхлипывала, чувствуя, как рука короля гладит меня по волосам и спине успокаивающим жестом, и осознавая, что сижу я у него на коленях, в его объятиях. — Туда ему и дорога, тварине!

— А кто такой, этот... Топор... как там дальше? — слышался голос Авы.

— А это тот, кто приказал убить всех наших родных, — процедил Рин сквозь зубы. — Всех, даже стариков и младенцев, и это после того, как наш король отрёкся от трона в его пользу. Он всё равно приказал

убить всех. И нас тоже. Если бы не дедушкин портал — мы все были бы мертвы.

— Надеюсь, он помучился перед смертью, — уронила Льюла.

— Если погиб в завале во время взрыва, мог долго умирать, — мечтательно произнёс Сев.

— При взрыве часто пожар бывает. Надеюсь, он сгорел заживо, — кровожадно добавил Нев.

— Тогда почему мама плачет? — удивился Бейл. — Радоваться же надо!

— Это я... от облегчения, — всё же оторвавшись от мокрой рубашки короля, я обернулась к детям, некрасиво шмыгая носом и чувствуя, как король молча вытирает слёзы с моего лица. — Я десять лет боялась, что он нас найдёт. Как бы мы ни прятались — всё равно найдёт. А теперь бояться больше не надо.

— Всё равно не понимаю, — буркнул Бейл.

— Не нужно пытаться понять женщин, — улыбнулся ему Рин. — Просто прими то, что им иногда надо поплакать. Дина поплакала — и ей стало легче.

— Намного легче, — улыбнулась я своему не по годам мудрому братишке. — А он точно погиб? — заволновалась вдруг. — Это точно был он? Если был пожар — могли же другого за него принять. А вдруг он выжил и сбежал?

— Пожара не было, — покачал головой король, и тройняшки разочарованно взвыли. — Тела были сильно изуродованы, но Тропорлайвистава опознали по одежде и королевскому перстню, а артефакт указал на королевскую кровь. Причём, второй раз этот артефакт использовали на похоронах, перед кучей свидетелей, в том числе и перед послами других стран. Коронация младшего сына Тропорлайвистава была назначена на следующий день, поскольку старший женат не был, законного наследника не оставил. Думаю, известие об этом придёт со следующей почтой, а точнее — со следующим кораблём.

— Эймереннитор теперь король, — кивнула я. — Я была знакома с ним, он славный. Даже говорил, что женится на мне, когда я подрасту, — воспоминания о том разговоре вызвали улыбку. Я была тогда такой юной и верящей в радужное будущее.

— Ну уж нет, — усмехнулся король. — Ты — моя невеста, и я тебя никому не отдам.

— Да я и сама ни за кого больше не пойду. А в Эймереннитора я даже по — детски влюблена не была, он просто мне нравился как... ну, как друг. Это был мой первый большой бал, он танцевал со мной, приносил вкусняшки, но никаких романтических чувств не вызвал, хотя возраст у меня тогда был самый подходящий для первой влюблённости. Но против возможности нашего будущего брака я ничего не имела — если потенциальный жених вызывает приязнь, это уже большая удача. Всё могло перерасти в нечто большее — но случилось... то, что случилось.

— Да, это случилось, но теперь злодей наказан, а наша жизнь продолжается, — король улыбнулся Веле, сидящей ближе всех к плите со стоящим на ней чайником. — А для меня чашечка чая не найдётся? Думаю, раз уж я пришёл, нам всем стоит познакомиться поближе.

Чашка чая нашлась и для него, и для Милларда с Арбеном, которые, взяв по чашке и паре печенюшек, разошлись кто во двор, кто в приёмную, нести службу по охране своего короля. А я так и осталась у него на коленях, словно это в порядке вещей. Хотела встать, но меня придержали, а я подумала — почему бы и нет? Лишнего стула в кухне всё равно нет, а окружающие восприняли это настолько спокойно, что я даже удивилась.

Или просто всем было не до того, где и как я сижу, поскольку, в отличие от младших, всё же старающихся к самому королю напрямую не обращаться, Рин и тройняшки засыпали его вопросами о нашем будущем, Вела же, налив ему чаю, помалкивала, но меня это не удивило — она в принципе не была особо разговорчива с посторонними, такой уж у неё был характер.

Зато тройняшки никогда особой застенчивостью не страдали, и как только король, познакомившись со всеми, предложил задавать вопросы, они посыпались из них, словно зерно из дырявого мешка. Причём интересовались они не только тем, что касалось лично их, но и остальных членов семьи.

В итоге выяснилось, что отдельные комнаты будут у всех детей, даже у Сева с Невом, у всех младших будут личные учителя магии и общие с Рэйнардом наставники по общеобразовательным предметам. А студентов, действительно, будут отправлять в академию и забирать

оттуда порталом, вместе с Вилмером. Вещи из дома они могут забрать, но одежду им всем сошьют новую — вот завтра как раз нас всех приглашают на экскурсию во дворец, там с нас мерки и снимут. Кстати, во дворце есть огромная библиотека, но любимые книги, конечно же, можно и нужно забрать с собой.

Тройняшкам выделяют просторный участок в королевских садах, где они смогут творить всё, что их душа пожелает. А ещё у них будет доступ в королевскую оранжерею, но там уже все изменения нужно будет обговаривать с главным садовником. Впрочем, он вряд ли будет против их помощи или разных экспериментов, с моей троицей он был уже знаком, приходил посмотреть на них в академию и обещал взять на практику, а после получения диплома — и на работу. Теперь, чтобы в королевскую оранжерею попасть, ни диплома, ни даже практики дожидаться тройняшкам не придётся.

— Конечно, мы будем спрашивать разрешения, мы же понимаем, что он там главный, — кивнул Сев.

— Мы вам столько вкусняшек навывращиваем, ммм! — предвкушающе прижмурилась Льюла. — Я давно хотела поэкспериментировать со скрещиванием и селекцией.

— Опять она на своём академическом языке заговорила, — пробурчал Бейл. — Нет бы по-человечески, чтобы все поняли.

— Она имеет в виду, что хочет изобретать новые растения, — пояснил младшему брату Рин, потом посмотрел на Лану, делавшую ему какие-то знаки глазами, и обратился к королю: — А как насчёт наших животных? Мы сможем их забрать.

Выяснилось, что животных мы сможем взять с собой — при дворце есть просторный скотный двор, где найдётся место и для кур с цыплятами, и для кроликов, причём, на наших несушек служителям укажут особо — они не на мясо, только на яйца. А Приблуда поселится прямо с нами, поскольку «член семьи». Сейчас во дворце питомцы не жили, только «рабочие» кошки в кладовых и подвалах, да кто-нибудь из гостей изредка привозил с собой зверюшку, но и они располагались в другом крыле. А Приблуда была практически членом семьи, с которой Рэйнард тоже успел познакомиться, и о том, чтобы отправить её в подвал или на конюшню, речи не шло.

— А если я выгоню из подвала всех мышей, что будет с кошками? — поинтересовалась Лана.

— Хмм... Наверное, кошки останутся голодными, — предположил король.

— Их не кормят разве? — ужаснулась Ава. — Даже молочка не дают? — Кажется, младшие потихоньку освоились настолько, что решили и сами вопросы задавать, не делегируя старшим. Да и как такой вопрос без телепатии угадать можно?

— Не знаю, как-то никогда не интересовался. Может и дают. А может, считают, что им и мышей хватает.

— Если кошку не подкармливать, она может пойти другой дом искать, — задумчиво произнёс Ронт. — В тех же конюшнях или на складах зерна мышей точно больше.

— Я прогоню мышей только из кладовых, — решила Лана. — А по кухне и подвалам пусть бегают, а то жалко кошечек, голодные будут, а то и выгонят их совсем.

— Можешь распоряжаться мышами и крысами как тебе будет угодно, — с трудом удерживаясь, чтобы не рассмеяться над серьёзными рассуждениями девочки, разрешил король.

— Крыс прогоню. И тараканов, и клопов, если есть. А мышей оставляю — кошкам нужно что-то есть.

— Договорились, — кивнул король, и разговор снова завертелся вокруг нашего будущего переезда.

Но не успели мы прийти к общему мнению, когда именно нам стоит переселиться во дворец, как во входную дверь кто-то забарабанил. Мы замерли, я подхватила с колен короля, на которых так и сидела всё это время — целительнице не привыкать к таким вот, отчаянным визитёрам в неурочный час, — и тут на кухню заглянул Арбен.

— Леди Аравиуленская, к вам пациент. Говорит, что очень срочно.

— Простите, — обратилась я к окружающим, но в основном к королю, остальные к подобному тоже привыкли. — Просто Дина, ну, или миссис Торп, — бросила я, проходя мимо блондина, едва удержавшись, чтобы глаза не закатить. Ещё бы в ноги поклонился!

На крыльце стоял явно не пациент, хотя выглядел молодой мужчина достаточно диковато — растрёпанный, волосы дыбом, словно в них постоянно пальцы запускали, глаза полубезумные.

— Кто у вас болен? — спросила, хватая с вешалки старенький «дежурный плащ», который висел тут как раз для такого случая, когда

каждая минута на счету и нет времени вернуться в комнату, чтобы нормально одеться, и выскочила на улицу за мужчиной, который тут же рванул куда-то, указывая дорогу.

— Жена разродиться не может. Третий день уже, — на бегу выдохнул он. — Повитуха говорит — слишком большой ребёнок, помрут обои. Спасите мою жену, леди. У нас трое деток, как они без мамки?

Сзади слышались звук быстро приближающихся шагов, я оглянулась и обнаружила спешащего следом Арбена. Никак на это не отреагировала, улица общая, пусть себе бежит, мне не до того. А вот третий день — это плохо, очень плохо. Если женщина еще жива — а иначе бы за мной не прибежали, — вытяну, а вот жив ли ещё ребёнок, неизвестно. Но хотя бы мать детям сохраню.

Бежать пришлось три квартала по прямой и еще один после поворота, так что я совсем запыхалась, когда добрались до нужного дома. Но, войдя в комнату, где находилась роженица, тут же забыла о себе и кинулась к лежащей на постели и тихо постанывающей — на громкий крик явно уже сил не было, — молодой женщине. Жива — уже хорошо, первым делом сняла боль и дала небольшую подпитку, чтобы вернуть хоть немного силы, вторую руку положила на действительно огромный живот.

— Живы, — облегчённо выдохнула я и пустила в ту сторону вторую волну силы. — Успела. Теперь всё будет хорошо, — обратилась к изумлённо смотревшей на меня женщине. Ощувив прилив сил и пропавшую боль, она уже не стонала, лишь смотрела на меня, словно сама Богиня-Мать спустилась к ней с небес. — Сейчас тебе придётся немного постараться, а потом всё будет хорошо, — вновь повторила я. Настрой пациента — это главное, она должна мне верить.

— Да не родит она, — слышался у меня за спиной грубый голос, и, обернувшись, я увидела крупную неопрятную деваху, глядевшую на меня с пренебрежением, а в уголке — пожилую женщину в одежде служанки, эта смотрела на роженицу со слезами жалости, обеих я даже не заметила, вбегая в комнату, торопясь к своей пациентке. — Голова у дити громадная, не вылезит. Помрут обои.

— Они будут жить, все трое, — парировала я, вернув девахе ненавидящий взгляд. — Какая голова, ты, идиотка? — сдерживаться я не собиралась, эта дура чуть не угробила и мать, и детей. — Голову от

спины отличить не можешь? Там двойня, один из детей поперёк лёг, разворачивать нужно было. Вон отсюда, шарлатанка! И я еще поинтересуюсь, кто тебе лицензию на работу выдал.

Деваху как ветром сдуло. А я обратилась к служанке, которая, услышав мои слова, вскинулась и с надеждой уставилась на меня:

— Несите тёплой воды, мыло и чистые тряпки — простыни, полотенца. — Та быстро вышмыгнула за дверь, а я снова улыбнулась измученной женщине. — Вот сейчас руки помою и разверну ребёночка, тогда быстро родишь. Не бойся, больно не будет.

— Я верю, — с трудом шевеля искусанными, пересохшими губами, шепнула она, а я ободряюще кивнула.

Просто не будет. Дети чуть живы, силы приложить придётся много. Но я справлюсь!

Домой я приползла уже за полночь. Ну, как — «приползла»? Когда вышла, наконец, из дома супругов Бринс, убедившись, что теперь и мать, и двойняшки в полном порядке — а учитывая, что успела я в последний момент, это было непросто, — то с трудом держалась на ногах, потратив весь запас сил не только на лечение, но и на вливание в роженицу. Я могла лечить травмы и болезни, но рожать-то пациентка всё равно должна была сама, поэтому при родах я иногда делилась с будущей матерью своей силой, что страшно меня истощало.

К счастью, у крыльца меня дожидался не только Арбен, но и нанятый им извозчик, который и доставил меня прямо к входной двери моей клиники. А вот по лестницы в свою спальню я и правда почти ползла, едва передвигая ноги и цепляясь за перила. На свою кровать рухнула, не раздеваясь, и тут же уснула. Сил заглянуть к детям не хватило, да и ладно — старшие же дома, да и младшие не груднички уже.

Проснулась я от того, что с меня стаскивают платье. Замычала недовольно и услышала знакомый смехок, после чего на меня натянули ночную рубашку и уложили в мягкую постель, прижав к уже такому знакомому, большому и тёплому телу.

— Всё хорошо? — поинтересовался любимый голос.

— Угу, — всё, на что мне хватило сил.

— Ребёнок в порядке?

— Угу.

— Мальчик или девочка?

— Угу.

— Всё ясно, — грудь под моим ухом завибрировала от сдерживаемого смеха. — Спи, моя маленькая.

— Угу, — согласилась я, но всё же добавила: — Гор и Эйти.

Супруги Бринс хотели назвать новорожденных двойняшек Дин и Дина — в честь той, кто, по их словам, подарила им жизнь. Но я попросила дать детям имена Гор и Эйти. Счастливые родители несколько удивились непривычному звучанию имён, но согласились, когда я сказала, что так звали моих погибших брата и сестру, а сама я из Вертавии. И теперь мне легче дышалось при мысли, что Горвин и Эйтина будут жить на этом свете хотя бы так — в детях, которым я и правда подарила жизнь.

Когда я проснулось, солнце заливало светом всю спальню. Едва осознав это, я подскочила сразу от двух мыслей — я проспала, и я не дома. По отдельности это было не страшно, но вот одновременно!.. Вскочив с кровати, я зашарила глазами в поисках своей одежды, ещё не представляя, куда бежать и как добираться домой, учитывая, что короля рядом не было, а значит, портал открыть мне некому.

В процессе поисков я обнаружила две вещи — во-первых, красивое голубое платье моего размера вместо того, в котором я уснула, измятого и перемазанного. А во-вторых, я была вовсе не в спальне короля. Конечно, прежде я его спальню видела лишь с света луны и особо не приглядывалась, не до того было, но даже света луны хватало, чтобы видеть, с какой стороны от кровати расположены окна. А расположены они были у Кейденса сбоку, а здесь — со стороны изножия.

Слегка успокоившись этим открытием — не придётся на глазах у слуг, охраны или ещё кого-то, оказавшегося в коридоре, выходить из королевской спальни, — я уже более спокойно оделась — под платьем оказалось и бельё, а рядом с креслом, на котором лежала вся эта красота, примостились удобные туфельки тоже моего размера. А ведь мерки с меня не снимали, впрочем, в прошлый раз наряд для ужина мне тоже был впору, уж не знаю, кто тут такой волшебник, но удивляться не стоило — магия, она и не на такое способна.

Комната, при более детальном осмотре, оказалась явно женской, судя по жёлто-розовой гамме, с вкраплениями фиолетового и лилового. Ни один мужчина, даже пятилетний, в такой спальне жить не

согласится, а вот мне понравилось. Едва уловимый запах подсказал, что в комнате совсем недавно был сделан ремонт. Обставлена спальня была довольно просто — из мебели только огромная кровать с балдахином, занавеси которого сейчас были отдёрнуты, туалетный столик с тройным зеркалом, несколько кресел и пуфиков и прикроватная тумбочка, зато, кроме этого, обнаружились целых четыре двери.

Две из них, попроще, едва выделяющиеся на фоне стены напротив окон, вели в просторную, но почти пустую гардеробную и роскошную ванную комнату, где были все мыслимые удобства — там я воспользовалась уборной и умылась. Третья дверь, в той стене, ближе к которой стояла кровать, оказалась заперта, а четвёртая, напротив неё, самая заметная, вела, как я поняла, в гостиную. Выглянув туда, я обнаружила горничную, стоящую возле еще одной двери. Заметив меня, она тут же сделала книксен.

— Вам нужно было вызвать меня, миледи, я бы помогла вам одеться.

— Я сама справилась, — улыбнулась в ответ, не став уточнять, что я не только не знала, где расположен и как выглядит местный артефакт для вызова слуг, но даже не догадывалась о самом наличии служанки, ожидающей возможности меня одеть. — А... — начала было и запнулась, не зная, как сформулировать следующий вопрос.

Где я нахожусь? Как мне срочно попасть домой? Куда делся король?

— Вам принести завтрак в комнату, миледи, или вы хотели бы позавтракать с остальными гостями? — выручила меня служанка.

С остальными гостями? То есть, я тоже вроде как гостя? Это уже неплохо, всё же фаворитка я тайная, знать об этом никому, кроме Кейденса, не нужно. Пожалуй, лучше сначала позавтракать, раз уж всё равно моё исчезновение из дома давно обнаружено, то хуже уже не будет. А есть хотелось безумно, учитывая, что я вчера не ужинала, зато сил потратила слишком много.

— С остальными, — озвучила я свой выбор. Было очень любопытно, кто же эти «остальные», что гостят во дворце. — Проводишь меня?

— Конечно, миледи, — ещё один книксен, и служанка повела меня уже знакомым коридором — или похожим, сложно сказать, —

потом мы спустились на один этаж по широкой парадной лестнице, немного прошли другим смутно знакомым коридором и остановились перед высокой двустворчатой дверью. Стоящий перед ней лакей тут же, с поклоном, распахнул створку, и я оказалась в теперь уже точно знакомой комнате и в такой же знакомой компании, во всяком случае, большей частью.

Так вот кого служанка назвала гостями. Стол в малой столовой оккупировало всё моё семейство в полном составе, здесь же находились король с сыновьями, две его племянницы, уже мне знакомые, еще одна девочка лет пяти-шести, видимо, их младшая сестра, а так же молодой человек лет двадцати на вид, очень напоминающий Кейденса. И сидел этот последний возле Велы! Собственно, он еще и возле короля сидел, но всё его внимание было сосредоточено на моей девочке.

Так вот ты какой, принц Вилмер, когда-то делавший моей Веле неприличные предложения и получивший за это в глаз от Льюлы. А парнишка-то вполне симпатичный, не удивительно, что Вела бросает на него пусть робкие, но вполне заинтересованные взгляды.

— Дина! — радостно закричал Эррол, первым заметивший меня. Он сидел в странной конструкции, напоминающей кресло на высоких ножках, частично задвинутое под стол, в котором малыш мог полулежать и при этом легко дотягивался до своей тарелки. За его спиной стоял лакей и помогал, если это было нужно. Другой стоял рядом с младшей из девочек, остальные, отлично справлялись сами. — Ты уже проснулась? А папа сказал, что ты вчера помогала родиться ребёночку, поэтому не смогла меня полечить.

— Всё верно. Но сегодня я полечу тебя подольше, — ответила, поздоровавшись с присутствующими и присаживаясь на стул рядом с королём, который он сам мне отодвинул, жестом отослав дёрнувшегося в нашу сторону лакея. — Так вот о каких гостях говорила служанка. И давно вы уже здесь?

— Со вчерашнего вечера, — ответил Рин. — Когда лорд Арбен сообщил, зачем тебя вызвали, стало понятно, что быстро ты не вернёшься. — Ну да, мои дети давно в курсе, когда лечение проходит быстро, а с кем я вожусь долго. — И его величество предложил нам поужинать во дворце. А потом мы остались ночевать — оказалось, что комнаты для нас всех уже готовы.

Рин старался говорить спокойно, но его глаза блестели от удовольствия, а улыбка невольно раздвигала губы. Младшие же и не пытались скрыть, в какой восторг привела их эта ночёвка во дворце, а новые комнаты всем явно понравились.

Дети наперебой начали рассказывать, какие кому достались комнаты и на каком этаже, к разговору подключились сыновья и старшие племянницы короля. Из всего этого гама я вычленила, что на втором этаже находятся комнаты для взрослых членов семьи, в число которых включили всех студентов, в том числе и тройняшек, чем они весьма гордились. Остальных детей разместили на третьем, где кроме спален были еще игровые и учебные комнаты, при этом к некоторым спальням примыкали комнаты для нянь и кормилиц.

Первый этаж был отдан под общие помещения, такие как гостиные, столовые, кабинеты, семейную библиотеку и так далее. На четвёртом этаже жила прислуга, в цокольном была кухня, прачечная, кладовые, комнаты охраны и прочие подсобные помещения. В общем, семейное крыло представляло собой, по сути, «отдельный» дом со своим входом, двором, садом, парком, конюшней и всем, что бывает в обычном поместье, хотя одной узкой стеной соединялось и с главным дворцом.

То есть, обитатели семейного крыла могли легко попасть во дворец или же жить совершенно обособленно, при этом посторонним в это крыло хода не было. Если кто-то и приходил извне, например, портные и сапожники, которые сегодня должны снять с нас мерки, то только по особому приглашению и в сопровождении охраны.

В самом же дворце всё было проще. Конечно, всех подряд в него не пускали, но и персонального приглашения для многих, например, для аристократов или разных спецслужб, не требовалось, хотя, какие-то ограничения, вроде запрета на оружие, существовали. С другой стороны, любой аристократ мог прийти во дворец, имея какое-то дело, но чтобы попасть на приём или остановиться в гостевом крыле, тоже нужны были специальные приглашения.

А ещё во дворце было крыло с отдельным выходом, в котором находились разные городские службы, которые в других городах размещались в мэриях, и куда доступ имели абсолютно все желающие, я там, например, оформляла лицензию на целительство, с которой уже шла в банк и оплачивала налоги. И в то время я даже не догадывалась,

что это тоже часть дворца, потому что он расползся по огромной территории, имел отдельные входы, дворы и парки, а та часть, которая «для всех», вообще двора не имела, вход в неё был прямо с оживлённой улицы, а до главного въезда во дворец оттуда было не менее двух километров вдоль высокой ограды.

Насчёт всего этого меня просветил король во время шумного завтрака — я-то жевала молчком, слушая его рассказ и болтовню окружающих и порой с улыбкой переглядываясь с королём, которого, похоже, совсем не раздражал шум, стоящий в столовой. Я заметила, что взгляд его то и дело останавливался то на Эрроле, что-то оживлённо рассказывающем сидящей рядом Лане и сующим вкусные кусочки куда-то себе под бок — не сразу я заметила с удобствами устроившуюся на его кресле Приблуду, — то на Рэйнарде, сидящем между двойняшками и то и дело о чём-то с ними перешёптывающемся и заливающимся смехом.

Король явно радовался тому, что его дети счастливы. И вспоминая хмурого малыша Эррола, каким увидела его впервые, сравнив с сегодняшним, я радовалась не меньше.

— Показать вам парк? — поинтересовался король, когда почти все дети сыто отвалились от стола, а остальные что-то ещё жевали скорее машинально, увлечённые разговором.

Получив дружное и радостное согласие, он подал мне руку, на которую я тут же оперлась. Посмотрев на нас, потом на Вилмера, который практически таким же жестом предложил локоть Веле, Рин хмыкнул и подхватил на руки Эррола, опередив лакея. Лана взяла Приблуду, старшие племянницы Кейденса уцепились за Льюлу, младшую Сев усадил на плечо, та сперва очень удивилась, а потом расплылась в гордой улыбке, поглядывая на остальных детей сверху вниз. И вот такой большой и весёлой толпой мы отправились изучать парк.

ГЛАВА 19. СВАДЬБА

День восемьдесят четвёртый. Воскресенье

— Миледи, пора вставать, — разбудил меня робкий голос Шеллы, моей горничной. Привычки меня будить у неё не было, по утрам я привычно подхватывалась сама ещё до будильника, но сегодня ночью король был просто ненасытен, выпустил меня из объятий уже под утро, а будильник по выходным не звонит — всё же в эти дни клиника закрыта, и если я посплю лишний часик, никто не пострадает и не обидится.

Вот только сегодня не обычное воскресенье. И проспать было бы... не то, чтобы ужасно, но как минимум неловко. Хорошо, что Шелла всё же решила меня разбудить.

Сев в кровати и потянувшись, я обнаружила на себе ночную рубашку — к счастью, Кейденс словно предвидел подобную побудку и, уходя в свою спальню, одел меня. Сама я этого уже не помнила. Уверена, моя горничная догадывалась, где проводит все ночи его величество король Лурендии, хотя официально дверь между нашими спальнями была магически запечатана до свадебной церемонии, но когда это останавливало порталщика?

В покои королевы я переселилась после той ночи, когда приняла двойняшек Бринс, и мы, всей семьёй, впервые заночевали во дворце. Дети решительно не желали возвращаться в свои общие спальни и узкие кровати, которые еще месяц назад казались им роскошью. Но оценив удобства жизни во дворце, они смотрели на меня такими жалобными глазами, что я махнула рукой и согласилась.

И более чем уверена, что всё так и было запланировано, уж слишком довольны блестели глаза короля, когда я сказала, что мы остаёмся. И он тут же поклялся открывать для меня портал в старый дом в любое время, а если государственные дела ему помешают, в моём распоряжении любой из дворцовых порталщиков, а также любое средство передвижения, от верховой лошади, до парадной королевской кареты.

Следующую неделю он самолично открывал портал для нас, пятерых — после завтрака мы уходили в свой дом, откуда дети шли в

школу, а я в свой кабинет, а к обеду, когда приём пациентов и уроки заканчивались, мы вновь возвращались во дворец. Спустя неделю, в клинику я отправлялась уже одна — дети попрощались со школой, ничего особо там не объясняя, просто я поставила директора в известность, что выхожу замуж и переезжаю, и дети будут ходить в школу ближе к новому дому. За кого именно я выхожу и насколько близко новая «школа» к месту нашего обитания, посторонним знать не обязательно.

Поскольку животные и цветы перебрались во дворец вместе с нами, а тройняшки уже не выращивали по выходным очередной урожай овощей и фруктов, дел в старом доме тоже не осталось. Лишь Рин заглядывал туда по воскресеньям и поливал деревья и кусты, этого было достаточно. Прожив в новом доме всего месяц, дети не успели прирасти к нему так, как к нашему деревенскому домику, поэтому ностальгии не испытывали и быстро прижились в своих новых комнатах в новом окружении.

А вот я расстаться со своей клиникой так сразу не могла. И продолжала вести приём по будням, по три часа в день до обеда. Я — целительница, и оставлять свой дар без применения мне было тяжело, как если бы меня заперли в четырёх стенах и не выпускали на свежий воздух. Мой будущий муж, сам будучи сильным магом, прекрасно меня понимал и не препятствовал тому, что я продолжаю вести приём.

Единственным его условием, а скорее даже просьбой, было присутствие в доме пары его охранников. Поскольку они мне не мешали, сидя в коридоре, ведущем из кабинета на кухню, невидимые для пациентов и при этом на расстоянии пары шагов, я не возражала. Понимала, что прежняя жизнь осталась позади, и это не особо сильно меня напрягало, всё же, первые пятнадцать лет я именно так и жила — под присмотром и охраной. Я отлично понимала, что это ради моей пользы и спокойствия моего короля.

Конечно, я не сидела вообще без дела — у меня был Эррол. Но ему всего шесть лет, и слишком долго высидеть во время лечения малышу было сложно. И так наши сеансы сейчас длились около двух часов, и в конце он ёрзал и капризничал, поэтому я отпускала его с миром. За прошедшие почти два месяца я очистила ему от шрамов спину, попу, которую он всё же решился мне показать, хоть я и

«тётенка», и ноги почти до колен, и сейчас он мог спокойно сидеть на стуле, а не полулежать, как прежде.

Теперь он стал более активным, не лежал целыми днями в кровати, как раньше. Эррол регулярно бывал на улице — его выносил лакей, а порой и Ронт или Бейл с Рэйнардом, последние — вдвоём, соединив скрещенные руки, когда-то именно так маленького Бейла таскали Нев и Сев. Младшие, а теперь получается, что средние дети нередко принимали Эррола в свои игры, в активные в качестве наблюдателя, в настольные — полноценным участником, и малыш буквально расцветал в кругу моих шумных ребятишек, радуясь вниманию старших.

Особенно ему нравилось наблюдать за тем, как тройняшки возятся в оранжерее — делать что-то на выделенном им участке парка было уже поздно, это они оставили до весны, а вот в отапливаемой теплице творили чудеса. Конечно, был у него при этом более материальный интерес — Эррола назначили «главным дегустатором», и первые, а значит, и самые вкусные результаты магии тройняшек доставались ему. Чаще немывтые, прямо с куста, несмотря на причитания няни.

— Это чистая грязь, — пожимала плечами Льюла, вслед за Эрролом отправляя себе в рот горсть жёлтой клубники или голубой банан. — Здоровее будет. И потом, Дина его каждый день лечит, что ему сделается-то?

И Эррол действительно становился всё здоровее. Уж не знаю, от немывтых ли ягод, от свежего воздуха и солнышка, от проснувшегося здорового аппетита или от постоянного позитива, но мой младший будущий пасынок мало чем напоминал того бледного худенького заморыша с грустными глазами, которого мне впервые принёс Кейденс. А я представляла его бегущим по сады — к весне обязательно поставлю на ноги, — и тихо радовалась.

Рэйнарда тоже радовали перемены, произошедшие в его жизни. Конечно, таким затворником, как Эррол, он не был, но тоже был очень ограничен в общении. А сейчас семейное крыло, где прежде жили лишь король и его сыновья, причём большей частью сами по себе, было наполнено жильцами, суетой, беготнёй и смехом. Особенно первые две недели, когда мы все уже во дворец перебрались, а Олдвен с детьми ещё не уехал.

Самого брата короля долго не было видно, он сидел, закрывшись в своих апартаментах, переживая своё горе в одиночестве и не желая никого видеть, даже собственных детей, и лишь за несколько дней до отъезда стал выходить к столу. Малыша я тоже практически не видела, лишь пару раз, из окна, гуляющего по саду с няней, а вот девочки таскались за старшими детьми хвостиками, заметно увеличивая количество ребятни за столом или в общих играх.

Отъезд Олдвена с детьми был принят окружающими с некоторым облегчением — для нас с Кейденсом это было знаком того, что самое сложное время позади, и брат короля потихоньку возвращается к прежней жизни — по его словам, его заждались лаборатория и исследования, а это хороший знак. Дети же потихоньку радовались, что «мелкие приставучки» больше не станут лезть в игры старших и издеваться над ними, если в игру их не принимали.

И лишь Эррола отъезд двоюродных сестёр огорчил — будучи ближе всего к нему по возрасту, они составляли ему компанию на уроках, а теперь он снова остался один на один с гувернёром, тогда как остальные дети учились вместе, в одной классной комнате, хотя часть уроков у них не совпадала.

К моей радости, и у Рина, и Бейла теперь были наставники по магии, певшие дифирамбы своим одарённым ученикам. Бейл пока занимался с одним из придворных порталщиков, но Кейденс пообещал, что когда парнишка оставит позади азы и выйдет на более серьёзный уровень, то сам возьмётся за его обучение.

Мои ребяташки как-то очень быстро обжились во дворце. Конечно, это было лишь семейное крыло, и я очень быстро поняла, что оно не зря так называется. Если в главном дворце, перед всем миром или, как минимум, своими подданными, туда допущенными, Кейденс был истинным королём и соблюдал всё, что положено по протоколу — была я там разок, только впитанные с молоком кормилицы правила этикета помогли не ударить в грязь лицом, — то в семейном крыле мой жених преображался. По сути, в главном дворце он был «на работе», а потом возвращался «домой».

В тот раз меня официально представили узкому кругу приближённых, а три мага крови подтвердили мою личность, а также личности остальных детей — спасибо дедушке, что позаботился о доказательствах в виде наших настоящих свидетельств о рождении,

пригодились. Больше я туда не совалась — зачем? Мне и в семейном крыле отлично жилось. Остальным предстоит сегодня впервые появиться в главном дворце, но лишь студенты останутся на бал, остальные дети ещё слишком малы. И хотя кроме общеобразовательных предметов и магии изучают теперь и этикет, и танцы, пройдёт еще несколько лет до того времени, как они попадут на свой первый бал.

Впрочем, мальчики на него особо и не рвались, а вот девочки мечтали скорее подрасти и станцевать свой первый танец. Но пока им остаётся довольствоваться братьями и учителем в качестве партнёров, а это не то, совсем не то, уж я-то помню!

— Дина, ты уже проснулась? — в дверь просочились Вела и Льюла. Я как раз намазывала масло на подогретую булочку — завтракала я сегодня с своих апартаментов в гордом одиночестве, вроде бы так было положено. Я не возражала — если здесь такие традиции, почему бы нет?

— Да, недавно, — кивнула сестрёнкам, в который раз удивившись их непохожести. — Хотите булочку?

Конечно, они вовсе не сёстры, а двоюродные тётя и племянница, и быть похожими не обязаны, но, с другой стороны, с близнецами Льюла в таком же родстве, а все трое — как цыплята из-под одной несущки. А вот Вела очень похожа на меня — невысокая, худенькая и светловолосая, — а ещё больше — на мою сестричку Эйтину. Иногда, глядя на неё, я думаю — вот такой стала бы Эйтина, если бы не погибла вместе с остальными, дав нам возможность спастись. В той бойне я потеряла и родителей, и трёх родных братьев, не говоря уж про десятки других родственников, но больше всего сердце болело о единственной сестричке.

— Нет, мы уже позавтракали, — улыбнулась Вела, присаживаясь напротив, в то время, как Льюла не стала себе отказывать и подхватила с блюда маленькую булочку. — Ты как? Готова?

— Не-ет, — я помотала головой. — Страшно.

— Да, я бы тоже, наверное, боялась, — кивнула Вела.

— Чего страшного-то? — пожала плечами Льюла, присев на подлокотник кресла и поедая булочку. — Ты уже здесь и уже с его величеством живёшь. Как будто сегодня ночью случится что-то новое.

— Лью! — возмутилась её старшая сестра. — Нельзя про такое говорить!

— Да ладно! Только мелкие ни о чём не догадываются, да и то не факт.

— Всё равно, это неприлично!

— Девочки, не ссорьтесь, — я криво улыбнулась. Уши загорелись, но я себе напредила, что девочки уже не младенцы, к тому же, жизнь в деревне не позволит оставаться наивными и несведущими. Росли бы они в поместье герцога — всё было бы иначе. — Дело не в этом. Я другого боюсь. Появиться перед всеми этими людьми в качестве невесты короля... Они же все смотреть будет, за каждым шагом, словом, вздохом следить. Бррр... — меня аж передёрнуло.

— Привыкай, — посерьёзнела Льюла. — Ты станешь королевой, и хочешь ты или не хочешь, а появляться на людях тебе придётся.

— Привыкну, — вздохнула я, — Наверное. Когда-нибудь. Хотя, мне кажется, я даже перед своим первым балом так не переживала.

— Всё будет хорошо, — Вела потянулась и ободряюще сжала мой локоть, поскольку ладонь была занята булочкой. Задушевные разговоры — вещь полезная, но и завтрак тоже, до обеда еще далеко, и полезет ли мне в рот хотя бы кусочек — большой вопрос. — Ты выходишь замуж за любимого мужчину, поэтому должна радоваться. Просто смотри на него и не обращай внимания на чужих тебе людей.

За любимого, да.

Королевские браки обычно заключаются по расчёту, и хорошо, если жених и невеста просто приятны, симпатичны друг другу — это уже везение. Я считала, что мне и так повезло — мой жених мне понравился ещё в то время, когда я даже не догадывалась, кто он такой, но уже тогда оценила его мужскую привлекательность. Потом я постепенно узнавала его как человека и успела проникнуться к нему искренней симпатией к тому времени, когда он сделал мне предложение.

Точнее — сообщил, что женится на мне. Потому-то это его заявление не вызвало у меня никакого отторжения. Шок, растерянность — это было, но скорее от слишком быстрых перемен в моей жизни, а согласилась я моментально. Внутри, в душе, я порадовалась этому, потому что уже никого другого своим мужем не видела. Правда, я и Кейденса тогда не видела, всё же он король, но как

только весть о нашем браке как о чём-то решённом, была озвучена, поняла, что это именно то, чего я хочу.

И пусть выбор пал на меня лишь потому, что я подхожу ему больше, чем все предлагаемые советниками невесты, но ведь и король подходил мне гораздо больше любого теоретического торговца тканями. После наших первых ночей я даже представить не могла какого-то другого мужчину, прикасающегося ко мне.

Я была рада уже тому, что у нас было — симпатия, восхищение, забота, взаимная страсть. Это гораздо больше, чем обычно бывает, у заключающих брак аристократов. Нет, исключения бывают, и не так чтобы совсем уж редко, но я на это даже не рассчитывала, мне хватало того, что у нас есть.

Но шли дни, Кейденс был рядом столько, сколько мог, стараясь выкроить побольше времени для нас — своей старой и будущей семьи. Я видела, как он общается с моими детьми, как заботится о них, видела его искреннюю любовь к сыновьям и племянникам, он давал мне то, чего у меня не было последние десять лет — чувство защищённости, готовности подставить плечо, протянуть руку, поддержать.

Я и сама не заметила, как исподволь, потихоньку, меня накрыло любовью к моему королю. Его прикосновения, его нежность, его взгляды, его сила, его надёжность и справедливость, его забота, его шёпот по ночам, его улыбка — я любила всё в моём короле, мне хотелось быть с ним рядом постоянно, видеть его, слышать, прикасаться.

А сегодня я стану его женой. И он будет моим уже навсегда.

— Дина! Дина, ты уснула? — меня похлопали по плечу, и я сообразила, что сижу, уставившись в одну точку с куском недоеденной булки в руке, с которой варенье уже начало капать на скатерть.

— Что? Ой! — я быстро отложила булку на тарелку и, схватив салфетку, начала машинально оттирать варенье со скатерти. — Простите, задумалась.

— Дина, всё будет хорошо, — Вела отняла у меня салфетку. — Не нужно так волноваться.

— Вот я посмотрю на тебя, когда замуж выходить будешь. И тоже скажу: «Не нужно волноваться, — хмыкнула Льюла и сунула в рот недоеденную мною булочку. Я и бровью не повела, прожорливые

подростки для меня не в новинку, а вот Вела, уже оставившая позади этот возраст, осуждающе покачала головой, сделала сестре большие глаза, а потом пожала плечами:

— Я в ближайшее время замуж не собираюсь.

— А Вилмер в курсе? — ехидно поинтересовалась Льюла, дожевав булочку.

— А причём здесь Вилмер? — Вела равнодушно пожала плечами, но слегка заалевшие щёки выдали её с головой. — И вообще, никакой свадьбы ни с кем, пока академию не закончу!

— Только его высочеству об этом не говори, мне слишком нравятся те конфетки, с орехом и цукатами.

— Вот сама за него и выходи!

— Да нужен он мне сто лет, этот дрыщ!

— Неправда! Вилли не дрыщ!

— Девочки, только не подеритесь, пожалуйста, — давя улыбку, попросила я. Льюла откровенно дразнила сестру, ведь сама же про Вилмера не так давно говорила «бык здоровый», но Вела на её дразнилки всё равно велась. — А то вам еще меня к алтарю сопровождать. Впрочем, синяки будут хорошо сочетаться с цветом ваших платьев. Ладно, деритесь.

— Будто ты их нам не сведёшь за минуту, — фыркнула Льюла. — Да и с кем драться-то? С этой малышкой?

— Эй, я на два года старше!

— А я тебя еще в восемь лет переросла.

— Миледи, пора, — заглянувшая в дверь Шелла прервала привычную перепалку девочек, которые обожали друг друга и готовы были стоять плечом к плечу против всего мира, но это не мешало им частенько вот так цеплять друг друга, но без зла, скорее ради развлечения.

— Мы тоже пойдём одеваться, — Вела чмокнула меня в щёку, шепнула на ухо: — Держись! — и исчезла, прихватив сестру.

А я попала в цепкие руки сразу трёх горничных, которые отмыли меня до скрипа, и, хотя я пыталась убедить их, что помощь в купании мне уже лет десять не нужна — не вняли. Потом меня передали с рук на руки модистке с помощницами, а потом куафёру, наколдовавшему мне причёску, причём в прямом смысле, используя не только расчёски, щипцы и что-то ещё, мне не понятное, но и магию.

Спустя несколько часов меня, наряженную, словно кукла, поставили перед зеркалом и дали, наконец, увидеть, в кого я превратилась. Уффф, оказывается, не всё так страшно. Учитывая, сколько времени колдовали над моим лицом, я ожидала увидеть по меньшей мере маску, за которой меня настоящую и разглядеть-то невозможно будет — мало ли, какие брачные обычаи в королевской семье Лурендии, известные всем, а потому меня в них посвятить никто не удосужился.

Но нет, всё оказалось совсем не страшно. Это всё ещё была я, просто... чуть-чуть сияющая, что ли. Сложно сказать, что изменилось, но глаза стали ярче, овал лица — выразительнее, губы — соблазнительнее, при этом цвет их практически не изменился. Вот как? Как такое возможно?

Впрочем, у выходящих от меня пациентов часто бывало точно такое же недоумевающее выражение лица. Как-как? Магия, что тут странного? Со мной поработал настоящий профессионал, вот и всё.

Причёска оказалась тоже не такой вычурной, как могло показаться, она, конечно, была сложной, но при этом удивительно мне шла. Часть волос изящными локонами падала мне на плечо, другая поднята вверх, искусно уложена и украшена небольшой диадемой с сапфирами. Эта диадема, ожерелье и серьги тонкой работы с такими же камнями — парюра, принадлежавшая моей бабушке, именно её я решила надеть на свою свадьбу, хотя Кейденс открыл для меня королевскую сокровищницу с предложением выбирать всё, что понравится.

Платье сидело на мне идеально и очень шло. У нас, в Марендонии, невесты шли к алтарю в светло-жёлтом, и я, со своими светлыми волосами, выглядела бы в свадебном наряде бледной молью. В Лурендии же для брачного обряда невеста одевалась в голубое с белой отделкой, жених — тоже в голубом, но с золотым шитьём. Даже те, кто по бедности не мог себе позволить сшить к свадьбе специальные наряды, всё равно добавляли к одежде что-то голубое, девушки обычно косынку на плечи набрасывали, парни — шейный платок или повязку на руку.

Но моё платье было роскошным, лучшая модистка королевства лично неделю над ним корпела, и это при том, что была неплохим магом. Наверное, без магии такое и за полгода не сшить было бы. Но в

том, чтобы быть невестой самого короля, есть свои преимущества. Сказал жених: «свадьба через два месяца», значит, так и будет. И я действительно получила сказочный наряд и выглядела восхитительно, хотя и была заметно старше, чем аристократки обычно выходят замуж. Но в глазах моего короля это моё преимущество, а не недостаток, так какое мне дело до недовольных перешёптываний, которые обязательно будут среди гостей — уж слишком лакомый кусочек я, по их мнению, незаслуженно отхватила.

Дав пару минут на себя полюбоваться, меня вывели в холл, где уже топтались Рин, Вела и Льюла — в синем с серебром, олицетворяя собой родню невесты. Жених, все остальные члены наших семей, а также гости, уже уехали в храм Богини-Матери, ждали только нас. Закрытая карета довезла нас, четверых, в сопровождении десятерых конных гвардейцев и горничной, ехавшей на козлах рядом с кучером на всякий случай, в главный храм и столицы, и всего королевства. Это было огромное белоснежное здание со стрельчатыми витражными окнами, главный купол которого, казалось, уходил в самое небо.

Мне сунули в руки букет голубых роз с тонким белым обрамлением на лепестках — тройняшки постарались, — Рин пристроил мою руку на свой локоть, сзади встали Вела с Льюлой — их букеты были из сине-белых роз, под стать платьям, — гвардейцы остались на улице, карета отъехала, и я, обернувшись, увидела, что площадь буквально забита радостно галдящим народом, свободными остались лишь пяточок перед входом в храм и проезд к нему, вдоль которого тоже стояли гвардейцы, сдерживая толпу.

Два десятка ступеней — и вот мы внутри. В этом храме я прежде не бывала, и сейчас была поражена размерами и красотой здания белоснежного снаружи и ярко украшенного позолотой и старинными фресками изнутри, и всё это было залито разноцветными солнечными лучами — проходя сквозь витражи, они делали огромное помещение ещё ярче и наряднее.

Словно во сне я прошла по проходу между гостей — ярко и нарядно разодетых людей, из которых я никого не знала. Я чувствовала их взгляды, слышала шёпотки — удивлённые, одобрительные, раздражённые, — но старалась отключиться от них. Впереди, возле священной чаши, меня ждал мой король, я шла к нему, и плевать, что думают обо мне эти незнакомцы!

Подойдя ближе, я заметила две группы людей в синем. Слева — небольшая толпа, человек в тридцать или более, из которой мне были знакомы лишь Рэйнард и Эррол, которого держал на руках полноватый мужчина средних лет, да три дочери Олдвена. Сам Олдвен, а с ним и Вилмер, застыли слева от чаши, свободное место справа от неё заняли Вела и Льюла, обойдя меня, застывшую в шаге от Кейденса.

Справа же, напротив родственников короля, стояли шестеро моих младших. Да, моя семья была намного меньше, чем все двоюродные-троюродные родственники Кейденса, но зато она была мне намного ближе, чем все эти люди, ни с кем из которых за два месяца проживания во дворце я ни единого раза не встретилась.

Кстати, хотя толпа гостей переливалась почти всеми цветами радуги, ни голубого, ни синего цвета в их нарядах не было. Такова традиция — родственников новобрачных видно сразу в любой толпе.

Как во сне, я смотрела на своего жениха, протягивающего мне руку, чувствовала, как Рин вкладывает в неё мою ладонь, символически передавая будущему мужу, краем глаза замечала, как брат присоединяется к остальным моим родственникам, краем уха слушала традиционные слова жрицы о святости и нерушимости брачных уз, но всё, что видела — глаза любимого, всё, что чувствовала — его тёплые, надёжные пальцы, бережно сжимающие мою ладошку.

Я едва не пропустила вопрос жрицы об обдуманности и добровольности нашего выбора и решения, вслед за Кейденсом ответила «Да», а после обращения жрицы к Богине-Матери с просьбой скрепить наш союз, мы, как положено ритуалом, вытянули наши руки с переплетёнными пальцами над чашей. Я знала, что сейчас над ней вспыхнет божественный огонь, который не обжигает, и оставит на наших запястьях золотистую брачную вязь. Но я даже не предполагала, что этот огонь полыхнёт узким длинным столбом едва ли не до купола храма.

Присутствующие ахнули и загомонили, жрица, проводив восхищённым и, кажется, удивлённым взглядом поднявшийся, а потом рухнувший столб огня, со счастливой улыбкой поздравила нас и сказала, что Великая Мать благословила наш союз, который теперь не в силах разорвать никто из людей. И предложила тоже скрепить наш союз — поцелуем.

Всё это было где-то там, снаружи, а всё, что я видела сейчас — глаза моего теперь уже мужа, глядящие на меня с невероятной нежностью и, кажется, даже с восторгом. Склонившись ко мне, он сначала коснулся лёгким поцелуем моего запястья, на котором расцвела удивительно красивая вязь брачной метки, а потом подхватил меня на руки и припал к моим губам страстным поцелуем.

И я перестала замечать вообще всё, что находилось рядом. Объятия и губы моего мужа — это всё, что нужно мне было сейчас, и потом тоже. Навсегда. Теперь он мой, и уже ничто и никогда нас не разлучит! Радость бурлила во мне пузырьками игристого вина и рвалась наружу. А я, крепко обняв Кейденса, отвечала на его поцелуй, пока в лёгких не закончился воздух.

Под радостные крики и поздравления окружающих, король вынес меня из храма, задержался на верхней ступеньке, давая людям выразить свой восторг. Вряд ли на таком расстоянии окружающие разглядят наши лица настолько, чтобы после узнать при случайной встрече на улице, но зачем им наши лица, их радует сам факт свадьбы своего короля.

Над площадью вспыхнули разноцветные огни, рассыпаясь звёздами и переливаясь яркими всполохами — постарались маги иллюзий. Осыпанные разноцветными бликами, словно всё ещё находились в храме, под витражами, мы спустились к карете — парадной королевской, сама я приехала на другой, — и поехали ко дворцу. Я немного переживала, как там дети без меня, но поскольку знала, что всё давно продумано и отлично организовано, решила думать о чем-нибудь другом, а именно — о своём муже, сидевшем рядом и махавшем в окно людям, стоящим вдоль дороги и осыпающим нашу карету цветами.

Во дворце нас ждал праздничный обед на двести персон. Для королевской свадьбы не так и много, но мы с Кейденсом вновь пришли к компромиссу — он понимал, что для меня и так будет непросто. Поэтому приглашения получили лишь самые-самые важные гости — родственники, верхушка аристократии и представители соседних стран. И, конечно же, наши дети. По традиции, на обед оставались лишь старшие подростки, но я не могла допустить, чтобы большая часть моей семьи не присутствовала на нашей свадьбе.

Поэтому за отдельным столом, но в этом же помещении, устроились мои младшие, оба сына и три племянницы короля, а также несколько его более дальних юных родственников. Для них это событие намного важнее, чем для какого-нибудь герцога, которого я, возможно, вижу первый и последний в жизни раз.

Дальше начался обед. Время от времени кто-то вставал и произносил поздравления, похоже, по чётко установленному графику, в остальное время никто мне особо не мешал наслаждаться обществом мужа и кулинарными шедеврами королевского повара. А поскольку, пользуясь советом Велы, я сосредоточилась на муже и игнорировала порой долетавшие до меня шёпотки и косые взгляды, кусок у меня в горле не застревал. Хорошо, что между обедом и балом будет что-то вроде званого приёма, когда все смогут пообщаться кто с кем хочет, а не только с соседями по столу, за это время можно будет слегка утрясти в животе все эти удивительные вкусы.

Я думала, что всё будет и дальше идти по плану, как весь предыдущий день, но спустя четыре перемены блюд и шестнадцать поздравителей, к королю подошёл Арбен и склонившись к его уху, негромко — но я-то сидела рядом и слышала, — сказал:

— Ваше величество, в порт Лакретики прибыл корабль под флагом Кравении и просит разрешения пришвартоваться.

— Наше королевство закрыто для Кравении, — сухо уронил Кейденс, бросив на меня встревоженный взгляд.

— На корабле находится новый король Кравении Эймеренниттор, и он просит разрешения сойти на землю Лурендии лишь для себя и своей жены, а также открыть для них двоих портал в столицу. Утверждает, что должен сообщить вам что-то очень важное.

— Только для него и его жены? — переспросил мой муж, а я отложила вилку, больше не делая вид, что не подслушиваю. — Не знал, что он женился. И он готов прийти сюда один, без охраны, лишь с женой? Довольно смело с его стороны.

Я тоже не знала, что он женился, но известия из Кравении доходили к нам с большим опозданием, к тому же, кружным путём, через Фразирию. И мне стало безумно интересно, что же такое важное собирается сообщить Кейденсу Эймеренниттор.

— Передайте в Лакретию, — встретившись со мной взглядом и, видимо, поняв моё состояние, король принял решение. — Я разрешаю

этим двоим сойти с корабля и сам открою для них портал во дворец.

ГЛАВА 20. ГОСТИ

День восемьдесят четвёртый. Воскресенье

Спустя какое-то время, наверное, около часа, когда на столах появился десерт, а наевшихся и заскучавших детей увели гувернантки, Арбен снова склонился к уху короля.

— Король Кравении и его жена в доме губернатора Лакретии, в гостиной, ждут портала.

— Прошу меня извинить, срочные государственные дела, — Кейденс встал и, отложив салфетку, направился к двери, уронив: — Продолжайте праздновать, вернусь, как только смогу.

Повеселевшим гостям, осушившим уже не один бокал с вином, такое поведение его величества странным не показалось, всё же, король — работа круглосуточная. А вот я ждать не собиралась и последовала следом за мужем. Оказавшись в коридоре, перехватила вопросительный взгляд Кейденса и пожала плечами:

— Ты знаешь Эймереннитора в лицо? — вопрос был риторическим, поэтому ответа я не ждала и сразу продолжила: — А я знаю. Смогу опознать самозванца, если что.

— Безумно любопытно? — уточнил муж с улыбкой, видя меня насквозь.

— Ещё как! — скрывать я не стала, какой смысл, раз уж прогонять меня обратно к гостям он не собирается.

Шли мы недолго, буквально до соседней двери с другой стороны коридора. За ней обнаружилась небольшая, по меркам дворца, гостиная, а в ней — несколько «лакеев», я уже научилась отличать настоящих от переодетых охранников короля. Остановившись буквально в пяти шагах от двери и задвинув меня себе за спину, муж стал создавать портал, и понадобилось ему на это секунд двадцать. Это в пределах столицы он открывал порталы мгновенно, а тут всё же другой город на краю королевства, и если вспомнить географию, то почти в тысяче километров от нас. И открыть прямой портал туда способен только Кейденс — самый сильный порталщик королевства, а возможно, и всего мира.

Полминуты напряжённого ожидания, и в портал шагнул Эймереннитор, заботливо обнимая за плечи хрупкую фигурку в плаще с капюшоном, скрывающим едва ли не половину лица, оставляя его в тени. Следом вышло четверо мужчин в незнакомой мне форме, занесли две дорожные сумки и сундук, поставили в шаге от портала, поклонились нам с Кейденсом — или только ему, я-то выглядывала из-за его плеча и могла ими быть незамеченной, хотя вряд ли, учитывая пышные юбки, — и ушли порталом обратно. Скорее всего, слуги губернатора, кравенийцам с корабля сойти не разрешили, а тащить багаж самим — не королевское дело.

Первая моя мысль при взгляде на давнего знакомого — возмужал. Ещё бы, я-то запомнила его подростком, только превращающимся в юношу, а теперь перед нами был мужчина под тридцать. Обведя взглядом комнату, Эймереннитор обнаружил меня, уже наполовину высунувшуюся из-за спины мужа, и в его глазах мелькнуло сначала узнавание, а потом заметное облегчение и даже радость.

— Благодарю вас, ваше величество, за то, что разрешили нам посетить вашу страну, — он поклонился Кейденсу, хотя статус у них был равный, и этикет приписывал лишь наклон головы, именно этим мой муж и ответил.

— Мне передали, что у вас что-то очень важное и неотложное, — в ответе мужа явно слышался вопрос и лёгкое нетерпение. — Мы оставили гостей, поэтому...

— Да-да, конечно, — Эймереннитор кивнул, а потом вдруг выставил перед собой девушку, которая всё это время крепко цеплялась за его локоть. — Ну же. Вот она, перед тобой, живая и здоровая. Не бойся, моя хорошая, всё позади.

Я ничего не поняла, Кейденс, кажется, тоже, а судя по тому, как напряглись его мышцы, он не знал, чего ожидать, но приготовился к любому развитию событий, даже к нападению.

Королева — а кто же ещё? — сделала к нам пару неуверенных шагов, остановилась, а потом откинула капюшон плаща, жадно глядя в моё лицо. Я ответила тем же — любопытно ведь. Девушка выглядела совсем юной, но если она сильный маг, то ей могло быть и двадцать, а то и больше. Невысокая, хрупкая, голубоглазая блондинка, она смутно мне кого-то напоминала. Её лицо искажала

гримаса, словно она пыталась одновременно и улыбнуться, и сдержать слёзы. Последнее, кстати, у неё не очень получалось.

— Мелли? — шепнула она, и я вцепилась в руку мужа, потому что ноги вдруг отказались меня держать.

Нет, это невозможно! Лишь один человек на свете звал меня так, но она же умерла! И в то же время, вот она, стоит передо мной, повзрослевшая, но всё такая же родная, всё так же морщит нос, когда плачет, и крохотная родинка в уголке левого глаза, и моё имя...

— Эйтина? — шепнула я в ответ, уже понимая, что да, чудо всё же случилось.

Не знаю, кто из нас сделал первый шаг, но мы столкнулись на полпути, вцепились друг в друга, захлёбываясь в рыданиях, а потом опустились на ковёр, потому что потрясение забрало все силы. Всё, на что их хватало — крепко обниматься, ощупывая друг друга, стараясь убедиться, что это не сон, вглядываясь в изменившиеся, но всё равно узнаваемые лица друг друга, и плакать от величайшего облегчения.

Потом рядом с нами рухнул на колени Рин и обнял нас обеих. Кто бы его ни позвал — спасибо ему большое.

— Это Аринтул, — всхлипывая, объяснила я воскресшей сестрёнке, и она с новой волной рыданий вцепилась в нашего младшего брата.

Постепенно наши рыдания начали стихать. Вопросов была куча — как она спаслась, почему появилась именно сейчас, где была все эти годы, как стала королевой? И ещё множество других. Но задать их не получилось — как только наши слёзы немного стихли, мужья тут же помогли нам встать.

— Дина, девочка моя, я понимаю, что вам с сестрой безумно хочется поговорить, но у нас там пара сотен недоумевающих гостей, а Эймереннитор и...

— Эйтинармила, — хриплым от слёз голосом подсказала я.

— Можно просто Эйтина, — голос сестрёнки звучал не лучше. — Мы же теперь родственники.

— И Эйтина, — продолжил мой король, — должны отдохнуть, переодеться, и... Вы хотите есть?

— Не отказались бы, — усмехнулся мой новоявленный зять. — Так торопились к вам, что про еду совсем забыли.

— Вас проводят в выделенные комнаты и обеспечат всем необходимым, — Кейденс обращался уже к Эймереннитору. — Когда будете готовы присоединиться к празднованию нашей свадьбы — милости просим на бал. Мы постараемся уйти с него пораньше, — это уже мне, — и тогда наговоритесь вдоволь.

Мне хотелось возразить, не хотелось даже на минуту расставаться с сестрой, которую я десять лет считала мёртвой, но я прекрасно понимала, что не всё теперь подчиняется моим желаниям, и то, что я стала королевой, даёт не только привилегии, но и накладывает обязанности. Мне и так дали время немного прийти в себя после такой неожиданной встречи — следы от слёз я быстро уберу, целительница я или нет? — но дольше отсутствовать на собственной свадьбе мы с мужем просто не имеем права.

Поэтому всё, что я сказала, это:

— У вас есть что-нибудь синее, желательно с белым? Здесь это цвета семьи невесты.

— Им что-нибудь подберут, — успокоил меня муж, видя, как растерянно переглядываются вновь прибывшие родственники.

— У меня есть запасной костюм на случай, если этот случайно заляпаю, — хмыкнул Рин, указывая на свой сюртук. — Вам должен быть как раз. И я уверен, что у Велы тоже найдётся запасной наряд, а вы с ней одного роста, — это он уже Эйтине.

— Вела? Дина? — переспросила она, вспомнив и то, как ко мне обратился король.

— Ой, у нас тут совсем другие имена, я вообще Рин, представляете! — заулыбался братец, обнимая Эйтину за плечи. — Да-да, односложное, но я уже привык. Пойдёмте, посмотрим, что можно для вас подобрать, заодно расскажу, кого как теперь зовут и как мы тут жили после побега. Мне-то сразу возвращаться не обязательно, я же не жених, никто и не заметит.

Говоря это, он направился к двери, мотнув головой зятю, чтобы шёл следом. За ними вышло четверо охранников, подхвативших багаж. А я, проводив взглядом ушедших и безумно завидуя брату, на пару мгновений прикинула к мужу и тут же была им крепко обнята.

— Она жива! Поверить не могу! Но как?!

— Думаю, Эймереннитору нам всё расскажет. Чувствую я, что без него не обошлось.

— Надеюсь, его имя тоже можно сократить, — с сожалением выйдя из объятий мужа и подойдя к ближайшему зеркалу, я стала убирать следы слёз — припухшие глаза, покрасневший нос, — и поправлять немного растрёпанную причёску. — Отвыкла я от таких длинных имён, теперь понимаю, какие они неудобные, хотя прежде казались абсолютно нормальными.

На нервной почве я болтала всякую ерунду, и муж это понял. Как всегда.

— Дина, — развернул он меня к себе, — всё хорошо, моя девочка, всё хорошо. Твоя сестра снова с тобой. Нам осталось пережить этот бал — и ты сможешь проболтать с ней хоть всю ночь.

— Нашу брачную ночь, — криво улыбнулась я.

— Мы наверстаем, обещаю!

— Не сомневаюсь, — слова мужа заставили меня улыбнуться. А взгляд — понять, что навёрстывать он готов вот прямо сейчас, здесь, и, если бы не гости — и новые, и те, что сейчас недоумевают по поводу нашего отсутствия, я бы уже стонала в его объятиях. Мне самой пришлось мысленно дать себе шлепка, чтобы не наброситься на моего короля. — Я готова. Пошли?

И мы пошли. Успели как раз к тому моменту, когда пора было выходить из-за стола. Мой муж извинился за наше отсутствие, сказав, что внезапно приехали мои родственники, которые скоро к нам присоединятся, а пока, всем нужно пройти в бальный зал, где скоро начнутся танцы.

Я заметила, как переглянулись Вела и тройняшки, услышав про родственников, как заперешёптывались гости — всем было уже известно моё происхождение, история нашего спасения не была тайной, и то, что родственников у нас не осталось, тоже знали все. Моя мама была из другой ветви королевской семьи, мои родители были четвеюродными братом и сестрой, и родни по материнской линии у меня тоже не осталось.

Но подойти к своим родственникам и объяснить, что случилось, я не могла. Мы с мужем были буквально атакованы теми, кто заготовил поздравления, а сказать его за столом было некому, и они навёрстывали сейчас. А также те, кого среди назначенных поздравляющими не было, но они тоже хотели перебраться с нами парой фраз, в основном это были женщины, и я получила несколько не

самых доброжелательных комплиментов и пожеланий, вроде заботливого совета не затягивать с детишками, а то женский век короток, как бы не упустить.

При этом говорившие отлично знали, что я очень сильный маг, мой-то век, как женский, так и любой другой, гораздо длиннее, чем у обычных людей и даже у магов средней силы, и при желании я могу без проблем родить ребёнка хоть в семьдесят, но не уколоть меня возрастом, прикрываясь заботой и сочувствием, они не могли. Мы с Кейденсом лишь переглядывались и улыбались, такие попытки уязвить нас лишь веселили.

Наконец тихая музыка, звучащая всё это время фоном, стала громче, и грянуло вступление к первому танцу, который новобрачные танцуют вдвоём. Облегчённо выдохнув, поскольку жаждущие общения гости были вынуждены выпустить нас из кольца, я закружилась в объятиях мужа по залу.

Первый танец, второй, третий... Второй мы танцевали уже не одни, десятки пар присоединились к нам, скользя по натёртому до зеркального блеска паркету, на третий меня пригласил Сев, на четвёртый — Олдвен, потом снова мною завладел Кейденс, а когда танец закончился, и я попросила передышку, было объявлено о прибытии короля и королевы Кравении.

Глядя на входящую в зал пару в сине-белом, я внезапно осознала то, о чём совершенно забыла, сражённая появлением воскресшей сестрёнки. Мой зять — не просто славный паренёк из моего прошлого, теперь он еще и король страны-агрессора, захватившей наше королевство и подло уничтожившей практически всю мою семью. Я привыкла всей душой ненавидеть Тропорлайвистава и вздрагивать, слыша слово «Кравения», и сейчас у меня не складывались в одно целое два несочетаемых понятия — «муж сестры» и «король Кравении».

Но вновь взглянув на сестрёнку, к которой сейчас с робким любопытством подходила Вела, я отмахнулась от попытки всё это осознать. Будем двигаться небольшими шагами, у меня еще будет время привыкнуть. А пока нужно просто помнить, что кем бы ни был Эймеренниттор, лишь ему я обязана тем, что вижу сейчас Эйтину. И тем, что она жива — тоже. Буду думать только об этом, остальное — потом, потом...

Спустя еще три танца мы с мужем попрощались с гостями и удалились, оставив их развлекаться дальше. Конечно же, все подумали, что молодожёны спешат уединиться в спальне, поэтому нашему исчезновению никто не удивился. Мы, действительно, стремились уединиться, но не друг с другом, а с моей семьёй.

Вместо спальни мы перенеслись порталом в одну из гостиных семейного крыла. Там уже разместились мои студенты и Эйтина с мужем, по очереди исчезавшие из зала в течение последних нескольких танцев, причём Вэла с Эйтиной устроились в обнимку на диване, оставив мне местечко, Эймереннитор — нужно всё же узнать, как можно его сократить, — стоял за спиной жены, остальные — на креслах и пуфиках расставленных полукругом напротив дивана. Младших было решено не звать, они не помнили никого из нашей прежней жизни и знакомиться с моей сестрёнкой им придётся заново, успеют и завтра.

— Мы ждали вас, — повернулась ко мне Вела, — я рассказывала, как мы здесь жили, вы ничего не пропустили.

— Спасибо, — я уселась рядом с Эйтиной и заключила её в объятия. — Как же тебе удалось выжить в той бойне?

— Чудом, — криво улыбнулась мне сестрёнка. — Богиня-Мать помогла, не иначе. Пусть лучше Эймер расскажет, я и сама только с его слов знаю.

Мы все дружно посмотрели на... Эймера. Отличное сокращение, мысленно так и буду называть, а то пусть не язык, но мозги сломать точно можно. Увидев, что мы трое едва шеи не свернули, молодой король Кравении обошёл диван и пристроился на подлокотнике кресла, в котором сидел Нев. Тот было дёрнулся уступить место, но был остановлен жестом.

— Я никогда не поддерживал отца в его планах по завоеванию Марендонии, — начал Эймер. — Меня в них особо не посвящали, я тогда ещё мальчишкой был, по крайней мере, в глазах отца, но совсем быть не в курсе я не мог и пытался его отговорить. Только кто ж меня слушать-то будет, если уж отец что-то решал, его было не переупрямить, а Педжин, как обычно, полностью его поддерживал.

— Кто? — переспросил Рин.

— Педжиналуррин, мой старший брат, — пояснил Эймер, и до меня дошло, что это имя я тоже слышу впервые. Старшего сына

Тропорлайвистава за глаза всегда называли Наследником, а лично нас не знакомили, меня на тот бал в Кравении, как я позже поняла, взяли-то лишь для того, чтобы с Эймером познакомить, как возможную потенциальную невесту, а Наследнику правнучку герцога и не предлагал никто, ему будущую жену среди принцесс подбирали.

— Я даже не смог ничего сделать, предупредить, например. Когда я открыто возмутился планами отца, он просто велел запереть меня в моих комнатах, лишив артефакта связи и запретив охране и слугам со мной общаться. Прости, Меллина, я ничего не смог сделать.

— Даже если бы и смог — наше королевство всё равно не смогло бы противостоять войскам твоего отца, — покачала я головой. У нашей маленькой Марендонии не было шансов против агрессора. — Даже если бы мобилизовали всех, кого могли — просто было бы больше жертв с обеих сторон, а результат не изменился бы.

— Наверное, — вздохнул Эймер. — Но я всё равно чувствовал себя виноватым. После отречения вашего короля меня из-под ареста выпустили, но отослали в дальнее поместье, мотивировав это тем, что у меня каникулы в академии, и я должен пожить «на свежем воздухе». Даже разрешили взять с собой троих друзей из академии, мол, развлекайтесь, детки, на природе, пока молоды, ловите момент. А по сути, это была самая настоящая ссылка.

— Вас это не насторожило? — поинтересовался Кейденс. — Если король Марторивелин уже отрёкся от престола, в чём был смысл этой ссылки?

— Ещё как насторожило. Мы жили практически в изоляции, но вот чего мой отец не учёл, это того, что один из моих друзей был магом-портальщиком. Моими друзьями, как, в общем-то, и мной самим, он мало интересовался, наверное, думал, что я дружу со своими одноклассниками — магами земли. Трэнор был довольно сильным магом, и хотя перешёл лишь на третий курс, мог совершать довольно длинные скачки. Он-то и предложил отправиться в ближайший город, разведать обстановку, как он выразился. Мы и удрали втихаря. Был уже поздний вечер, мы, нацепив плащи, одолженные у слуг...

— А слуги знали о сделанном одолжении? — поинтересовался Сев, с иронией подняв бровь.

— Мы решили не беспокоить их лишней информацией, — криво улыбнулся Эймер. — В общем, замаскировались, как могли, и уселись в одной из таверн пить пиво и собирать слухи. Тогда-то и узнали и о резне, устроенной людьми отца, и о том, что один замок всё ещё держится. И в наши, уже затуманенные алкоголем головы пришло «озарение» — отправиться на помощь осаждённым.

— Смело, но глупо, — покачал головой Кейденс.

— Теперь и я это понимаю. Но юность и алкоголь не способствуют ясности разума и логическим рассуждениям. В общем, мы отправились в ваше поместье. Пришлось совершить несколько прыжков, но Трэнор справился. Видимо, Богиня-Мать хранила неразумных юнцов — в замок мы перенеслись в единственный безопасный момент той страшной ночи. Бой с вашими родными был закончен, и все выжившие солдаты отца ринулись по подземному переходу вслед за вами. В зале, где мы оказались, на несколько минут не осталось никого из бойцов. Чуть раньше — и мы попали бы в самую мясорубку боя, чуть позже — нас бы убили вернувшиеся из тоннеля солдаты, просто потому что имели приказ уничтожить всех обитателей замка, чтобы никого не упустить.

— Невероятно, — покачал головой Рин. — Вам и правда повезло.

— Мы это поняли позже. А тогда лишь пришли в ужас от открывшейся картины той бойни — она и сейчас, спустя десять лет, стоит у меня перед глазами, словно увидел всё только вчера.

Я всхлипнула, потому что ясно представила, что именно увидела та кучка парней. И это было страшно.

— Мы протрезвели мгновенно. Осознали, во что могли вляпаться, к каким последствиям это могло привести. К тому же, поняли, что просто опоздали — спасать уже некого. О вас, сбежавших межконтинентальным порталом, мы тогда ещё не знали. Трэнор начал строить обратный портал, и тут произошёл взрыв.

— Прадедущка зачаровал свою лабораторию так, чтобы она взорвалась после нашего переноса, — пояснила я, вспомнив рассказ Кейденса. — Чтобы никто не смог последовать за нами или хотя бы отследить точку переноса.

— Этого мы тоже не знали, но взрыв был такой силы, что замок ощутимо трянуло. Я, пытаясь удержать равновесие, сделал шаг назад, запнулся обо что-то и упал прямо на тела. И услышал стон. Он

раздался мне прямо в ухо, потому-то я его и услышал, а скорее — ощутил движение воздуха от выдоха. И этого мне хватило, чтобы понять — там кто-то живой. И я зашарил руками, пытаюсь найти этого живого.

— А разве не видно было, кто это и где он? — удивилась Льюла.

— Там только что закончился бой, — покачал головой Эймер. — Дым, пыль, копоть, часть мебели горела. Было мало что видно и из-за всего этого, и от того, что глаза слезились. В итоге я нащупал лицо Эйтины, почувствовал ладонью её дыхание, схватил в охапку и шагнул в построенный Трэнором портал. И лишь вернувшись домой, разглядел, кого мы утащили из-под носа у солдат.

— Я ничего этого не помню, очнулась уже в комнате Эймера, спустя несколько дней, — с обожанием глядя на мужа, пояснила Эйтина. — Я и бой-то почти не запомнила. Но это было так страшно...

Она содрогнулась, и мы с Велой в едином порыве крепче обняли сестрёнку с двух сторон.

— Всё позади, — шепнула я, глядя её по спине, как в детстве, когда малышка просыпалась ночью от страшного сна. — Я рядом. Всё позади.

— А дальше? Что было дальше? — не выдержал паузы Нев.

— Здесь наше везение кончилось, — вздохнул Эймер. — Портальщик-то среди нас был, а вот целителя не было. И откуда-нибудь привести побоялись, вот и взялись лечить сами, как могли.

— И вылечили? — недоверчиво переспросила я, хотя сама держала в руках живую и здоровую сестрёнку. На всякий случай тщательно её продиагностировала — всё нормально, абсолютно здорова, лишь один небольшой нюанс, но для новобрачной — учитывая, что на момент коронации Эймер был не женат, это в газетах упоминалось, поженились эти двое совсем недавно, — это нормально. Интересно, она сама-то знает? Срок совсем крохотный. Ладно, не сейчас, успею и спросить и, возможно, порадовать.

— Вылечили, — подтвердил очевидное Эймер. — Как могли. На наше счастье, тяжёлых травм у девочки не оказалось, несколько поверхностных ран, ожогов и сильное сотрясение мозга, из-за которого она потеряла сознание и была в пылу боя принята за мёртвую. Думаю, не утащи мы её — позже обнаружилось бы, что она жива, и её бы добились, но... Мы утащили.

— Вас точно Богиня-Мать направила туда, — всхлипнула Вела, глядя на Эймера как на героя.

— Скорее пиво и юношеская глупость, но пути Богини неисповедимы, — чуть смущённо улыбнулся король Кравении. — В общем, лечили мы её, как могли. Трэнор рванул в академию, утащил из библиотеки книги по целительству. Мы бегали к местной знахарке, кто с «головной болью», кто с ожогом, кто с порезом — пришлось себя немного поранить, зато получили и лекарства, и кое-какие знания. Пару лекарей в ближайшем городке ограбили, унесли перевязочный материал, но денег взамен оставили раза в три выше стоимости украденного. В общем, к концу каникул Эйтина пусть и не была идеально здорова, но жизни её уже ничто не угрожало. А оставшиеся головные боли и шрамы мы ей уже в академии вылечили.

— В академии? — ахнуло сразу несколько голосов. — Но как?

— О, это было то еще приключение — забрать малышку с собой в академию и прятать её там оставшиеся три года. Но выбора не было — или так, или её найдут, причём очень быстро. Всю нашу страну частым гребнем прочёсывали в поисках сбежавших внуков герцога Аравиуленского, да и не только нашу. К счастью, артефакты, распознающие королевскую кровь, срабатывают на расстоянии всего в пару-тройку метров, не дальше, и никому даже в голову не приходило обыскивать комнаты королевского сына. Так что, рядом со мной для малышки было безопаснее всего. Хотя пришлось решать кучу бытовых проблем, но вместе мы справились.

— А как же вы её долечили-то? — любопытствовал Рин. — Если боялись, что целитель её выдаст.

— Всё просто, и жаль, что мы сразу до такого не додумались. Присмотрели мы среди старшекурсников целителя посильнее, но из простолюдинов — таких в академии было мало, и они обычно были изгоями, большинство аристократов презирало их за происхождение и успехи, поскольку сами, в отличие от них, старательностью не отличались. В общем, присмотрели одного такого, пришли ночью, завязали глаза, перенесли порталом, дали прикоснуться к Эйтине и велели лечить. После сеанса вернули назад, дали денег и велели молчать.

— И он молчал? — Льюла скептически приподняла бровь.

— Молчал. Наш расчёт оказался верным — друзей у парня практически не было, ему просто некому было рассказать, особенно учитывая, что ни наших лиц, ни места переноса, ни самой пациентки он не видел. К тому же, платили мы хорошо, а в его положении деньги лишними точно не были. В общем, стали мы его раз в неделю, перед выходными, забирать, чаще было нельзя.

— Почему? — удивился Сев.

— Педагоги могли заметить внезапную и неоправданную потерю сил, — опередила я Эймера. — А за выходные он успевал восстановиться.

— Верно, — кивнул рассказчик, с уважением посмотрев на меня. — Мы не могли рисковать, поэтому перестраховывались. Головные боли Эйтине он снял во время первого же сеанса, а шрамы могли и подождать.

Мы с Кейденсом переглянулись и понимающе улыбнулись. Он ведь тоже, убедившись в моих способностях, отложил на потом своё излечение, принеся мне Эррола. И хотя благодаря нашим ночам он давным-давно был здоров, от шрамов не осталось и следа, даже след на щеке постепенно сравнялся цветом со здоровой кожей. Предугадать этого во время того разговора Кейденс не мог, а своё лечение всё же отложил.

— За несколько месяцев Эйтина была полностью излечена, так что, нам оставалось только прятать её. Как мы выводили её ночами погулять, как таскали в мою комнату еду, так, чтобы никто не заметил, как раздобывали ей одежду по росту — отдельная история, книгу можно написать. А уж каких нервов нам всем стоило её... кхм... превращение в девушку! Нужно же было сначала самим понять, что малышка вовсе не умирает от неизвестной болезни — спасибо тому целителю, просветил, хотя и очень удивился вопросу, — а потом объяснять девочке, что с ней происходит. А мне восемнадцать было, и беседу ту друзья на меня свалили. Как вспомню, так вздрогну. Вы вряд ли понимаете, о чём я, — повернулся он к близнецам, — но поверьте, это был просто кошмар.

— А что такого? — Нев и Сев переглянулись и синхронно пожали плечами. — Это же нормально. Совершенно обычные процессы женского тела, чего пугаться-то?

— Нас целительница вырастила, — с улыбкой глядя на потерявшего нижнюю челюсть Эймера, напомнил Рин.

Причём растила в крохотном домике вместе с сёстрами. Тут хочешь не хочешь, а объяснять приходится. Поэтому мои мальчики с детства воспринимали происходящее как некую норму. Дети растут, старики седеют, у женщин бывают особые дни — это жизнь.

А вот Кейденс покраснел. Какая прелесть.

— А, ну да, конечно, — растерянно оглянувшись на меня, пробормотал король Кравении. — Но поверьте, я о чём-то подобном тогда даже не догадывался. И для меня это было шоком и кошмаром наяву.

— Я тебя понимаю, — посочувствовал бедолаге мой муж.

Я, кстати, тоже, и Эймер ещё больше вырос в моих глазах. Он не только спас — хотя и практически случайно, — мою сестрёнку, а взял на себя заботу о ней. Во всех смыслах. И не отступил перед трудностями. Поступок настоящего мужчины.

— В общем, худо-бедно, до выпуска мы дотянули. Потом мы с Эйтиной вернулись в то же самое поместье, не во дворце же ей прятаться. Отцу было всё равно, пару раз в год я появлялся на разных семейных торжествах, потом вновь возвращался к себе. Эйтина уже не пряталась — она официально считалась моим личным слугой.

— Слугой? Не служанкой? — уточнила Вела.

— Да, слугой, — кивнула Эйтина. — Я притворялась парнишкой, это давало мне возможность ночевать в покоях Эймера — там для меня было безопаснее всего.

— Сначала малышка для меня была словно младшая сестрёнка, — улыбнулся воспоминаниям мой зять. — Но когда она выросла, я понял, что люблю её. К счастью, она ответила мне взаимность.

— Я с детства обожала тебя, — Эйтина посмотрела на мужа влюблёнными глазами, он ответил ей тем же. — Разве могло быть иначе?

— А что было бы, если бы ваш отец не погиб? — спросила Льюла. — Вы же не могли прятать Эйтину всю жизнь.

Я с любопытством посмотрела на короля Кравении в ожидании ответа. Действительно, что они собирались делать дальше?

ГЛАВА 21. СЕМЬЯ

День восемьдесят четвёртый. Воскресенье

— Вы не поверите, — усмехнулся Эймер, — но мы планировали побег.

— Я поверю, — пожал плечами мой муж. — Какой у вас ещё был выход?

— Папашку завалить, — буркнул Нев и поймав мой укоризненный взгляд, сделал невинные глаза. — Что? Я всего лишь варианты перебираю.

— Дело не в самом побеге, а в том, куда именно мы планировали податься, — не став держать интригу и дожидаться вопросов, ответил Эймер и продолжил: — Сюда, в Лурендию.

— Вас бы не впустили, — покачал головой Кейденс.

— Я знаю. Мы собирались сначала приехать в одну из соседних стран, а потом уже оттуда перейти границу как местные жители.

— Но почему не остаться в той стране? — я спросила просто из любопытства, сама бы, конечно, предпочла, чтобы Эйтина с мужем оказалась в Лурендии, ведь здесь шанс встретиться у нас был бы в разы выше, чем останься они в той же Вертавии.

— Лишь здесь мы могли попросить политическое убежище, и отец не смог бы ничего с этим поделать — это и было нашей конечной целью. При желании, он смог бы дотянуться до нас в любом другом королевстве. Но только не здесь.

— А почему сразу не сбежали? — спросила Льюла. — Хотя бы когда полюбили друг друга. Это ведь не месяц назад случилось.

— Нет, прошло уже несколько лет с тех пор, как ваша сестра стала моим счастьем, — мягкая улыбка буквально осветила лицо молодого короля. — Сбежать-то мы могли в любой момент, под замком меня никто не держал и охрану не приставлял, но... На что бы мы жили? У меня не было ничего своего, кроме ежемесячного содержания, позволяющего жить на широкую ногу, но того, что одновременно оказывалось у меня в руках, даже на аренду корабля не хватило бы. Поэтому я решил копить деньги, откладывая половину содержания, а то и две трети — при тихой жизни в провинции я тратил мало, — и за

несколько лет должна была накопиться солидная сумма, которой хватило бы и на новые документы, и на дорогу, и на обустройство на новом месте, и на первое время, пока я не нашёл бы работу. Я сильный маг земли...

— А я — огня, — подхватила Эйтина. — И тоже могла бы работать. Ты-то ведь справилась, — это она уже лично мне.

— У меня не было выбора, — развела я руками.

— У нас тоже. Сколько еще я смогла бы притворяться парнишкой? Некоторые слуги уже начали удивляться, что я практически не расту. Сколько можно оставаться подростком? А я ведь больше уже не вырасту.

— Мы планировали побег на следующее лето, — вновь вступил в разговор Эймер. — Но тут случилось то, что случилось, и, неожиданно для себя, я стал королём. Это означало, что побег уже больше не нужен, и мы поженились через два дня после коронации. Тихо и скромно, в стране официально траур, а нам это было даже на руку.

— То есть, в Кравении знают, на ком вы женаты? — уточнила Вела. — Просто мы не знали ни о свадьбе, ни тем более о том, кто ваша жена. Последнее, что было в газетах — известие о коронации.

— О свадьбе народу было объявлено, но о личности моей жены пока знает лишь совет министров. Недовольных не было.

— Даже так? — Кейденс недоверчиво поднял бровь.

— Я им напомнил, кто теперь у нас король, и кому они приносили клятву верности на крови, — расслабленное лицо Эймера вдруг застыло, сразу сделав его гораздо старше, взгляд заледенел. — Они привыкли не воспринимать меня всерьёз. Отвыкнуть пришлось быстро. Больше недовольных не было.

И мне почему-то не захотелось узнавать подробности той беседы. Главное — у моей сестрёнки не только любящий муж, но и сильный защитник, готовый ради неё на многое, если не на всё. Мне этого было достаточно, а разборки Эймера со своими министрами меня не касались.

— Вы взяли с подчинённых клятву на крови? — уточнил мой муж.

— Да. Я не мог рисковать безопасностью моей малышки.

— И вы покинули страну в такой момент? — недоверчиво уточнил Рин, тоже поняв недосказанное.

— Клятва на крови исключает предательство, — пояснил ему Кейденс. — Испепеляет за одну только мысль о нём, поэтому её берут в самом крайнем случае. Вы и правда хорошо подстраховались.

— Поэтому я спокойно уехал, зная, что с королевством всё будет в порядке. Мой отец был слегка помешан на своей армии и мало уделял внимания всему остальному, но чего у него не отнять — он набрал отличный штат профессионалов, и под их руководством экономика королевства катится на хорошо смазанных колёсах. Из-за нашего отсутствия ничего не рухнет. Поэтому, как только было получено известие, кто именно является вашей невестой, — это он Кейденсу, — мы собрались в путь буквально за несколько дней, дождавшись лишь, пока корабль будет готов к такому долгому плаванию. И наш корабль плыл гораздо быстрее почтового, вот потому о нашей свадьбе вы и не знали.

— Я так торопилась! Так хотела успеть к тебе на свадьбу! — Эйтина крепче ко мне прижалась.

— У тебя получилось, — я, как в детстве, чмокнула сестрёнку в макушку, для чего мне пришлось потянуться, потому что теперь мы были одного поста.

— Когда я прочла в газете о том, кого именно берёт в жёны сам король Лурендии, то долго не могла поверить своим глазам, — улыбнулась она мне. — Оказывается, дедушка отправил вас в самое безопасное место! А ведь поиски так и не прекратились, первое время Марендонию прочёсывали очень часто, последнее время — лишь раз в год. И все эти годы я и хотела, и боялась получить какие-то сведения о вас. Хотела — потому что, это означало, что вы всё же выжили, что у дедушки получилось. И боялась, потому что это поставило бы вас под удар. Но теперь мы все в безопасности. Я до сих пор не могу в это поверить!

Да, я тоже долго не могла поверить, что рядом с Кейденсом мне бояться нечего. Поэтому очень понимала сестрёнку.

— Всё же вам очень повезло в тот день, что никто не попытался отследить портал, которым вы унесли Эйтину, — сказал Рин, задумчиво глядя на Эймера. — Разве они не заметили пропажу?

— Скорее всего, нет. О том, что из замка исчезли дети, стало известно, но сколько именно их было, никто толком не знал. Те, что бежали сразу за вами и могли... ну, не знаю, сосчитать, погибли. Да и в

той бойне вряд ли пересчитывали защитников, не до того было. Эйтину, скорее всего, посчитали сбежавшей вместе с вами, потому никому и в голову не пришло проверять порталы, особенно учитывая, что там потом их явно было множество. Затоптали, — криво улыбнулся Эймер.

— Вам и правда невероятно повезло, — сделал вывод Кейденс. — Утащи вы кого-то взрослого, это могло бы насторожить, началось бы расследование, но ребёнок... Да, очень повезло.

— А вы? Как же выжили вы? — Эйтина повернулась ко мне. — Тебе же всего пятнадцать было, и тут — чужая страна, куча детей на руках. Как?

Я оглянулась на Рина — он вроде как собирался именно это рассказать гостям, пока те приходили в себя после дороги, — но брат покачал головой:

— У нас в основном речь шла о том, как мы уже здесь обживались, и как ты с его величеством познакомилась.

— А мы про академию немножко рассказали, — добавила Льюла. — Мы все тебя ждали.

— Ясно, — кивнула я, а потом начала свой рассказ с того момента, как мы оказались возле поля ржи в трёх километрах от села Пригорного на границе с Вертавией.

Рассказ оказался очень долгим, Эйтине была интересна каждая мелочь, нашим с ней мужьям — тоже. Да, Кейденс тоже интересовался подробностями, хотя мне казалось, что за эти два месяца мы уже всё, что можно, обсудили. Оказалось, что нет. Вопросы сыпались, как из дырявого мешка, а мы, вшестером, на них отвечали.

Разговор затянулся почти до рассвета — хорошо, что на завтра король лично отпросил у ректора моих студентов с уроков «по семейным обстоятельствам», — в какой-то момент заспанная горничная принесла нам чай и кучу канапе и пирожных, что поддержало нас, поскольку сегодняшний долгий праздничный то ли обед, то ли ужин, который мы с мужем ещё и частично пропустили, давно превратился лишь в воспоминание. Темы для разговоров всё не кончались, пока Эйтина не уснула прямо посреди фразы у меня на плече. Тогда мы наконец осознали, что давно уже все клюём носами и давим зевки, просто никто не решается первым признаться в усталости, и решили, что пора расходиться, успеем еще наобщаться.

Мой король открыл для гостей портал в их комнаты, Эймер унёс так и не проснувшуюся жену на руках, студенты утопали сами, благо, их комнаты были на этом же этаже в паре десятков метров, а вот гостей разместили в другом крыле. Мы же добрались до моей спальни — порталом, конечно, я что, зря за порталщика замуж выходила? — рухнули на кровать, едва стащив с себя часть одежды, и уснули моментально, всё же и день был непростой, и воскресшая сестра — это сильнейший стресс, хотя и радостный, но всё равно шок, а бессонная ночь лишила остатка сил.

Я проснулась от того, что моё лицо покрывали лёгкие поцелуи, а умелые пальцы пытались снять с меня бельё, до которого вчера просто руки не дошли. Я довольно улыбнулась и слегка выгнула спину, чтобы этим самым пальцам было легче добраться до крючков на корсете. Как я в нём вообще уснула — не представляю, впрочем, корсеты у меня были довольно мягкие, мы с портнихой пришли по этому поводу к компромиссу. И вот теперь Кейденс пытался на ощупь освободить меня от этого доспеха.

Конечно, проще было бы перевернуться на живот, но это означало лишиться поцелуев, поэтому я лишь обняла короля за шею, слегка на нём повиснув и дав таким образом лучший доступ к своей спине.

— Доброе утро, жена, — шепнул он, довольно успешно расправляясь с крючками.

Я приоткрыла один глаз, оценила заливающие спальню солнечные лучи и хмыкнула:

— Добрый день, муж.

— Дина! — в дверь внезапно застучали. Мы замерли, с удивлением посмотрев сначала друг на друга, потом на источник шума — стучали даже не в мои покои, а сразу в дверь спальни! Прекрасно понимая, кто в ней сейчас кроме меня находится.

— Льюла, если кто-то из вас не умирает прямо в данную минуту, я убью тебя сама!

— Ну, не то чтобы из нас, и не так чтобы умирает... Но она ревёт и не подпускает к себе лорда Хавлока, а он требует только тебя! А я уже не могу слышать, как она ревёт. Но никто не рискнул тебя разбудить. Мы хотели, чтобы Эррол позвал, ему точно ничего не будет, принесли сюда, а он упёрся и говорит, что маму будить нельзя, она и

так устаёт. Тогда мы жребий тянули, и я вытянула, не надо меня убивать! — зачастила Льюла.

— Мама? — Кейденс поднял бровь.

— Потом расскажу, — шепнула я, вскакивая и натягивая халат. Кажется, меня только что лишили ещё и брачного утра, точнее — дня, мало мне было брачную ночь потерять! — Кто ревёт, и почему лорд Хавлок меня требует?

— Да не он, а его высочество, папа Адайны, а она поранилась и его не подпускает, ну, то есть, не его высочество, а лорда Хавлока и всех его помощников, потому что они мужчины. Ну и его высочество тоже не подпускает, он тоже мужчина. И он сказал — тебя позвать, на тебя она согласна.

— Что случилось? — спросила я, выскальзывая в чуть приоткрытую дверь и тут же захлопывая её за собой — халата Кейденса в моей спальне не было, а одеваться в нормальную одежду ему дольше, чем мне в халат.

— Пойдём, — схватив меня за руку, Льюла потянула в коридор, потом по лестнице на третий этаж, где располагались детские. Я сразу увидела толпу детей и взрослых возле одной из дверей — там, похоже, собрались все мои дети и все родственники короля, включая приехавших на свадьбу. В сторонке топтался растерянный лорд Хавлок, еще пара мужчин средних лет и несколько растерянных слуганок.

— Пожалуйста, леди Меллина, помогите, она поранилась, — кинулся ко мне встрёпанный принц Олдвен. — А целителей к себе не подпускает.

— Мы в саду в догонялки играли, а она споткнулась и упала, а там ветка сухая валялась, — пояснила Лана.

— А она на тот сучок прямо задом шлёпнулась, — добавил Бейл, и я начала понимать, почему Адайна отказалась подпускать к себе целителей-мужчин. В девять лет это абсолютно невозможно — показать попу чужому мужчине, пусть даже целителю.

Я подёргала дверь — заперто. Постучала и услышала детский голос:

— Кто там?

— Это я, леди Меллина.

— Открывай, это мама! — откуда-то изнутри послышался голос Авы, и на двери щёлкнул замок.

Снова протиснувшись в щёлку — дверь за моей спиной тут же заперли, — обнаружила свою младшенькую, сидящую на краю кровати и глядящую по волосам лежащую на животе и рыдающую в подушку Адайну. Мимо меня прошмыгнула Ренита и, встав возле изголовья, тоже стала гладить сестру по голове. А я с трудом сдержала улыбку, наблюдая за этими девочками, которые сплотились и держали оборону против взрослых, защищая достоинство Адайны и неприкосновенность её попы.

Ранка оказалась не такой и страшной, просто глубокая кровотокающая царапина, вокруг которой уже наливался синяк — пышные нижние юбки спасли от чего-то более серьёзного. И рыдания были скорее реакцией на испуг и весьма смущающее место травмы. Пока залечивала болячку, вспомнила парня с фурункулом и мысленно улыбнувшись, подумала — вот же не везёт лорду Хавлоку, никто ему попу показывать не желает, ни юные девочки, ни взрослые парни. Впрочем, при первой встрече с Эрролом у нас было то же самое, только зеркально отражённое.

Закончив лечение, я предложила Адайне позвать её няню — которой в комнате почему-то не оказалось, наверное, она не решилась пройти сквозь толпу королевской родни, чтобы предложить свою помощь, — умыться, переодеться и присоединиться к остальным детям. Сама же уже подошла к двери, когда была остановлена вопросом Авы:

— Мам, ты вот прямо так идти собираешься?

И до меня дошло, что Льюла притащила меня сюда в чём я была — в халате поверх ночной рубашки и наполовину расстёгнутого корсета и в тапочках без задников на босу ногу, предназначенных, чтобы ночью от кровати до уборной добежать, на людях в таких не показываются. Чулки и панталончики отсутствовали — подсуетился муж, прежде чем добрался до крючков корсета, — и, хотя этого точно никто видеть не мог, я вдруг ощутила себя совершенно голой. Когда мчалась к раненному ребёнку, еще не зная тяжесть его травмы, об этом не думала, но вот сейчас...

Я застыла в растерянности, не зная, что предпринять, потом попросила Аву:

— Пошли какую-нибудь служанку принести мне сюда одежду.

Девочка отперла дверь и выскользнула наружу, плотно её за собой закрыв, спустя несколько секунд в комнату забежала полная женщина средних лет и заворковала над Адайной, потащив в ванную умыться, а ещё через полминуты Ава засунула в приоткрытую щель голову и порадовала меня:

— Сейчас его величество тебе портал откроет в спальню.

Вот и славно, так ещё лучше. Спустя пару секунд я уже была в своей спальне, где смогла спокойно умыться и одеться. Когда натягивала платье, через дверь, которая прежде всегда была закрыта, зашёл Кейденс и помог мне застегнуть всё, что нужно. Я бы и сама справилась, мои повседневные платья были специально так сшиты, Шелла только с парадными помогала, сейчас даже не сунулась, знала, что я терпеть не могу, когда помогают в том, что мне и самой по силам. Но помощь мужа я приняла с благодарностью, мне безумно нравилось, когда он брался за мной ухаживать.

— Значит, «мама»? — уточнил он, хитро на меня поглядывая.

— Эррол сам спросил, можно ли ему меня так называть, я сказала: «Когда мы с твоим папой поженимся, можно». Извини, что не успела с тобой это обговорить, последние дни были слегка безумными.

— У меня он об этом тоже спрашивал, и я велел узнать у тебя, — успокоил меня муж. — И тоже замотался и не узнал о результатах вашего разговора. И очень рад, что ты согласилась.

— Как же иначе-то? Он совсем крохой был, когда маму потерял. К тому же, мои младшие зовут меня мамой, хотя это на самом деле не так. И Эррол это знает, и ему тоже хочется маму. А я уже его люблю, как родного.

— Да, свою мать он едва ли хорошо помнит. Знает, что она была, видел портреты, но...

— Знаешь, Ронту было три, когда он потерял родителей, немногим младше Эррола. Сколько ему было? Четыре?

— Почти. Месяца не хватало.

— Так вот, Ронт очень быстро привык называть меня мамой, сначала это для него было что-то вроде игры, потом он просто забыл, что я — не она. Во всяком случае, не упоминал её, ничего не спрашивал. А вот няню долго ещё звал, искал, тосковал по ней. Может, с Эрролом то же самое?

— Скорее всего. Лоринда любила сыновей, я в этом уверен, просто... в нашем королевстве малыши в основном находятся на попечении своих кормилиц и нянь. Чем старше ребёнок, тем больше с ним общаются родители, но до пяти лет он видит их редко, по расписанию. Например, то традиционное воскресное чаепитие.

— У нас так же, — кивнула я. — Но своих детей я буду растить сама. Няня должна помогать, а не заменять мать. Это неправильно. Наверное, я слишком долго жила среди простолюдинов и вела себя как они, но поверь, матери, передающие своих крох чужим женщинам, теряют очень много, очень! Никаких кормилиц. Возражения не принимаются.

— Возражений не будет, — улыбнулся король и легонько чмокнул меня в нос. — Я простолюдинку-то переспорить не мог, а уж с королевой точно не справлюсь. Знаешь, — его взгляд посерьёзnel, — раньше я считал всё это правильным и нормальным, так было всегда и, казалось, будет и впредь. Но когда посмотрел на тебя с детьми, то увидел удивительную связь и близость матери и детей, которой никогда не наблюдал прежде. А ведь они тебе даже не родные!

— Родные! — возмутилась я.

— Да-да, конечно, родные, просто, согласиcь, родила этих детей всё же не ты. Но ты стала им такой матерью, какой не бывают женщины в аристократических семьях. Может, потому и моя мать так легко оставила Вилмера, уйдя в обитель Богини, и для Мэноры её дочери мало что значили. Может, нянчи они их в младенчестве, корми грудью — связь была бы намного крепче?

— Я собираюсь изменить эту традицию, — я встретилаcь с мужем глазами в зеркале, в которое смотрелась, привычно убирая волосы в простую утреннюю причёску. — Моих детей чужая женщина кормить не будет. В Пригорном я общалась со многими молодыми мамами после того, как помогла родиться их малышам, и слышала, что в момент кормления между матерью и младенцем возникает удивительная связь, и они ни за что от такого не отказались бы. Я тоже не стану.

— Ещё немного, и я наплюю на всех наших гостей и начну делать тебе этого младенца прямо сейчас, — глаза мужа полыхнули страстью, потом он зажмурился, пару раз глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

А затем пробормотал: — Я — король, я должен сначала думать о своём долге, а уж потом о личных предпочтениях.

— Помогает? — поинтересовалась, вспоминая, как сама порой так же убеждала себя в необходимости что-то сделать.

— Не особо, — вздохнул Кейденс, — так что, лучше пойдём. Я безумно голоден.

— Я тоже, — согласилась с ним. — Только...

— Что? — муж остановился в шаге от открытого портала.

— Рэйнард тоже ко мне обращался. С тем же вопросом.

— Может ли он называть тебя мамой? — король закрыл портал и обернулся, внимательно на меня глядя.

— Нет. Должен ли он тоже так делать. Пообщался с Эрролом, тот поделился с ним, что скоро у него будет мама, вот и решил уточнить.

— И что ты ответила?

— Что решать только ему. Он всё же старше брата и хорошо помнит мать. Сказала, что понимаю это и не стану стараться занять её место. В общем, мы договорились попробовать стать друзьями и называть друг друга по имени, а там будет видно. Так что, не удивляйся.

— Спасибо, что предупредила, — усмехнулся Кейденс. — Я и правда удивился бы, услышав, как мой сын называет тебя просто Меллиной.

— Диной. Он будет звать меня Диной, как ты и старшие дети. Меллина умерла десять лет назад, а Дина осталась навсегда.

Обед — хотя для многих взрослых скорее очень сытный завтрак, — прошёл в непринуждённой обстановке, очень контрастируя со вчерашним свадебным застольем, торжественно-чопорным и подчинённым протоколу и расписанию, которое мы с мужем и Рином всё же умудрились нарушить, но остальные были вынуждены придерживаться.

Сейчас же за столом собралось в несколько раз меньше народа, это были только наши с Кейденсом родственники, и почти треть из них составляли дети и подростки. Поэтому все непринуждённо разговаривали, делились новостями, знакомились с теми, с кем ещё знакомы не были, дети веселились вовсю, и их никто не одёргивал — пусть повеселятся. Это мне напоминало наши деревенские свадьбы в

Пригорном, мне даже начало казаться, что сейчас деревенские музыканты заиграют развесёлую мелодию, а гости кинутся в пляс.

Конечно, этого не случилось. Но я с удовольствием наблюдала за гостями, не забывая при этом отдавать дань вкуснейшим блюдам. Смотрела, как заботливо Эймер выбирает для Эйтины самые вкусные, по его мнению, кусочки, как Вилмер что-то шепчет на ушко Веле, а она в ответ смущённо улыбается. Сев что-то азартно объяснял одному из молодых родственников Кейденса, выкладывая на столе какую-то схему из столовых приборов.

Ава, Адайна и Ренита о чём-то шептались и периодически заливались дружным смехом, а младшая дочь Олдвена, чьего имени я до сих пор не узнала, исключенная из «секретного» разговора, надувшись, уничтожала третье пирожное с кремом. Сам Олдвен уже не выглядел живым мертвецом с синяками под ввалившимися глазами, каким я его запомнила, когда он уезжал в своё поместье после произошедшего с Мэнорой. Сейчас даже улыбался иногда, о чём-то беседуя с соседями по столу. Интересно, окружающие уже в курсе, что Мэнора «решила» удалиться в обитель Богини-Матери? Судя по спокойному лицу старшего принца, его вопросами по этому поводу не доставали.

После обеда дальние родственники Кейденса потихоньку разъехались, на это ушло еще несколько часов, поскольку все хотели поближе познакомиться и хоть немного поболтать со мной и мужем, чего прежде особо не получалось — то протокол, то далеко сидели, то мешали другие желающие, из приглашённых на свадьбу. В общем, безумно устав от обилия информации, я всё же перезнакомилась со всеми двоюродными и троюродными родственниками мужа, хотя половину имён тут же забыла, но хотя бы визуально более-менее стала ориентироваться, кто есть кто, и кому кем приходится.

Не факт, что это всё в моей голове продержится до следующей встречи, но что помешает мне попросить мужа тихонько мне напомнить, кто приехал в гости?

Зато сегодня я не чувствовала исходящего от толпы негатива. Скорее всего потому, что среди кровных родственников никто матримониальных планов для дочерей, внуков или племянниц на Кейденса не имел, ни у кого это место я не отняла, а значит, испытывать ко мне негативные чувства было не за что. Наоборот, все

отлично знали — и видели, — что я сделала с мужем и Эрролом, и радовались, если не за них, то за себя, ведь такая сильная целительница в семье никогда не помешает.

Наконец остались только «свои». Всего-навсего шестнадцать человек — мои дети, брат и сыновья мужа и Эйтина с Эймером. Спустя сутки после их приезда наконец-то нашлось время спокойно познакомить их с младшими детьми. Снова прозвучал рассказ о чудесном спасении моей сестрёнки и о том, как ей приходилось прятаться в комнатах тогда еще принца, а потом притворяться мальчиком перед слугами — это, кстати, вызвало у детей большой интерес, судя по сыплющимся вопросам.

Младшие не помнили Эйтину, поэтому гораздо спокойнее отнеслись к её «воскрешению». Порадовались, конечно, но уж точно обошлось без рыданий, как вчера у нас. Разговор не прекращался и за ужином, и после — у ребятни было, что рассказать новообретённым родственникам, да и у студентов тоже находились интересные истории, подбитый глаз Вилмера занял среди них почётное место, хотя и сильно смутил «героев» рассказа.

Эррол всё время, кроме ужина, сидел у меня на коленях, и слово «мама» слетало с его языка так легко, словно он называл меня так всю жизнь. Рэйнард с лёгкой снисходительностью наблюдал за счастливо мамкающим братом, сам он пока ко мне никак не обращался, просто повода не было, но я надеялась, со временем мы сблизимся и со старшим пасынком. Даже в одиннадцать лет он всё еще очень нуждался в матери или хотя бы в ком-то, кто сможет её заменить.

Наконец, этот насыщенный — не столько событиями, сколько окружением, — день закончился, и мы с мужем остались в моей спальне наедине. Едва за нами закрылась дверь, мы в едином порыве кинулись в объятия друг друга, буквально срывая свою и чужую одежду. И первое слово смогли произнести ещё очень нескоро. Точнее — смог мой муж. Покрывая лёгкими поцелуями моё лицо, слегка срывающимся голосом — наше дыхание ещё не пришло в норму, — он прошептал:

— Я люблю тебя, моя королева. Я тоже тебя люблю.

— Тоже? Что значит «тоже»? — от удивления я тут же вынырнула из полусонной истомы. — То есть, я тебя люблю, конечно, люблю. Но как ты узнал?

ГЛАВА 22. БУДУЩЕЕ

День восемьдесят пятый. Понедельник

— Я подозревал, но уверен не был. А вчера, в храме, понял окончательно, — король поцеловал меня, совсем легонько и безумно нежно. — А ты разве этого не поняла?

— Что именно? — нахмурилась я, вспоминая брачную церемонию, прошедшую для меня в лёгком тумане.

— Дина, а тебе прежде на свадьбах бывать доводилось? — задумчиво глядя на меня, поинтересовался муж.

— Конечно. Да меня в Пригорном на все свадьбы приглашали, я же целительница. Самый важный человек на селе, после старосты и кузнеца — как не пригласить?

— И каждый раз в храме было всё так же, как сегодня?

— В храме? Я там в храме и не была ни разу, только дома, ещё в детстве. А в Пригорном своего храма не было, новобрачные с родителями в соседнее село ездили, а туда полдня добираться, поэтому там ночевали, утром церемония, потом домой, а уж само празднование с гостями — в Пригорном.

— Значит, была в храме только дома, — покивал каким-то своим мыслям Кейденс. — И там было всё точно так же, как у нас?

— Нет, — я напряглась, пытаюсь вспомнить то, что видела всего три раза, много лет назад. — Цвет одежды у новобрачных и их родственников другой, купол на храме круглый, а не заострённый, огонь из чаши не такой высокий...

— Стоп, — прервал мои воспоминания король. — Насколько «не такой высокий» был божественный огонь?

— Да совсем низкий, как если бы в чаше обычный костёр горел. Ну, вот такой, — я развела ладони немного шире плеч, пытаюсь показать примерный размер. — А здесь — столбом под потолок. Красиво...

— И очень показательно, — хмыкнул король, с нежной улыбкой глядя на меня. — На моей первой свадьбе был именно «костёр», который ты описываешь, и у Олдвена, и у остальных моих родственников, на чьих свадьбах я бывал. Это означает, что брак

заклѹчѣн добровольно, по взаимному согласію, без принужденія, но не болѣе.

— А... наш столб?.. — уже начиная догадываться, уточнила я.

— Что брак заклѹчѣн по любви. По взаимной любви.

— Так вот почему жрица смотрѣла так удивлѣнно? — теперь тот момент ясно встал у меня перед глазами. — И гости загомонили. А я и не догадывалась.

— Наверное, присутствуй ты на деревенских свадьбах — давно заметила бы, что божественный огонь реагирует по — разному, и заинтересовалась бы этим. Ведь в крестьянских семьях браки по любви — совсем не редкость, в отличие от аристократических семей.

— Значит, ты догадался уже тогда? И всё это время молчал?! — возмутилась я лишь вполнину наигранно.

— Да когда же мне было заводить тот разговор? — искренне удивился муж, и вспомнив оба полубезумных дня — и бессонную ночь, — я с ним согласилась, но для вида всё же нахмурилась:

— Думаю, ты всё равно должен загладить свою вину, — и посмотрѣла с таким намѣком, что любой бы догадался. Мой король — уж точно.

И он догадался. И загладил вину еще дважды до того, как сон окончательно нас сморил, и ночью разбудил меня заглаживаніями. И утром ещё погладил. И не уставал повторять, как любит меня, и слышал слова любви в ответ.

Следующие дни были наполнены счастьем, которое обещало растянуться на всю мою оставшуюся жизнь. Наш медовый месяц несколько отличался от привычного у аристократов — попробуй уехать куда-нибудь на этот самый месяц, если у одного — управление королевством, у другой — пациенты, и на двоих — шестеро детей. Но, пусть и не уезжая, но недельку друг для друга мы всё же выкроили, я на эти дни закрыла клинику, объявление об этом висело на дверях весь последний месяц, Кейденс тоже отодвинул или перенѣс всё, что можно, хотя по каким-то ну совсем уже неотложным делам его несколько раз вызывали в главный корпус дворца, а у детей со вторника продолжились занятія.

Почти все гости тоже разъехались в первую же пару дней, остались лишь Эйтина с мужем и Олдвен с детьми, последний — по просьбе его старших дочерей, им нравилось проводить время с

нашими детьми, а Олдвен был рад хоть чем-то отвлечь детей от мыслей о бросившей их матери. Мне было жаль малышей, но настоящей близости с матерью у них не было, и я надеялась, что тосковать они будут не очень долго.

Идеальным выходом стал бы новый брак Олдвена с той, кто искренне полюбил бы его детей и заменил им мать, но если повторная женитьба ещё была как-то возможно спустя какое-то время, то второе было бы настоящим чудом. Аристократки своим-то детям не так чтобы очень много внимания уделяли, а ждать искренней любви к чужим тем более не приходилось. Я — исключение, во-первых, после десяти лет жизни среди крестьян, аристократкой я осталась скорее номинальной, а не в душе, а во-вторых, успела полюбить Эррола до того, как вышла за его отца, даже раньше, чем предложение от него получила.

Но мечтать-то я могла. Чудеса в жизни тоже случаются.

Мы с Эйтиной вновь узнавали друг друга — слишком изменила нас жизнь за эти десять лет, и это не считая того, что мы обе выросли и изменились уже только поэтому. Но прежняя близость вернулась очень быстро, и я заранее тосковала при мысли о будущей разлуке — нам была подарена лишь неделя, а потом король Кравении с женой должен был отправиться назад, и так слишком надолго оставил свою страну практически сразу после коронации. Кровная клятва — вещь удобная, но лучше всё же самому присматривать за своими министрами и прочими подданными.

По вечерам Кейденс открывал портал из академии для наших студентов, чтобы они тоже могли побыть с сестрой перед долгой разлукой. А днём, когда мы с Эйтиной проводили время вместе, наши мужья тоже уединялись и обсуждали что-то своё, королевско-политическое. Налаживали официальные дипломатические отношения, восстанавливали торговые — пока только на бумаге, в теории, но и без этого — никак.

Дело это было небыстрое, особенно потому, что визит короля Кравении к нам был неофициальным. Из Лакретии в столицу перебрались люди из свиты Эйнара, пока — по личному дозволению моего мужа, поскольку официально наши королевства всё ещё находились в состоянии «холодной войны», и понадобится время, чтобы официально всё вернулось к взаимоотношениям десятилетней давности. Как минимум — нужно, чтобы из Кравении прибыла

официальная делегация с послом и прочими политическими заморочками в виде верительных грамот, и что там ещё положено, а это еще полтора-два месяца. Но всё обязательно восстановится — учитывая, что сейчас Кравенией правил тот, кто никакого отношения к решениям и действиям своего отца не имел, наоборот, был против как войны, так и всего остального, а уж его самоотверженное — хотя поначалу и случайное, — спасение девочки королевской крови, а потом и брак с ней, сближали наши королевства ещё больше.

Был назначен исполняющий обязанности посла, так, на всякий случай, а в посольстве спешно наводился порядок и набирался штат — пока из местных жителей. Посол Лурендии отправится в Кравению на одном корабле с Эймером. В общем, дело сдвинулось с мёртвой точки.

Я буквально разрывалась между сестрой, с которой хотела побыть подольше, мужем, с которым у нас, между прочим, медовый месяц, и покидать спальню совершенно не хотелось, и Эрролом, который, заполучив маму, хотел проводить со мной столько времени, сколько оставалось от его занятий, а учитывая возраст малыша, не так и долго длились его уроки. Немного меня выручала Приблуда, у которой с Эрролом проснулась взаимная любовь, кошка таскалась за ним хвостиком, сидела рядом на уроках и спала на его кровати. Глядя на довольного сына, гладящего и обнимающего мурчащий комочек, Кейденс очень жалел, что слушал целителей и не подпускал к сыну никакую живность. А Рэйнард уже начал намекать, что им с Бейлом совершенно необходимо завести щенка, а лучше двух.

Ну и остальные дети никуда не делись, требуя внимания, плюс студенты, включая Вилмера — а как иначе? В общем, днём мы с мужем были нарасхват, в итоге нам с Кейденсом оставались только ночи, но зато какие! Вроде бы, я целых два месяца была его тайной фавориткой, и должна же эта его — и моя, — страсть пойти на спад, но нет. Теперь, после взаимных признаний в любви, наша потребность друг в друге только увеличилась, насытиться друг другом не получалось совершенно, и днём я частенько клевала носом. Порой мы с Эйтиной задрёмывали прямо посреди разговора, я — из-за наших с Кейденсом бессонных ночей, она — из-за беременности.

Да, сестрёнка, действительно еще ни о чём не догадывалась, срок был крохотный, утреннее недомогание накроет её уже на обратном пути. Но на корабле, среди людей короля, был целитель, поэтому хотя

бы в этом плане я за Эйтину была спокойна, хотя, конечно, предпочла бы, чтобы она оставалась рядом до самых родов, а лучше — до совершеннолетия ребёнка, жаль, что это было совершенно невозможно.

Эймер был на седьмом небе от счастья. Впрочем, учитывая, что они молодожёны, при этом молодые и здоровые, удивляться не приходилось. Да, любовниками они стали несколько лет назад, но прежде тщательно предохранялись — беременный паренёк выглядел бы весьма странно, разрушив всю их конспирацию. Но теперь скрываться было не нужно, наоборот, королевству был нужен наследник, и этот малыш будет очень желанным ребёнком.

Сама я продолжала предохраняться. Да, своего собственного ребёнка, дочку, я очень хотела. Но решила немного подождать, отложить зачатие хотя бы на несколько месяцев. Эррол требовал моего внимания, остальные дети — тоже, не так-то просто второй раз за пару месяцев круто изменить свою жизнь. Хотелось и с Рэйнардом наладить близкие и доверительные отношения. Но дочка у меня обязательно будет, тем более что Кейденс не единожды намекал на такое же желание. Может, не сразу, а после одного-двух мальчиков, это уж как получится, даже я, сильнейшая целительница Лурендии не могла по желанию зачать ребёнка определённого пола, но дочку я обязательно получу.

Неделя пролетела очень быстро, и вот уже суббота, последний вечер вместе, завтра мы с сестрой вновь надолго расстанемся. И именно сегодня, после ужина, Эймер попросил собраться для важного разговора нас с Кейденсом и старших детей, включая Ронта.

Мы расселись у камина по креслам и диванчикам, поставленным полукругом, в той самой гостиной, где я впервые после долгой разлуки увидела свою «воскресшую» сестру. Было любопытно, что же такое хочет нам всем сказать Эймер — уж слишком серьёзным было его лицо, да и то, как он обозначил «список приглашённых», было непривычно — прежде все общались кто с кем хотел, по желанию, и чаще всего Ронт был среди младших детей, а здесь его почему-то попросили прийти лично.

— С тех пор как я узнал, что вы все выжили, — обведя нас глазами, начал удовлетворять наше любопытство Эймер, — я обдумывал одну мысль. Не очень представлял, как всё это

организовать, что нужно сделать для того, что я задумал — опыта-то, как вы понимаете, у меня практически нет, наследником я не был, управлять королевством худо-бедно помогают министры и советники, но я был не уверен, что в задуманном мною они меня поддержат. Но поступить иначе я просто не мог. Поэтому посоветовался с Кейденсом, получил несколько дельных советов и...

Эймер выдержал паузу, а я подозрительно посмотрела на мужа. Он знал что-то важное и секретное, а со мной не поделился. Поймала его извиняющийся взгляд и улыбнулась в ответ. Всё ясно — тайна не его, поделиться он не мог. И потом — я же всё равно сейчас узнаю.

Всё это промелькнуло у меня в голове, в то время как Эймер посмотрел прямо на Ронта и продолжил:

— Я хочу вернуть тебе трон Марендонии.

Мы замерли. Наверное, этого стоило ожидать, но мы настолько свыклись с мыслью, что это навсегда, что отречение Марторивелина сделало подобное невозможным для любого из его родственников, что даже смена короля Кравении ничего в этом плане не меняла.

Как оказалось, меняла.

— Мне? Трон? — растерянно пробормотал Ронт. — А почему не Рину, он же старше?

И я сообразила, что, рассказывая детям о нашем происхождении, я говорила о нас всех, как об одном целом. Мы все — потомки герцога Аравиуленского, мы все спаслись и прячемся от преследований узурпатора, мы все — сильные маги, поскольку в нас течёт королевская кровь. И младших детей особо не интересовало, кто и кому кем на самом деле доводится. Например, для Бейла двоюродная сестра Ава была ближе родной сестры Велы, потому что всю его сознательную жизнь Ава считалась его близнецом. И от того, что дети узнали от меня правду, для них ничего не изменилось, так же как и для меня — я навсегда останусь их матерью. Мы все — одной крови, только это было важно, детали вторичны.

Вот почему Ронт так удивился словам Эймера.

— Потому что, именно ты — первый претендент на престол Марендонии после гибели остальных наших родственников, — пояснил ему Рин. — Сын старшего сына от старшего сына... и так далее. А мой дед был средним сыном герцога.

Я заметила, что самого Ронта Рин старшим сыном не назвал. И как в глазах Велы плеснула боль. У Ронта с Велой были два старших брата, но оба погибли. Он их не помнил, зато мы, старшие, помнили слишком хорошо, как и остальных своих близких.

— А это вообще возможно? — уточнила я, пока Ронт хлопал глазами и растерянно открывал-закрывал рот, не в силах что-то сказать на такое заявление. Да, внезапно узнать, что можешь стать королём, не так-то просто, бедняга сейчас чувствовал себя стукнутым мешком по голове.

— Это сложно. Очень сложно. Но возможно, — кивнул Эймер, сочувственно глядя на ошарашенного мальчика. Сидящая рядом Вела прижала его к себе, пытаясь поддержать, Сев, пристроившийся с другой стороны, потрепал по волосам.

— А в чём сложности? — поинтересовался Нев.

— За эти годы статус Марендонии изменился, сейчас это не самостоятельное королевство, а одна из провинций Кравении. Когда я лишь взойшёл на трон, у меня мелькала мысль, что если вновь отделить Марендонию и усадить на её трон нашего младшего сына, — тут он нежно улыбнулся жене, — то это будет справедливо, престол вернётся к кровному родственнику короля Марторивелина.

— Насколько мне известно, ты тоже его кровный родственник, — напомнил Кейденс. — Ведь именно на этом основании твой отец захватил престол Марендонии.

— Наше родство весьма отдалённое, — отмахнулся Эймер. — Это был надуманный предлог, не более. В любом случае, сейчас перед нами тот, кто имеет гораздо больше прав на престол, — он указал на Ронта, который уже перестал изображать выброшенную на берег рыбку, но всё ещё выглядел пристукнутым чем-то тяжёлым.

— Ему же всего тринадцать! — напомнила я.

— Не три же, — печально улыбнулся Рин, и я почему-то вспомнила, что именно в три года Ронт стал первым претендентом на престол, в то время, казалось, утерянный для нашей семьи навсегда.

— Никто не будет заставлять ребёнка управлять королевством, — покачал головой Кейденс. — Назначим регента.

А потом и он, и Эймер, и даже Эйтина дружно посмотрели на Рина.

— Меня? — ахнул братец, и теперь уже сам стал изображать рыбку на берегу.

— А кого же ещё? — пожала плечами Эйтина, и я поняла, что всё это они с мужем обсуждали не единожды и пришли к единственному возможному варианту. Вот только регент из Рина примерно такой же, как из Ронта — король. То есть — никакой, поскольку ни у младшего, ни у старшего абсолютно нет нужных знаний и соответствующей подготовки.

— Не пугайся, — криво улыбнулся Эймер. — Говорю же — дело небыстрое. Года два у тебя в запасе точно есть.

— Мне учиться ещё три, — в растерянности пробормотал Рин, словно это было единственным препятствием.

— Ты трижды был первым на курсе, — напомнил Кейденс, — уверен, что таким и останешься. Закончишь академию экстерном. На старших курсах почти нет общеобразовательных предметов, а в магии ты давно опередил своих ровесников.

— А я? — вскинулся Ронт. — Я что, в академии учиться не буду? Ну, если меня отправят... — его голос сошёл на нет, он только рукой махнул куда-то, предположительно в сторону Марендонии.

Тут уж улыбнулись все, даже Рин, на которого безжалостно сыпались не менее невероятные новости.

— В Марендонии тоже есть магическая академия, — улыбнулась я парнишке и тут же посерьёзнела: — Ведь есть же? — это уже Эймеру. — Раз наше королевство стало провинцией...

— Есть, — успокоил меня король Кравении. — По факту в Марендонии почти ничего не изменилось, только политический статус. Академия осталась — не было смысла её упразднить, наша не справилась бы с резко увеличившимся объёмом студентов. Опять же — язык. Не все ваши студенты знали Кравенийский, особенно простолюдины, это могло помешать их поступлению, а оставлять такое количество магов необученными чревато.

— Язык! — воскликнул Ронт и обвёл нас перепуганным взглядом. — Я же не знаю марендонийского! Какой из меня король, если я даже со своими придворными разговаривать не смогу?

— И какой из меня регент, даже если я академию экстерном закончу? — убитым голосом поддержал его Рин.

— Без паники! — Кейденс сурово посмотрел сначала на одного, потом на другого. — Ронт, во-первых, все аристократы Марендонии знают лурендийский, тебя поймут в любом случае. Во-вторых, у тебя будет около двух лет, чтобы выучить язык. К тебе, Рин, это тоже относится.

— Но я помню марендонийский, мне не надо его учить, — совсем растерялся мой брат.

— Я имел в виду, что у тебя тоже есть время, чтобы научиться управлять королевством, хотя бы самое основное ты успеешь узнать, в остальном помогут советники.

— А как я этому научусь?

— На ближайшие два года станешь моей тенью. Не круглосуточной, не пугайся. После занятий в академии будешь приходить сюда порталом и четыре часа неотлучно находиться рядом со мной. Смотреть, слушать, учиться, помогать. Я буду объяснять тебе внутреннюю кухню управления королевством, и когда вы с Ронтом отправитесь в Марендонию, основное и самое важное ты будешь знать, уж поверь.

— Ещё четыре часа к основным занятиям? — ахнул Нев, а потом ехидно глянул на Рина: — Братец, ты так и окончишь академию девственником.

— Я не девственник! — злобно сверкнул глазами на шутника Рин.

О! Это немного больше, чем я хотела знать о своём младшем братишке. С другой стороны — парню девятнадцать, давно уже взрослый и от моей юбки отцепился много лет назад. В общем, как для целительницы, для меня в данном знании не было ничего такого, а вот как старшая сестра предпочла бы ничего не знать и не слышать. Ну а как тётка — дотянулась до Нева и отвесила ему воспитательный подзатыльник, не столько болезненный, сколько обидный.

— Не дразни брата, ему и так сейчас непросто!

— Я договарюсь, чтобы тебе сократили домашние задания, — делая вид, что не заметил нашей перепалки, успокоил Рина Кейденс. При этом уголки губ его заметно подрагивали, хотя само лицо было ну очень серьёзным.

— Балбес ты, Нев, — вздохнул его близнец. — На эти четыре часа девочки целиком на нас двоих, а не на троих.

— Ой, да ладно. Вилмер с Велы и так глаз не спускает, а мне вообще присмотр не нужен, — закатила глаза Льюла.

— Ну уж нет, — нахмурился Нев. — Ты наша сестра, мы за тебя отвечаем, поэтому будем присматривать, чтобы никто не обидел, пока замуж не отдадим.

— Я сама кого хочешь обижу! — фыркнула Льюла. — И вообще замуж не собираюсь. Что там делать? Нет уж, я лучше стану знаменитым магом и сделаю кучу открытий. Так что, таскаться вам за мной до старости.

Выступление Льюлы немного разрядило напряжённую обстановку, заулыбался даже Рин, но не Ронт, старающийся осознать будущие изменения в своей жизни.

— А меня кто будет языку учить? И что, тоже по четыре часа в день?

— Учить буду я, — криво улыбнулась сыну. Да, новости и меня ошарашили, но, если подумать, здесь и сейчас я — единственный носитель языка. Взрослый носитель. — Хотя бы до того времени, когда из Марендонии не приедет учитель для тебя.

— Ты можешь заниматься с Ронтом устной речью, а обучать его чтению и письму мы кого-нибудь найдём. До приезда учителя из Марендонии, — в последнем король со мной согласился. — Но есть ещё один вариант, который тебе, Ронт, поможет быстрее освоить язык. Ренита.

— Твоя племянница? — удивилась я. — Чем ему может помочь восьмилетняя девочка?

— Она менталист, работающий с памятью, — напомнил мне муж. — Помогает вернуть утраченные воспоминания.

— И она может сделать так, что Ронт вспомнит наш язык?

— Да. Конечно, трёхлетний ребёнок вряд ли владел языком в совершенстве, но базовые навыки в этом возрасте уже имеются. Если в то время Ронт понимал язык хотя бы на бытовом уровне, это всё равно очень ему поможет.

— Но... ей всего восемь, — мне стало немного страшно доверять ребёнку память своего сына.

— Ей уже восемь, и она маг королевской крови. Вспомни, что могли твои дети в этом возрасте?

— Многое, — вынуждена была согласиться я.

— Я согласен! — тут же вмешался Ронт. — Если этот язык спрятался где-то у меня в голове, лучше его оттуда достать, чем заново зубрить. Я и так сейчас два иностранных языка учу, третий — это уже много.

— Я попрошу Рениту тебе помочь, — пообещал король. — Но не сегодня. Думаю, всем нам нужно время, чтобы осознать сегодняшние новости, а возникшие вопросы будем решать постепенно. А сейчас, думаю, стоит разойтись, время к полуночи, Эйтина уже спит, и остальным пора.

— Завтра воскресенье, — проворчал Нев, но послушно поднялся вслед за братом и направился к двери.

— Пошли, твоё будущее величество, — Рин потрепал Ронта по встрёпанным волосам, — спать пора.

Эймер подхватил на руки спящую жену, гордо улыбнулся — у него такая улыбка появлялась при любом упоминании или даже косвенном намёке на беременность Эйтины, — и унёс её порталом, который традиционно открыл ему мой муж. А мы тоже перешли в мою спальню — мне она нравилась больше, и чаще всего мы ночевали именно в ней, — но я поняла, что уснуть вряд ли получится, поэтому начала нервно вышагивать из угла в угол, пытаюсь осмыслить то, что сегодня произошло.

— Ронт станет королём! С ума сойти. Кей, он же ребёнок совсем! Как же я его отпущу? Как же он без меня?

— Дина, ему будет пятнадцать, — муж поймал меня и усадил на колени, устроившись на кровати. — В этом возрасте ты умудрилась выжить в чужой стране с кучей малышей на руках. А с ним будет Рин, да и выживать ему не придётся.

— Всё равно. Это же мой ребёнок, я его вот с таких растила! — посмотрев на свои ладони, раздвинутые где-то на ширину плеч, вздохнула и поправилась: — Ладно, вот с таких, — опустила ладонь на уровень своей талии. — И отпустить за океан? И сходить с ума, месяцами ожидая вестей, не зная, как там и что... Стоп! Вот же я дура!

— А вот бить себя не надо, — Кейденс перехватил мою руку, которой я в сердцах хлопнула себя по лбу, и поцеловал пострадавшее место. — С чего вдруг такое заявление?

— Да потому что со всеми этими событиями, я совсем забыла... Сейчас. Подожди!

— Жду, — послушно согласился муж, наблюдая, как я, соскочив с его коленей, вытаскиваю из гардеробной свой сундучок, страшненький, неказистый, но неубиваемый.

Хранившиеся в нём драгоценности давно перекочевали в шкатулку, подаренную тогда еще женихом и регулярно им пополняемую, наши настоящие свидетельства о рождении сейчас обитают среди королевских документов, деньги в нём тоже уже нет смысла хранить, но кое-что в потайном отделении я всё же припрятала. И теперь достала толстый конверт и небольшой кулон.

— Вот! Сначала я вообще не знала, что с этим делать, а когда проснулся дар Бейла, стала надеяться, что когда-нибудь он получит образование и сможет со всем этим разобраться. Но это была настолько далёкая перспектива, что я просто забыла. Нет, я помнила, что у меня это есть, хранила, но... как бы... сложно объяснить. Забыла, в общем. А теперь... ну, считай, что это тебе на будущий юбилей подарок, нет смысла ещё на полгода откладывать, а то вдруг разобраться не успеешь до их отъезда.

От растерянности и смущения я тараторила без перерыва, протягивая свою добычу Кейденсу. Потом спохватилась:

— А ты знаешь марендонийский? Хотя, я даже не уверена, что его надо знать, там сплошные формулы... Но некоторые слова я всё же узнала, значит, надо.

— Дина! — вместо того, чтобы взять то, что я протягиваю, муж подхватил меня и вновь усадил к себе на колени. — Успокойся. Всё хорошо. Выдохни. Ронт не уезжает ни завтра, ни на следующей неделе. Он здесь еще на два года остаётся, поэтому, что бы там ни было, мы всё успеем. Вдохни и ме-едленно выдохни. Так, молодец. Ещё раз. Умница. А теперь скажи, что это такое?

— Это было среди писем, которые оставили нам родные на прощание, — я вложила в его руку вскрытый конверт. — А вот это было у меня на шее. Но ты сначала прочти!

Кейденс достал и развернул несколько листов, сплошь покрытых формулами и чертежами, которые для меня выглядели не информативнее, чем следы жука-короеда на изъеденном стволе берёзы. Но по тому, как загорелись глаза короля, я догадалась, что ему-то как раз всё понятно.

— Это же... это схема межконтинентального портала. Изобретение твоего прадеда, верно? — воскликнул он, наконец.

— Наверное, — согласилась я. — Ты там что-то понимаешь?

— Я всё понимаю, но это же... Совершенно другой путь, принципиально новый. Никому и в голову не пришло... Это... У меня нет слов.

— С днём рождения. С будущим, — криво улыбнулась я его восторгу. — А вот это кулон-активатор, я знаю, как им пользоваться, но не представляю, что он собой представляет. Разберёшься?

— Разберусь, — пообещал муж. — Это гениально! — продолжая рассматривать страницы, продолжал восхищаться он. — Такой нестандартный ход. Да, очень энергозатратно, вряд ли ты сможешь забегать к сестре каждый день. Но это прорыв. И теперь ты сможешь навещать сестру, а потом братьев где-то... ну, раз в месяц точно, может и чаще, нужно разбираться. Энергии нужно будет влить прорву, но для тебя я это сделаю. Дай мне пару месяцев — и я построю этот портал.

— Я и правда смогу видаться с ними так часто? — я вдруг почувствовала, как по щеке потекла слезинка. Кейденс тут же отложил бумаги и обхватил моё лицо ладонями, стирая слезу большим пальцем.

— Сможешь, моя любовь. Долгих разлук больше не будет. Только не плачь, пожалуйста.

— Не буду, — улыбнулась я сквозь слёзы. — Просто как-то всё сразу навалилось — и Эйтина завтра уезжает на другой конец мира, а потом и Рин с Ронтом. А теперь получается — долгой разлуки уже не будет!

— Не будет. Обещаю.

— И как я могла забыть? Почему не отдала тебе этот конверт раньше?

— Потому что у тебя и без него хватало, о чём подумать. Но пришёл нужный момент — и ты вспомнила.

— Вспомнила, — кивнула, глядя на любимого мужа, который пообещал мне частые встречи с родными, хотя сам признал, что портал очень энергозатратен. Но он сделает это для меня! — Я люблю тебя! — не удержалась от признания.

— И я люблю тебя, моя жена, моя королева, моя тайная фаворитка, моя целительница, — каждый мой «титул» сопровождался

поцелуем глаз, щёк, носа. — Ты исцелила не только моё тело, но и душу. Я люблю тебя, и буду любить до конца своих дней.

— И я тебя, — успела шепнуть, прежде чем губы мужа накрыли мои.

Могла ли я предположить, мечтая о вдовце средних лет, который на мне женится, кого именно выберет для меня Богиня-Мать? Она подарила мне самого лучшего, самого заботливого, самого любящего и любимого мужа на свете. И теперь мне больше нечего желать в этой жизни.

Ну, разве что дочку.

ЭПИЛОГ. ВСТРЕЧА

Десять с половиной лет спустя. Понедельник

— Я сейчас с ума сойду от нетерпения! — воскликнула я и забегала по залу. — Ну, сколько ещё?!

— Четыре минуты и двадцать шесть секунд, — ответила Ренита, глядя на хронометр, подаренный ей отцом на восемнадцатилетие.

— А ты уверена, что у них там такое же точное время? — юношеский басок Эррола звучал максимально ехидно. — Уверен, его величество Ронтидольфираст так торопится встретиться с тобой, что явится аж на четырнадцать секунд раньше срока.

— Вредина, — фыркнула девушка, а потом выжидательно уставилась на порталную площадку, бросив в сторону младшего принца: — Понимал бы...

— Сынок, не стоит дразнить сестру, — укорил сына Кейденс, а потом поймал меня, пробегающую мимо, и крепко прижал к себе. — Успокойся, дорогая.

— Я же их три месяца не видела, — прильнув к мужу, пожаловалась, наверное, в пятнадцатый раз. — А Бейла...

— ... вообще впервые так далеко и надолго отпустила, — хором подхватили мою фразу дети.

— Я настолько предсказуема? — поинтересовалась, жалобно глядя на мужа.

— Самую чуточку, — согласился мой король. — Скоро ты обнимешь своих малышей. Если дотянешься.

Да, это он в точку. Меня уже даже Эррол перерос, что уж говорить о Ронте с Бейлом. Хотя в моих глазах Бейл так навсегда и останется пухлощёким малышом, которому я пелёнки меняла, сейчас это уже взрослый мужчина, отправившийся в Марендонию принимать наследство. Вот так, сам взял и договорился в академии, что-то экстерном сдал, что-то ему автоматически засчитали, и закончил мой младшенький шестилетнюю учёбу за четыре с половиной года. И сейчас из портала выйдет не малыш Бейл, а сам граф Бейлипетеркин Тресийский.

А еще герцог Аrintулиманд Аравиуленский и его величество, Ронтидольфираст Марендонийский, для близких просто Рин и Ронт. Бедняги долго вздрагивали и морщились от своих полных имён, а что поделать — в Марендонии иначе никак. Зато здесь, в Лурендии они пользуются лишь короткими именами, а длинными близкие их лишь иногда дразнят.

Близнецы возносят благодарственные молитвы Богине-Матери за то, что никаких титулов у них в нашем прежнем королевстве не осталось, возвращаться туда не нужно, и полными именами их тоже никто не «обзывает».

И все пятеро пока успешно избегают брачных ловушек и активно преследующих их девушек на выданье. Охота на них открывалась лет с семнадцати, красивые, богатые, титулованные маги королевской крови — желанная добыча для девушек и озабоченных тем, как их выгодно пристроить, мамочек. Но парни — кроме Рина, которому было почти тридцать, — и правда были еще слишком молоды для брака, хотя советники и выгрызали королю Ронту мозг, указывая на короля Кравении, у которого родилось уже трое сыновей, на что его величество отмахивался, напоминая, что Эймер женился в двадцать семь, а ему, Ронту, всего двадцать три, молод ещё, не нагулялся. И вообще, у него четверо наследников мужского пола, род точно не прервётся, отстаньте!

У меня были кое-какие подозрения насчёт него, возможно, он просто ждал, пока кое-кто подрастёт. Я бросила взгляд на Рениту, которая едва не пританцовывала, глядя то на портал, то на свой хронометр, отсчитывающий минуты и секунды до его открытия. Ой, не зря именно она пришла сюда встречать нашего короля и прочих гостей, в то время как все остальные остались наверху, в семейном крыле. Хотя отсутствие Авы меня немного удивило, она так ждала встречи со своим «двойняшкой», ну да мало ли какие у неё планы.

Все два года до отъезда Ронта в Марендонию, где он был коронован, Ренита таскалась за парнишкой хвостиком, и он благосклонно принимал её обожание. Никого это особо не удивляло, ментальный дар — большая редкость, два менталиста невольно тянулись друг к другу, слишком много у них было общего. И в Марендонию она просилась вместе с нами при любой возможности —

и это нам казалось нормальным. Но сейчас я задумалась — а не переросло ли детское обожание в любовь, причём взаимную?

Я была бы только рада. Девочка, которую я растила последние девять лет, давно стала мне родной, я любила её не меньше, чем своих ребятишек или двоих пасынков. Конечно, выйди она за Ронта, уехала бы с ним в Марендонию, что означало долгую разлуку и редкие встречи, но дети вырастают и покидают дом, это нормально, и я давно с этим смирилась.

Видимо, так уж решила Богиня-Мать, что суждено мне было в этой жизни растить детей, оставшихся без родителей или им не нужных. Так получилось и в этот раз. Когда десять лет назад я мысленно рассуждала о том, что Олдвен мог бы найти новое счастье во втором браке, но вряд ли его дети смогут обрести при этом новую мать, то и представить не могла, что, по сути, окажусь пророком.

Спустя полгода после разоблачения Мэноры и отправки её в закрытую обитель, Олдвен снова женился. Комплексов по поводу слишком юной жены у него, в отличие от брата, не было, и он спокойно выбрал себе супругу из предложенных девушек, достигших брачного возраста, с подходящей родословной и магическим даром.

Его юной жене чужие дети были без надобности, ей самой ещё, по моему мнению, в куклы бы играть, да тут ещё и свой младенец появился практически сразу. В общем, девочек раз отправили к нам «погостить и пообщаться с вашими детьми», второй, а на третий раз они просто у нас остались. А вот сына Олдвен нам не отдал, сын ему был нужен самому, а дочери — как оказалось, не особенно. Не настолько сильно, чтобы ссориться из-за них с молодой женой. Он навещал дочерей время от времени, привозил подарки, но в дом, где воцарилась мачеха, быстренько нарожавшая ещё троих детей, им дорога была закрыта.

Я не сказала бы, что это сильно усложнило мою жизнь. С девочками к нам перебрались их няни, гувернантки, учителя магии, самой мне им носы вытирать и пелёнки менять не пришлось. Они быстро влились в дружную компанию ребятни, обитающую в семейном крыле, но всё же теперь ответственность за этих, по сути, никому не нужных детей, тоже легла на меня. Ну да мне не привыкать.

Иногда я смотрела на этих малышей, не нужных ни матери, ни отцу просто потому, что они девочки, и думала, как же мне повезло с

мужем, и как он отличается от своего брата. Кейденс и о племянницах заботился, и наших дочерей обожал, а уж как они-то его любили! Я до сих пор помню восторженно горящие глаза мужа, когда он впервые взял на руки сначала нашу старшую дочь Ивлину, а спустя шесть лет — Милику, с какой нежностью и обожанием он смотрел на них и с какой любовью и благодарностью — на меня.

Сейчас трёхлетняя Милика всё ещё сопела в своей кроватке под присмотром няни — я в этом убедилась, заглянув в детскую перед тем, как спуститься в порталный зал, — а Ивлина закрылась в своей комнате, где доделывала подарок для Бейла, кажется, какую-то аппликацию, мне она это тоже не показывала, я догадывалась по её перепачканным в клее пальцам и обрезкам цветной бумаги, которые она оставляла везде, где появлялась в последние три дня.

Рин и Ронт отдельного подарка от неё не удостоятся, когда они перебрались в Марендонию, нашей с Кейденсом старшей дочери еще и года не исполнилось, потому что для неё всего лишь едва знакомые дядюшки, которых она видит слишком редко. А вот Бойл, вместе с Рэйнардом и Эрролом, были её любимыми старшими братьями, на их руках и плечах она выросла, хорошо хоть, эти двое никуда уезжать не собирались, всё же, наследники престола. Поэтому встречи с Бейлом Ивлины ждала, наверное, не меньше, чем я.

И Эррол тоже. Рэйнард, наверное, тоже встречал бы лучшего друга, ставшего ему почти братом за эти годы, но срочно куда-то уехал. Как я понимаю, эта поездка была как-то связана с подарком, который он готовил к юбилею Кейденса, который будет праздноваться через шесть дней, и именно ради него во дворец постепенно съедутся — точнее, сойдутся порталами, — наши близкие. Мне о том подарке ничего не говорят, потому что: «Ты, мам, всё равно папе проболтаешься, у вас же нет друг от друга секретов».

И хотя я никогда не выдавала никому, даже мужу, то, что мне доверялось как великая тайна, и немного обижалась от подобного недоверия, было, как ни странно, приятно такое слышать. Потому что, наши отношения с Кейденсом ни для кого не были секретом, о нашей с ним любви знали все — божественный огонь выдал эту тайну всем окружающим, кроме меня, ага, — мы потихоньку становились легендой, а дети, находя себе пару, равнялись на нас.

Вот почему из всех моих девочек, лишь Адайна, старшая дочь Олдвена, выскочила замуж в восемнадцать, но там была любовь с самого детства — бывая в гостях у своего деда по матери, она ещё лет с десяти воспылала обожанием к сыну его главного советника, а когда подросла, паренёк тоже влюбился, а поскольку по всем «параметрам» они были равны — наследник герцога и племянница короля составили отличную пару, — то поженились, едва Адайна достигла брачного возраста. И вот уже почти два года она живёт с мужем и маленькой дочкой в Эррилии и, кажется, очень счастлива.

Остальные девочки, кроме пока ещё незамужней Авы, мужей себе нашли во время учёбы в академии. Но если Лана вышла за своего избранника после третьего курса, то женихи Велы и Льюлы ждали, пока они закончат учёбу. Всё это объяснялось довольно просто: мужем Ланы стал один из преподавателей, кстати, ставший деканом год назад, и у него, как и у остальных преподавателей, на территории академии был свой коттедж, где молодожёны и поселились. Там они продолжали жить и сейчас, Лана поступила в аспирантуру и планирует тоже преподавать в академии до тех пор, пока её муж Грэйдин не унаследует графский титул от отца, тогда они будут вынуждены перебраться в унаследованное поместье.

Но это будет еще не скоро, отец Грэйдина совсем не стар, сильный маг и обладает крепким здоровьем, и меня это радует, ведь поместье графа находится почти на другом краю королевства, а академия — в получасе езды в карете, и это не считая прямого портала, открываемого во дворец и обратно для наших студентов, которым можно приходить в гости хоть каждые выходные. Лану тоже всё устраивает, у неё есть няня, присматривающая за её двухлетней дочуркой, пока родители на работе и учёбе, и приходящая прислуга, избавляющая мою девочку от разных бытовых проблем. И Лана может спокойно учиться и посвящать своё время обожающему её мужу и дочке, это, по её словам, можно прекрасно делать и в коттедже, дворец для этого не нужен.

А вот Льюла и Вела нашли своих избранников среди студентов, и смысла в свадьбе, если приходится жить в разных корпусах общежитий, не видели. Так что, Вела сдержала брошенное вскользь в день моей свадьбы обещание не выходить замуж, пока учёбу не окончит, и Вилмер понял и принял её решение и дождался свою

любимую. Но обручились они ещё на её третьем курсе, Вилмер тогда заканчивал шестой и хотел, чтобы, когда его уже не будет рядом, всем вокруг было ясно — эта девушка занята.

Вскоре после свадьбы они перебрались в одно из поместий, принадлежащих королевской семье, где и жили последние шесть лет, воспитывая пятилетнего сына и двухлетнюю дочку, навещая нас не реже двух раз в месяц, а порой и чаще. Мы ждём их послезавтра, они обещали приехать всей семьёй и остаться на целую неделю.

С Льюлой случилось еще забавнее. Её будущим мужем оказался незаконный сын герцога, признавшего сына в возрасте семнадцати лет. Его жена рожала исключительно дочерей, а те — только внучек, и отчаявшись заиметь законного наследника мужского пола, престарелый герцог разыскал побочного сына, определив родство с помощью артефакта крови, подал прошение моему мужу на официальное усыновление, а потом запихнул Тимса в академию прямо среди года.

Новоявленного наследника ждала незавидная участь. С первого же дня он подвергся презрению со всех сторон, поскольку аристократы не считали его ровней за происхождение, а простолюдины испытывали зависть из-за его внезапного возвышения. Плюс он был новеньким в уже устоявшемся за несколько месяцев коллективе, к тому же совершенно не умеющим за себя постоять, забитый отчимом, который терпеть не мог ублюдка своей жены. То есть, Тимс был идеальным объектом для травли, и нелегко бы ему пришлось, если бы не одно «но». Точнее — целых три, но изначально «но» было одно. Льюла.

Буквально на третий день после появления новенького в классе, она случайно заметила, как в укромном уголке коридора группа однокурсником издевается над новеньким. Выбив у Тимса из рук учебники, они пинали их друг другу по полу, не позволяя парнишке их собрать, а что у него получалось поднять, снова выбивали. Подобной несправедливости Льюла перенести не смогла, иначе это была бы уже не Льюла. Влетев в не ожидающую нападения толпу, она в пару секунд раздала несколько пинков и подзатыльников, а тут и близнецы подтянулись, быстро разогнав хулиганов, смелых лишь с беззащитной жертвой.

Льюла помогла Тимсу собрать разбросанные учебники, покровительственно погладила по голове худенького паренька, над

которым, хотя и была годом младше, возвышалась на полголовы, взяла его за руку и повела на следующий урок. И он покорно пошёл за ней, словно телёнок на верёвочке, глядя на спасительницу такими же телячьими влюблёнными глазами. С тех пор на новенького никто не смел даже посмотреть косо, тройняшек заслуженно опасались и связываться с тем, кого они открыто взяли под свою защиту, никто не рискнул.

За несколько последующих лет Тимс вырос на голову, раздался в плечах, перестал забито сутулиться, нарастил отличную мускулатуру и научился давать отпор любому — уроки близнецов даром не прошли. Но, как и в первый день, спокойно позволял Льюле и дальше водить себя за ручку и всячески опекать, млея от её заботы. Уж не знаю, в какой момент она разглядела в нём интересного мужчину, а покровительственное отношение переросло в любовь, но Льюла вышла за Тимса буквально через неделю после их общего выпуска из академии.

После этого они вчетвером уехали жить в поместье герцога — как же близнецы могли оставить одну свою «тройняшку»? Совсем одряхлевший герцог, схоронивший жену и раздавший замуж и дочек, и внучек, с распростёртыми объятиями встретил нашу компанию, четыре мага растений для землевладения вместо двух — это же в два раза лучше, а уж такие сильные, к тому же, родственники королевы — тем более. Поэтому герцог быстро передал все дела сыну и теперь всё свободное время проводил с внуком, с нетерпением ожидая рождения второго буквально через пару месяцев. А Тимс управляет поместьями отца твёрдой рукой, зарекомендовав себя сильным, умным и справедливым хозяином. При этом до сих пор позволяет своей обожаемой жене время от времени командовать собой и водить за ручку. Но только ей!

Близнецам жить с семьёй сестры нравится, но они, когда женятся, планируют переехать в свои дома. Сейчас же в купленном ими неподалёку запущенном поместье — оно было продано за долги владельца-игрока, — на условной границе, делящей его на две равные части, строятся два одинаковых дома, а само поместье тройняшки постепенно приводят в порядок, превращая из разорённого в два процветающих. Времени закончить обустройство у близнецов ещё

много, им всего по двадцать шесть, для сильных магов это вообще юность, и жениться раньше тридцати пяти они не собираются.

Впрочем, я бы на их месте не зарекалась, вот встретят свою любовь и забудут про свои планы. Любовь не посмотрит, исполнилось им уже по тридцать пять или нет, нагрянет и утащит в храм Богини-Матери, оставив там ошарашенными и счастливыми.

— Сколько осталось? — раздался голос Эррола, прервав мои воспоминания.

— Минута и тридцать две секунды, — тут же отрапортовала Ренита.

Меньше трёх минут прошло, а кажется, что час. Столько всего успела вспомнить... Я вздохнула, устроилась поудобнее в объятиях мужа — пожалуй, это и правда намного лучше, чем нетерпеливо бегать туда-сюда, развлекая стоящую вдоль стен охрану. Да, мы ждали близких родственников, но бережёного Богиня-Мать бережёт. Межконтинентальные порталы были еще огромной редкостью, имелись далеко не в каждом королевстве, кулоны-активаторы, секрет которых, описанный в письме прадедушки, знали лишь Кейденс и Бейл, были наперечёт, но всё равно — мало ли.

Лучше быть готовыми ко всему, хотя именно этим порталом пользовались только члены семьи, он находился в семейном крыле, сюда можно было попасть лишь через такие же порталы в Марендонии и Кравении и больше ниоткуда. В специально построенном здании на площади перед дворцом был еще один портал, его использовали для переноса дипломатов и прочих делегаций, отправки почты, собственно, им мог воспользоваться и любой желающий, способный оплатить перенос. В оплату входила работа магов-портальщиков, заряжающих его, аренда кулона-активатора ну и кое-что сверх того — должен же этот портал приносить прибыль.

А прибыль получалась немаленькая — несмотря на дороговизну, межконтинентальный портал пользовался большим спросом у тех, кто не желал неделями пересекать океан на корабле — метод, долгое время бывший единственным, при этом не самый приятный и надёжный. Особенно его облюбовали торговцы. Как ни странно, портал сжирал прорву энергии, отправляя через океан любое живое существо, а вот неживого мог переправить сколько угодно без всяких энергозатрат, лишь бы оно поместилось внутри порталного круга. Но при этом

само по себе, без сопровождения, неживое не переносилось. Вот и сновали торговцы туда-сюда, оплатив свой перенос и наложив товара под потолок порталного зала, а это почти три метра. Всё равно везти кораблём выходило в разы дороже.

В некоторых других королевствах тоже завелись подобные порталы, с которых нам регулярно поступала арендная плата. Дело в том, что кулоны-активаторы выходили из строя спустя определённое количество переносов, и за их перенастройку и платились эти деньги, сжульничать и не оплатить просто не получилось бы. Вся полученная прибыль делилась на одиннадцать частей и отправлялась на счета потомков изобретателя — Кейденс решил, что так будет правильно, это наше наследство, и именно мы должны получать прибыль с прадедушкиного изобретения.

Вот на эти-то деньги близнецы и купили себе поместье и теперь приводили его в порядок. Конечно, Льюла участвовала в покупке своими деньгами, с полного одобрения мужа, я тоже на покупку из своей доли подкинула кое-что. Рину и Бейлу дедушкино наследство тоже пригодились, когда первому пришлось восстанавливать разорённый и полуразрушенный герцогский замок, а второму вкладываться в поместье, за которым десять лет присматривал вороватый управляющий, присваивавший всю прибыль, пока Рин, став регентом, не озаботился сохранностью наследства младшего брата.

Для девочек эти деньги стали отличным приданным, а я просто тратила их на подарки всем своим многочисленным близким. Хотя не всегда это требовало денег, например, подарок на юбилей мужа не стоил мне ни единой медяшки, всего-то и надо было пару месяцев назад перестать предохраняться, и в качестве подарка на пятидесятилетие король узнает, что через семь с половиной месяцев получит третьего сына. Он уже с полгода намекал на ещё одного ребёнка, я старательно делала вид, что намёков не понимаю, а сама всё просчитала и подстроила. Зато этому подарку он точно обрадуется.

Раздался топот ног, дверь распахнулась, и в порталный зал влетела растрёпанная Ава в халате и домашних тапочках.

— Почему меня никто не разбудил?!

— Мы решили, что ты хочешь поспать подольше, — пожал плечами Эррол.

— Могли бы и догадаться! — приглаживая волосы и потуже завязывая пояс халата, буркнула Ава. — Я будильник забыла поставить, а вчера долго заснуть не могла. Хорошо, что успела. Сколько времени осталось?

— Сорок семь секунд, — Рената не сводила глаз с хронометра.

Меньше минуты — и я обниму своих мальчиков. А вечером — Эйтину с Эймером и уже их мальчишек. А потом и девочки со своими семьями подтянутся. Как же я по ним по всем соскучилась, как хочу снова увидеть всех вместе за одним огромным столом.

— Я так понимаю, сегодня на занятия отправился только Рэй, остальные студенты прогуливают? — Кейденс наигранно-хмурым взглядом обвёл обеих девушек.

Мы переглянулись и сделали невинные лица. Рэйнард тоже прогуливал, но рассказывать об этом королю никто не собирался.

— Ну пап! — протянула Ава. — Бейл же приезжает! И Рин с Ронтом. И Эйтина вечером! Какая учёба?! Как пропустить-то?

— Мы потом отработаем, — поддакнула ей Ренита.

Да, и Ава, и остальные мои младшие дети очень скоро стали называть Кейденса папой, ну а меня его сыновья и племянницы — мамой. Не сразу, как Эррол, но со временем называть стали все, даже Рэйнард. Меня это только радовало, хотя от радостного крика дочки Ланы: «Бабуля!» я слегка поёживаюсь. А с другой стороны, стала в пятнадцать лет мамой куче ребятни, смиришь, что в тридцать три уже бабушка.

Дети Велы и Льюлы зовут меня всё же тётей Диной, дочка Адайны пока не разговаривает, но от неё мне услышать «Бабушка» будет уже не так страшно. И от остальных будущих названных внучат — тоже.

Я обвела взглядом стоящих рядом детей — какие же они уже взрослые. Как быстро выросли. Эррол осенью поступит в академию, как и Патсила, младшая дочка Олдвена. И тогда в будние дни во дворце останутся лишь две наши малышки. Как же пусто станет там, где девять лет назад бегало девятеро ребятишек, плюс Ивлина родилась. И это не считая студентов! Да, очень вовремя я мужу подарок приготовила.

Но в ближайшее время в семейном крыле будет весело и шумно. Да, я безумно устану, да, ребятня будет виснут на мне и оглушать

своими криками, потому что нормальным голосом что-то рассказывать, когда рядом куча желающих сделать то же самое, у детей от двух до четырёх не получается. И вечерами я буду падать в постель на последнем издыхании, желая умереть и не видеть больше всего этого дурдома, но сильные руки мужа обнимут, его жаркие губы поцелуют, и весь он целиком, такой надёжный, такой страстный, такой любимый, вернёт меня к жизни, и я буду радоваться, что у меня такая огромная семья... до следующего вечера, когда снова с трудом доползу до постели, где... ну, вы поняли.

Заглянув в глаза мужа, я поняла, что всё это меня ждёт и сегодня ночью, и завтра, точно так же, как и вчера, и в каждую ночь прошлых десяти с лишним лет. И каждую ночь следующих ста, ведь маги живут долго, а сильные маги — очень долго. А мой маг очень сильный. Очень-очень!

— Десять... Девять... — раздался голос Рениты. — Восемь...

Отсчёт подхватил Эррол, потом Ава. Я тоже к ним присоединилась, только молча.

«Два... Один... Иии?..»

Ничего не происходило. Портальная площадка была пуста.

— А... где же?.. — растерянно спросила Ренита, оборачиваясь к нам.

— Я же говорил, что их хронометр не такой точный, как твой, — пожал плечами Эррол.

— Смотрите, — окликнула их Ава, указывая на круговую радужную завесу, поднявшуюся от пола к потолку, а через секунду опавшую, оставив в порталном круге три фигуры и кучу багажа.

— Приехали, — прошептала я и кинулась обнимать того, кто ближе. Первым под руки попался Ронт, рядом Ава с визгом повисла на Бейле, а потом нас всех обхватили руки Кейденса, и мы на миг застыли, наслаждаясь чувством единения после долгой разлуки.

— Это... А чего это они? — раздался растерянный голос Эррола, и, обернувшись, мы увидели неожиданную композицию — Рин держал на руках Рениту, и эта парочка страстно целовалась.

Какое-то время мы так и стояли, обнявшись, молча рассматривая этих двоих, не обращающих на окружающих никакого внимания. Они были заняты друг другом.

— А я думал, что Ренита в тебя влюблённая, — озвучил Эррол мою мысль, обращаясь к Ронту. — А ты в неё.

— Кто? Я? В Рениту?! — его Марендонийское величество ощутило передёрнуло. — С ума сошёл? Она же сестра! Это же... Это как я в Аву бы влюбился. Или в тебя.

Теперь передёрнуло Эррола.

— Сестра, говоришь? — хихикнула Ава, любуюсь продолжающей целоваться парочкой. — Похоже, не у всех к ней такие же братские чувства.

Кажется, нас всё же услышали. Поцелуй прервался — было видно, насколько неохотно, — и Рин осторожно поставил Рениту на пол и тут же заключил в объятия, глядя на нас с лёгким вызовом. А она спрятала лицо с пылающими щеками у мужчины на груди, лишь смущённо поглядывала на нас одним глазом.

— Извините, — улыбнулся Рин, — слегка увлеклись. Давно не виделись, соскучились.

— Так... — немного придя в себя, всё же решила спросить я, — и давно это у вас?

— Недавно, — покачал головой Рин. — Года два.

— И никто ни о чём не догадывался? — восхитился Эррол.

— Я догадывался, — пожал плечами Ронт. Ну, да, он же менталист.

— Мы просто ждали, когда Ренита повзрослеет, — объяснил мой братец.

— Я повзрослела год назад, — недовольно буркнула девушка ему в грудь, продолжая при этом крепко обнимать.

— Теперь ты совсем повзрослела, — выделив голосом предпоследнее слово, уточнил Рин и чмокнул Рениту в макушку, ну, точь-в-точь как меня король частенько целует. Сомнений нет, у кого Рин скопировал этот жест. — И теперь я смогу официально просить твоей руки у твоего отца.

— Вот ещё, — фыркнула Ренита с обидой в голосе. — Зачем у него-то просить, проси у дяди Кейденса, — и махнула рукой в сторону моего мужа.

— Подходящее время, подходящее место, подходящая компания, — хмыкнул король, обводя взглядом порталный зал и замерших с деревянными лицами охранников, делающих вид, что они

предметы мебели, раз уж настоящей здесь нет. — Проси, только не здесь и чуть позже, я отвечу согласием.

— Вот и отлично, — Рин крепче прижал к себе Рениту и шепнул ей. — Я только сестру обниму, — после чего неохотно выпустил её из объятий.

Я обняла своего братишку, который оторвал меня от пола и крутанул, словно маленькую. Потом прижала к себе Бейла, пока остальные продолжили с того места, на котором прервались, увидев целующуюся парочку, а потом мы все отправились на свой этаж порталом, открытым для нас Бейлом. Оглянувшись, я увидела откровенно улыбающихся охранников и тоже широко улыбнулась.

Всё ведь замечательно. И когда я пришла в себя, то поняла, что это же здорово — мой Рин полюбил и собирается жениться, и я так рада и за него, и за Рениту, хотя, кто бы мог подумать?! Свадьбу, наверное, будем играть здесь — чтобы всей нашей огромной семьёй перебраться через океан, это же месяц портал заряжать нужно, а то и больше! Нет, только у нас.

Опыт по организации свадеб у меня огромный, и свою пережила, и четверых приёмных дочерей замуж выдала. И столб божественного огня в храме снова взлетит под потолок, на радость и зависть окружающим.

Но это всё не скоро. Впереди у нас празднование полувекового юбилея его величества Кейденса Лурендийского. Этот день станет государственным праздником, народ по всей стране будет веселиться и желать своему королю долгих лет правления. Во дворце пройдёт торжественный приём, а потом пышный бал. Но будет ещё и семейное торжество, только самые близкие, которых, считая жён, мужей и малышей, наберётся тридцать девять человек. По сравнению с сотнями гостей на официальном приёме, это капля, но именно семейного ужина я ждала больше всего.

Думала ли я, спасаясь от убийц двадцать лет назад и прячась долгие годы в глуши ради спасения от смерти, что когда-нибудь моя жизнь станет даже лучше прежней, казалось, утерянной навсегда? Тогда я многое отдала бы, чтобы повернуть время вспять, вернуть прошлую жизнь, но скажи мне кто, что пройдёт время, и я буду счастлива даже больше, чем до гибели близких — не поверила бы.

Но я счастлива. Невероятно счастлива. Моя семья рядом со мной, мои старшие дети выросли, многие создали семьи — причём по любви, что среди аристократов большая редкость. У меня чудесные дочки и скоро появится еще и сыночек, на радость мне и его отцу. И конечно же, у меня есть мой король, мой золотоносный пациент, мой любовник, мой муж — самый лучший мужчина на свете.

И теперь я счастлива. Больше всех на свете.

КОНЕЦ